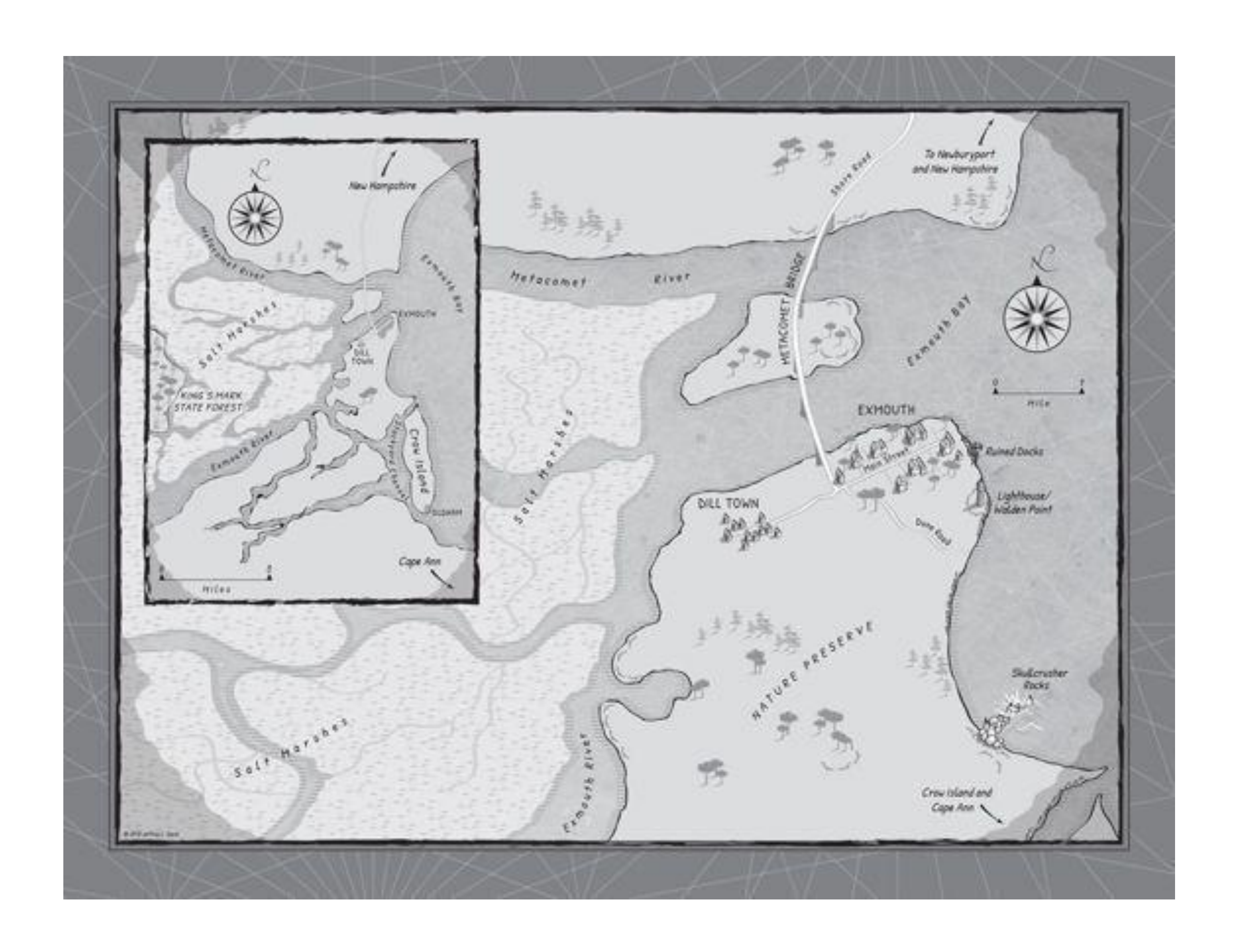
Престон Дуглас, Чайлд Линкольн

Багровый Берег

Линкольн Чайлд посвящает эту книгу своей дочери Веронике.

Дуглас Престон посвящает эту книгу Эду и Дарии Уайт.

1

Когда раздался стук в дверь, Констанс Грин резко остановила игру на фламандском вирджинале[1], и библиотека погрузилась в напряженную тишину. Она перевела взгляд в сторону специального агента А. К. Л. Пендергаста, сидящего совершенно неподвижно у затухающего камина в тонких белых перчатках. В руках он держал освещаемый пламенем манускрипт. Рядом с ним, на боковом столике стоял наполовину опустошенный стакан Амонтильядо. Констанс вызвала в памяти последний случай, когда кто-то стучал в дверь дома номер 891 по Риверсайд-Драйв — такие оказии в особняке Пендергаста считались

весьма редкими. Сейчас воспоминание о том ужасном моменте миазмами распространилось по комнате.

Проктор, шофер Пендергаста, его телохранитель и главное доверенное лицо, возник в библиотеке.

— Следует ли мне посмотреть, кто пришел, мистер Пендергаст?

— Будьте так любезны. Но не впускайте этого человека. Просто узнайте его имя, цель визита и сообщите мне.

Проктор вернулся три минуты спустя.

— Это мужчина по имени Персиваль Лейк, и он желает нанять вас для частного расследования.

Пендергаст поднял ладонь с намерением отмахнуться от этого обращения, однако помедлил.

— Он упоминал характер преступления?

— Нет, он отказался вдаваться в подробности.

Пендергаст, казалось, впал в задумчивость, его тонкие пальцы тихо постукивали по корешку манускрипта.

— Персиваль Лейк... знакомое имя. Констанс, будь так добра, найди сведения об этом человеке на том сайте... как же его? Он еще был назван в честь очень большого числа.

— Гугл?

— Ах, да. Поищи информацию о нем в Гугле для меня, пожалуйста, если тебя не затруднит.

Констанс подняла руки с пожелтевших старых клавиш из слоновой кости, отодвинулась от инструмента, затем открыла небольшой шкафчик, достала оттуда ноутбук и поставила его на передвижной столик. Буквально за мгновение она набрала запрос на клавиатуре.

— Это имя принадлежит скульптору, создающему монументы из гранита.

— Как я и думал, имя явно знакомое, — Пендергаст сорвал перчатки и отложил их в сторону. — Пригласите его.

Как только Проктор покинул помещение, Констанс, нахмурившись, повернулась к Пендергасту.

— Наше финансовое положение настолько плачевно, что ты вынужден подрабатывать?

— Разумеется, нет. Но работа этого человека — пусть и довольно старомодная — вдохновляет. Насколько я помню, его скульптуры восстают из камня подобно «Пробуждающемуся Рабу[2]» Микеланджело. Посему меньшее, что я могу для него сделать, это устроить ему аудиенцию.

Через несколько мгновений вернулся Проктор. Прямо за ним в дверном проеме замер мужчина с довольно яркой внешностью: ему на вид было около шестидесяти пяти лет, голову его окружала копна седых волос, и внешне только волосы прибавляли ему возраста и наводили на мысль о том, что это пожилой человек. Ростом посетитель был около шести с половиной футов и обладал мужественными красивыми чертами лица, его кожа имела бронзовый оттенок загара; мужчина был статен и отличался атлетическим телосложением. На нем был синей блейзер поверх накрахмаленной хлопчатобумажной белой рубашки и коричневые брюки. На вид он казался энергичным и здоровым человеком. Руки его выглядели довольно массивными.

— Инспектор Пендергаст? — он шагнул вперед, протянув руку для рукопожатия, и буквально поглотил тонкую бледную ладонь Пендергаста своей гигантской ручищей, энергично потрясая ей с такой амплитудой, что едва не опрокинул на пол шерри агента.

Инспектор? Констанс поморщилась. Казалось, что ее опекун вот-вот пожалеет, что впустил этого человека в дом, и начнет раздражаться.

— Прошу, присаживайтесь, мистер Лейк, — попросил Пендергаст.

— Благодарю! — Лейк сел, закинул ногу на ногу и откинулся на спинку кресла.

— Могу ли я предложить вам что-нибудь выпить? Шерри?

— Пожалуй, не откажусь.

Проктор молча налил небольшой стакан и поставил его рядом с локтем посетителя. Скульптор сделал глоток.

— Превосходный напиток, благодарю. И спасибо, что согласились принять меня.

Пендергаст склонил голову.

— Прежде чем вы расскажете мне свою историю, боюсь, я вынужден разъяснить, что не могу претендовать на титул «Инспектор». Это британское звание. Я же всего-навсего специальный агент ФБР.

— Полагаю, я прочел слишком много детективных историй, — гость слегка поерзал на месте. — Позвольте мне перейти к делу. Я живу в небольшом городке на севере штата Массачусетс, который носит название Эксмут. Это тихий приморский город, но через него не проходят туристические маршруты, и посему он не очень хорошо известен даже среди любителей летнего отдыха у моря. Около тридцати лет назад мы с женой приобрели в собственность старый маяк и территорию смотрителя в Уолден-Пойнте, и с тех самых пор я проживаю там. Это идеальное место для моей работы. Я всегда был человеком, который ценит прекрасное вино — красное, предпочитаю не отвлекаться на белое — поэтому для моей довольно внушительной коллекции идеальным местом стал подвал старого дома, который будучи вырыт в земле с каменными стенами и полом, сохранял температуру в шесть градусов и летом, и зимой. Итак, несколько недель назад я был вынужден на длительный уик-энд уехать в Бостон, а когда вернулся, то обнаружил, что заднее окно разбито. Из дома ничего не забрали, но когда мы спустились в подвал, то увидели, что он полностью обчищен. Мой винный погреб попросту исчез!

— Должно быть, вы испытали большое потрясение.

Констанс показалось, что она уловила едва слышимую нотку презрительной насмешки в голосе Пендергаста.

— Скажите, мистер Лейк, вы все еще женаты?

— Моя жена умерла несколько лет назад. Теперь у меня есть… скажем так, компаньонка. Леди, которая живет вместе со мной.

— И она была с вами в те выходные, когда кто-то обчистил ваш погреб?

— Да.

— Расскажите мне о вашем вине.

— С чего бы начать? Я собрал превосходную вертикальную[3] коллекцию «Шато Леовиль Пуаферре», начиная с урожая 1955 года, включая все вина известных лет: «Шато Латур», «Пишон-Лонгивиль», «Петрус», «Шато Дюфор-Вивиан», «Шато Ласкомб», «Малеско-Сент-Экзюп», «Шато Пальмер», «Шато Тальбо»…

Подняв руку, Пендергаст прервал этот поток названий.

— Простите, — с застенчивой улыбкой произнес Лейк. — Меня иногда заносит, когда речь заходит о вине.

— Только французское бордо?

— Нет. Недавно я начал коллекционировать замечательные итальянские вина, в основном Брунелло, Амароне и, в особенности, Барло. Все исчезло.

— Вы обращались в полицию?

— Шеф полиции Эксмута совершенно бесполезен. Он настоящий засранец, если говорить честно. Перевелся к нам из Бостона уже довольно давно... Да, он провел все формальные процедуры, но мне ясно, что он не принял это преступление всерьез. Полагаю, если бы это была коллекция пива «Бад Лайт», он был бы обеспокоен куда как сильнее. Мне нужен кто-то, кто найдет это вино, прежде чем его перепродадут или, не дай Бог, выпьют.

Пендергаст медленно кивнул.

— Так почему же вы обратились ко мне?

— Я читал книги о вашей работе. Их написал Смитбек. Уильям Смитбек, насколько я помню.

Прошла минута, прежде чем Пендергаст ответил:

— Я боюсь, что в этих книгах факты сильно искажены. Во всяком случае, даже если рассматривать их как правдивые, вы должны понимать, что я акцентирую свое внимание на аномалиях человеческого поведения, а не на похищенных винах. Простите, но я ничем не могу вам помочь.

— На самом деле, я возлагал нешуточные надежды на вашу помощь и заинтересованность, потому что в тех книгах вы представлялись мне экспертом в этом вопросе, — Лейк подался вперед в своем кресле. — Агент Пендергаст, я в отчаянии. Мы с женой провели бессчетные часы, собирая эту коллекцию. Каждая бутылка — это воспоминание, история о чудесных годах, которые мы провели с нею вместе. В некотором роде я ощущаю себя так, будто она умерла снова. Я мог бы очень хорошо заплатить вам.

— Мне действительно жаль, но я не могу помочь вам в этом деле. Мистер Проктор проводит вас.

Скульптор поднялся.

— Что ж, я знал, что это рискованное предприятие. Спасибо, что выслушали, — его беспокойный взгляд немного смягчился. — Все, что я могу сказать: слава Богу, что воры пропустили «О-Бракиланж».

Комната погрузилась в тишину.

— «Шато О-Бракиланж»? — тихо переспросил Пендергаст.

— Да, оно самое. Полное собрание вина урожая 1904 года. Мое особое сокровище. Я поместил его в отделенный угол подвала и хранил в подлинном деревянном футляре. Проклятые идиоты просто упустили его из вида.

Проктор, открыл дверь библиотеки, ожидая.

— Как вам удалось собрать полную коллекцию 1904 года? Я думал, она давно утеряна.

— Как и все остальные. Я всегда бдительно слежу за распродажами винных коллекций, в особенности за теми, чьи бывшие владельцы умерли, а их наследники хотят превратить подобные сокровища в наличные деньги. Мы с женой нашли «О-Бракиланж» в старой винной коллекции в Новом Орлеане.

Пендергаст приподнял брови.

— Новый Орлеан?

— Им владела почтенная французская семья, которая переживала тяжелые времена.

Пока Констанс безотрывно следила за лицом Пендергаста, по нему пробежала тень раздражения — или возможно это была досада?

Лейк направился к открытой двери как раз в тот момент, когда Пендергаст поднялся со своего места.

— Немного поразмыслив, я подумал, что возьмусь за вашу маленькую проблему.

— В самом деле? — Лейк обернулся, а его губы растянулись в победной улыбке. — Чудесно! Как я и сказал, можете требовать любую плату, и я с радостью...

— Мое вознаграждение будет простым: бутылка «О-Бракиланж».

Лейк замешкался.

— Я больше склонялся к финансовой договоренности.

— Бутылка — моя оплата.

— Но вскрыть футляр… — его голос затих, наступило долгое молчание. Наконец, Лейк улыбнулся. — Ах, впрочем, почему бы и нет? Очевидно, вы не нуждаетесь в средствах. Я должен быть рад, что вообще заручился вашей помощью. Более того, вы сами сможете выбрать свою бутылку прямо из футляра! — потрясенный собственной щедростью, Лейк снова протянул руку для рукопожатия.

Пендергаст ответил на жест.

— Мистер Лейк, пожалуйста, оставьте Проктору свой адрес и контактную информацию. Я навещу вас в Эксмуте завтра.

— С нетерпением буду ждать встречи с вами. Я ничего не трогал в подвале, оставил все, как есть. Разумеется, там побывала полиция, но они почти ничего не касались. Разве что, сделали несколько снимков на мобильный телефон — можете в это поверить?

— Было бы замечательно, если бы вы нашли предлог держать их подальше от подвала, если они надумают вернуться.

— Вернуться? На это очень мало шансов.

Мгновение спустя он покинул комнату, сопровождаемый Проктором. Констанс повернулась к Пендергасту. Он взглянул на нее серебристыми глазами, сияющими довольством.

— Могу я спросить, что ты делаешь? — поинтересовалась она.

— Начинаю частное расследование.

— Украденное вино?

— Моя дорогая Констанс, Нью-Йорк в последние месяцы совершенно не балует меня серийными убийцами. Моя чаша, как говорится, пуста. Это идеальная возможность для отдыха: неделя или две в очаровательном приморском городке в период межсезонья с забавнейшей возможностью занять свое время. Не говоря уже об известном клиенте.

— «Самовлюбленном и с манией величия» будет более подходящей характеристикой.

— Ты еще больший мизантроп, чем я. Я, например, мог бы насладиться бодрящим осенним воздухом на побережье после событий последнего времени.

Она присмотрелась к нему более внимательно. Это было правдой — после испытания, через которое ему пришлось пройти летом, любой отдых пошел бы ему на пользу.

— Но... бутылка вина в качестве оплаты? А дальше ты станешь предлагать свои услуги в обмен на гамбургер «Шейк-Шак»?

— Отнюдь. Это вино — причина, единственная причина, по которой я взялся за это дело. В XIX веке винодельня «Шато О-Бракиланж» производила лучшие вина во Франции. Их вино вырабатывалось из винограда с одного виноградника, занимавшего площадь около двух акров и засаженного сортами Каберне Совиньон, Каберне Фран и Мерло. Он располагался на холме близ Фронсака. К несчастью, тот холм был жесточайшим образом разрушен во время Первой Мировой Войны, пропитан горчичным газом и навсегда отравлен, а «Шато О-Бракиланж» сравняли с землей. В подвалах этого замка осталось не более двух десятков бутылок, но ни одна из них не принадлежала к винтажному урожаю 1904 года. Полагали, что он полностью исчез. И весьма необычно, что у этого человека имеется вся коллекция. Ты ведь видела, как он не хотел расставаться даже с одной бутылкой?

Констанс пожала плечами.

— Надеюсь, ты насладишься отпуском.

— Я не сомневаюсь, что для нас это будет самый замечательный отпуск.

— Нас? Ты хочешь, чтобы я поехала с тобой? — она почувствовала, как ее лицо постепенно охватывает жар.

— Разумеется. Я думаю, что ты вполне готова к подобному отпуску, вдали от нашего привычного окружения. Более того, я даже настаиваю. Тебе нужен отдых, как и мне - и еще я бы ухватился за любую возможность хотя бы ненадолго сбежать от всех этих писем администрации Ботанического сада, а ты?

Констанс Грин почувствовала запах морского воздуха, как только Пендергаст повернул свой винтажный «Порше Родстер» на мост Метакомет-Бридж — разлагающееся сборище проржавевших эстакад и подпорок, которое охватывал с двух сторон широкий болотистый солончак. Октябрьское солнце оставляло на воде яркий блик пока они мчались вперед. На противоположной стороне болота дорога стремительно уходила в темный сосновый бор, а затем снова вырывалась наружу. Там, на изгибе, где болота встречались с океаном, расположился город Эксмут, штат Массачусетс. По мнению Констанс, он выглядел, как и должен был выглядеть любой типичный городок Новой Англии: скопление домов, покрытых шифером, растянувшихся вдоль главной улицы, несколько церковных шпилей, кирпичная ратуша. Когда «Порше» замедлился и направился вдоль по главной улице, Констанс с интересом изучила окрестности.

В воздухе этого городка витал слабый дух некоторой запущенности, который лишь добавлял ему очарования. Это было типичное приморское поселение с белокаменными домами, чайками, кружившими над головой, неровными кирпичными тротуарами и множеством местных магазинчиков. Пендергаст и Констанс миновали заправочную станцию, несколько старых витрин с зеркальными окнами, столовую, похоронное бюро, кинотеатр, превращенный в книжный магазин, и особняк морского капитана, жившего в конце XVIII века, с огражденной террасой на крыше. Дорожный знак гласил, что в этом здании располагается Историческое Сообщество и Музей Эксмута.

Несколько горожан, прогуливающихся по тротуарам, остановились и уставились на вновь прибывших, пока те проезжали мимо. Констанс удивилась собственному любопытству. Хотя она никогда не признавалась в этом, она знала, что, несмотря на все время, проводимое ею за чтением, она так мало видела в мире, что чувствовала себя Марко Поло на своей родной земле.

— Заметила кого-нибудь, кто мог бы быть потенциальным винным преступником? — спросил Пендергаст.

— Вон тот пожилой джентльмен в куртке из мадраса с фиолетовым галстуком-бабочкой выглядит подозрительно.

Пендергаст замедлился и небрежно подкатил «родстер» к тротуару.

— Мы останавливаемся?

— У нас в запасе есть немного времени. Нам следует попробовать то, что, насколько я знаю, является местным деликатесом: ролл с лобстером, —

когда они вышли, мужчина в куртке из мадраса кивнул, улыбнулся и продолжил свой путь.

— Определенно, подозрительный, — пробормотала Констанс.

— Он заслуживает тюремного заключения хотя бы за этот галстук-бабочку.

Они прошли по тротуару и свернули в переулок, ведущий к набережной. В устье приливных болот показалось столпотворение рыболовных лачуг, стоящих вперемешку с магазинами и ресторанами, а ряд пирсов мирно уходил в бухту. Вдали, поверх покачивающихся морских растений Констанс разглядела яркую и ровную линию океана. Смогла бы она жить в таком городе? Определенно, нет. Но, тем не менее, этот городок оказался интересен для посещения.

Рядом с торговым пирсом стояла лачуга, где продавали морепродукты, ее предваряла вывеска ручной работы, на которой были изображены лобстер и моллюск, танцующие неподалеку от веселой компании мидий, играющих на музыкальных инструментах.

— Два ролла с лобстером, пожалуйста, — сказал Пендергаст, как только они приблизились к хижине.

Заказ подали довольно быстро, и взору вновь прибывших предстали массивные куски лобстера в сливочном соусе, завернутые в промасленную горячую лепешку. Сок вперемешку с соусом щедро выливался в специальные картонные поддоны.

— Как его есть? — спросила Констанс, глядя на свое блюдо.

— Я в недоумении.

Двухцветная полицейская машина притормозила у соседней стоянки и развернулась. Затем остановилась, и водитель — крупный мужчина с капитанскими полосками на плече — на мгновение взглянув на вновь прибывших, улыбнулся и вновь сконцентрировался на своих делах.

— Шеф полиции собственной персоной, — заметил Пендергаст, бросая свой несъеденный рол с лобстером в мусорную корзину.

— Кажется, его что-то позабавило.

— Да, и я уверен, что мы скоро узнаем, что именно.

Когда они вернулись на главную улицу, Констанс увидела, что на ветровом стекле «Порше» развевается талон. Пендергаст вытащил его из-под щетки стеклоочистителя и прочел.

— Кажется, я занял два парковочных места. Какое упущение.

Констанс заметила, что Пендергаст действительно припарковал машину на двух разграниченных местах.

— Но на всей улице почти нет других припаркованных автомобилей.

— Закон все равно нужно соблюдать.

Пендергаст сложил талон, спрятал его в карман своего костюма, и они сели в машину. Он запустил двигатель и выехал обратно на главную улицу. Через мгновение они снова мчались через город и оказались на другой его стороне, где магазины уступили место скромным домам с черепичными крышами. Дорога проходила через травянистые луга, окаймленные вековыми дубами, а затем выходила на возвышение с видом на Атлантический океан. Впереди, у самого утеса Констанс увидела маяк Эксмута — их конечное место назначения. Он был выкрашен в цвет слоновой кости с черным верхом, выделявшимся на фоне голубого неба. Рядом располагалась резиденция смотрителя, строгая, как на картинах Эндрю Уайета[4].

Когда они приблизились, Констанс разглядела также, что лужайку на краю утеса усеивают грубые гранитные скульптуры с полированными, несколько зловещими чертами: лица, бюсты, целые тела, мифические морские существа. Это было поразительное место для скульптурного сада.

Пендергаст остановил «родстер» на гравийной дорожке у самого подъезда к бывшему дому смотрителя. Когда они вышли из машины, Персиваль Лейк появился в дверях и направился навстречу.

— Добро пожаловать! Господи, надо отдать вам должное, вы путешествуете весьма стильно! Это 55-й «Спайдер-550», если я не ошибаюсь, — воскликнул он, спустившись по ступенькам.

— На самом деле, 54-й, — ответил Пендергаст. — Это не моя машина. Я предпочитаю нечто более комфортабельное, но моя ассистентка мисс Грин настояла на этой модели.

— Я не настаивала, — вмешалась она.

— Ваша ассистентка, — Констанс не понравилось, с каким ироничным весельем брови Лейка поползли вверх, когда тот посмотрел на нее. — Рад видеть вас снова.

Она прохладно пожала его протянутую руку.

— Позвольте нам осмотреть место преступления, — сказал Пендергаст.

— А вы не привыкли зря тратить время.

— В расследовании преступлений существует обратная связь между качеством вещественных доказательств и временем, прошедшим до момента их осмотра.

— Верно, — Лейк пригласил их в дом. Они прошли через переднюю в гостиную, откуда открывался потрясающий вид на океан. Старый дом поддерживался в безукоризненном состоянии, морской бриз, разносивший по помещению свежий осенний воздух, слегка раскачивал кружевные занавески. — А это *моя* ассистентка, Кэрол Хинтервассер, — сказал им Лейк. — Кэрол, пожалуйста, познакомься с агентом Пендергастом и мисс Констанс Грин. Они прибыли, чтобы отыскать украденную винную коллекцию.

Женщина повернулась к гостям с легкой улыбкой, обнажавшей белые зубы, и тщательно вытерла руки о полотенце.

— Прошу прощения, я просто занимаюсь приготовлением mirepoix[5]. Я так рада, что вы смогли приехать! Перси по-настоящему опустошен из-за случившегося. Эти вина значили для него очень много и даже больше — гораздо больше их фактической ценности.

— В самом деле, — протянул Пендергаст. Констанс заметила, что его серебристые глаза осматривают все вокруг.

— Сюда, — поманил их Лейк.

В задней части кухни располагалась узкая дверь. Лейк отворил ее, щелкнув выключателем. Как только зажегся свет, перед взглядом вошедших предстало множество ступенек, уходящих вниз, в темноту. Снизу донесся богатый, прохладный запах сырой земли и камня.

— Будьте осторожны, — предупредил Лейк. — Ступеньки очень крутые.

Они спустились в похожее на лабиринт помещение с каменными стенами, покрытыми селитрой, и каменным полом. В одной из ниш в стене располагалась печь и водонагреватель, а в другой — целая кладовка

с пневматическими инструментами, мешками с песком, защитными костюмами и оборудованием для обработки камня.

Они повернули за угол и вошли в самую большую комнату подвала. Одна стена от пола до потолка была заставлена пустыми деревянными стойками. Кругом были разбросаны желтые свернутые этикетки, кое-где валялись разбитые бутылки, в помещении стоял тяжелый аромат вина.

Пендергаст поднял осколок разбитой бутылки и прочел этикетку:

— «Шато Латур '61-го года». Эти грабители были крайне неосторожны.

— Они устроили здесь жуткий беспорядок, кретины!

Пендергаст опустился на колени перед ближайшей стойкой и осмотрел ее с помощью яркого светодиодного фонарика.

— Расскажите мне подробнее о тех выходных, когда произошло ограбление.

— Кэрол и я уехали в Бостон. Мы частенько туда наведываемся, чтобы пообедать, сходить в филармонию или в музей — подзарядиться, так сказать. Мы выехали в пятницу днем и вернулись в воскресенье вечером.

Свет фонарика замирал то тут, то там.

— Кто-нибудь знал, что вы в отъезде?

— По-моему, все местные жители знали. Нам нужно было проехать через весь город, а Эксмут, как вы сами заметили, нельзя назвать мегаполисом. К тому же всем известно, что мы часто уезжаем в Бостон.

— Вы упомянули, что они разбили окно. Я полагаю, дом был заперт?

— Да.

— Здесь есть сигнализация?

— Нет. Оглядываясь назад, я понимаю, что это стало огромным упущением. Но уровень преступности здесь практически нулевой. Я не помню, когда в последний раз в Эксмуте случались кражи со взломом.

Теперь из недр костюма Пендергаста материализовались пробирка и пинцет. С помощью пинцета он ухватил что-то из винного шкафа, после чего поместил свою находку в пробирку.

— Какова история этого дома? — спросил он.

— Это один из старейших домов к северу от Салема. Как я уже упоминал, это жилище принадлежало смотрителю маяка и было построено в 1704 году. Позднее оно несколько раз перестраивалось и обновлялось. Мы с женой купили его и не торопились с капитальным ремонтом. Как скульптор, я могу работать где угодно, но мы сочли, что это место будет идеальным — здесь тихо, рядом не особенно шумная дорога, и от Бостона сравнительно недалеко. Очаровательное и отдаленное местечко. И местный гранит просто великолепен. На противоположной стороне солончака есть каменоломня. Между прочим, нью-йоркский Музей Естественной Истории частично построен из местного розового гранита. Прекрасный материал.

— Мне хотелось бы когда-нибудь устроить экскурсию по вашему скульптурному саду.

— Непременно! Я полагаю, вы остановитесь в гостинице? Я обязательно устрою вам просмотр.

Пока Лейк расхваливал местный гранит, Констанс наблюдала, как Пендергаст опускается на колени, пачкая свой безупречный костюм, и тщательно изучает пол подвала.

— А бутылки «Бракиланж»? Я предполагаю, что они находятся в дальнем углу?

— Да, и слава Богу, что воры их пропустили!

Пендергаст снова поднялся. На его бледном лице лежала печать некоторого смятения. Он подошел к вину, которое покоилось в деревянном ящике с нанесенным гербом замка. На крышке ничего не лежало, поэтому он свободно поднял ее и заглянул внутрь. Мягким и осторожным движением агент извлек одну из бутылок и прижал ее к себе, будто та была маленьким ребенком.

— Кто бы мог поверить в это! — прошептал он, после чего столь же бережно положил бутылку обратно. Затем пересек подвал снова, и, не обращая внимания на хруст битого стекла под ногами, вернулся к пустым винным стойкам. На этот раз он осмотрел верхние секции. Он взял несколько образцов, осветил фонариком потолок, затем пол, осмотрел крепления стоек. Внезапно Пендергаст ухватился за две акколады в центре стоек и резко потянул. С треском и стоном деревянная стойка отошла от стены, обнажая камень позади себя.

— Зачем, ради всего...? — начал Лейк.

Но Пендергаст проигнорировал его, отодвинув еще несколько частей винного шкафа, пока вся центральная часть стенной кладки за шкафом не оказалась раскрыта. Теперь, вооружившись небольшим перочинным ножом, он вставил его между двумя камнями и начал шевелить, поддевать и вытаскивать один из них. Вскоре он осторожно положил камень на землю и вновь зажег свой светодиодный фонарь, стараясь осмотреть сделанное отверстие. Констанс с удивлением поняла, что за дырой существует некое пространство.

— Будь я проклят… — прошептал Лейк, подходя вперед, чтобы лучше рассмотреть находку.

— Отойдите, — резко остановил его Пендергаст.

Теперь он извлек из кармана пару латексных перчаток и быстро надел их. Затем снял пиджак и разложил его на полу, водрузив на него камень. Работая по-прежнему быстро, но все же с крайней осторожностью, он удалил еще один камень, затем другой и также расположил их на пиджаке лицевой стороной вниз. Констанс поморщилась: английский костюм, выполненный на заказ, похоже, теперь не подлежал восстановлению.

Неглубокая ниша постепенно раскрывалась. Она оказалась пуста, если не брать в расчет цепи, вмонтированные прямо в камень в верхней и нижней части задней стены, они оканчивались кандалами для запястий и лодыжек. Констанс рассматривала их с холодной отстраненностью. Довольно давно она обнаружила нечто подобное в подземных катакомбах особняка Пендергаста на Риверсайд-Драйв. Сам агент ФБР во время осмотра побледнел еще сильнее обычного.

— Я в недоумении, — пробормотал Лейк. — Я понятия не имел…

— Будьте добры, помолчите, — перебила его Констанс. — Мой опекун, то есть, мистер Пендергаст занят.

Пендергаст продолжал удалять камни, пока вся ниша не была раскрыта. Она оказалась около шести футов в высоту, три фута в ширину и три фута в глубину. Похоже, что ниша была такой же старой, как и дом и предназначалась для заточения человека. Закрытые кандалы поросли ржавчиной, но скелета в них не было. Она оказалась на удивление чистой, без каких-либо следов пыли.

Теперь Пендергаст опустился на колени в пределах ниши и начал изучать каждую, даже самую маленькую трещинку под увеличительным стеклом, держа пинцет и пробирку наготове. Констанс почти десять минут наблюдала за его работой, прежде чем — почти ничего не

обнаружив — он сосредоточил свое внимание на полу открывшегося пространства. Далее последовал еще один длительный период подробного молчаливого изучения. Лейк напряженно следил за действиями агента, пребывая в явном смятении.

— Ага! — неожиданно воскликнул Пендергаст. Он поднялся, сжимая пинцетом крошечную кость. Он поднес лупу к глазу и внимательно изучил свою находку, затем снова опустился на колени и, практически распластавшись на полу, изучил задние части разложенных на пиджаке камней с помощью лупы.

Спустя несколько минут он поднял взгляд и посмотрел прямо в фиалковые глаза Констанс.

— В чем дело? — спросила она.

— Наш отпуск завершен.

— Что ты имеешь в виду?

— Это не просто кража вина. Здесь произошло нечто намного более значительное и более опасное. Ты не можешь здесь оставаться. Ты должна вернуться на Риверсайд-Драйв.

3

Констанс вглядывалась в покрытое пылью лицо Пендергаста. А через мгновение она переспросила:

— Слишком опасно? Для меня? Алоизий, ты забыл, с кем разговариваешь.

— Нет, не забыл.

— Тогда, может быть, ты потрудишься объяснить?

— И объясню, — он бросил небольшую кость в стеклянную пробирку, закрыл и передал ее ей. — Возьми это.

Констанс взяла ее, прихватив еще и лупу.

— Это дистальная фаланга указательного пальца левой руки человека. Ты можешь заметить, что кончик кости отколот, стерт и раздроблен. Это все произошло с ней посмертно — а именно, в момент смерти.

Она вернула пробирку.

— Да, я это вижу.

— Теперь давай посмотрим на кирпичи из кладки, — он взял фонарик и повернулся. — Я разместил их на своем пиджаке в том же порядке, в котором они располагались на месте захоронения, положив внутренней стороной к нам. Обрати внимание на глубокие выемки, царапины и брызги темного вещества, — она присмотрелась, пока он использовал свой светодиодный фонарик в качестве указки. — О чем они тебе говорят?

Констанс поняла, что произошло.

— Кого-то много лет назад заковали в цепи и заживо замуровали в этой нише, и он до самой смерти пытался выбраться наружу.

Пендергаст невесело улыбнулся.

— Превосходно.

— Это ужасно, — вмешался в разговор Лейк, с выражением явного шока на лице. — Просто ужасно. Я даже не догадывался! Но… как вы узнали, что там была ниша?

— Воры не взяли «Бракиланж». Это стало моей первой зацепкой. Любой, кто пошел бы на такую кражу, должен был знать о подобном легендарном марочном вине. И они бы не оказались столь неловкими, чтобы разбить эту большую винную бутыль «Шато Латур» ’61-го года, — в знак иллюстрации Пендергаст указал на беспорядок на полу, — которая стоит не менее пятнадцати тысяч долларов. Поэтому я с самого начала знал то, что, хотя мы, несомненно, и имеем дело с ворами, но мы, безусловно, имеем дело с похитителями вина. Нет — они явились сюда, чтобы заполучить нечто гораздо более ценное. По крайней мере, для них. Естественно, это заставило меня заглянуть за винные шкафы, где я и увидел признаки недавней деятельности, которая, в свою очередь, привела меня к нише.

Лейк осторожно заглянул в полость ниши.

— И вы действительно думаете, что кто-то был замурован там, внутри?

— Да.

— И что, все это ограбление было организовано для того чтобы… забрать скелет?

— Несомненно, — Пендергаст постучал по пробирке, в которой лежала фаланга пальца.

— Господь всемогущий…

— Очевидно, что это замуровывание является преступлением, которое случилось очень много лет назад. Тем не менее, люди, которые изъяли скелет, должны были знать об этом преступлении и либо пожелали замести его следы, либо захотели что-то забрать из ниши, либо и то, и другое одновременно. Они пошли на многое, чтобы скрыть свою деятельность. Жаль, что они пропустили эту кость. Она послужит самым красноречивым доказательством.

— А опасность? — спросила Констанс.

— Моя дорогая Констанс! Это преступление — работа местных жителей — или, по крайней мере, людей с глубоким знанием истории этого города. Я уверен, что они также знали о том, что именно было замуровано вместе со скелетом — по-видимому, что-то очень ценное. Так как они должны были сдвинуть винный шкаф и не смогли замаскировать следы своей активности, то они устроили кражу, чтобы скрыть их.

— Они? — переспросил Лейк. — Вы хотите сказать, что похитителей было больше одного?

— Это всего лишь мое предположение. Я лишь хочу сказать, что вся эта операция явно потребовало значительных усилий.

— Ты все еще не указал, какая опасность, по-твоему, угрожает *мне*, — настаивала Констанс.

— Опасность кроется именно в том, что мне предстоит расследовать. Те, кто сделал это, явно не будут этому рады. Они предпримут шаги, чтобы защитить себя.

— И ты считаешь, что я уязвима?

Тишина продолжалась до тех пор, пока Констанс не осознала, что Пендергаст не собирается отвечать на этот вопрос.

— Единственная реальная опасность, — вновь заговорила она тихим голосом, — угрожает *преступникам* в случае, если они совершат ошибку и попытаются тебе навредить. Потому что в этом случае они будут отвечать передо мной лично.

Пендергаст покачал головой.

— Это, откровенно говоря, именно то, чего я больше всего опасаюсь, — он задумался. — Если я позволю тебе остаться здесь, ты должна будешь держать себя… под контролем.

Констанс проигнорировала намёк.

— Я уверена, что буду тебе весьма полезна, особенно со всем, что касается исторических аспектов — поскольку очевидно, что здесь скрыта некая история.

— Действительно веский довод: без сомнения, мне могла бы пригодиться твоя помощь. Но, пожалуйста, никакой самодеятельности. Мне этого было достаточно с Кори.

— Я, к счастью, не Кори Свенсон.

В комнате воцарилось молчание.

— Ну, — наконец заговорил Лейк, — давайте выйдем из этого сырого подвала, выпьем, посмотрим на закат и поговорим о том, каков же будет наш следующий шаг. Должен сказать, что я полностью шокирован этим открытием. Очень зловещая, но, вместе с тем, и весьма захватывающая диверсия.

— Да, захватывающая, — согласился Пендергаст, — и крайне опасная. Не забывайте об этом, мистер Лейк.

Они разместились на крыльце, любуясь морем, пока солнце медленно опускалось за горизонт, окрашивая облака на востоке в пурпурные, оранжевые и алые цвета. Лейк открыл бутылку «Вдовы Клико».

Пендергаст с благодарностью принял стакан.

— Мистер Лейк, я должен задать вам еще несколько вопросов, если вы не возражаете.

— Я не возражаю против вопросов, но я немного против «Мистера Лейка». Зовите меня Перси.

— Я с Юга. И был бы вам весьма благодарен, если бы вы не отказали мне в удовольствии продолжать обращаться друг к другу официально.

Лейк закатил глаза.

— Хорошо, если вы действительно этого желаете.

— Спасибо. Вы несколько раз упоминали о бесполезности полиции. Что они сделали на данный момент для раскрытия дела?

— Ни черта! У нас в городе только два полицейских, шеф полиции и молодой сержант. Они приехали, осмотрели все за пятнадцать минут, сделали несколько фотографий, вот и все. Они даже не сняли отпечатки пальцев, совсем ничего.

— Расскажите мне о них.

— Шеф полиции, Мердок, задиристый и тупой, как гранитная тумба. Работа в Эксмуте для него — сущий отпуск, а не служба, и он отдыхает здесь с тех пор, как перевелся из отделения полиции Бостона. Ленивый ублюдок, особенно сейчас, когда ему осталось полгода до выхода в отставку.

— А как насчет его заместителя? Сержанта?

— Гэвин? Не так глуп, как его босс. Он кажется хорошим парнем – но только целиком находится во власти шефа, — Лейк замешкался.

Констанс заметила его неуверенность.

— И шеф уже знает, что мы здесь, не так ли? — цепко спросила она.

— Боюсь, что на днях я ляпнул это, не подумав. Я изрядно разозлился на Мердока и сказал ему, что собираюсь нанять частного детектива.

— И какова была его реакция? — спросил Пендергаст.

— Пустая болтовня. Угрозы.

— Какого рода угрозы?

— Сказал, что — цитирую — «если какой-нибудь частный член ступит ногой в его город, он арестует его на месте». Конечно, я сомневаюсь, что он действительно это сделает. Но он обязательно доставит проблемы. Мне жаль, я должен был держать язык за зубами.

— И отныне вы будете молчать — особенно касательно сделанного сегодня открытия.

— Обещаю.

Пендергаст сделал глоток шампанского.

— Итак, продолжим. Как много вы знаете об истории этого конкретного дома и его жителей?

— Не так уж много, к сожалению. Этот дом принадлежал смотрителю маяка до 1930-х годов, а после в смотрителях отпала нужда, так как освещение автоматизировали. Дом находился в сильно запущенном состоянии. Когда я купил его, он практически развалился.

— А маяк? Он все еще работает?

— О да. Он включается в сумерках. Разумеется, в нем сейчас больше не нуждаются, но все маяки вдоль побережья Новой Англии все еще работают — по ностальгическим причинам. Я не владею самим маяком — он принадлежит Береговой охране США и имеет лицензию Фонда маяков Америки, который его поддерживает. На него установлена линза Френеля четвертого порядка, мигающая белым светом с интервалом в девять секунд. Историческое Сообщество должно вести список всех смотрителей маяка.

Пендергаст взглянул на Констанс.

— Вот и твое первое задание: узнай, кто был смотрителем маяка, когда было совершено это зверство в подвале. Я проведу анализ фаланги пальца и сообщу тебе приблизительную дату преступления.

Она кивнула.

Он повернулся к Лейку.

— А городские легенды? Что-нибудь, что может пролить свет на этот склеп в подвале?

Лейк покачал головой, и провел рукой по своим седым волосам. Констанс в который раз отметила, что у него очень массивные ладони — вероятно, результат грубой работы с камнем.

— Эксмут — очень старый рыбацкий и китобойный город, основанный в начале 1700-х годов. Я не знаю, какой гений решил расположить его на соляных болотах, но это была та еще «отличная идея». Весь район страдает от нашествия слепней. И хотя рыболовство приносило прибыль

на протяжении десятилетий, город никогда не использовался в качестве летнего курорта, такого как Рокпорт или Марблхэд.

— Слепни? — спросил Пендергаст. — Это что-то вроде кусачей мухи?

— Хуже. «Tabanus nigrovittatus». Черные слепни. Разумеется, что только самки этого вида, кусаются и пьют кровь.

— Естественно, — сухо заметила Констанс. — Только женщины выполняют настоящую работу.

Лейк рассмеялся.

— Туш***е***!

— В вашем городе есть какая-нибудь мрачная легенда? Байки или слухи об убийстве, интригах и прочем?

Лейк махнул рукой.

— Только если слухи.

— Какие именно?

— О том, чего именно вы и ожидаете, учитывая, что Салем находится к югу отсюда. Байки о том, что группа ведьм поселилась поблизости в 1690-х годах, пытаясь избежать расправы. Безусловно, это полная чушь. В основном, нынешний Экстмут — это то, что осталось от старой рыбацкой деревни Новой Англии. Хотя в западной части города — они называют ее Дилл-Таун, она вошла в состав Эксмута только в 40-х годах — время от времени происходят мелкие преступления. Можно сказать, Дилл-Таун от нас по другую сторону баррикад.

Лейк сделал большой глоток шампанского.

— Должен вам сказать, что обнаружение камеры пыток в моем подвале вызвало у меня настоящий шок. Я с трудом могу в это поверить. Навевает мысли о том ужасном рассказе По[6], «Бочонок Амонтильядо[7]», — он прервался, взглянув на Пендергаста. — Вы говорите, что внутри находилось нечто очень ценное? Может быть, это было пиратское сокровище? Скелет, охраняющий сундук с золотом?

— Пока еще рано строить предположения.

Лейк повернулся к Констанс с горящим блеском в глазах.

— А вы как думаете? Есть какие-нибудь гипотезы?

Констанс взглянула на него.

— Нет. Но на ум приходит лишь цитата.

— И какая же?

— Ради всего святого, Монтрезор! [8]

Пендергаст резко взглянул на нее, потом на Лейка, чье испуганное лицо побледнело буквально за мгновение.

— Прошу простить мою ассистентку, — сказал Пендергаст. — У нее довольно саркастическое чувство юмора.

Констанс разгладила свое платье аккуратным жестом.

4

Пендергаст остановил свой «Порше Родстер» — верх машины был опущен, чтобы приветствовать солнечные лучи позднего утра — на парковочном месте вдоль Мейн-Стрит.

— Автомобили для меня все еще в новинку, — сказала Констанс, выходя из машины, — но даже я могу сказать, что ты неправильно припарковался. Ты снова пересек линию.

Пендергаст лишь улыбнулся.

— Пойдем, пройдемся за покупками.

— Ты же это не всерьез?

— Констанс, одна из первых вещей, которую ты должна освоить, когда расследуешь со мной дело, это не расспрашивать меня о каждой мелочи. В данный момент... я вижу в этой витрине красивые гавайские рубашки — и они даже продаются со скидкой!

Она последовала за ним в магазин и сделала вид, что рассматривает вешалку с белым теннисным платьем, пока Пендергаст направился к гавайским рубашкам, и выбрал несколько из них, очевидно, наугад. Она услышала, как он переговаривается с продавщицей, расспрашивая ее, есть ли у них проблемы с кражами в магазинах и действительно ли камера безопасности, установленная на входе, работает и приносит

пользу. Констанс нахмурилась, услышав, как продавщица звонит по закупкам. Она предположила, что Пендергаст просто присматривается к городу, но это все казалось настолько непродуманным и таким маловажным, что вызывало недоумение. Особенно, учитывая тот факт, что у них было много других неотложных дел, более необходимых для продвижения в расследовании. Например, список хранителей маяка, ожидающий в архивах Исторического Сообщества, и процедура радиоуглеродного анализа для установления датировки фаланги пальца.

Вскоре они вышли на улицу, Пендергаст нес сумку с покупками. Он замешкался в дверях магазина, взглянув на часы.

— Сколько же ярдов отвратительной безвкусицы ты только что купил? — спросила Констанс, глядя на сумку.

— Я не потрудился подсчитать. Остановимся здесь на секунду.

Констанс взглянула на него. Возможно, это было только в ее воображении, но ей показалось, что на его лице проглядывало некое предвкушение. А затем она увидела, как двухцветная полицейская машина катится по Мейн-Стрит. Пендергаст снова взглянул на часы.

— Жители Новой Англии так удивительно пунктуальны.

Машина притормозила и припарковалась у тротуара. Из нее вышел полицейский; это оказался шеф, которого они видели накануне. Констанс не была величайшей ценительницей стереотипов мужественности двадцатого века, но этот парень выглядел как футбольная звезда американского колледжа 1950-х годов, который пришел в упадок: стрижка-ежик, толстая шея и квадратная челюсть, располагались поверх огромного грузного тела. Подтянув ремень вверх, мужчина вытащил толстую книжку для штрафов и начал выписывать новый талон для «Родстера».

Пендергаст подошел к нему.

— Могу ли я узнать, в чем проблема?

Полицейский повернулся к нему, бесформенные губы расплылись в улыбке.

— Медленно соображаете?

— Что вы имеете в виду?

— Снова пересечение границы парковочного места. Наверное, одного замечания вам было недостаточно.

Пендергаст вытащил предыдущий талон.

— Вы имеете в виду это?

— Да, верно.

Пендергаст аккуратно разорвал его пополам и засунул обрывки обратно в карман.

Шеф нахмурился.

— Мило.

Констанс вздрогнула от тяжелого акцента, явно родом южного Бостона. Мог ли какой-то другой акцент на английском языке звучать более раздражающе? Пендергаст намеренно его провоцировал, и теперь Констанс начала понимать его недавнее выражение предвкушения. Это может оказаться весьма зрелищным. В нужный момент Пендергаст вытащит свой значок ФБР и поставит на место этого отвратительного полицейского.

Мужчина закончил заполнять талон и поместил его под щетку стеклоочистителя.

— Вот так, — он усмехнулся. — Можете порвать еще один.

— Не возражаете, если я так и сделаю? — Пендергаст извлек его, разорвал пополам, и засунул обрывки в карман, слегка похлопав по нему рукой.

— Вы можете рвать их хоть весь день, но это не заставит их исчезнуть, — шеф подался вперед. — Позвольте дать вам небольшой бесплатный совет. Мы не в восторге от того, что какой-то странный частный член является в наш город и вмешивается в наше расследование. Поэтому смотрите, не зарывайтесь.

— Да, я действую как частный детектив, — сказал Пендергаст. — Но я, однако, возражаю против употребления термина «член».

— Примите мои самые искренние извинения за использование термина «член».

— Было украдено вино на сумму в несколько сотен тысяч долларов, — продолжил Пендергаст, и в его голосе зазвучал напыщенный тон. — Это воровство в особо крупных размерах на самом высоком уровне. Поскольку полиция, похоже, не может или не хочет добиваться какого-либо прогресса в расследовании этого дела, то вызвали меня.

Шеф нахмурился. Несмотря на осеннюю прохладу, над его жирной бровью начали появляться капельки пота.

— Отлично. Знаете, что? Я буду следить за всем, что вы делаете. Один шаг, один только палец ноги за линию, и я выпровожу вас из этого города так быстро, что у вас закружится голова. Это понятно?

— Безусловно. И в то время, пока я буду расследовать крупную кражу, вы можете продолжать защищать город от такого зла, как неправильная парковка.

— А вы тот еще шутник.

— Это было наблюдение, а не шутка.

— Хорошо, понаблюдайте за этим: в следующий раз, когда вы нарушите границу парковочного места, я отбуксирую ваше транспортное средство.

Он пробежал двумя толстыми пальцами вдоль борта машины.

— Теперь, пожалуйста, переместите ее на положенное место парковки.

— То есть, прямо сейчас?

Дыхание полицейского стало тяжелым.

— Прямо сейчас, — ответил он. Пендергаст сел за руль, завел машину и сдал назад, но рано затормозил, оставив задний бампер на линии.

Он вышел.

— Вот так.

Полицейский уставился на него.

— Вы все еще на линии.

Пендергаст, нахмурившись, нарочито театрально посмотрел на «Порше», внимательно разглядывая бампер и линию разметки.

— Он *на* линии, а не *за* ней. Кроме того, только посмотрите, сколько на улице парковочных мест. Кому это надо?

Дыхание шефа сделалось хриплым.

— Ты, мелкий хрен, думаешь, что ты забавный?

— Сначала вы называли меня «членом». Теперь вы называете меня «хреном». Я отдаю должное вам и вашей поэзии. Но вы, кажется, забыли, что здесь присутствует леди. Возможно, вашей маме следовало чаще мыть с мылом ваш довольно неблагозвучный рот.

Констанс уже видела, как Пендергаст и раньше преднамеренно провоцировал людей, но не настолько воинственно. Она задалась вопросом, почему первым шагом в его расследовании стала эта странная провокация и намерение стать врагом шефа местной полиции.

Шеф сделал шаг вперед.

— О'кей. С меня хватит. Я хочу, чтобы ты убрался из этого города. Сейчас же. И ты, и твоя подружка, возвращайтесь в свою пидорскую маленькую машинку и уносите отсюда свои задницы.

— Или?

— Или я арестую тебя за нарушение общественного порядка и хулиганство.

Пендергаст весьма необычно громко рассмеялся.

— Нет, спасибо. Я собираюсь оставаться здесь до тех пор, пока мне этого хочется. На самом деле, я с нетерпением жду просмотра бейсбола в гостинице сегодня вечером — во время которого, без сомнения, Нью-Йорк Янкиз[9] наверняка засунут Ред Сокс[10] обратно в выгребную яму, из которой они попытались вылезти во время Американской Лиги Чемпионов.

Затяжная, взрывоопасная тишина. Затем полицейский, спокойно и с осмотрительностью, потянулся к своему ремню и отстегнул пару наручников.

— Заведите руки за спину, *сэр*, и повернитесь.

Пендергаст моментально согласился. И шеф защелкнул наручники.

— Проследуйте сюда, *сэр*, — он нежно подтолкнул Пендергаста к патрульной машине. Констанс ждала, что Пендергаст что-то скажет, вытащит свой жетон. Но он вообще ничего не сделал.

— Минутку, — обратилась она к удаляющейся спине полицейского, понизив голос. Тот остановился и обернулся.

Констанс заглянула ему в лицо.

— Сделаете это, и почувствуете себя самым сожалеющим человеком в штате Массачусетс.

Глаза шефа расширились в притворном испуге.

— Вы мне угрожаете?

— Констанс? — позвал ее Пендергаст, и его голос стал приятным, и в то же время полным предостережения. Констанс сосредоточила свое внимание на шефе.

— Я не угрожаю вам, — ответила она. — Я просто предсказываю вам печальное и унизительное будущее.

— И кто же именно устроит его мне… *вы*?

— Констанс? — снова раздался голос Пендергаста, на этот раз немного громче.

Она приложила огромное усилие, чтобы заглушить свой ответ и остановить грохочущий поток крови, который внезапно зазвенел в ее ушах.

— Сука, — полицейский повернулся и продолжил вести Пендергаста в сторону машины; агент ФБР и сам охотно шел. Шеф открыл заднюю дверь и положил руку на голову Пендергаста, чтобы направить его на сиденье.

— Принеси чековую книжку в участок, — сказал Пендергаст Констанс, с трудом дотягиваясь до своего кармана и бросая ей ключи от машины. — Так ты сможешь внести залог.

Констанс наблюдала, как патрульная машина отъехала от бордюра и рванула вперед по Мейн-Стрит, взвизгнув шинами; она замедлила свое дыхание, ожидая, пока красный туман спадет с ее зрения. Только когда машина скрылась из виду, она вспомнила, что здесь не осталось никого, кто сумел бы довезти «Родстер» до участка.

5

Полицейское управление Эксмута располагалось в причудливом кирпичном здании на противоположном конце города.

— Прошу вас, припаркуйте машину в пределах специально отведенных для этого линий, — обратилась Констанс к молодому человеку, которого

она наняла, чтобы попасть на другой конец города. Он с нескрываемым любопытством разглядывал машину, когда Констанс стояла, размышляя, что делать, и, заметив его интерес, она предложила ему отвезти ее в участок. Разумеется, он воспользовался этой возможностью. Сев в машину, Констанс отметила, что от ее попутчика пахнет рыбой.

Он втиснул машину в размеченное парковочное место и оценивающе хмыкнул:

— Вау! Я просто не могу в это поверить. Какая поездка! — он с восторгом уставился на Констанс. — Где вы взяли эту машину?

— Она не моя. Благодарю вас за то, что повели себя как истинный джентльмен и не бросили даму в беде. Теперь вы можете быть свободны.

Он замешкался на некоторое время, и у Констанс сложилось впечатление, будто он впервые заметил ее, судя по тому, как его глаза изучающе скользнули по ее фигуре. Молодой человек обладал мужественными чертами честного йомена[11], а на безымянном пальце его левой руки красовалось обручальное кольцо.

— Скажите, — неуверенно начал он, — если вы свободны позже...

— Я не свободна. И вы тоже, — резко оборвала Констанс и вырвала ключи из его руки, после чего вышла из машины и направилась к полицейскому управлению, оставив молодого человека на стоянке. Он долго смотрел ей вслед.

Констанс вошла в комнату ожидания, поддерживавшуюся в на удивление безупречной чистоте. Стены помещения были украшены портретами губернатора и вице-губернатора, в углу висел американский флаг, отделанный золотистой бахромой, а на противоположной стене были прибиты специальные деревянные панели, на которых красовались грамоты, награды и медали. За столом, отвечая на телефонные звонки и активно пытаясь выглядеть занятой, сидела женщина небольшого роста. Позади нее, через открытую дверь Констанс услышала звуки телевизора, настроенного на какое-то развлекательное игровое шоу.

— Могу я вам чем-нибудь помочь? — спросила женщина.

— Я прибыла сюда — как это говорится? — чтобы внести залог за мистера Пендергаста.

Женщина с любопытством присмотрелась к посетительнице.

— Его сейчас допрашивают. Пожалуйста, присаживайтесь. Могу я узнать ваше имя?

— Констанс Грин, — она грациозно присела, расправив юбку своего длинного платья.

Из дальней комнаты вышел молодой полицейский и остановился, уставившись на нее. Констанс ответила на его взгляд. Был ли этот городок в действительности каким-то странным, или вся странность сосредотачивалась лишь в ней самой?

Молодой офицер, похоже, был носителем итальянской крови, с бронзовой кожей, темными глазами и задумчивым выражением лица. Поймав на себе взгляд Констанс, он довольно быстро отвернулся, обратился к женщине за стойкой регистрации, протянул ей лист бумаги, коротко переговорил с нею, а затем снова посмотрел на Констанс.

— Вы здесь из-за Пендергаста?

— Да.

Он поколебался.

— Боюсь, это может занять несколько часов.

Констанс недоумевала, и почему, во имя всего святого, Пендергаст до сих пор не воспользовался своим званием агента ФБР.

— Я подожду.

Офицер удалился. Констанс заметила, что леди за стойкой регистрации смотрит на нее с любопытством. Казалось, она хотела поговорить, и Констанс, которая обыкновенно закрывалась от разговоров с той же легкостью, с которой люди закрывают входные двери, вспомнила, что занимается расследованием, и решила, что это послужит для нее неплохой возможностью разузнать положение дел в городе. Она одарила леди тем, что — она надеялась — выглядело как дружественная улыбка.

— Откуда вы? — поинтересовалась женщина.

— Из Нью-Йорка.

— Я не знала, что в Нью-Йорке есть Амиши[12].

Констанс уставилась на нее.

— Мы не Амиши.

— О! Прошу прощения! Я просто предположила... понимаете, тот мужчина в таком строгом черном костюме и вы... в этом платье... — ее голос резко затих. — Надеюсь, я не оскорбила вас.

— Ни в малейшей степени, — Констанс изучила женщину более внимательным взглядом. Ей было около пятидесяти. Жадный взгляд говорил о скучной рутинной работе и о жажде сплетен. Пожалуй, она была тем самым человеком, кто знал обо всем, что происходит в городе.
— Мы просто несколько... старомодные, — смиренно произнесла Констанс, вымучивая очередную улыбку.

— Так вы здесь в отпуске?

— Нет. Мы расследуем дело о пропавшей винной коллекции Персиваля Лейка.

Тишина.

— Значит, человек в черном костюме — частный детектив?

— В некотором роде. А я его ассистентка.

Женщина занервничала.

— Так-так, — протянула она, переложив на стол стопку бумаг и начав перетасовывать их, снова имитируя занятость.

Возможно, не следовало так быстро раскрывать причину своего прибытия в город. Констанс решила попробовать пойти иным путем?

— Вы давно работаете здесь? — спросила она.

— Уже двадцать шесть лет.

— И вам нравится?

— Это хороший городок. Дружелюбный.

— А преступления у вас здесь часто совершают?

— О, нет! Почти никогда. Последнее убийство здесь произошло в 1978 году.

— А другие преступления?

— Ничего необычного. В основном дети хулиганят. Вандализм, кража из магазинов, незаконное употребление спиртного — что-то в этом роде.

— Стало быть, это — необычно? Арестовать кого-то за то, что он просто бродит вокруг и тем самым нарушает покой?

Женщина нервным движением поправила прическу.

— Ничего не могу сказать. Простите, но мне надо работать, — и она вернулась к своим бумагам.

Констанс почувствовала огорчение. Как же это делает Пендергаст? Пожалуй, надо было уделять больше внимания его методам.

***

Было уже далеко за полдень, когда молодой офицер полиции вернулся и положил еще несколько бумаг на стол леди за стойкой регистрации.

— Мисс Грин? — обратилась женщина.

Констанс поднялась.

— Залог был установлен. Он составляет пятьсот долларов.

Когда Констанс выписала чек, женщина объяснила ей условия и передала необходимые бумаги, дождавшись, пока она их подпишет.

— Осталось еще совсем немного, — пообещала женщина.

Осталось и впрямь немного: пятью минутами позже в дверном проеме появился Пендергаст в на удивление благостном расположении духа. Сумка с гавайскими рубашками словно испарилась.

— Превосходно, все просто превосходно, — возвестил он. — Пойдем.

Констанс ничего не ответила и сохраняла молчание на протяжении всего пути, пока они шли к машине.

— Как тебе удалось добраться сюда на машине? — спросил Пендергаст, заметив свой автомобиль на парковочном месте.

Она объяснила.

Пендергаст нахмурился.

— Я бы хотел, чтобы ты не забывала, какие опасные персонажи скрываются в этом городке.

— Поверь мне, он не был одним из них.

Когда они сели в машину, Констанс ощутила стремительно нарастающее раздражение. Пендергаст потянул руку за ключами, но она не предприняла никаких действий, чтобы вручить их ему.

— Алоизий.

— Да?

— Что, по-твоему, во имя всего святого, ты творишь?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты ведь осознанно спровоцировал шефа полиции арестовать тебя несколько часов назад. И я полагаю, ты не сказал ему, что являешься агентом ФБР.

— Нет.

— Так каким же образом это должно помочь нашему расследованию?

Пендергаст положил руку ей на плечо.

— К слову сказать, хочу поблагодарить тебя за твою сдержанность с шефом полиции. Он весьма неприятный человек. А теперь, отвечая на твой вопрос: это непосредственно поможет нашему расследованию.

— Не потрудишься ли это объяснить?

— Пожалуй, нет. Скоро все станет ясно, обещаю.

— Твоя загадочность выводит меня из себя.

— Терпение! Теперь, пожалуй, вернемся в гостиницу. Персиваль Лейк ведь приглашал нас. Возможно, ты захочешь присоединиться к нам за ужином? Полагаю, ты проголодалась.

— Я поужинаю в своем номере, благодарю.

— Как скажешь. Будем надеяться, что ужин окажется менее разочаровывающим, нежели завтрак.

Они ехали по узкой дороге между старинными каменными домами Новой Англии. Вскоре деревья расступились, открыв вид на гостиницу «Капитан Халл» — массивный неряшливый викторианский дом морского капитана, отделанный белым и серым камнем, стоящий на

отшибе на широкой лужайке, плотно усеянной кустами каролинской розы с тяжелыми бутонами. Гостиницу предваряло большое крытое крыльцо с белыми колоннами, на котором покоилась дюжина кресел-качалок для желающих насладиться видом на море и маяк Эксмута, располагавшийся в полумиле от берега. На парковке, усеянной устричными раковинами, стояло несколько машин. Когда автомобиль остановился, Констанс уже не терпелось направиться в свой номер, который она осмотрела накануне вечером и нашла его приятно старомодным.

— Когда состоится твое слушание? — поинтересовалась она. — Я так понимаю, в столь небольших городках жители предпочитают вершить правосудие в кратчайшие сроки.

— Суда не будет, — Пендергаст посмотрел на нее, его взгляд буквально поглощал каждый оттенок эмоций на ее лице. — Констанс, я не пытаюсь быть умышленно капризным. Поверь, я лишь стараюсь наилучшим образом обучить тебя моим методам работы. Нагляднее всего ты обучаешься, будучи свидетелем естественного хода развития событий. Ну что ж, пойдем? — с этими словами он вышел из «Родстера» и открыл ей дверь.

6

Персиваль Лейк остановился в дверях ресторана «Штурманская рубка», тут же обнаружив Пендергаста среди группы посетителей. Он выделялся из толпы болезненным пятном: черно-белый, словно сошедший с ленты старого кино посреди всех этих жителей Новой Англии в одежде из мадраса и жатого ситца. По опыту Лейка даже самые эксцентричные и необычные местные жители тщательно следили за своим обликом. Мало кого по-настоящему не заботило, что о них подумают другие. Однако Пендергаст был одним из таких.

Лейку это нравилось.

Пендергаст хмуро изучал исписанную мелом доску: в ресторане «Штурманская рубка», как и в гостинице «Капитан Халл» отсутствовали печатные меню. Когда Лейк приблизился к столику агента, Пендергаст поднял взгляд и встал. Они пожали друг другу руки.

— Мне нравится этот зал, — сказал Лейк, заняв свое место, — старый дорогой сосновый паркет на полу, навигационные инструменты,

украшающие интерьер, каменный очаг. Здесь очень уютно, особенно сейчас, осенью. Когда становится холоднее, они разжигают камин.

— Это место напоминает мне гроб, — отозвался Пендергаст.

Лейк усмехнулся и обратил свое внимание на доску.

— Вино здесь отвратительное, но в отеле хороший выбор крафтового пива. Есть местное, которое я весьма рекомендую…

— Я не пью пива.

Официантка — молодая женщина с коротко стрижеными волосами, почти такая же светловолосая, как Пендергаст — подошла, чтобы принять заказ.

— Что вам принести, джентльмены? — мягко спросила она.

В тишине Пендергаст взглянул на бутылки, расположенные за барной стойкой, и его светлые брови приподнялись.

— Я вижу, что у вас есть абсент.

— Я думаю, это своего рода эксперимент нашего бармена.

— Пожалуй, я бы принял в нем участие. Удостоверьтесь, что вода, которую вы принесете, будет чистой родниковой, а не водопроводной, абсолютно ледяной, но безо льда. И будьте добры подать также несколько кубиков сахара. Если бы вы могли принести вдобавок специальную ложку с прорезями и стеклянный стакан, это было бы просто прекрасно.

— Стеклянный стакан, — пробормотала официантка, записывая заказ. — Сделаю все возможное.

— Что мы закажем на ужин? — спросил Лейк. — Жареные моллюски — местный деликатес.

Пендергаст снова взглянул на доску.

— Возможно, позже.

— А мне, пожалуйста, пинту эля «Пиппид».

Официантка ушла, и Лейк повернулся к Пендергасту.

— Поразительная девушка. Она новенькая.

Если Пендергаст и заинтересовался, то никоим образом этого не показал. У Лейка сложилось впечатление, что он и вовсе ничего не услышал.

— Говорят, вас арестовали сегодня, — прочистив горло, заметил Лейк. — Новость, разумеется, уже распространилась по всему городу. Вы произвели настоящий фурор.

— В самом деле?

— Полагаю, у вас были причины дать арестовать себя.

— Разумеется.

Молодая официантка вернулась с напитками, поставив перед Пендергастом все перечисленное ранее: стакан, ложку — без прорезей; блюдо с кубиками сахара, небольшой стеклянный кувшин с водой и абсент в высоком стакане.

— Надеюсь, вас все устраивает? — спросила она.

— Попытка, заслуживающая доверия, — ответил Пендергаст. — Спасибо.

— Похоже, вы собираетесь провести химический эксперимент, — заметил Лейк, пока Пендергаст тщательно занимался соответствующими приготовлениями.

— На самом деле, в каком-то смысле, это и есть химический эксперимент, — ответил агент, положив кубик сахара в ложку, затем уравновесив ее на стакане с абсентом, а потом осторожно полив ее водой.

Лейк наблюдал, как внутри зеленой жидкости зарождается мутное облако. Над их столиком разнесся стойкий запах аниса, и скульптор вздрогнул.

— В абсенте содержатся определенные растительные экстракты на основе масел, которые растворяются в спирте, но почти не растворяются в воде, — объяснил Пендергаст. — Они проявляют себя, когда вы добавляете воду, создавая опалесценцию[13]. Иными словами, слабое свечение.

— Я бы попробовал его, если бы не ненавидел ликеры. К слову, разве полынь не способствует значительным повреждениям мозга?

— Сам акт жизни способствует значительным повреждениям мозга.

Лейк засмеялся и поднял свой стакан.

— В таком случае: за Эксмут и тайну закованного скелета.

Они чокнулись. Пендергаст сделал глоток и поставил свой стакан.

— Я заметил, что у вас несколько рыцарское мироощущение, — сказал он.

— В смысле?

— Вы только что потеряли очень ценную коллекцию вина. Как правило, после кражи со взломом люди чувствуют себя дискомфортно и тревожно. Но вы, похоже, пребываете в хорошем настроении и сохраняете бодрость духа.

— Если за дело взялись вы, то почему бы и нет? — Лейк потягивал свое пиво. — Наверное, я отношусь к жизни слишком легко. Я научился этому там, где вырос.

— А где вы выросли?

— Аутпост[14], Миннесота. Хорошее название, не правда ли? Всего в двадцати милях к югу от Интернашенал-Фолс. Население — сто двадцать человек. Зимы были, как у Кафки. Чтобы справиться с этим, вы либо спиваетесь, либо сходите с ума, либо учитесь принимать жизнь такой, какая она есть, — Лейк рассмеялся. — Большинство из нас выбирало последний вариант, — он сделал еще один глоток пива. — Недалеко от города располагалась каменоломня. Там я и начал работать с камнем. Так и проводил уйму свободного времени в периоды с ноября по апрель.

— А потом?

— Что ж, будучи мальчишкой со Среднего Запада, я решил перебраться в Нью-Йорк, чтобы сделать себе имя в мире искусства. Это было вначале 80-х, и каким-то образом моя работа пошла в гору. Возможно, я привнес в искусство что-то новое… Хотя все новое — это хорошо забытое старое. Боже, этот город казался мне настоящим бедламом! Когда я стал популярнее, все свалилось на меня, как снег на голову: деньги, слава, вечеринки, весь этот ужасный претенциозный мир в центре города-галереи, — он покачал головой. — Как и все остальные, я подсел на кокаин. Но, в конце концов, я прозрел. Я понял, что если ничего не сделаю, то выпаду из этой среды и потеряю свою музу.

— Как же вы выбрали этот город?

— Я познакомился с удивительной девушкой, и она устала от Нью-Йорка так же, как и я. Детство она провела в Ньюберипорте. Мы купили территорию маяка, восстановили дом смотрителя, а остальную часть

истории вы уже знаете. У нас была прекрасная жизнь — у меня и Элизы. Боже, как я любил ее! Мне не хватает ее каждый день.

— Как она умерла?

Лейк был немного озадачен прямотой этого вопроса и употреблением резкого слова «умерла» вместо более аккуратного «скончалась».

— Рак поджелудочной железы. Ей поставили диагноз, и уже через три месяца ее не стало.

— Вам никогда не становится скучно здесь?

— Если вы серьезно намереваетесь быть художником, вам просто необходимо работать в тихом месте. Нужно отгородиться от мира, проводить время вдали от всего это дерьма: кураторов, критиков, трендов. К тому же и на практическом уровне мне требуется довольно большое пространство. Я обрабатываю большие каменные куски. А еще я ведь упоминал, что здесь прекрасный источник розового гранита. Он есть только на побережье. Я могу пойти в карьер и выбрать свой камень, а рабочие достают его для меня и доставляют. Роскошная вещь.

— Я немного знаком с вашей работой, — заметил Пендергаст. — Вы не боитесь избегать модного или эфемерного. И вы отлично чувствуете камень.

Лейк, казалось, покраснел от смущения. Он чувствовал, что этот человек очень редко кого-либо хвалит.

— А ваша новая компаньонка, госпожа Хинтервассер? Как вы с ней познакомились?

Этот вопрос тоже показался слишком прямым.

— После смерти Элизы я отправился в круиз. Там я и познакомился с Кэрол. На тот момент она недавно развелась.

— И некоторое время спустя она решила переехать к вам?

— Я сам пригласил ее. Мне не нравится оставаться в одиночестве. И безбрачие меня не устраивает. Совсем.

— Она разделяет ваш энтузиазм насчет вина?

— Она больше предпочитает «дайкири» или «маргариту».

— Что ж, у каждого свои недостатки, — сказал Пендергаст. — А сам город? Как бы вы охарактеризовали его?

— Тихий. Здесь никого особенно не волнует, что я — известный скульптор. Я могу заниматься своим делом, и никто не станет меня беспокоить.

— Но...?

— Но... я полагаю, что у каждого маленького городка есть своя темная сторона. Романы и вражда, грязные сделки по недвижимости, некомпетентные чиновники — вы ведь знаете, что говорят об отцах основателях Новой Англии — и, конечно же, шеф полиции, который очень любит проводить б*о*льшую часть своего времени, вкладывая не всегда уместные штрафные талоны за «дворники» автомобилей приезжих, прибавляя выручку к своему жалованию.

— Вы уже частично поведали мне историю шефа местной полиции.

— Ходят слухи, что он вляпался в какие-то неприятности в Бостоне. Этого было недостаточно, чтобы его уволить, но это пошатнуло его карьерные перспективы, поэтому его перевели сюда — дослуживаться до выхода на пенсию. Разумеется, внутри он настоящий мужлан, но со временем смог внешне слегка отшлифовать себя. Более-менее.

— А какого рода неприятности возникли у него в Бостоне?

— Говорят, он слишком давил на одного подозреваемого, принуждал его признаться в том, чего этот человек не совершал, угрожал ему и прочее. Парня реабилитировали с помощью ДНК-теста, и пришлось его освободить — он выиграл крупный иск против города.

— А что насчет его молодого заместителя?

— Гэвина? — Лейк помедлил. — Он хороший парень. Тихий. Родом из Эксмута. Его отец раньше был шефом полиции. Парень получил высшее образование — в Бостонском филиале Массачусетского Университета, насколько я помню. Закончил учебу хорошо, он теперь специалист по уголовному праву. Все ожидали, что его ждут великие дела, а вместо этого он вернулся сюда и попытался пойти по стопам отца — к большому удовольствию города, должен отметить. Естественно, он метил на место Мердока, — Лейк прервался. — Итак, готовы отужинать?

Еще один взгляд на доску.

— Могу я поинтересоваться, есть ли в городе ресторан получше?

Лейк рассмеялся.

— Вы и сидите в numero uno[15]. Просто здесь не могут обойти своим вниманием стандартный набор блюд Новой Англии: шашлык, гамбургеры и жареных моллюсков. Но на кухне работает новый повар, говорят, что он прежде служил на морском флоте. Может быть, он сможет улучшить ситуацию.

— Посмотрим.

Лейк посмотрел на него.

— Меня разбирает любопытство касательно вас, мистер Пендергаст. Я все пытаюсь распознать ваш акцент. Вы упоминали, что вы с юга, но я не могу с точностью определить происхождение вашего акцента.

— Он зародился во Французском Квартале Нового Орлеана.

— Теперь я понимаю. И что же привело вас в Нью-Йорк? Надеюсь, вы не против, что я спрашиваю.

Лейк понял по выражению лица агента, что он насторожился.

— Несколько лет назад я приехал в Нью-Йорк из-за одного расследования. Нью-йоркское отделение попросило меня остаться.

Стараясь вернуться на безопасную почву, Лейк спросил:

— Вы женаты? Дети есть?

Он тут же заметил, что зашел с расспросами слишком далеко. Добродушное выражение исчезло с лица Пендергаста, воцарилось долгое молчание, прежде чем он ответил:

— Нет, — от тона его голоса вода запросто могла превратиться в лед.

Лейк попытался скрыть свое смущение очередным глотком пива.

— Что ж, может, обсудим наше дело? Мне любопытно, есть ли у вас какие-нибудь версии того, кто именно это сделал.

— Никаких версий, которые превышали бы уровень обычных догадок, — Пендергаст осмотрел помещение ничего не выражающим взглядом. — Возможно, будет полезнее, если вы расскажете мне о людях в этом зале.

Эта просьба поставила Лейка в тупик.

— Вы имеете в виду их имена?

— Имена, précise[16], особенности.

Лейк заказал второе пиво — на этот раз эль «Тандерхед». У него разыгрался аппетит, и он чувствовал, что просто обязан немедленно что-нибудь съесть. Лейк наклонился вперед.

— Есть одна вещь, которую они не могут испортить в этом ресторане при всем желании: устрицы в полураковине.

Услышав это предложение, Пендергаст оживился:

— Превосходно! Давайте закажем две дюжины.

Лейк поманил официантку и сделал заказ, после чего наклонился вперед.

— Что ж, давайте посмотрим. Новая официантка...

— Нам нет необходимости обсуждать официантку. Следующий?

— Хммммммм, — Лейк осмотрел комнату. Помимо бармена и посетителя за барной стойкой, в зале были заняты всего два стола. — Человек за барной стойкой — Джо Данвуди. Данвуди — старожилы Эксмута, их семья корнями уходят аж к колониальным временам. Его брат Дана — один из членов городского управления и чертовски проницательный адвокат. Лучше не переходить ему дорогу.

— А если перейти?

— Вам могут не предоставить разрешения на строительство гаража, о котором вы так мечтали. Или, быть может, к вам заявится санитарный инспектор и повесит красную бирку на сеть ваших труб. Мелкие неприятности, но раздражающие.

— Дальше.

Лейк осмотрелся.

— Видите эту грудастую женщину в углу, попивающую «7&7»[17]? Долорес Клейбрук. Очень любит совать нос в чужие дела. Ужасная женщина, само олицетворение слова «Schadenfreude»[18]. Ее семья была одной из самых богатых в городе, они сколотили состояние в Глостере на судостроении. Филиал переехал сюда, и они занялись ловлей трески, но это дело не принесло успеха, и их финансы пришли в упадок. Долорес последняя представительница семьи, оставшаяся в живых, и уже похоронила трех

мужей. Если бы вы подмигнули ей или ущипнули за задницу, она охотно рассказала бы вам все, что угодно.

— Возможно, в другой раз. Дальше?

— Эта пара за столом у окна — Марк и Сара Лилли. Он руководит местным страховым агентством, занимается мелкими инвестициями. У них на стороне есть еще дело по финансовому планированию. Его семья уходит корнями туда же, куда и большинство жителей Эксмута — в Олдхэм.

— Олдхэм?

— Маленький городок, расположенный на острове Кроу к югу отсюда. Он был разрушен ураганом в 38-м году[19]. Большинство жителей переехало в Дилл-Таун, который до этого был заброшен. В конце концов, семейство Лилли породнилось с голубой кровью Эксмута — и так или иначе была ею принята.

Пендергаст указал на мужчину в твидовом пиджаке, который сидел за барной стойкой.

— А вот этот весьма любопытный субъект. Тот, что с кожаными заплатками на пиджаке. Кто он?

— Он не из местных, это же очевидно. Англичанин. Уже приезжал сюда несколько недель назад ради исследований одной морской тайны, довольно популярной в этом районе. Кажется, теперь он вернулся, но я не знаю, зачем.

— Морской тайны?

— В 1884 году исчез пароход «Замок Пембрук», вышедший из Лондона и направлявшийся в Бостон. Он буквально испарился ночью на северо-востоке между мысом Элизабет и мысом Энн. Не было обнаружено ни следа, даже сломанного лонжерона. Время от времени сюда прибывают люди, которые пытаются выяснить, что произошло. Это напоминает историю «Летучего Голландца»[20] или «Марии Целесты»[21].

— Любопытно. И как же зовут этого джентльмена?

— Моррис МакКул.

— Вы встречались с ним?

— Нет. Но могу сказать, что в нем есть что-то подозрительное. Если бы он на тот момент не был далеко отсюда, для меня он стал бы первым

подозреваемым в деле о моем украденном вине. Моррис МакКул... бьюсь об заклад, что это самое вымышленное имя, что я когда-либо слышал.

— Напротив, никто не стал бы брать такой псевдоним.

Лейк замолчал, когда появилась официантка и поставила перед ними большое блюдо сырых устриц на подушке из измельченного льда с коктейльным соусом, тертым хреном и ломтиками лимона.

— Как вы предпочитаете их есть? — поинтересовался Лейк.

— С лимоном и больше ни с чем.

— Наш человек! — Лейк выжал лимон над глянцевыми жирными устрицами, наблюдая, как кромки начинают скручиваться при попадании кислоты.

— После вас.

Пендергаст поднял одну полураковину, быстрым движением поднес ее к губам, беззвучно всосал устрицу и с кошачьей грацией отложил пустую половинку раковины в сторону, промокнув губы салфеткой.

Лейк взял следующую, и на время трапезы за столом воцарилась тишина. Они всасывали одну пухлую устрицу за другой, пока на блюде не осталось ничего, кроме пустых блестящих раковин.

Пендергаст в последний раз промокнул губы, отложил салфетку и взглянул на часы.

— Теперь мне пора. Я искренне насладился ужином. Благодарю вас за предложение.

— Рад услужить, — что-то странное присутствовало в этом человеке, которого Лейк счел любопытно привлекательным: мраморно-бледное лицо с острыми чертами, черный костюм, строгий вид... и, не в последнюю очередь, его алчная любовь к устрицам.

7

Моррис МакКул покинул гостиницу «Капитал Халл», находясь в приподнятом настроении, несмотря на то, что пастуший пирог тяжелым грузом покоился у него в животе. В то время как еда оказалась лишь

пародией настоящего блюда, он был приятно удивлен прекрасным ассортиментом местных сортов пива и эля, доступных сейчас в Америке; во время своего последнего визита, двадцать лет назад, ему было трудно найти что-то, кроме «Курза».

МакКул был любителем пеших прогулок. В своей деревне Пенрит, Камбрия, он всегда гулял после обеда, чтобы улучшить пищеварение. МакКул был ярым сторонником свежего воздуха и физических упражнений, и именно после этих послеобеденных прогулок у него возникало много исторических соображений и идей.

Но предстоящая прогулка имела определенную цель. Вытащив из кармана карту, нарисованную от руки, он просмотрел ее, сориентировался и направился к посеребренной деревянной лестнице, ведущей через скалы к пляжу, раскинувшемуся внизу.

Волны с размеренным темпом следовали одна за другой, с грохотом и шипением обрушиваясь на берег, а затем, с блеском отступали и снова повторяли свой набег. Оставаясь там, где песок все еще был плотным от сырости отступающего прилива, он направился вдоль пляжа в сторону раскинувшихся обширных болот, где река Эксмут впадала в бухту. Печально известные слепни, которые доминировали жарким днем, отошли от дел этим прохладным октябрьским вечером.

МакКул с удовлетворением вдохнул соленый воздух. Сейчас он был так близко... так близко. Несмотря на то, что все еще всплывали некоторые загадочные, но совершенно необъяснимые аспекты, он был уверен, что разгадал главную тайну.

Пляж оказался пустынным, за исключением маленькой фигуры позади него, тоже наслаждающейся вечерней прогулкой. Казалось, что фигура внезапно вышла со стороны болот. МакКулу не понравилось, что кто-то может заметить, куда он направился, и он ускорил шаг, чтобы оставить попутчика позади. Пока он шел, маяк на удаленных скалах начал мигать: без сомнения, сработала автоматика, настроенная на закат, в то время как оранжевый шар солнца начал погружаться за стволы сосен вдоль границы болота.

Пляж изгибался вовнутрь, где в океан входила лента Эксмута. Поток вытекал из обширного устья, вливаясь в убывающий прилив и выстреливая темно-серыми брызгами. От отмели шел насыщенный, но не совсем неприятный запах. Когда МакКул развернулся, чтобы оглядеться, то был очень удивлен, увидев, что фигура позади него стала намного ближе. Человек, должно быть, очень быстро шел, возможно, даже бежал, чтобы настолько приблизиться к нему. Неужели он

пытается догнать его? Даже с заметного расстояния МакКулу не понравился внешний вид мужчины.

Еле заметная тропинка пролегала в болотной траве вдоль края деревьев, и он начал двигаться еще быстрее. Преследователь находился примерно в сотне ярдов позади него, одетый в неряшливую одежду довольно непонятного фасона. Или, возможно, это оказалось всего лишь впечатлением МакКула от беглого взгляда?

Он направился по тропе, сверившись с грубой картой. Давно заброшенная рабочая набережная девятнадцатого века располагалась вдоль следующего изгиба устья. Когда он повернул за угол, то увидел группу старых деревянных свай, уходящих в бухту параллельными рядами штырей, и давно исчезнувший настил. Массивные гранитные сваи, сделанные из грубо отесанных блоков, все еще стояли вдоль берега — и будут стоять до конца времен. Перед взглядом историка предстали гранитные фундаменты погрузочных доков и пристаней, а также разрушенный завод по переработке рыбы. МакКул тщательно составил карту этой области, используя исторические документы и фотографии, чтобы воссоздать набережную 1880-х годов. Именно здесь давным-давно торговали рыболовы на своих драгерах[22], сейнерах[23], и каботажниках[24], переживая долгий экономический спад после китобойного расцвета восемнадцатого и начала девятнадцатого веков. Устаревшая набережная, в конце концов, была разрушена печально известным ураганом «Янки-Клипер» 1938 года. Современная набережная была построена выше устья, в более защищенном месте. Но до конца город так и не восстановился от разрушений.

Когда появились гниющие причалы, МакКул услышал позади себя шум и обернулся, чтобы обнаружить мужчину, приближающегося к нему с решительным видом. И только теперь он смог рассмотреть, что же это была за странная и страшная фигура: странно деформированное лицо, сбитый пучок тонких рыжих волос на голове, дергающиеся влажные губы, больше утолщенные с одной стороны, чем с другой, пятнистые поражения, напоминающие веснушки, трехконечная борода и выступающий лоб с единственной густой бровью, пролегающей поперек. МакКул думал, что он знаком со всеми в городе, но этого человека он никогда раньше не видел. Он казался воплощением всех ночных кошмаром.

В одной руке мужчина держал штык, который, пока он приближался быстрой походкой и сверкал глазами, он обнажил со стальным высоким резким звоном.

С непроизвольным криком замешательства и страха МакКул развернулся и побежал к старым причалам. Его преследователь также

перешел на бег, соблюдая дистанцию: не приближаясь и не отставая, как будто он специально гнал его вперед.

МакКул позвал на помощь раз, затем еще раз, но он находился слишком далеко от города, и его голос поглощали обширные болота, раскинувшиеся за гниющими пирсами.

Стремясь скрыться от преследователя, он спрыгнул с тропы, поднялся по насыпи над первым причалом, перепрыгнул через каменный фундамент и прорвался сквозь заросли кустов малины. Он слышал, как его преследователь крушит все, следуя за ним.

— Чего ты хочешь? — прокричал МакКул, но не получил ответа.

Чертополохи рвали его брюки и рубашку, царапая лицо и руки. Он выскочил с другой стороны зарослей и направился вдоль очертаний набережной, споткнувшись о фундамент прогнившей, обвалившейся рыбной лавки и клубок проржавевших кабелей и цепей.

Это было безумие. Его преследует сумасшедший.

Он всхлипывал, задыхаясь от паники, с жадностью хватая ртом воздух. В ужасе он споткнулся о еще один разрушенный фундамент, скатился по насыпи, снова поднялся на ноги и забежал на широкий участок, покрытый болотной травой. Может быть, ему удастся затеряться в зарослях. МакКул продвигался вперед, помогая себе руками, продираясь сквозь густую траву. Он оглянулся и увидел, что рыжеволосый сумасшедший все еще преследует его: глаза горели, подобно раскаленным углям, штук в руке сметал все на своем пути почти без усилий.

— Помогите! — закричал МакКул. — Кто-нибудь помогите мне!

Стая черных дроздов вырвалась из полосы камышей спутанной массой бьющихся крыльев. Не было никакого шанса обогнать этого упорного преследователя. МакКула просто загоняли все глубже и дальше в болото.

Вода. Если бы он только смог добраться до воды. Он был уверенным пловцом. Сумасшедший едва ли мог так хорошо плавать.

МакКул повернул налево, направляясь к сердцу болота. Теперь трава стала такой высокой, что он не мог рассмотреть, что ждет его впереди, затем он споткнулся, схватился за острую траву руками, едва ощутив порезы и ссадины, которые она ему нанесла. Снова и снова он падал, слыша треск веток позади себя и шуршание одежд своего преследователя — эти звуки раздавались теперь всего в каких-то десяти

футах от него. Бухта или болотный канал должны быть где-то впереди. Что угодно, ради Бога, что угодно...

И вдруг трава кончилась, и он вырвался на илистую пойму, раскинувшуюся на пятьдесят футов до стремительного проточного канала.

Здесь не было спасения; он погрузился в грязь, увязнув до самых колен. С криком страха он боролся, шлепал, бился и метался в грязи. Он обернулся и увидел рыжеволосого урода, стоящего на краю травы со штыком в руке, его и без того уродливое лицо искажала гротескная ухмылка.

— Кто ты?! — закричал МакКул.

Мужчина вернулся в заросли травы и скрылся.

Мгновение МакКул стоял в грязи, задыхаясь и кашляя, положив руки на колени, и чувствуя, что его легкие могут вот-вот взорваться. Что же делать дальше? Он огляделся. Канал пролегал на расстоянии пятидесяти футов от него: мутный поток, направляющийся к убывающему приливу. На противоположной стороне раскинулось бесконечное болото.

Никогда он не вернется в эту кошмарную траву: только не к тому маньяку, который там прячется. Никогда. И все же первым возможным вариантом выхода из этого ада было вернуться обратно, пробравшись через заросли травы. Альтернатива состояла в том, чтобы добраться до воды и выплыть, отдавшись течению.

МакКул продолжал стоять на месте с колотящимся сердцем. Свет дня угасал; вода продолжала свой бег, а дрозды, крича, возвращались.

В конце концов, он направился к водному каналу. Когда МакКул приблизился к берегу, слой грязи стал еще толще, и он остановился. Грязь была холодной, а вода, как он догадывался, будет еще холоднее. Но у него не было выбора.

Он погрузился в поток. Было очень холодно. Он оттолкнулся от берега, позволив воде подхватить его, и поплыл вниз по течению, обремененный твидовым пиджаком, брюками, пропитанными грязью, и тяжелыми кожаными ботинками. Но он был опытным пловцом и удерживал себя над уровнем воды, совершая длинные взмахи руками, увеличивая скорость и оставляя позади болотную траву. Канал сузился, скорость течения стремительно возросла, трава подступала с обеих сторон. Он направлялся к морю. Это все, на чем он был сосредоточен. Слава богу,

скоро покажется пляж, на который он сможет выбраться и вернуться в свой безопасный номер в гостинице.

Когда он обогнул следующий изгиб канала, пытаясь лихорадочно плыть, то увидел стену травы, из-за которой показалась фигура: рыжие волосы, изуродованное ухмыляющееся лицо, сверкающие желтые глаза, мерцающий штык.

— Господи, нет. Нет! — закричал он, пытаясь отчаянно добраться до противоположного берега канала, даже когда поток лишь ближе подтолкнул его к набережной, где стояла эта фигура… даже когда фигура спрыгнула в воду подобно хищнику, обрушившись на него… даже когда почувствовал, как толчок холодной стали, подобно острой сосульке, пронзил его нутро.

8

Индира Ганеш получила небольшую кость накануне поздно вечером и занималась ею всю ночь и весь день. Сейчас было уже десять вечера, и она проработала почти тридцать часов подряд, но едва ли чувствовала усталость. Ей нравилось работать по ночам, когда в ее лаборатории в музее Пибоди на Дивинити-авеню в Кембридже, штат Массачусетс становилось тихо, как в храме. В этой атмосфере работа была подобна медитации или даже молитве — когда вокруг находились люди, она никогда не была столь продуктивной.

А эта маленькая косточка оказалась именно той головоломкой, которые ей так нравилось разгадывать. С нею не поступило абсолютно никакой информации — даже не было указано, что она принадлежала человеку. Ганеш понятия не имела, кто нуждается в этом анализе, или с какой целью. Именно в таком виде Говард Кресс, председатель Гарвардского отдела эволюционной биологии человека и ее босс, лично принес ей эту кость и с загадочным выражением сказал, что если он получит ее полный и точный анализ к утру следующего дня, то будет считать это величайшей личной услугой.

У нее было все необходимое оборудование, и она незамедлительно приступила к работе. Идентифицировать кость, как дистальную фалангу указательного пальца левой руки человека, оказалось легко. С этого момента стало труднее и сложнее отвечать на вопросы. Ей всегда казалось, что кости, которые она изучала, нашептывали ей, жаждая рассказать свои истории. Теперь она слушала историю этой маленькой

косточки — или, по крайней мере, все то, что она смогла вытащить из нее за тридцать часов.

Когда Ганеш склонилась над своим компьютером, готовясь приступить к составлению предварительного отчета, у нее появилось странное чувство чьего-то присутствия позади себя, почти психическое давление взгляда человека на ее спину. Она обернулась и вскрикнула: в дверном проеме стоял высокий бледный мужчина с поразительным лицом.

— Доктор Ганеш? Мне жаль, что я побеспокоил вас. Мое имя Пендергаст. И меня интересует фаланга пальца.

Она приложила руку к груди.

— Вы меня до смерти напугали.

— Могу я присесть?

Когда она засомневалась, он полез в карман пиджака и извлек значок специального агента Федерального бюро расследований.

— Пожалуйста, — наконец выдохнула она, указывая на стул. — Но как вы попали сюда? Музей закрыт.

— Кто-то, должно быть, оставил незапертой дверь. Теперь, если вы не возражаете, могли бы мы поговорить о кости?

— Я только что собиралась записать результаты.

Мужчина махнул рукой.

— А я бы предпочел услышать их непосредственно от вас. Я тороплюсь.

— Хорошо. Она призадумалась, восстанавливаясь после испуга, собираясь с мыслями, и определяясь, с чего начать.

— Прежде всего, размер и прочность кости указывают на мужчину. Кого-то с большими и сильными руками. Костные сочленения настолько ярко выражены, что я могу с уверенностью сказать, что этот человек ежедневно занимался физической работой, а именно тяжелым ручным трудом, включающим в себя хватание и удерживание чего-то тяжелого.

— Это интересно.

— Дистальный конец кости к моменту смерти был сильно стерт. Кажется, что мужчина буквально разодрал или процарапал свой палец до кости. Я никогда не видела ничего подобного и затрудняюсь это объяснить.

Бледный мужчина помолчал некоторое время. Потом произнес:

— Этот джентльмен был замурован заживо.

Ганеш подалась вперед.

— В самом деле?

В ответ посетитель коротко кивнул.

— Так это расследование убийства?

— Из разряда очень старых.

— Я понимаю, — она прочистила горло. — Кость хорошо сохранилась и содержит много коллагена. Я сделала радиоуглеродную датировку образца. Условно говоря, кость совсем свежая. Из-за этого было немного трудно определить ее возраст, но он приблизительно составляет около ста сорока лет, плюс-минус двадцать лет.

— И я так понимаю, нет способа как-то уменьшить эту возможную погрешность.

— К сожалению, вы правы. Радиоуглеродная датировка лучше всего работает на артефактах возрастом от пятисот до пятидесяти тысяч лет. Погрешности становятся все больше с обоих концов этого временного интервала.

— Использовали ли вы бета-радиометрию[25] или масс-спектрометрию[26]?

Ганеш очень удивилась. Этот человек пытался показать свои знания, но он знал недостаточно, раз задал столь глупый вопрос.

— С такой относительно недавней датировкой, только газовая масс-спектрометрия даст полезный результат.

— Понимаю.

И тут она задавалась вопросом: может быть, он испытывал ее, и неспроста спросил подобную глупость. Это был весьма странный и загадочный мужчина.

— С изобилием коллагена и отсутствием контаминации[27] мне удалось получить действительно хорошие результаты ДНК. Человек определенно был мужчиной, с семидесяти пятью процентной

вероятностью африканского, остальные двадцать пять — западноевропейского происхождения.

— А вот это любопытно.

— Это типичная смесь для афроамериканцев, почти у всех из них есть некоторая доля европейской родословной. У него, вероятно, был темный, но не черный цвет кожи.

— А каков был его возраст?

— Гистологическое исследование показало возраст около сорока. Оно также показало, что у него было отличное здоровье, помимо нескольких коротких, но серьезных заболеваний, когда он был молод. Тонкие срезы, которые я успела изучить, указывают на то, что болезнь могла быть цингой — и связана с серьезным дефицитом витамина С.

— Значит, этот человек мог быть матросом?

— Факты указывают именно на это. Тот же самый изотопный анализ показал, что его рацион питания в основном состоял из рыбы, моллюсков, пшеницы и ячменя.

— Как вы можете это утверждать?

— Пища, которую вы едите, и вода, которую вы пьете, разбиваются на элементы, и углерод, кислород и азот становятся частью ваших костей. Эти три элемента имеют различные стабильные изотопные соотношения, которые отличаются от пищи к пище — и от источников воды. Основываясь на соотношениях этих изотопов, мы можем сказать, что именно человек ел и пил в течение, скажем, последних двадцати лет своей жизни.

— Пил?

— Да. Когда вы поднимаетесь выше по широте, соотношение изотопов кислорода в пресной воде изменяется.

— Интересно. И на какой широте, находилась вода, которую пил этот человек?

— От 40 до 55 градусов. В Северной Америке это соответствует площади примерно от Нью-Джерси до Ньюфаундленда и западнее. Тест не очень точен.

— А его питание?

— Злаковые поступали с поеданием хлеба, а ячмень, скорее всего, содержался в пиве. Добавьте к этому рыбу и моллюсков, и вы получите классический прибрежный рацион девятнадцатого века. Я протестировала кость на антитела. Они дали положительный результат на малярию.

— Малярия, опять же, подразумевает профессию матроса, разве не так?

— Абсолютно верно. И они также оказались положительны на туберкулез.

— Вы имеете в виду, что он болел туберкулезом?

— Нет. Он был слишком здоров. Однако практически все жители морских портов в девятнадцатом веке имели положительный результат на туберкулез. Все были подвержены воздействию.

— Понимаю. Что-нибудь еще?

— Объединив все это, я могу сделать вывод, что у вас здесь большой, сильный, здоровый, сорокалетний афроамериканец, матрос по профессии, который много работал руками, возможно, рулевым или марсовым матросом[28]; и который, вероятно, принадлежал к довольно зажиточному социально-экономическому классу, так как не выказывает никаких признаков недоедания, кроме цинги. Он родился приблизительно в 1840 году и умер около 1880 года. Когда он не ходил в море, то жил в морском порту или городе. Часть своей жизни он однозначно провел в тропиках или в плавании по тропическим широтам.

Агент ФБР медленно кивнул.

— Замечательно, доктор Ганеш. Действительно замечательно.

— Кости говорят со мной, мистер Пендергаст. Они рассказывают мне свои истории.

Бледный мужчина поднялся.

— Спасибо. Вы были весьма полезны. А теперь, если вы не возражаете, я хотел бы получить свой образец обратно.

Ганеш улыбнулась.

— Мне хотелось бы, вернуть его вам. Но понимаете, каждый вопрос, который я задаю, забирает крошечный кусочек кости. Пока кость рассказывает свою историю, она медленно умирает. Я боюсь, что ваша

кость прекратила существование вместе со своей историей, — она развела руками. Как только она это сделала, мужчина взял одну из ее рук в свою, которая оказалась прохладной и гладкой на ощупь.

— Я склоняюсь перед вашей способностью говорить с мертвыми, доктор Ганеш, — и он поцеловал ей руку.

Ганеш почувствовала, что покраснела и вспыхнула после того, как мужчина ушел.

9

Констанс переступила порог, остановилась и нахмурилась, испытав инстинктивное неодобрение. Это место больше походило на магазин секонд-хенд, нежели на Историческое Сообщество. На стенах в случайном порядке, совершенно лишенном какой-либо гармонии, были развешены различные предметы: выцветшие карты, старые сети, буи, гарпуны, гафели, рожки, парусные иглы, гигантская раковина омара на деревянной дощечке, еще одна дощечка с корабельными узлами и картины с изображением Эксмута в старые добрые времена. В центре этого «музея» стояла рыбацкая плоскодонная лодка длиной около двадцати футов с набором весел, закрепленных между деревянными штырями.

Констанс звякнула открывающейся дверью, когда входила, и сразу же столкнулась с нетерпеливого вида седовласым мужчиной с необычайно жирными, мясистыми ушами, взявшимися неизвестно откуда на его тонком и костлявом лице. Значок на груди идентифицировал его как волонтера по имени Кен Уорли.

— Приветствую, — сказал волонтер, возникая в поле зрения Констанс и предлагая ей брошюру. — Добро пожаловать в Историческое Сообщество и Музей Эксмута!

Пытаясь быть вежливой, Констанс взяла брошюру и пробормотала «спасибо», после чего принялась усердно рассматривать лодку, надеясь, что волонтер исчезнет.

— Хорошая плоскодонка, не правда ли? «*И дряхлость в угол зашвырнет меня*»[29]. Пожалуй, это может стать девизом нашего маленького музея, — продекламировал он.

Возмущенная подобным неточным прочтением строк Шекспира, Констанс без промедлений поправила волонтера.

— *Старость зашвырнет.*

Воцарилась внезапная тишина.

— Вы уверены? Мне придется перепроверить это.

— Нет нужды ничего проверять, — возразила Констанс. — Вы процитировали неверно.

Немедленно ретировавшись, волонтер вернулся к своей куче брошюр, а затем обратился к большой регистрационной книге, начав судорожно перелистывать ее страницы. Констанс, изучая старые, вставленные в рамы карты Эксмута и его окрестностей, могла бы сказать, что волонтер был «побежден, но не сломлен и не покорен[30]».

— Не хотели бы вы оставить свое имя для рассылок и приглашений? — вновь заговорил он, указывая на регистрационную книгу.

— Нет, благодарю. Но мне весьма любопытно, где вы храните свои архивы.

Мужчина моргнул.

— У нас... нет архивов.

— Нет городских газет? Карт собственности? Старых свидетельств о регистрации брака?

— Боюсь, что городские записи были утеряны после Великого урагана 38-го года. Ему дали имя «Янки-Клипер». Он смел на своем пути старые доки Эксмута и разрушил половину города. В бухте Эксмута все еще остались старые руины. Зрелище по-своему живописное.

— Ах, так это все? То есть, все, чем вы располагаете, находится здесь?

— Может, это и не так уж много, но каждый экспонат здесь имеет свою историю. Например, та лодка, которой вы восхищались, использовалась для охоты на синих китов. Когда китов замечали недалеко от острова Кроу, мужчины бросались на пляж и спускали эти лодки на воду. Они преследовали китов, гарпунили их, а затем тащили свою добычу обратно на пляж и потрошили ее прямо на берегу. Представьте себе, какое мужество для этого требовалось! «*Назло Фортуне, вознося свой меч, дымящийся кровавою расправой, как друг отваги, прорубал дорогу к...*»[31];

— *Сотрясая меч.*

Тишина.

— Я уверен, что там было «*вознося свой меч*», — тихим голосом настаивал Кен Уорли. — В юности я играл в драматическом театре. А затем работал режиссером в театре Эксмута в течение двадцати лет.

Чувствуя нарастающее раздражение по отношению к этому надоедливому мужчине, Констанс проигнорировала его замечание и продолжила изучать содержимое музея, внимательно рассматривая картины с изображением кораблей, статьи об ураганах и кораблекрушениях, а также легенды о захороненных пиратских сокровищах. Краем глаза она заметила, как Уорли вернулся к своему месту у регистрационной книги и начал вручную запечатывать конверты. Она надеялась, что эта деятельность отвлечет его — по крайней мере, до тех пор, пока она не закончит осмотр музея.

И вдруг ее поразила внезапная мысль: «*Как бы Алоизий действовал в этой ситуации?*» Смог бы он найти что-то полезное во всех этих потрепанных артефактах и газетных историях? Возможно, она чего-то не заметила? Когда она осмотрелась, до нее дошло, как бы, на самом деле, повел себя в сложившихся обстоятельствах Пендергаст. Осознание заставило ее смириться с накатившим огорчением. Она посмотрела на Кена Уорли, до сих пор с мрачным видом запечатывающего конверты.

— Мистер Уорли?

Он поднял взгляд.

— Да?

И все же метод Пендергаста был непрост. Для нее подобное искажение фактов было несвойственно.

— Если взглянуть с другой стороны, то, кажется, что вы правы, — выдавила она. — Там было «*вознося свой меч*».

Уорли просиял.

— Я много раз играл в «Макбете».

— В театре Эксмута?

— Да. И однажды в Бостоне, в театре на Маркет-Сквер. Был аншлаг.

— В Бостоне, говорите? — она сделала паузу. — Я всегда мечтала играть в театре, но у меня не было возможности. Удивительно, как вы хорошо запомнили все реплики.

Конечно, ее мотивы за столь льстивым замечанием выглядели очевидными. Но все же Уорли энергично закивал.

— Есть несколько способов, — ответил он. — Различные трюки. На самом деле, все это не так уж и сложно.

Констанс находила подобный подхалимаж крайне унизительным, но она с удивлением обнаружила, что, как только она смягчила свой тон, сделав его нарочито заискивающим, это безотказно сработало, и нагловатые манеры Уорли столь же кардинально переменились к лучшему.

— Должно быть, вы знаете всех в городе, — заметила Констанс.

— Конечно же, знаю! Ничто не сближает людей так, как театр!

— Как удачно. Так сложилось, что я питаю особый интерес к маякам, и мне было бы крайне любопытно разузнать что-нибудь о местном. Не окажете ли мне любезность?

— О, конечно! Маяк Эксмута имеет одну из самых богатых историй в Новой Англии, — тоном эксперта произнес Уорли. — Его построили в 1704 году по заказу самой королевы Анны. Он возведен на опасном участке побережья: здесь пропало много кораблей.

— Я надеялась отыскать список смотрителей маяка и сроки их полномочий.

— Сомневаюсь, что у кого-то сохранился официальный список.

Она вспомнила о том, что Пендергаст говорил ей за завтраком.

— А не знаете ли вы, кто был смотрителем в начале 1880-х?

Молчание.

— Почему вас интересуют именно 1880-е?

Похоже, она надавила слишком сильно. Этот этап был самым сложным.

— Как таковой причины нет, — ответила она, заставив себя издать легкий смешок. — Праздное любопытство, не более.

— Что ж, давайте посмотрим. Семейство Слокум было смотрителями со времен Гражданской Войны — вплоть до 1886-го, если не ошибаюсь. В тот год Мид Слокум трагически погиб, упав с лестницы маяка и сломав себе шею. После этого смотрителями стало семейство МакХарди.

Первым был Джонатан МакХарди. Это семейство следило за маяком, до тех пор, пока он не был полностью автоматизирован в 1934-м.

— Выходит, в городе не осталось потомков Мида Слокума?

— Насколько мне известно, их не осталось нигде. Вдовец, детей он не имел. Он был пьяницей. Одна из опасностей этой работы — одиночество. Постоянное одиночество, изоляция — особенно зимой. Говорят, что он буквально сходил с ума последние несколько лет. Утверждал, что видел на маяке призраков.

— Призраков? То есть?

— По ночам он слышал плач младенцев или что-то в этом роде.

— Ясно, — Констанс помолчала. — Не будете ли любезны подсказать, где я могу узнать о нем больше?

Уорли уставился на нее, нахмурив густые брови.

— А вы, часом, не работаете с тем историком?

В дополнение к возрасту и расовой принадлежности найденной в нише фаланги пальца Пендергаст за завтраком упоминал человека по имени Моррис МакКул. Похоже, Констанс просто необходимо научиться задавать вопросы более беззаботно.

— Нет. Это простое любопытство, не более.

— Просто тот парень задавал точно такие же вопросы, — он сделал шаг вперед, приблизившись к ней, и по его лицу пробежала тень подозрения. — С кем именно вы прибыли?

Констанс несколько смутилась, одновременно испытав резко вспыхнувшее раздражение. Похоже, она все испортила. Однако лгать она не осмелилась — не в таком маленьком городке, как этот.

— Я прибыла с мистером Пендергастом, частным детективом. Он расследует кражу дорогой коллекции вин.

— А! Тот тип на красной машине, которого вчера арестовали?

— Да.

— Повезло ему. Шеф Мердок — настоящая лошадиная задница, — похоже, для Уорли то, что арест проводил сам шеф местной полиции,

играло только на руку репутации Пендергаста. — Если б вы немного конкретизировали, что именно вы ищете, может, я бы смог вам помочь.

— Хотела бы я конкретизировать. Но пока могу лишь сказать, что изучаю историю города.

— Тот, кто украл вино у господина Лейка, поступил отвратительно. Мистер Лейк — хороший человек. Но я не уверен, что история города имеет к этому хоть какое-то отношение.

— Мы стараемся работать основательно. Поэтому в особенности меня интересуют сведения об афроамериканском населении города.

— О, это весьма интересная история.

— Прошу вас, продолжайте.

— Неподалеку от старой набережной находилось место, которое они назвали Дилл-Таун. Оно считалось черным кварталом города.

— Почему Дилл-Таун?

— Названо в честь освобожденного раба, который первым поселился там. Его звали Джон Дилл. Большинство его первых поселенцев были моряками. Эта зона была какое-то время более процветающей, чем белокожая часть города.

— Почему?

— Его жители дольше находились в море, работали на китобойных и зерногрузных судах. Когда выходишь в море, там всем плевать на цвет твоей кожи. Там ценят то, что ты можешь сделать. Экипажи на этих судах были полиглотами, говорили на нескольких языках.

— А когда они возвращались назад — в Эксмут — возникала межрасовая напряженность?

— Поначалу нет, когда всем еще хватало работы. Но позже у жителей остальных районов вспыхнуло негодование из-за процветания Дилл-Тауна. Видите ли, белокожие в Эксмуте были в основном прибрежными рыбаками. Они не выходили надолго в море во время рассвета китобойного промысла, а чернокожие — выходили. Но затем из-за Кракатау[32], дела пошли плохо у всех.

— Кракатау?

— Да, именно. В конце 1883 года случилось извержение Кракатау. На следующий год после этого никакого лета в Эксмуте не было. Люди говорят, что в 1884 заморозки обрушивались на город каждый месяц. Урожай погиб, рыбная промышленность фактически полностью обанкротилась. К тому времени дела на китобоях уже шли плохо, так как они не приносили легких денег. Все двигалось от плохого к худшему, пока не произошел один инцидент: чернокожего юношу обвинили в изнасиловании белой женщины. Его линчевали.

— Линчевали? В Массачусетсе?

— Да, мэм. Люди просто набросились на него, растерзали, а тело бросили в бухту. Это случилось в 1902 году. Для чернокожих из Дилл-Тауна этот инцидент стал началом конца. К тому времени «Янки-Клипер» уже пронесся в 38-м, сровняв Олдхэм с землей.

— Олдхэм?

— Очень отсталое поселение, существовавшее к югу отсюда, на острове Кроу. Его бывшая территория теперь считается заповедником.

— Вот как. Что ж, вернемся к линчеванию. У вас есть догадки, кто был ответственным за это?

— Обыкновенные пьяные злодеи. Сейчас это лишь постыдное прошлое, и вряд ли кто-либо захочет рассказывать об этом.

— Но вы — говорите об этом.

— Моя семья «издалека», как любят говорить в Эксмуте. Мои родители переехали сюда из Даксбери, и я успел повидать мир, прежде чем осесть в этой глуши. Не забывайте, я ведь играл Макбета в Бостоне.

Констанс протянула ему руку.

— К слову, я не представилась. Констанс Грин. Благодарю вас за красочный рассказ.

Он ответил на рукопожатие.

— Рад познакомиться с вами, Констанс. Кен Уорли, к вашим услугам.

— Если у меня возникнет еще несколько вопросов, могу я вернуться и обратиться к вам?

— Беседа с вами будет мне в радость. И я надеюсь, что вы и мистер Пендергаст сможете насладиться нашим милым городком, пока

находитесь здесь, — он отвел руку в сторону и продекламировал, — «*Приятно расположен этот замок! И самый ветер, ласковый и легкий, смягчает ваши чувства*[33]».

Констанс знала, что, возможно, в будущем этот человек еще может оказаться полезен им с Пендергастом. Однако ее терпение уже балансировало на грани.

— *Воздух*, — поправила она.

Уорли моргнул.

— Прошу прощения?

— «*Воздух*». Не «*ветер*». Еще раз спасибо за вашу помощь, мистер Уорли, — и, сделав легкий реверанс, она поспешила выйти из здания.

10

Брэдли Гэвин вышел из офиса, на ходу доедая свой ленч. Он остановился, увидев мужчину, словно отдыхавшего в приемной полицейского участка. Это был частный детектив Пендергаст. Гэвину было нестерпимо любопытно, что собою представлял субъект, которому удалось так сильно разозлить шефа полиции. Не то, чтобы это было трудно сделать — все, что требовалось, чтобы хорошенько вывести из себя его начальника, так это попросту вынудить его взяться за настоящую работу. В течение последних двух лет Гэвин занимался практически всей полицейской работой в городе… в то время, как его шеф наслаждался выписыванием штрафных квитанций за парковку. Ему оставалось потерпеть еще шесть месяцев до того момента, как Мердок отправит свою ленивую задницу в отставку, и Гэвин займет место шефа полиции. По крайней мере, он на это надеялся, а исход, разумеется, зависел от решения членов городского правления. Но он был преданным офицером, его семья считалась в Эксмуте почетной, и Гэвин входил в городской круг избранных, который возглавлял его отец, посему он чувствовал, что имеет неплохие шансы занять желаемый пост.

Отложив своей ленч в сторону, Гэвин посмотрел на Пендергаста, задаваясь вопросом, не слишком ли вызывающе ведет себя этот человек, рискуя появляться здесь на следующий же день после своего ареста.

— Я могу вам помочь? — вежливо спросил сержант.

Человек в приемной обратил на него внимание, сделал шаг вперед и протянул руку.

— Мы официально не знакомы. Я Пендергаст.

Гэвин пожал протянутую руку.

— Я сержант Гэвин.

С улицы в приемную вошел очередной посетитель: это оказалась секретарша Пендергаста… или ассистентка… или как там еще он ее называл? Молодая хрупкая девушка по имени Констанс. Она молча взглянула на сержанта своими странными фиалковыми глазами. Ее волосы отдавали раскаленным, насыщенным оттенком красного дерева, и, хотя в одежде она придерживалась очень (даже слишком) строгого стиля, наряду не удавалось полностью скрыть ее довольно пышные формы. Гэвин с некоторым усилием заставил себя сосредоточиться на Пендергасте.

— Правильно ли я понимаю, что вы и шеф возглавляете органы правопорядка в Эксмуте?

«Органы правопорядка». Гэвин теперь понял, как этому типу удалось разозлить шефа.

— У нас… довольно небольшой отдел, — скромно потупился он.

— Мне требуется доступ к некоторым файлам для моего расследования. Вы можете мне с этим помочь?

— Эм, нет, боюсь, это должен сделать шеф.

— Превосходно! Не могли бы вы пригласить его сюда, ко мне?

Гэвин внимательно посмотрел на детектива.

— Вы действительно хотите пойти по *этому* пути?

— Пойти куда? Я никуда не собираюсь.

Гэвин не мог сказать точно, был ли этот тип умником или тупицей. Он повернулся.

— Салли, скажи, пожалуйста, шефу, что к нему пришел мистер… эм… Пендергаст и хочет его видеть.

Секретарша, казалось, занервничала.

— Ты уверен?..

— Да, пожалуйста.

Она неохотно нажала на кнопку связи и пробормотала что-то в микрофон.

Гэвин знал, что шеф появится. Арест Пендергаста накануне его не успокоил: с тех пор он ворчал и ругался, беспрестанно упоминая об этом человеке и его нежелательном присутствии в городе.

Что ж, шоу обещало быть забавным.

Мгновение спустя из своего офиса вышел шеф Мердок. Он двигался с медленной основательностью и, похоже, готовился к драке. Он остановился у входа в приемную, переводя взгляд с Пендергаста на Констанс и обратно.

— В чем дело?

— Спасибо, шеф, что согласились встретиться со мной, — Пендергаст шагнул вперед, извлекая из кармана лист бумаги. — У меня есть список файлов, которые требуются мне для расследования дела о краже вина. Здесь упоминаются ваши отчеты о домашних кражах — в том числе и со взломом — за последние двенадцать месяцев. Кроме того, я хотел бы знать, есть ли в городе бывшие заключенные. А также я был бы признателен, если б вы могли одолжить мне сержанта Гэвина, чтобы он помог мне просмотреть эти файлы и ответить на некоторые вопросы по мере их возникновения.

Пендергаст замолчал. Повисла долгая, взрывоопасная тишина, пока шеф Мердок тупо смотрел на своего посетителя. А затем он засмеялся — громким, безрадостным, гортанным смехом.

— Я просто не могу поверить! Вы заявились сюда и предъявляете *мне* требования?!

— Это просьба. И вполне резонная, я ведь не завершил свое расследование.

— Убирайтесь. Сейчас же. Я не хочу видеть здесь вашу тощую вездесущую задницу до суда.

— Или?

— Или я нацеплю на вас «браслеты», как раньше, и вы проведете здесь ночь в качестве моего особого гостя.

— Вы угрожаете мне еще одним арестом?

Лицо шефа побагровело от ярости, его мясистые руки сжались в кулаки и согнулись в локтях. Гэвин никогда не видел начальника настолько сердитым. Мердок сделал шаг вперед.

— Последний гребаный шанс, членосос!

Пендергаст даже не шевельнулся.

— Я ведь вежливо прошу о сотрудничестве и возможности просмотреть некоторые файлы. Простого «нет» было бы вполне достаточного.

— С меня хватит. Гэвин, в наручники его.

Гэвин встревожился: он вовсе не ожидал, что шеф втянет его во все это.

— Эм... по какому обвинению, сэр?

Шеф в ярости повернулся к нему.

— Не задавай глупых вопросов! Он нарушил границы частной территории. Заковать его!

— Границы частной территории? — переспросила Констанс Грин, и в ее тихом голосе зазвучала неожиданная угроза. — В общественном месте?

Ситуация обернулась вовсе не такой забавной, как ожидал Гэвин. Он уставился на шефа, а тот, в свою очередь, угрожающе пялился на него. С огромной неохотой сержант обратился к Пендергасту.

— Повернитесь спиной, пожалуйста.

Пока Гэвин снимал с пояса наручники, Констанс Грин двинулась вперед.

В тот же момент Пендергаст жестом велел ей остановиться, затем завел руки за спину и выполнил указание сержанта. Но когда Гэвин собрался надеть на него наручники, Пендергаст вежливо попросил:

— Не могли бы вы достать мой бумажник из заднего кармана?

Бумажник? Тон этого мужчины вдруг охладел на несколько градусов, и у Гэвина возникло колющее неприятное предчувствие, что вот-вот произойдет нечто ужасное. Он вытащил бумажник.

— Переложите его в карман моего пиджака, будьте так добры.

Пока Гэвин возился с бумажником, шеф выхватил его из рук подчиненного и распахнул, тут же столкнувшись с бликами синего и золотого цвета.

Повисло молчание.

— Что это, черт побери? — спросил шеф, глядя на раскрытый бумажник так, будто никогда в жизни не видел ничего подобного.

Пендергаст сохранил молчание.

Мердок медленно прочитал надпись на жетоне.

— Ты... агент ФБР?

— То есть, вы все же умеете читать? — едко спросила Констанс.

Лицо шефа приобрело почти такой же белый оттенок, как лицо Пендергаста. Тон сразу сделался заметно почтительнее.

— Почему же вы... ничего не сказали?

— Это было неуместно. Я же не на службе.

— Но... Господи Боже! Вы должны были показать удостоверение! Вы просто позволили мне предположить...

— Предположить — что?

— Предположить... что вы просто... — его голос оборвался.

— Что он просто гражданское лицо, и поэтому вы можете издеваться над ним и оскорблять? — спросила Констанс своим шелковым, старомодным тоном. — Я ведь предостерегала вас от этого.

Пока Гэвин молча наблюдал, Пендергаст приблизился к шефу полиции.

— Шеф Мердок, за все годы службы в ФБР я редко видел злоупотребление полицейской властью в том масштабе, в котором я наблюдал сие явление в вашем городке. Вчера из-за незначительного нарушения правил парковки вы оскорбили меня в грубой форме, угрожали физическим насилием, арестовали меня и посадили в тюрьму без причины. Кроме того, сегодня вы использовали уничижительный термин, весьма оскорбительный для ЛГБТ-сообщества.

— ЛБГ... что? Я этого не делал!

— И, наконец, вы не зачитали мне мои права, согласно Правилу Миранды[34].

— Ложь! Это все ложь! Я зачитал вам права! Вы ничего не докажете!

— К счастью, весь процесс нашего общения был зафиксирован на видео камерой безопасности магазина одежды, расположенного прямо через улицу. Теперь у меня имеется копия этой записи благодаря специальному агенту Рэндольфу Булто из Бостонского отделения Бюро, который оказал мне услугу и помог получить необходимый ордер сегодня утром.

— Я… я… — шеф полиции едва мог говорить.

Повернувшись к Гэвину, Пендергаст кивнул на наручники.

— Вы не снимете их с меня, пожалуйста?

Гэвин порывисто выполнил просьбу и вернул наручники на свой служебный ремень.

— Благодарю вас, — Пендергаст отступил на шаг. — Шеф Мердок, как говорил поэт-классик, «тропинки скрестились в лесу»[35]. У нас с вами тоже две тропинки. Хотите знать, какие именно?

— Тропинки? — шеф не мог взять себя в руки, он пребывал в шоке.

— Да, тропинки. Первая более хоженая: я подаю на вас жалобу за злоупотребление правами служебного положения, а видеозапись в качестве доказательства увенчает список моих свидетельств. Это закончит вашу карьеру с позором перед самой отставкой, уничтожит вашу репутацию, поставит под угрозу вашу пенсию и, возможно, приведет к ухудшению общественного положения или даже к незначительному тюремному заключению. Есть и другая тропинка, — он подождал, скрестив руки на груди.

— Какая вторая тропинка? — наконец прохрипел шеф полиции.

— И вы еще называете себя новым англичанином…. вторая тропинка заброшенная, разумеется! И на ней вы полностью посвящаете себя моему расследованию. Во. *Всех*. Смыслах. На этой тропинке мой коллега специальный агент Булто удаляет видеозапись, и мы больше никогда не будем говорить обо всей этой ситуации. О, и, разумеется, все обвинения против меня будут сняты, — он сделал паузу. — Так какую тропинку мы выбираем?

— Эту тропинку! — поспешно ответил шеф. — Я выбираю ту, которая заброшенная.

— И это все прочее определит, — Пендергаст вновь обратился к стихотворению. — О, да, чуть не забыл. Вот, — агент помахал списком интересующих его файлов перед носом шефа.

Мердок чуть не уронил бумагу из-за своего поспешного намерения схватить ее.

— Я соберу для вас все эти файлы к завтрашнему утру.

Агент ФБР быстро переглянулся со своей молодой ассистенткой. Она посмотрела на шефа с выражением презрительного удовлетворения, затем развернулась и молча покинула участок.

— Премного благодарен, — Пендергаст протянул руку. — Я полагаю, мы с вами быстро станем *близкими друзьями*.

Наблюдая за тем, как этот странный дуэт покидает участок, Гэвин подумал: *«Этот тип жутко самоуверен, но эта Констанс Грин… есть в ней нечто пугающее… странное, интригующее, но пугающее»*.

11

Уолт Аддерли, владелец гостиницы «Капитан Халл», вышел из своего кабинета и направился по узкому коридору, который привел его в ресторан «Штурманская рубка». Он заглянул в слабоосвещенное помещение. На часах было час тридцать дня, обеденное время подошло к концу — люди в Эксмуте предпочитали обедать рано, — но Аддерли знал после проверки выручки, что сегодня у них побывала приличная толпа посетителей.

Его взгляд остановился, когда он наткнулся на фигуру, одиноко сидящую за восьмым столиком. Это был именно тот мужчина, который расследовал кражу вин из погреба Лейка. Персиваль рассказывал Аддерли, что этот человек был агентом ФБР, и, конечно же, Аддерли не поверил: Лейк любил немного пошутить. Скульптор также рассказал ему, что этот мужчина по фамилии Пендергаст — Аддерли, вспомнил имя из регистрационного списка гостиницы — был довольно эксцентричным по натуре. Это, по крайней мере, звучало правдоподобно: парень был одет в костюм безжалостного черного цвета,

как будто находился в трауре, и даже в тусклом свете ресторана его бледное лицо выделялось, как белая луна на черном небосводе.

Пока Аддерли рассматривал его из скрытого коридора, Марджи, старшая официантка, суетилась с заказом мужчины.

— Вот, держите, — сказала она, — Жареный сом. Приятного аппетита!

— И в самом деле, — Аддерли услышал в ответ голос Пендергаста. Мгновение он присматривался к тарелке. Затем он взял вилку, ткнул ею в тарелку, и, наколов кусочек рыбы, сделал пробный укус. Затем он снова отложил вилку. Теперь он осмотрел ресторан — сейчас он был пуст, за исключением старого Уилларда Стивенса, допивавшего свою третью и последнюю чашку кофе, — и жестом подозвал официантку.

— Да? — спросила Марджи, когда снова подошла к нему.

— Могу ли я спросить, кто именно это приготовил?

— Кто? — Марджи моргнула от этого неожиданного вопроса. — Наш повар, Реджи.

— Он работает у вас поваром на постоянной основе?

— Сейчас — да.

— Ясно.

С этими словами мужчина поднял свою тарелку, встал и прошел с нею мимо других столов, обогнул барную стойку, и направился через двойные двери, которые вели на кухню.

Это было настолько необычно, что озадаченный Аддерли еще на мгновение застыл там же, где и стоял. У него бывали настолько довольные посетители, что просили повара выйти и выражали лично ему свою благодарность. Иногда ему приходилось, наоборот, по разным причинам возвращать блюда на кухню. Но он никогда раньше не видел, чтобы клиент просто вставал и шел на кухню, неся с собой свой обед.

Ему пришло в голову, что лучше пойти и посмотреть, что случилось.

Он вышел из прохода в ресторан, а затем прошел на кухню. Обычно кипящее суетливой деятельностью, сейчас кухонное помещение было почти недвижимым. Мойщик посуды, две официантки, линейный повар и Реджи — все сбились в кучу, наблюдая за человеком по имени Пендергаст, пока тот бродил около зоны приготовления пищи, открывал

ящики, вынимал различный инвентарь и изучал его перед тем, как положить обратно. Затем он обратил свое внимание на Реджи.

— Я полагаю, вы повар? — спросил Пендергаст.

Реджи кивнул.

— И какова, скажите на милость, ваша квалификация?

Реджи выглядел так же удивленно, как и все остальные.

— Четыре года я работал в столовой на флоте.

— Понятно. Ну, может быть, вы еще не совсем безнадежны, — Пендергаст поднял свою обеденную тарелку и протянул ее Реджи.

— Начнем с того, что на этом далеком севере просто невозможно достать хорошего сома. И я предполагаю, что вначале эта рыба была заморожена, правильно?

В словах Реджи начала сквозить защита.

— И что с того?

— Замечательно, но ради всего святого, молодой человек, мы же находимся на берегу океана! И у вас, конечно же, есть доступ к свежей рыбе — терпуг, минтай, камбала, окунь?

— Уэйт только вчера вернулся со свежим уловом, — ответил Реджи после долгой паузы.

Это было уже слишком. Аддерли шагнул вперед, чтобы вмешаться. Он не хотел потерять своего лучшего повара.

— Мистер Пендергаст, — сказал он, — у вас проблема?

— Я собираюсь сам приготовить себе обед. И при этом Реджи был столь любезен, что согласился выполнять функции помощника повара.

Аддерли задался вопросом, может этот Пендергаст был не столько эксцентричным, сколько просто немного сумасшедшим.

— Извините, — сказал он, — но посетители не могут находиться н кухне, это нарушает порядок…

— Единственный порядок, который может быть нарушен — это порядок в моем желудочно-кишечном тракте. Но если это вас успокоит… —

мужчина полез в карман своего костюма, вытащил сине-золотой жетон, показал его Аддерли, и тот прочел на нем «ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮРО РАССЛЕДОВАНИЙ».

«*В конце концов, Лейк не шутил*». Аддерли отступил на шаг, а Пендергаст продолжил:

— Расскажите мне об этом улове господина Уэйта.

Реджи обменялся взглядами с Аддерли. Владелец гостиницы кивнул. «*Просто подыграй*», — беззвучно произнес он. Реджи кивнул в ответ, шагнул к холодильнику, открыл дверь и внезапно замер.

— Что такое? — спросил Пендергаст.

— Я могу поклясться, что купил дюжину цельных палтусов у Уэйта. Но здесь их всего десять.

— Я собирался поговорить с тобой об этом, — вмешался Аддерли, все еще пытаясь преодолеть свое удивление. — Я заметил регулярное несоответствие заказов и накладных на поставку. Думаю, у нас завелся продуктовый вор. Тебе лучше сообщить всем, что я не в восторге от этого.

Пока Аддерли говорил, агент ФБР вошел в холодильник, на мгновение исчезнув из вида.

— Ага! — он появился секунду спустя с большим, потрошеным палтусом в руках. — Конечно, не камбала, но он тоже подойдет. Могу я получить, пожалуйста, сковороду? Чугунную, хорошей закалки.

Реджи достал сковороду.

— Отлично. Хм, Реджи, как ваша фамилия?

— Шератон.

— Спасибо, мистер Шератон, с чего бы вы начали его приготовление?

— Сначала я бы его разделал.

— Милости прошу. Он положил рыбу на разделочный стол и с одобрением наблюдал, как Реджи мастерски ее разделывает.

— Отличная работа, — заметил Пендергаст. — Это наполняет меня надеждой. Теперь скажите мне, как бы вы его приготовили?

— В жиру, конечно же.

Пендергаст вздрогнул.

— В неочищенном масле?

— Очищенном?

На мгновение повисла тишина.

— Ладно. Мы ограничимся простейшей подготовкой. Не могли бы вы поставить эту сковороду на сильный огонь?

Реджи подошел к кухонной плите, включил горелку и поставил на нее неглубокую сковороду.

— Теперь добавьте немного масла, пожалуйста. Не слишком много, достаточно, чтобы только покрыть дно сковороды... Хватит, хватит, этого более чем достаточно!

Реджи отошел от того, что было похоже на невероятно маленькую пленку масла. Остальная кухня продолжала наблюдать за происходящим с безмолвным удивлением.

Пендергаст стоял, держа рыбу в руках.

— Итак, мистер Шератон, если не возражаете, не могли бы вы собрать остальную часть мизансцены — грибы, чеснок, белое вино, мука, соль, перец, петрушка, половинка лимона и сливки?

Пока Реджи обходил кухню, собирая ингредиенты во все более гнетущей тишине, Пендергаст следил за сковородой. Аддерли с увлечением и любопытством наблюдал за кулинарным уроком.

Пендергаст посолил рыбу с обеих сторон и отложил ее.

— Поварской нож?

Стью, линейный повар, вручил ему нож. Пендергаст осмотрел его.

— Он недостаточно острый! Разве вы не знаете, что тупой нож опаснее острого? Где у вас точило?

Точило было предоставлено, и Пендергаст с видом знатока провел по нему ножом несколькими уверенными движениями. Затем, повернувшись к грибам, он разделил один из них на четыре части быстрым, ловким движением. После он вручил нож Реджи, который разрезал остальные грибы, измельчил зубчик чеснока и немного петрушки, пока Пендергаст наблюдал за ним.

— У вас хорошие навыки владения ножом, — сказал он. — Это обнадеживает. Теперь давайте обратим внимание на рыбу. Если мы собираемся приготовить палтуса à la minute[36], сковорода должна быть очень горячей, и рыба из-за этого должна быстро приготовиться. Сейчас как раз правильный огонь.

Он поднял рыбу и положил ее с шипящим звуком на горячую сковороду. Он ждал, как будто подсчитывая секунды, а потом сказал:

— Теперь, вы видите? Его уже можно перевернуть. Тонкая корочка уже образовалась.

Пендергаст скользнул шпателем для рыбы под палтуса и осторожно перевернул его. Сие почти театральное действо сопровождалось сильным шипением масла.

— Но на флоте... — начал Реджи.

— Вы больше не жарите во фритюре рыбные палочки для нескольких сотен мужчин. Вы готовите для одного, разборчивого клиента. Вот и все!

И Пендергаст переложил рыбу на чистую тарелку.

— Обратите внимание, что я уложил ее презентабельной стороной вверх. Теперь смотрите, мистер Шератон, если хотите. Агент ФБР плеснул на сковородку белого вина, и, когда поднялись клубы пара, он добавил муку и еще немного масла, а затем быстро встряхнул сковороду, смешивая ингредиенты.

— Я делаю простейший бер-манье[37], который станет основой для приготовления соуса, — пояснил он. Минуту спустя в ход пошли грибы, затем чеснок. Держа рукоятку сковороды прихваткой повара, Пендергаст быстро обжарил ингредиенты, затем добавил щедрую порцию сливок, стоя прямо над плитой и постоянно взбивая. Через минуту он выключил огонь, взял ложку, попробовал соус, добавил приправы, снова окунул ложку в соус, а затем показал ее Реджи.

— Заметьте, мистер Шератон, как соус слегка покрывает ложку. Французы называют это *nappe*[38]. В будущем я бы просил вас убеждаться, что ваш соус будет изготавливаться именно в такой последовательности, прежде чем подавать его мне. Он налил на рыбу произвольное количество соуса, украсил ее петрушкой, а следом взбрызнул лимонным соком.

— Filets de Poisson Bercy aux Champignons[39], — немного вычурно объявил он. — Или, вернее, Filets de Sole Pendergast[40], так как в

сложившихся обстоятельствах я был вынужден сделать несколько сокращений в паре ингредиентов и технике. Итак, мистер Шератон: как вы думаете, вы могли бы воспроизвести этот рецепт с максимальной точностью для моих будущих обедов в этом заведении?

— Он достаточно прост, — быстро ответил Реджи.

— В этом и состоит его красота.

— Но... на каждый обед?

— На каждый мой обед. Пендергаст потянулся к карману, достал стодолларовую купюру и вручил ее повару. — Это компенсация за ваши сегодняшние неудобства.

Реджи уставился на него, выражение негодования на его лице сменилось удивлением.

— Вы постоянно работаете на ланчах, так же как и на обедах? — спросил Пандергаст обнадеживающим тоном.

— Только два раза в неделю, — ответил Реджи.

— Ах, понятно. Тогда давайте пока будем довольствоваться обедом. Filets de Sole Pendergast на ближайшее обозримое будущее, если вы будете так любезны. Примите мою благодарность.

И на этом Пендергаст поднял тарелку, развернулся и вышел из кухни. Аддерли обратился к Реджи, смеясь, и ударив его по спине.

— Ну и ну, Реджи, похоже, у нас появилось новое блюдо в нашем меню. Что ты думаешь об этом?

— Полагаю, что так и есть.

— Я добавлю его на доску.

И Аддерли вышел из кухни, посмеиваясь про себя, оставив Реджи и остальных сотрудников, которые продолжали смотреть друг на друга, разинув рты от удивления, еще долгое время после того, как двойные двери ресторана перестали хлопать.

Бенджамин Франклин Бойл погрузил свою лопатку для ловли моллюсков в грязь и достал большую жирную прелесть. Пока он вытаскивал ее, она брызнула в знак протеста, но он закинул ее в лоток, прошел на несколько шагов вперед, — его резиновые сапоги громко протестующе хлюпали — снова погрузил лопатку в землю и открыл новую щель в грязи, извлекая оттуда двух моллюсков. Еще несколько шагов, еще один удар лопаткой, и еще несколько моллюсков отправились в лоток, а затем Бойл решил передохнуть, опираясь на лопатку, глядя на грязевые уступы в устье реки и на море за его пределами. Наступил слабый отлив, и солнце садилось за море, пытаясь напоследок прорваться сквозь грозовые облака. Это был прекрасный осенний вечер. Бойл вдохнул запах соленого воздуха, болотную вонь илистых отмелей, которую он так любил, и прислушался к крикам чаек, пока они носились и кружили над болотами Эксмута.

Пять лет назад, в возрасте шестидесяти пяти лет, Бойл бросил рыбалку и продал драгер. Это была тяжелая работа, и, ему стало казаться, что гребешки измельчали, и их стало труднее находить, а в последние несколько лет его улов стали в основном составлять бесполезные морские звезды, которые вдобавок рвали ему сети. Он был рад избавиться от лодки и получил за нее достойную цену. К тому же он скопил достаточно денег, экономя каждый цент пенсии. Ловлю же моллюсков он оставлять не хотел — она не давала ему простаивать без дела, приносила свой небольшой, но стабильный доход, и позволяла чаще бывать рядом с морем, которое он так любил.

Переводя дыхание, Бойл взглянул на блестящую отмель. Он отметил на ней множество отверстий от мягкотелых моллюсков. Это была хорошая отмель, и никто не ловил здесь моллюсков какое-то время, потому что сюда было так трудно добраться: надо было пройти через острую болотную траву и утомительно миновать другую отмель, расположенную ближе, но в которой уже практически не осталось моллюсков. Бойл считал, что добраться сюда было не так уж и сложно, а вот возвращаться с сорокафунтовым лотком, полным моллюсков — уже дерьмово.

Он воткнул лопатку в блестящую, дрожащую грязевую поверхность, затем отступил назад, извлекая еще несколько моллюсков. Он поддерживал определенный ритм, продвигаясь на несколько шагов вперед каждый раз. Затем: сильный удар, переворот, сбор, бросок, и снова повторение процесса. Во время этой работы его путь подошел к краю болотной травы, и, как только он приблизился, то остановился, чтобы присмотреться к еще одному хорошему направлению. Он топнул ногой по дрожащей грязи, и увидел, что с правой стороны выстрелила куча брызг. Место явно сулило быть плодовитым. Но когда он наклонился, чтобы начать новый ряд, то увидел в сумерках нечто странное: то, что выглядело, как шар для боулинга с торчащими из него

волосами. Он был прикреплен к чему-то мешковатому, частично погруженному в мутный канал, который змеился сквозь грязь.

Бойл отложил тяжелый лоток и пошел посмотреть, что это такое, его болотные сапоги с каждым шагом издавали ужасный шум. Бойлу не потребовалось много времени, чтобы осознать, что он смотрит на тело, застрявшее в грязи, и спустя еще несколько шагов он достиг его. Это был обнаженный мужчина, лежавший лицом вниз, с вывернутыми ногами и руками, лицо и нижняя часть тела были погружены в грязь на несколько дюймов. Задняя часть головы оказалась частично лысой, с большим блестящим пятном в самом центре кольца из волос, покрытых кристаллами соли. Крошечный зелёный краб, почувствовав движение, перебежал с одного клочка волос на другой и спрятался в начесе.

Бойл видел много тел, утонувших и выброшенных на берег, и это тело выглядело так же, как и большинство из них, вплоть до дыр, пронзающих плоть здесь и там, где хищная морская живность — крабы, рыбы, омары — уже начала свое пиршество.

Некоторое время он стоял, прикидывая, кто бы это мог быть. Он не мог припомнить точно такую лысину, но у многих людей были лысины, и без одежды он просто не мог придумать вероятные варианты. Конечно, он должен был позвонить в полицию, но любопытство овладело им. У него в руке все еще была лопатка, поэтому он нагнулся к трупу и засунул ее под живот в грязь. Другой рукой он схватился за плечо трупа, и подтянул его. Тело вырвалось из вязкой грязи и плюхнулось с отвратительным сосуще-хлюпающим звуком, окоченевшая рука тяжело рухнула в ил.

Невозможно было ничего рассмотреть; лицо и торс были полностью покрыты черной грязью. И что дальше? Ему нужно было смыть ее с лица. Обходя тело, он пробрался к мелководью русла канала, сложил ладони и начал плескать воду на тело. Грязь быстро отмылась, белая плоть обнажилась под подтеками грязи.

Бойл остановился, застыв. Лицо в значительной степени было съедено — глаза, губы, нос — как он знал, это было не так уж необычно для тела, погруженного в соленую воду. В смятение его повергло не лицо, а торс человека. Он уставился на него, пытаясь рассмотреть. То, что он сначала принял за грубые татуировки, оказалось, было чем-то совсем иным.

Бенджамин Франклин Бойл оперся на лопатку для моллюсков, и выудил из кармана под рыбацкими сапогами свой сотовый телефон. Он набрал номер полицейского отделения Эксмута. Когда диспетчер ответил, он произнес:

— Дорис? Это Бен Бойл, звоню с илистых пойм. Я здесь нашел тело, никого другого поблизости нет, похоже, его принесло сюда из болот. Над ним поработал настоящий художник. Нет, я не могу описать это, вам просто нужно будет самим это увидеть.

Он объяснил свое местоположение более подробно, а затем повесил трубку и засунул телефон обратно в карман.

Нахмурившись, Бойл подумал, что делать дальше. Даже если бы полицейские выехали немедленно, они не смогли бы добраться сюда, по крайней мере, еще минут двадцать. Еще было время, чтобы наполнить свой лоток.

Он стукнул ногой по грязи, увидел, где поднялись маленькие пузырьки воздуха, и начал прокапывать по ним ряд, выстраивая ритм: два шага, удар, переворот, сбор, бросок и снова повтор.

13

Брэдли Гэвин поправил последнюю фонарную стойку, стоя по пояс в грязи, и подключил шнур к генератору. Не без усилий он вытащил из топи свои ноги, обутые в болотные резиновые сапоги и отступил на временный дощатый настил, опоясывающий участок.

Он провел последний час, перетаскивая эти самые деревянные доски, и укладывая их на месте преступления в этот самый настил, размещая генератор, настраивая огни, ограждая периметр и следуя инструкциям следователя-SOCO[41] — большого человека по фамилии Малага, проделавшего большой путь сюда из Лоуренса в компании вместе с криминалистом и фотографом. Эти трое джентльменов ныне ожидали, стоя на краю болота, когда же все будет настроено, чтобы, наконец, высунуть свой нос с берега и приступить к своим делам, не запачкавшись.

— Проверь топливный датчик на генераторе, — скомандовал шеф, стоя на досках со скрещенными на груди руками в новых блестящих болотных сапогах, которые еще не повидали и капельки грязи. Шеф пребывал в отвратительном настроении с момента последнего визита Пендергаста, и его душевный разлад только усилился, когда было найдено тело. Для Гэвина причина столь резкого ухудшения его настроения была предельно ясна: здесь произошло нечто, идеально спланированное, требующее реального разбирательства и откладывающее отставку Мердока. Это событие, разумеется, уравновесит низкий уровень преступности, которым шеф наслаждался на протяжении почти всего

своего срока пребывания на посту. Естественно, основная проблема Мердока заключалась в том, что сейчас ему и в самом деле придется расследовать преступление.

Гэвин пожал плечами. Он привык к этому. Еще полгода, и все будет кончено, а после — если повезет — он сам станет шефом полиции.

Он проверил топливный датчик на генераторе, как и было велено.

— Все еще почти полный.

Гэвин старался не смотреть в ту сторону, где лежало тело — лицом вверх, оставленное в той позе, в которую его переместил собиратель моллюсков. А ведь этот сукин сын, даже после того, как уже нашел труп, остался здесь и продолжил собирать моллюсков вокруг него, полностью уничтожив все улики, которые могли бы еще здесь остаться! Надо думать, следователю Малаге придется несладко при виде этого зрелища.

— Ну, ладно, — воскликнул Мердок, вырывая Гэвина из его раздумий. — Похоже, у нас все готово, — он поднял рацию. — Мы готовы к приходу следователей-SOCO.

Тяжело дыша, Гэвин попытался соскрести палкой остатки грязи со своих резиновых сапог.

— Эй, Гэвин, только не тащи грязь на настил!

Гэвин отошел в сторону и продолжил очищать сапоги, отбрасывая шматки грязи в темноту. На болота опустился холодный вечер, липкий туман сгустился низко над землей, покрыв место преступления мистической белой пеленой. Теперь окружающий пейзаж по-настоящему походил на декорации из фильма ужасов.

Он услышал голоса и увидел огни, пробивающиеся сквозь туман. Через мгновение показался высокий суровый мужчина: Малага. У него была бритая, блестящая, словно после полировки, голова, венчавшая массивную шею, покрытую черными волосами. Всем своим видом он напоминал быка. За ним следовал молодой азиат — эксперт-криминалист — а позади, кряхтя и шаркая, мужчина, явно страдавший ожирением, нес оборудование для фотосъемки.

Малага остановился на краю места преступления и заговорил глубоким, мелодичным голосом:

— Спасибо, шеф Мердок, — он махнул вперед фотографу, который, по крайней мере, профессионально сделал снимки со всех ракурсов, наклонившись, затем поднявшись во весь рост, повернувшись и так, и

эдак. Молчаливые вспышки озаряли место преступления каждые несколько секунд, и фотограф, несмотря на свои массивные габариты, двигался с удивительной ловкостью. Гэвин старался держать себя в руках и оставаться, главным образом, профессионалом, поэтому усердно сохранял на лице непроницаемое, бесстрастное выражение. Прежде ему никогда не приходилось бывать на месте убийства. Когда он снова взглянул на тело, которое перевернули на спину, и заметил символы, вырезанные на груди покойника, то испытал еще одну волну удивления и ужаса. Гэвин задался вопросом, кто мог это сделать и почему. В этом не было смысла! Никакого. Что могло послужить мотивом для подобного действа? Вдобавок Гэвин был переполнен гневом — гневом, потому что это был его родной город, который кто-то посмел осквернить таким жутким злодеянием.

Пока Малага занимался местом преступления, он время от времени бормотал какие-то неразборчивые замечания фотографу, который, послушно исполняя указания, делал все больше снимков. В какой-то момент он установил камеру на штатив, наклонил его над трупом и сфотографировал тело с этого ракурса.

— Я закончил, — наконец, сказал фотограф, отступая.

Теперь к осмотру места преступления приступил третий субъект — криминалист из CSI[42]. На руках у него были латексные перчатки, а поверх пиджака он надел белый комбинезон. Он поставил на настил свою сумку, откуда достал несколько круглых фетровых чехлов, содержавших различные предметы — пробирки, пинцеты, маленькие пластиковые пакеты, булавки, ярлыки, небольшие флажки, сцепленные проводами, ватные палочки и реактивы — и начал по мере необходимости использовать свой инвентарь. Он наклонился над телом, взяв пробы волос и волокон, промыл тут, побрызгал там... Затем поскреб под ногтями трупа и поместил содержимое в небольшой пластиковый пакет, исследовал символы на груди с помощью карманного фонарика, провел по нескольким надрезам ватными палочками, после чего поместил полученные образчики в пробирки.

Все сохраняли тишину. Даже Малага ничего не говорил: у него, похоже, не возникало ни предложений, ни комментариев, ни советов. Последнее, что сделал человек из CSI, это снял отпечатки пальцев покойника с помощью портативного электронного сканнера. На этом его работа была закончена, он сложил свой инвентарь в сумку и отступил так же по-кошачьи тихо, как и пришел.

Малага повернулся к шефу Мердоку.

— Ну все, он ваш, — следователь протянул шефу руку для рукопожатия, энергично потряс ее — похоже, ему не терпелось поскорее выбраться из этого грязного болота — и, свернув всю свою подготовку, он и его команда спешно ушли по деревянному настилу. Гэвин заметил на лице шефа следы неприкрытой паники. Что теперь? Ему внезапно пришло в голову, что в Эксмуте шеф никогда прежде не расследовал убийств. Возможно, ему доводилось делать это в Бостоне? Впрочем, вряд ли, ведь в Бостоне у него для такой работы была специальная команда из убойного отдела.

Гэвин нахмурился. Разве не стоило вызвать сюда Пендергаста? Шефу выше головы не прыгнуть, а Пендергаст — каким бы странным он ни был — казался весьма способным в таких делах.

— Эм, — неуверенно начал Гэвин, — шеф, вы не думаете, что об этом следует доложить агенту ФБР? Я хочу сказать, возможно, он захочет знать и возможно даже сможет помочь…

Шеф повернулся к нему, нахмурившись.

— Я не думаю, что нам стоит беспокоить его. В конце концов, он работает над собственным *важным* делом, — это заявление буквально сочилось сарказмом.

Из темноты ночи прозвучал бархатный голос:

— Мой дорогой шеф, благодарю вас за заботу о моих обязательствах в другом расследовании, но участие в этом деле не будет для меня беспокойством. Совершенно не будет, — и фигура Пендергаста, словно сотканная из тени, возникла в ночи, его бледное лицо плавало в тумане подобно призраку.

На мгновение выражение лица шефа полиции Эксмута сделалось совершенно пустым. Затем он с трудом сглотнул.

— Агент… ах… Пендергаст, мы, конечно, будем очень рады вашему вкладу в это дело, — он замешкался. — Это будет… официальным расследованием?

Пендергаст махнул рукой.

— Отнюдь, просто небольшая помощь, свежий взгляд со стороны. Все лавры достанутся вам и, конечно же, сержанту Гэвину.

Шеф прочистил горло, не представляя, что делать дальше.

— Не возражаете? — подтолкнул его Пендергаст. Позади него из темноты выплыла вторая фигура. Констанс Грин. Гэвин не мог оторвать от нее глаз. Она была одета в старомодный комбинезон из фермерской коричневой холщовой ткани, который был великоват ей по размеру, и длинные резиновые сапоги, а волосы она закрепила сзади с помощью шарфа. Ее странная, старомодная красота притягивала к себе взгляд — эта девушка была, бесспорно, очаровательна. В искусственном освещении места преступления она выглядела еще более экзотично, чем при свете дня. Она ничего не сказала, но обвела своим красноречивым взглядом все вокруг, подмечая каждую мелочь.

— Кто эта леди? — осведомился Малага. Он решил задержаться, заметив Пендергаста со спутницей. — Никаких зевак сюда допускать нельзя.

— Она, — резко ответил Пендергаст, — моя ассистентка. Пожалуйста, оказывайте ей столько же содействия, сколько будете оказывать мне.

— Конечно же, — отозвался Малага, изобразив слегка оскорбительный поклон в сторону Констанс, после чего развернулся и зашагал по деревянному настилу, скрывшись в темноте.

Пендергаст проскользнул на место преступления и подошел к телу. Констанс Грин пока держалась позади. Гэвин невольно задавался вопросом, что происходит у нее в голове. Труп выглядел отвратительно: лицо практически отсутствовало — ни языка, ни губ, просто огромная красная впадина с желтыми зубами. Удивительно, но Констанс смотрела на тело спокойно и казалась невозмутимой.

Пендергаст присел.

— Ясно, это историк. Моррис МакКул.

Услышав это, Гэвин был потрясен. *Историк*?

— Откуда вам это известно? — спросил шеф полиции. — Лица… гм… нет, мы не можем идентифицировать личность.

— Мочки ушей. Видите, как они расположены? Необычная особенность. Мочки ушей помогают идентифицировать тело так же хорошо, как отпечатки пальцев. Кроме того, рост и вес совпадают.

— Вы знали этого парня? — спросил Мердок.

— Видел его в гостинице.

Пендергаст встал, скорректировал свет, затем снова присел, как это делал до него работник CSI. Склонив свое худощавое тело над

мертвецом, он начал собирать пинцетом образцы, помещая их в пробирки и пластиковые пакеты, которые возникали в его руках из карманов и, как по волшебству, снова исчезали в недрах его облачения. Парень из CSI был хорош, но Пендергаст по сравнению с ним творил настоящее искусство. Каждое его движение было точным, в то время как его тонкие белые пальцы исследовали тело участок за участком. Он провел довольно много времени, глубоко анализируя и изучая порезы в области груди, проверяя их с почти фанатичным вниманием — в какой-то момент из недр его костюма даже материализовалось увеличительное стекло ювелира. Он пропальпировал и исследовал сырую плоть, оставшуюся от лица покойника, а затем, наконец, поднялся и отошел.

Гэвин снова взглянул на Констанс Грин и удивился оживленному выражению ее лица — она словно бы наслаждалась творчеством великих художников, рассматривая пол***о***тна в музее... Она была гораздо менее шокирована, нежели сержант. Неужели ей уже доводилось видеть сцены жестокого насилия? Быть может, она даже испытала нечто подобное? Но нет, она почему-то совсем не походила на людей подобного типа. Эта девушка была настоящей головоломкой для Гэвина, и он раз за разом ставил в ее пользу все новые очки.

— Интересно, — пробормотал Пендергаст. — Помимо того, что на его груди вырезаны некие символы, похоже, здесь присутствуют еще и буквы, — он направил свет фонарика на метки, что уродовали грудь покойника, и провел лучом из стороны в сторону. — Похоже, здесь написано «Т-И-Б-Е-Й-Н».

Повисло молчание. Гэвин взглянул вниз и испытал еще большее удивление и потрясение. Действительно, с определенного угла можно было разглядеть грубо вырезанные буквы, в сочетании дающие «ТИБЕЙН». Он взглянул на шефа и прочел на лице оного выражение полного непонимания.

Гэвин почувствовал на себе еще один взгляд и заметил, что Пендергаст с любопытством смотрит на него.

— Что-нибудь увидели, сержант?

— Ничего, — пробормотал он. — Просто это слово... есть в нем что-то знакомое.

— Занимательно, — Пендергаст повернулся к трупу. — Самое любопытное: обратите внимание, что разрезы выполнены с помощью каменного ножа.

— Каменный нож? В смысле, как... индейская реликвия?

— Да. Но изготовленный недавно и заточенный до удивительной остроты. Похоже, его сделал настоящий мастер. Порезы были нанесены еще при жизни: они сильно кровоточили, и кровь успела свернуться. Но точность работы говорит о том, что жертва была уже, как минимум, без сознания, когда убийца вырезал эти буквы. В противном случае покойный мистер МакКул сопротивлялся бы процедуре. Смертельная рана, я бы сказал, была нанесена длинным тяжелым кинжалом, который прошел через прямую кишку. Возможно, штыком, — он сделал паузу и огляделся. — Сам акт убийства произошел дальше отсюда, на солончаке, а сюда тело продрейфовало вместе с отливом. Возможно, изучение приливных течений поможет установить само место убийства и точное время смерти. Тело должно было пролежать в воде некоторое время, чтобы рыбы успели обглодать лицо, — он посмотрел на Гэвина. — Добытчик моллюсков, который его нашел, похоже, необычайно скуп?

— Бойл? — переспросил Гэвин. — О, да, такое за ним водится. Жадный ублюдок. А откуда вы знаете?

— Он продолжал собирать моллюсков даже вблизи трупа. Куда он продает своих моллюсков?

— В гостиницу. Они славятся своими моллюсками во фритюре.

Пендергаст едва заметно вздрогнул.

— Если рассматривать моллюски, как фильтрующие организмы, то посетители, поедающие их во фритюре в гостинице в течение следующих нескольких дней, будут недалеки от каннибализма. К счастью, нет ни единого шанса, что я попаду в их число вне зависимости от того, насколько эти моллюски пользуются успехом у гурманов, — он в последний раз осмотрел тело, сделал снимок на маленькую цифровую камеру, а затем сделал серию фотографий вырезанных на груди трупа символов.

— Похоже, у нас здесь настоящий псих, — заметил Мердок.

Пендергаст встал и снял перчатки.

— Если не считать порезы, то это самое малоинформативное место преступления. Тело принесло сюда приливной водой, которая тщательно смыла большинство улик. Тем не менее, можно с уверенностью сказать, что порезы были нанесены с точностью и умением. У убийцы явно есть опыт подобной... гм... работы с плотью. И, похоже, эти символы несут определенный смысл, как и таинственное слово «ТИБЕЙН». Шеф

Мердок, боюсь, я не могу согласиться с вашим заключением, что это работа психопата. Человек, который это сделал, был хорошо подготовлен, целеустремлен и придерживался своих первоначальных намерений до конца.

14

Констанс Грин изучила номер, который Пендергаст занял на первом этаже гостиницы. Он приказал вынести отсюда кровать и внести огромный сосновый стол, на котором он установил неуклюжий, почти антикварный магнитофон с катушками и старинным микрофоном, а также принес сюда старую наборно-пишущую машину IBM «Селектрик» и диктофон.

Констанс была удивлена, насколько покладистым стал шеф Мердок — по крайней мере, когда его прямолинейно попросили об услуге. Буквально этим утром шеф позволил Пендергасту реквизировать старое оборудование из полицейского управления Эксмута. Агенту было позволено брать все, что тот пожелает.

— Ах, Констанс! Вижу, ты восхищаешься моей комнатой для допросов, — улыбнулся Пендергаст, стоя у порога и держа в руках старый компьютер IBM.

— Серьезно? Комната для допросов?

Он поставил компьютер на стол.

— Конечно. А ты что подумала?

— Больше напоминает музей древних технологий.

Он подсоединил к компьютеру клавиатуру и нажал кнопку загрузки. Затем поставил рядом коробку с дискетами.

— Это, вообще, работает?

— Нет.

— А что, позволь спросить, случилось с твоим Мак-Буком?

— Он слишком красив и неспособен выглядеть устрашающе.

Она снова огляделась вокруг.

— Так это все декорации?

— Ты обнаружишь, моя дорогая Констанс, что целая стена оборудования — даже если это старое оборудование — оказывает самое благотворное воздействие на потенциального свидетеля. Магнитофон действительно работает, но для удобства у меня есть микрофон, подключенный к цифровому записывающему устройству, скрытому внутри катушки.

Далее он приступил к компоновке оборудования на столе. Констанс вынуждена была признать, что эти декорации создавали весьма устрашающий фасад, разделяющий респондента и интервьюера.

— Будь любезна, закрой дверь и присядь.

Констанс закрыла дверь, расправила платье и села.

— И кого ты собираешься опрашивать?

Он показал ей список. Она изучила его и отложила в сторону.

— Здесь довольно много имен.

— Нам, возможно, не придется говорить с каждым. Я, как говорят в этих краях, собираюсь *порыбачить*.

— Другими словами, ты думаешь, что убийство историка связано со скелетом в нише.

— Обычно я не склонен верить ощущению, которое описывается выражением «нутром чую», но в этой ситуации мое «*нутро*» настолько уверено, что я, пожалуй, в качестве исключения сделаю вывод: да, здесь, безусловно, есть связь.

— Какая?

Он сел за стол и сцепил пальцы.

— Сначала, Констанс, я хотел бы выслушать твои соображения. Ты настаивала на том, чтобы вести расследование свободно, по своему усмотрению, и мне любопытно услышать твой анализ полученных нами сведений.

Она села прямо, глядя перед собой, испытывая невольную застенчивость под давлением пристального выжидающего взгляда Пендергаста.

— Некоторые детали привлекают особое внимание, — начала она. — Мы знаем, что историк изучал исчезновение корабля в районе местного побережья в 1884 году. В том же году из-за извержения вулкана Кракатау весь регион, включая Эксмут, был обречен на гибель урожая. Как стало известно по данным радиоуглеродного анализа, между 1870 и 1890 годами мужчину — афроамериканского моряка — пытали, а его тело замуровали в нише подвала в доме смотрителя местного маяка. В 1886 году смотритель маяка, пребывая в состоянии алкогольного опьянения, упал с лестницы и погиб.

В ответ — медленный кивок.

— Если сложить все вместе, мне кажется, что мужчина, скорее всего, был замурован в 1884 году, и это событие каким-то образом относится к исчезновению корабля. Я бы не удивилась, если бы смерть пьяного смотрителя маяка, случившаяся через два года после этого, тоже имела отношение к этой истории. В конце концов, это именно в его подвале замуровали человека. У этого города есть свой темный секрет — в те года здесь что-то произошло. Историк выяснил какой-то важный факт, который угрожал разоблачить тот мрачный секрет, и его убили, чтобы заставить навсегда замолчать.

— А что насчет знаков на теле?

— На это у меня нет ответа.

— И что насчет кражи вина?

— Как ты уже говорил, это была лишь дымовая завеса, чтобы отвлечь внимание от убранного из ниши скелета моряка. Это лишь усиливает впечатление, — как будто нам и без этого непонятно — что Эксмут все еще продолжает хранить свой мрачный секрет.

— И каковы будут твои рекомендации к продолжению расследования? В приоритетном порядке, разумеется.

Констанс помедлила.

— Во-первых, узнать, что обнаружил историк, потому что он явно выяснил факт такой важности, что он повлек за собой его смерть. Во-вторых, больше разузнать о пропавшем пароходе «Замок Пембрук». В-третьих, найти еще информацию о смотрителе маяка, который погиб — если допустить, что эти сведения вообще возможно найти. В-четвертых, идентифицировать знаки, вырезанные на теле.

— В твоей цепочке рассуждений много логических пробелов, и многое строится на предположениях и домыслах, но в целом я не разочарован в тебе, Констанс.

Она нахмурилась.

— Я расцениваю столь слабую похвалу, скорее, как оскорбление. На какие логические пробелы ты указываешь?

— Прости мне мою маленькую шутку. Твой анализ и рекомендации вполне заслуживают похвалы. Фактически я намерен доверить тебе значительную часть расследования.

Она переместилась на стуле, пытаясь скрыть испытанное от этих слов удовольствие.

— Каковы же твои собственные соображения?

— Я согласен со всем, что ты сказала. По крайней мере, до тех пор, пока мы не получим более существенные улики. Но я должен добавить, что две детали этого дела кажутся мне наиболее значительными — это слово «Тибейн», которое вырезали на теле историка, вместе со странными символами и… история о призраках.

— История о призраках?

— Та, что ты рассказала мне. О том, что маяк был одержим духами. Там ведь слышали детский плач.

— И ты, в самом деле, думаешь, что это важно?

— Да, это имеет первостепенное значение.

Пендергаст повернулся, отреагировав на стук в дверь.

— А вот и наш первые респондент!

Он открыл дверь, чтобы встретить ожидавшего в коридоре человека. Ему было около сорока, крепко сбитый с истончившимися каштановыми волосами и сильно выступающим вперед адамовым яблоком. Констанс вспомнила, что видела его дважды в черте города: один раз на улице — он издалека наблюдал за арестом Пендергаста — и еще раз — за завтраком здесь, в гостинице, вчера утром. В обоих случаях он придерживался довольно скучного, консервативного стиля в одежде, детали которой почти комично контрастировали между собой. Именно поэтому Констанс запомнила его: из-за ярких шерстяных свитеров с

V-образным вырезом. Сегодня он предпочел пушистый ярко-персиковый свитер.

«*Chacunàsongoût*», **подумала она, изучая его на расстоянии. Или, в этом случае, «*lack of goût*»[44].**

— Ах, — выдохнул Пендергаст. — Дана Данвуди, эсквайр — во всем своем великолепии.

— Мне нравятся яркие цвета, — ответил мужчина, пожимая протянутую руку. — Вы, я полагаю, предпочитаете прямо противоположные оттенки.

— Попадание, весьма точное попадание! Прошу, присаживайтесь, — Пендергаст дождался, пока посетитель удобно устроится на стуле. — Это моя ассистентка, мисс Грин, она будет присутствовать здесь во время интервью. Констанс, познакомься с Даной Данвуди, известным юристом Эксмута.

Констанс кивнула в знак приветствия.

— Итак, чем могу быть полезен, агент Пендергаст? — спросил Данвуди.

— Всего несколько вопросов, если не возражаете.

Данвуди махнул рукой. Констанс заметила, что на тыльной стороне запястья у юриста была довольно простая, поблекшая от времени татуировка в виде якоря.

Пендергаст сверился с записной книжкой.

— Полагаю, вы живете в доме с видом на солончаки.

Данвуди кивнул.

— Вы позавчера ночью были дома?

Снова кивок.

— Может, вы заметили нечто необычное в тот вечер? Слышали или видели что-нибудь?

— Не могу припомнить ничего подобного.

Пендергаст сделал запись в книжке.

— Как бы вы охарактеризовали работу юриста в Эксмуте?

— Удовлетворительно.

— И чем вы занимаетесь?

— От случая к случаю, но в основном обыкновенной юридической работой.

— Какого рода слушания вы проводите?

— Различные. Вопросы продажи недвижимости, имущественные иски, различные споры, запросы на снижение зональных тарифов и так далее.

— Ясно. И вы еще являетесь при этом членом городского управления. Полагаю, этот статус помогает вам в вашей работе.

Данвуди вырвал торчащую нить из своего свитера.

— Агент Пендергаст, я никогда не смешиваю свое гражданское положение с работой.

— Ну, разумеется.

Данвуди слабо улыбнулся. Констанс заметила, что он был довольно остроумным, и запугать его представлялось непростым делом.

— Вы женаты, мистер Данвуди?

— Уже нет.

Констанс, прищурившись, присмотрелась к этому человеку. Он обладал характерной адвокатской ловкостью отвечать на вопросы, не предоставляя толком никакой фактической информации.

— Понятно. Но у вас есть семья в городе.

Данвуди кивнул.

— Да. Мы проживаем здесь довольно давно.

— Насколько давно?

— Не могу даже сказать вам. Кажется, что Данвуди всегда жили в этом городе.

— Хорошо, вернемся к вашим живым родственником. Ваш брат Джо работает барменом здесь, в гостинице, не так ли?

При упоминании брата выражение гордости, которое, казалось, проступило на лице Данвуди, пока он говорил о своей семье, быстро исчезло: брови нахмурились, глаза стали будто пустыми и непроницаемыми.

— Так и есть.

— Вы занимаетесь уголовными преступлениями, мистер Данвуди? — спросил Пендергаст.

— На это в Эксмуте почти нет спроса.

— А в городе ведь есть подобные проблемы. Например, кража со взломом в доме Персиваля Лейка. Я также узнал от местного повара, здесь, в гостинице, что из их кухонной кладовой регулярно пропадают продукты.

— Вряд ли это можно назвать серьезными преступлениями.

— Вы когда-нибудь читали «Собаку Баскервиллей»? — спросил Пендергаст.

Данвуди немного замешкался, явно удивленный этим вопросом.

— Не вижу связи с делом.

— Просто позабавьте меня. Так вы читали «Собаку Баскервиллей»?

— Да.

— Тогда вы сможете вспомнить схожий набор обстоятельств. Пропажу еды, я имею в виду. Из Баскервилль-Холла.

Насколько могла видеть Констанс, выражение лица Данвуди стало еще более непроницаемым. Совершенно пустым. Он ничего не ответил.

Пендергаст захлопнул записную книжку и положил ее рядом с записывающим устройством.

— У меня больше нет вопросов. Благодарю вас, что уделили мне время.

Адвокат встал, по очереди кивнул обоим, а затем ушел, закрыв за собой дверь.

Констанс повернулась к Пендергасту.

— «Собака Баскервиллей»? Надеюсь, ты не разыгрываешь меня, Алоизий.

— Напротив. Ты разве не заметила его реакцию? Точнее, ее полное отсутствие, что является еще более красноречивым доказательством.

— Не могу сказать, что понимаю, чего ты добивался. Но он, безусловно, показался мне виновным.

— Воистину, Констанс! Все адвокаты в чем-то виновны, но этот, как мне показалась, виновен больше, чем другие, — он посмотрел на часы. — Пойдем. Я думаю, у нас хватит времени на чашку чая перед приходом нашего следующего гостя.

15

Они вернулись с чаепития и обнаружили мужчину, ожидавшего у закрытой двери и держащего бейсболку в руке. Пендергаст впустил его в комнату для допросов, и гость осмотрел ее слезящимися глазами. Обстановка явно напугала его. Констанс не видела этого человека раньше. Когда он прошел мимо нее, она уловила исходивший от него слабый запах бурбона и сигарного дыма.

— Устраивайтесь поудобнее, мистер ЛаРу, — сказал ему Пендергаст.

Мужчина опустился в кресло.

С привычной педантичностью Пендергаст подготовил записывающую ленту на катушках, отрегулировал элементы управления, настроил микрофон и нажал кнопку пуска. Катушки завертелась. Констанс с интересом отметила, что он не потрудился проводить такие манипуляции, когда опрашивал адвоката.

— Пожалуйста, говорите четко в микрофон.

Кивок.

— Да, сэр.

— Назовите свое имя и адрес для протокола.

Гордон ЛаРу проживал в Дилл-Тауне и, судя по его словам, провел там всю свою жизнь, зарабатывая тем, что держал мелкий бизнес по обработке газонов.

— И как долго вы косите траву на лужайке мистера Лейка?

— Уже двенадцать лет.

— В выходные мистер Лейк был в отъезде, и в его дом было совершено незаконное проникновение. В те выходные вы тоже стригли его газон?

— Да. Он любит, чтобы я приходил, когда его не бывает дома, потому что шум действует ему на нервы.

— В какое время вы пришли в те выходные?

— В субботу около одиннадцати.

— Вы заметили что-нибудь необычное?

— Нет. Газон не нуждался в тщательной обработке — так всегда бывает осенью. Мистер Лейк любит аккуратный газон, у него ведь там сад скульптур...

— Может, вы заметили что-то, свидетельствовавшее о том, что в доме кто-то присутствовал?

— Я ничего такого не заметил. Я и подумать не мог, что кто-то вломится в дом. Поблизости не было ни подозрительных машин... ничего такого.

— В какое время вы ушли?

— В двенадцать тридцать.

— Пожалуй, на этом все, мистер ЛаРу.

Мужчина поднялся и собрался уходить. А Пендергаст небрежно заметил:

— Дилл-Таун — это ведь отдаленная часть города, которую первыми заселили чернокожие китобои, верно?

— Да.

— Интересно. Спасибо, — Пендергаст открыл дверь перед ЛаРу, выпустил посетителя, закрыл дверь и повернулся к Констанс, одарив ее легкой улыбкой.

— Рыбачишь? — хмыкнула Констанс, задаваясь вопросом, зачем ему потребовалось так бездарно тратить свое время.

— Именно. Стоит наживить новую муху. Пригласи следующего свидетеля, будь так добра.

Констанс вышла и обнаружила, что еще один посетитель уже ожидал вызова, сидя на стуле в коридоре: лицо красное, на шее виднеются тонкие белые беспорядочные волоски, вид недовольный. Он поднялся.

— Надеюсь, это не займет много времени, — сказал он, оглядев ее снизу вверх своими выцветшими, но на удивление бодрыми голубыми глазами. Ему было около семидесяти. Одет он был в красную клетчатую рубашку и синие штаны с подтяжками. Слабый болотный запах, похоже, намертво пристал к нему.

— Сюда, пожалуйста, — сказала Констанс.

Посетитель агрессивно толкнул дверь и отказался сесть. Пендергаст снова начал проводить манипуляции с оборудованием.

— Ну? — нетерпеливым, ворчливым тоном поторопил мужчина. — Я не буду отвечать ни на какие вопросы, если меня для этого вызвали!

— Минутку, пожалуйста. Прошу прощения, я просто пытаюсь привести в порядок оборудование. Мистер Джордж Вашингтон Бойл, не так ли?

— Меня зовут Бенджамин Франклин Бойл, — ворчливо поправил его мужчина. — Отличное начало, мистер Детектив.

— Тысяча извинений, — Пендергаст засуетился еще активнее. — Вы здесь, мистер Бойл, на совершенно добровольных основаниях. Правильно ли я понял, что вы хотите отказаться отвечать на вопросы?

— А если и так, то что? Вы получите ордер и заставите меня вернуться?

— Нет-нет. Я веду частное расследование, у меня нет власти вызывать вас в суд. Вы можете быть свободны. Никаких проблем.

— Ну, я пока здесь, — проворчал он и сел.

Констанс заметила две вещи: во-первых, Бойл был человеком более высокого интеллекта, чем хотел показаться внешне, а во-вторых, Пендергаст, имитируя некомпетентность и давая Бойлу чувство превосходства, сумел погрузить свидетеля в нужное настроение для ответов на вопросы. Умная уловка — и резко контрастирует с ее собственными печально слаборазвитыми навыками коммуникации. Она вспомнила длинный список потенциальных свидетелей и невольно задумалась, что, возможно, ей действительно стоило вернуться на Риверсайд-Драйв.

— Мистер Бойл, в тот уик-энд, когда произошла кража вина, вы, я полагаю, собирали моллюсков в бухте Эксмута?

— Я выходил на сбор в субботу на несколько часов.

— Где вы примерно находились?

— В той части бухты, которую называют Низинным Каналом.

— Можете показать эту зону на карте? — он развернул карту района и положил ее напротив Бойла.

— Вот здесь, — грязный палец ткнул в точку на карте.

— Хм. Я так понимаю, что маяк не попадал в поле вашего зрения.

— Верно. Это в двух милях от маяка Эксмута. Во любом случае, невозможно разглядеть что-либо из-за болотных зарослей, потому что в некоторых местах они достигают пяти-шести футов в высоту.

— Я надеялся, что вы могли увидеть кого-то, кто приближался к маяку или удалялся от него.

— Нет. Ничего кроме грязи и моллюсков.

Пендергаст начал сворачивать карту.

— Вы, должно быть, достаточно хорошо знаете эти болота.

— Лучше, чем кто-либо.

— Кажется, в них есть своя особенная красота.

— Действительно есть, — с уверенность ответил Бойл, однако тон его голоса дал понять, что он не заинтересован и дальше развивать эту тему.

— И своя история?

— О, да!

— Впрочем, я не думаю, что ловец моллюсков будет сильно интересоваться историей.

После этих слов Бойл ощетинился.

— Я раньше был капитаном танкера, мистер Пендергаст, прослужил на нем сорок лет. Я моряк, а моряки всегда интересуются историей.

Пендергаст приподнял брови.

— Вот оно как. Но какую же историю могут рассказать необитаемые болота?

— Они могут рассказать гораздо больше, чем вы думаете! — рассмеялся Бойл. Ему нравилось выступать перед слушателями, в особенности, когда они представляли собой таких тупиц, как этот Пендергаст. — Легенды. Рассказы. Про ведьм, например. И про Серого Жнеца.

— Серого Жнеца?

— Иногда ночью на болотах можно заметить свет. Вроде блуждающего огонька, перемещающегося туда-сюда. Это Серый Жнец. Говорят, что пару сотен лет назад здесь жил человек по имени Джек, и он был самым жестоким сукиным сыном между Глостером и заливом Каско. Когда он умер, явился дьявол, забрал его и потащил в Ад. Но Джек был таким жестоким, что даже дьявол через какое-то время не выдержал. Он бросил Джеку горящий уголь и сказал: «Ты слишком злой для моего ада, поэтому бери уголь и начинай свой собственный»! — Бойл засмеялся. — И теперь он поселился там, на болотах, покрытый черно-серой грязью. Там и родилось это имя. Серый Жнец. Он смешивается с ночной тьмой и болотами, поэтому увидеть его непросто. Разумеется, он бережет свой уголек. И если вам доведется увидеть мерцающий свет, это значит, что вы видите Серого Жнеца, бродящего по округе с углем в руке в поисках очередной души, которую он затащит в свой Ад.

Пендергаст казался крайне раздраженным этим лирическим отступлением.

— А ведьмы?

Бойл махнул рукой.

— Есть одна история, уходящая корнями в Салем. Когда там стало жарко, и ведьм стали вешать, небольшая их группа глубокой ночью сбежала из Салема и отправилась на север, где обосновалась на одном из этих соляных болотистых островов — вне цивилизации. К слову, в той общине состояли и мужчины, и женщины.

— Хотите сказать, они были настоящими ведьмами и колдунами?

— Ничего такого я не хочу сказать. По легенде, старые пуритане просто повесили множество невинных людей, а настоящие ведьмы и колдуны сбежали.

— А где конкретно на болотах они поселились?

— Никто не знает. Если верить истории, то на одном из островов. Но дела у них пошли не очень хорошо. Суровая зима, голод и набеги индейцев уничтожили их. Говорят, что позже, время от времени, заблудившиеся путники могли случайно наткнуться на развалины поселения ведьм — сейчас там все деревянные дома уже рухнули и сгнили. Говорят, в самом центре этого сумасшедшего поселения был выложен круг плоских камней с надписями на них, а в центре лежал кусок сланца с сообщением, состоявшим всего из одного слова.

— Какого именно?

— *Тибейн*.

Пендергаст и Констанс переглянулись.

— А что оно означает?

— Никто так и не выяснил, — тоном знатока ответил Бойл. — По крайней мере, до сих пор.

— Вы ведь слышали, что убийца историка МакКула вырезал это слово на его груди?

Бойл пожал плечами.

— В таком маленьком городе, как Эксмут, нет секретов.

— У вас есть какие-либо предположения, кто и почему мог это сделать?

— Может, какие-то хулиганы. Дети из Дилл-Тауна, которые слишком увлеклись попытками вызвать дьявола. Они как-то ограбили человека, чтобы купить наркотики, и были настолько глупы, что подумали, будто полиция поверит, что это сделали ведьмы.

— Почему Дилл-Таун?

— В Дилл-Тауне хватает проблем. Преступность, алкоголизм. Много всякого такого.

— Вы замечали кого-нибудь на солончаках?

— На самом деле, да. Я думаю, что там ошивается какой-то бродяга. Видел несколько следов на грязи, тропинки, протоптанные сквозь траву. Живьем я его никогда не видел, но несколько раз улавливал запах костра, — он рассмеялся. — Может, этот парень и стянул винную коллекцию Лейка? Теперь о вине остается только мечтать. Может, это

сделал Серый Жнец собственной персоной? Вам, должно быть, будет интересно изучить это место, детектив.

— Непременно, — ответил Пендергаст, вставая. — Спасибо, мистер Бойл, за ваше время, — он посмотрел на Констанс. — Я думаю, без остальной части интервью мы можем обойтись. По крайней мере, пока.

Бойл встал. Затем наклонился чуть вперед и спросил доверительным тоном:

— И сколько же, позвольте узнать, парень готов платить за вашу работу?

16

Это обещало быть интересным. Очень интересным.

Брэдли Гэвин проскользнул под желтую полицейскую ленту, перекрывающую часть второго этажа гостиницы. Затем он повернулся и приподнял ленту для Констанс Грин. Она последовала за ним к бывшему номеру Морриса МакКула, где сержант отпер и распахнул дверь.

Агент Пендергаст дал понять, что любая профессиональная любезность должна распространяться и на Констанс, что объясняло, почему ей в очередной раз было дозволено присутствовать на месте преступления. Гэвину была весьма любопытна эта девушка. Любопытна гораздо больше, чем то, что они могли обнаружить в этом номере — он подозревал, что полезного тут окажется мало. Слово «интригующая» только приблизительно описывало эту странную притягательную особу. И сейчас представился первый реальный шанс поговорить с нею наедине.

Пропуская ее вперед, он галантно вытянул руку.

— После вас, миз[45] Грин.

— Мисс Грин, если вас не затруднит. Я нахожу слово «миз» неприятным неологизмом.

— Упс. Простите, — Гэвин пристально наблюдал за нею, когда она вошла в номер в своем длинном платье. Эта девушка была далекой и неизведанной, как ледники Арктики, и, возможно, именно это особенно сильно привлекало его в ней. Это… и ее необъяснимое таинственное самообладание. Гэвину очень нравилась старомодная «мисс» Грин. Она словно постоянно бросала ему немой вызов. Гэвин знал, что женщины

находят его привлекательным, и он предполагал, что, когда Констанс узнает его получше, он обязательно ей понравится.

Сержант последовал за ней в номер историка. Помещение было обставлено старинной мебелью, как и другие номера гостиницы, и, к слову сказать, у него было свое очарование. На большинстве предметов обихода присутствовали потертости от времени. Здесь стояла большая тяжелая кровать из черного дерева, окна закрывали кружевные шторы, на полу лежал плетеный ковер, сильно потускневший от времени. Уборная тоже находилась внутри номера, дверь была открыта, и один взгляд внутрь давал понять, что здесь не делали ремонт настолько давно, что плитка успела несколько раз выйти из моды и войти в нее снова.

— Соглашение было неофициальным, мисс Грин — заговорил Гэвин, — но если вам потребуется взять что-либо в руки или потрогать, то вначале лучше обратитесь ко мне, а потом смело можете делать все, что пожелаете.

— Благодарю вас.

Команда CSI уже осмотрела номер во всех подробностях, и их небольшие красные флажки можно было заметить почти на каждом предмете. Они искали скрытые улики: волосы, волокна, образцы ДНК, кровь. Гэвин и его спутница же искали документы — в частности, относившиеся к делу, над которым работал историк. Не то чтобы сержант ожидал, будто это к чему-то приведет — он уже более или менее смирился с версией, что это было убийство с целью ограбления, хотя и с некоторыми тревожными аспектами — но он, тем не менее, бегло осмотрелся.

Небольшая стопка книг и бумаг лежала на столе, другая покоилась на стуле. Компьютера не было. Горничная убрала номер после того, как историк спустился вниз на ужин за несколько часов до смерти. Все вокруг выглядело очень аккуратно, но нельзя было с уверенностью сказать, являлось ли это работой горничной или отражением педантичной натуры самого историка.

Гэвин подошел к небольшому письменному столу, где историк хранил книги и документы. Он достал его записную книжку и взглянул на Констанс. Она осматривала комнату, ее фиалковые глаза подмечали все с исключительной сосредоточенностью.

Он изучил обложки книг: «Бури и Кораблекрушения в Новой Англии» Эдварда Роува Сноу и ксерокопии документа под названием «Реестр Пропавших Судов 1850-1900» из архивов «Ллойда[46]». В каждой книге виднелось по несколько закладок. Пока сержант переписывал заголовки,

он услышал мягкий шелест, и Констанс Грин материализовалась позади него.

— Могу я взять «Реестр», сержант?

— Конечно! Берите.

Она открыла его на том месте, где в стопке ксерокопий была закладка, полностью сосредоточив свое внимание на тексте. Гэвин начал оглядываться по сторонам в поисках бумажника или денег. При трупе не было найдено ничего из этого. Затем он более внимательно присмотрелся к книге Сноу и обратился к закладке, помечавшей страницу с «Таинственным исчезновением парохода 'Замок Пембрук'».

— Могу я обратить ваше внимание вот сюда? — спросила Констанс, вручив ему «Реестр». Здесь тоже была закладка именно на судне «Замок Пембрук». Гэвин был немного знаком с этой историей, но все равно решил прочесть заметку.

«***Пароход «Замок Пембрук», 1884 год***.

В феврале 1884 года пароход «Замок Пембрук» отправился из Лондона в Бостон, вскоре пропав во время шторма недалеко от побережья Новой Англии между мысом Элизабет (штат Мэн) и мысом Энн (штат Массачусетс).

Пароход «Замок Пембрук» представлял собой трехсотфутовое (100м) пассажирско-грузовое судно, согласно уцелевшей документации, груженное бревнами из дуба. «Замок Пембрук» был построен судоходной компанией «Барклей Керл и КО» в Уайтинче, Глазго, Шотландия. Спуск на воду был произведен 12 сентября 1876 года. 16 января 1884 года «Замок Пембрук» предпринял свое последнее путешествие из Лондона, Англия со 140 пассажирами на борту по договору фрахтования с леди Элизабет Харвелл из Уорикшира. 2 февраля 1884 года пароход «Замок Пембрук» был замечен на закате экипажем рыболовного судна «Монктон» в районе Портленда, штат Мэн. Корабль пробивался через бурное море недалеко от маяка Халф-Уэй в заливе Каско. Был произведен обмен сигналами с помощью ламп. Это последнее зафиксированное появление судна.
Северо-восточный шторм обрушился на побережье и продолжался три дня. Когда корабль не достиг Бостона в установленное время 5 февраля, береговая охрана США отправила несколько крейсеров, к которым позже присоединились еще два судна ВМФ, но поиск выживших, или обломков «Замка Пембрук» не увенчался успехом.

Предполагалось, что корабль затонул во время шторма где-то вдоль побережья между мысом Элизабет и мысом Энн. У парохода «Замок Пембрук» была единственная возможность достичь гавани Глостера — попасть в поле зрения смотрителя маяка «Ист-Пойнт», обогнув мыс Энн, однако ни одного упоминания о пароходе «Замок Пембрук» от смотрителя маяка «Ист-Пойнт» получено не было. После длительных поисков не было найдено никаких следов корабля или его экипажа. Также не было обнаружено бревен, обломков или тел погибших.

Страховой иск был удовлетворен « Ллойдом» 23 марта 1885 года и составил 16 500 фунтов стерлингов. Сумма была выплачена владельцу «Замка Пембрук» «Лондонско-Бристольской судостроительной компании», а также 6 апреля 1886 года была выплачена дополнительная компенсация в размере 9 500 фунтов стерлингов леди Харвелл за потерю груза».

— Это, должно быть, именно то, что изучал наш историк, — сказал Гэвин, закрывая документ и откладывая его на стол.

— Да, — ответила Констанс. Она стояла рядом с ним, читая запись через его плечо. От ее близости он ощущал нечто странное и волнующее, но не поддающееся объяснению.

Она отступила назад.

— Вы не находите странным, что никаких денег не было выплачено за пропавших пассажиров?

— Я об этом не подумал.

— И эта «потеря груза» — интересно, чем он был так ценен, и почему потребовалось более двух лет, чтобы получить страховое возмещение?

Гэвин пожал плечами.

— А зачем английской дворянке фрахтовать корабль? И почему ее самой не было на корабле?

Гэвин взглянул на Констанс. Она была очень молодой, не старше двадцати двух или двадцати трех лет, но в ее фиалковых глазах была такая глубина… Он чувствовал, что ведет себя непрофессионально.

— Ну, — протянул он, — это интересные вопросы, но я сомневаюсь, что сейчас они актуальны.

— Почему нет?

Он сглотнул, вздрогнув от ее резкого тона.

— Потому что я больше чем уверен, что нашего парня убил с целью ограбления какой-нибудь торчок из Дилл-Тауна и смылся.

— Торчок? Кто это такое?

Да она словно жила в другом мире — по крайней мере, в мире, очень далеком от Эксмута. И это тоже привлекало Гэвина.

— Ну… так называют наркоманов. Зависимых, например, от мета. Ну, знаете же, что такое метамфетамин? Смотрели «Во все тяжкие»[49]?

Тишина стала ему ответом.

— И много наркозависимых в Дилл-Тауне?

— Несколько лет назад мы накрыли там лабораторию и думаем, что могла остаться и еще одна, действующая. Возможно где-то на болотах.

— Почему существует проблема наркозависимости?

— «Проблема наркозависимости», — не удержавшись, передразнил он, — может стать слишком сильной. Люди прибегают к этому способу, чтобы забыться… ну, знаете, из-за бедности, отсутствия образования, утраченных возможностей. Рыболовная деятельность уже много лет почти не приносит денег. И рыбаки… они становятся очень грубыми, отчаявшимися, — Гэвин сделал паузу. — Ну, это я так, к слову.

— Понятно. Спасибо за ваши наблюдения, сержант. Что еще было обнаружено на теле?

Этот вопрос стал настолько неожиданным, что Гэвину потребовалось несколько секунд, чтобы осознать его.

— Э-э… ничего. Ну, наручные часы. Все остальное забрали, парня обчистили.

Она же была там, зачем она задала этот вопрос?

— Если мотивом «торчка» были деньги, почему он не забрал часы?

Гэвин пожал плечами.

— Они не представляли особой ценности. Дешевый бренд, — он замешкался. — А что думает Пендергаст?

— О чем?

— О тех метках. Он тоже считает, что это просто отвлекающий маневр или нечто большее?

— Он ничего не говорил об этом.

— А вы что думаете?

— Я не знаю.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Наконец, Гэвин смог заговорить.

— Я уже давно работаю в полиции и сделал одно наблюдение касаемо преступлений.

— И оно заключается в том, что… — она сделал паузу, чтобы он продолжил.

— Что большинство преступлений — банальные. Дебильные, если хотите. Самое очевидное объяснение почти всегда оказывается верным. И в этом случае грабеж — самое простое объяснение, особенно, учитывая эти безумные метки. Точно работа наркоманов.

— Если большинство преступлений являются банальными и глупыми, то лишь потому, что большинство людей можно охарактеризовать такими же словами.

Гэвин был удивлен ее комментарием.

— Таково ваше мнение о человеческой природе? Что большинство людей глупы?

— Да. Исключения лишь подтверждают правило. Некоторые люди бросают вызов любителям искать простые объяснения. Как и некоторые преступления. И это — одно из таких преступлений.

— Некоторые люди бросают вызов любителям искать простые объяснения… — повторил Гэвин. — Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что несколько исключительных людей стоят выше большинства. Для них существуют другие правила. Их преступления

тоже отличаются от остальных. В этом убийстве нет ничего банального и глупого, как и в преступнике, который его совершил.

Гэвин никогда не встречал такую женщину. Он с любопытством смотрел на нее, а затем — что было для него совсем не характерно — решил сделать шаг в неизвестность.

— Я совершенно уверен, что вы, мисс Грин, являетесь одной из таких исключительных людей.

Он ждал ее отрицания, вспышки гнева, но ничего подобного не произошло. Посчитав это за поощрение, он решил продолжить. Голос его стал звучать на пару тонов ниже.

— И по этой причине я хотел бы узнать вас получше.

Она продолжала смотреть на него, и по выражению ее лица нельзя было ничего прочесть. А затем она спросила:

— Мы здесь закончили?

— Мы здесь закончили, — утвердительно повторил Гэвин.

Он смотрел, как уголки ее изящных губ чуть дрогнули и потянулись вверх в подобии слабой улыбки. Казалось, сейчас ее забавляла некая, понятная только ей, шутка.

— После вас, сержант.

17

Мягкий послеполуденный свет проникал сквозь кружевные занавески в самодельную комнату для допросов. Пылинки дрейфовали в воздухе. Констанс наблюдала, как агент ФБР тихо расхаживал из стороны в сторону, и его черная фигура переходила из тени в свет и обратно. Он перемещался так неслышно, что больше походил на призрак, чем на человека. Пендергаст вел себя подобным образом с тех пор, как Констанс спустилась со своим отчетом из номера, который раньше занимал МакКул. Пендергаст казался ей непостижимым, как мифический Сфинкс. Подобная непредсказуемость делала его таким… интригующим.

— В этом нет никакого смысла, — пробормотал он.

Она ждала, зная, что он разговаривает не с ней. А он все продолжал расхаживать по комнате.

— Корабль, — продолжил агент, — был замечен пробивающимся сквозь бушующее море недалеко от маяка Халф-Уэй в заливе Каско на закате 2 февраля 1884 года примерно без десяти минут пять пополудни. Согласно записи в журнале рыболовного судна «Монктон», он двигался со скоростью около десяти узлов. «Замок Пембрук» должен был обогнуть мыс Элизабет примерно в полшестого вечера. Пик прилива пришелся на одиннадцать двадцать пять ночи, но из-за северо-восточного ветра должен был начаться шторм. Если корабль затонул до одиннадцати двадцати пяти ночи, обломки и тел***а*** должно было вынести на берег приливной волной, и их должны были обнаружить. Но этого не произошло. Следовательно, корабль после наступления прилива перевернулся и пошел ко дну. Предполагалась стабильная скорость в десять узлов: учитывая, что это был пароход, он мог поддерживать такую скорость постоянно. «Замок Пембрук» должен был обогнуть мыс Энн примерно без пятнадцати минут полночь и достичь безопасной гавани Глостера.

Поворот, ходьба, поворот, ходьба.

— Но судно не было замечено в зоне мыса, и он так и не достиг гавани. Следовательно, корабль должен был завершить свой путь между одиннадцатью двадцатью пятью и одиннадцатью сорока пятью ночи — что уводит произошедшую катастрофу прямо к побережью Эксмута, — он покачал головой. — Но в этом нет никакого смысла.

— Для меня это имеет смысл, — возразила Констанс.

Пендергаст взглянул на нее.

— И какой же, ради всего святого, ты видишь в этом смысл?

— Ты считаешь, что корабль затонул у самого берега Эксмута. Это объясняет то, почему историк вернулся сюда — он пришел к такому же выводу, что и ты. Quod erat demonstrandum[50].

— Cum hoc, ergo propter hoc[51], — он терпеливо покачал головой. — Эта сырая гипотеза может объяснить, почему историк сосредоточился на этом районе. Однако она явно не учитывает явление, известное как «продолжительное стояние приливной волны».

— И что же значит, скажи на милость, «продолжительное стояние приливной волны»?

— Это явление также известно как «малая вода». Через полчаса после прилива, когда приливное течение прекращается, наблюдается стояние малой воды продолжительностью около полутора часов. Это означает,

что крушение у берегов Эксмута должно было произойти чуть ли не на самих эксмутских скалах и пляжах.

— Почему?

— Из-за ветра. Ветер был северо-восточный. Береговая линия образует крюк, поскольку тянется к мысу Энн. Этот крюк подобен сети: любой мусор с затонувшего корабля, гонимый ветром на юго-запад, не мог его миновать. Тел***а*** и обломки должны были оказаться на берегу.

— Но что, если корабль огибал мыс Энн, не видя его? Что, если он был настолько дезориентирован, что не мог зайти в гавань Глостера, и в итоге его унесло в море отливной волной?

Пендергаст помедлил, размышляя.

— Эта версия может оказаться вероятной, и я считаю, что спасательная операция должна была предполагать именно ее, фокусируя внимания на тех зонах, где, возможно, находился корабль с вышедшими из строя системами. Но в твоем докладе упоминалось, что это было судно, груженное дубовыми бревнами. Поэтому, даже если оно затонуло, должно было остаться большое количество плавающих обломков и, собственно говоря, самих бревен, не говоря уже о телах. Однако тщательный поиск ни к чему не привел.

— Тогда, возможно, что он потерял управление далеко от побережья Эксмута, попал в шторм и дрейфовал, пока отлив попросту не вынес его в море.

Пендергаст снова начал хождение по комнате.

— Приливо-отливное течение меняется каждые шесть часов. Дрейфующий корабль не смог бы уплыть слишком далеко. В конечном итоге, б***о***льшую часть мусора все равно должно было вынести на берег, — он махнул рукой. — Но мы ходим по кругу. Вспомним, что это не единственная местная загадка. Есть еще одна — связь с колдовством.

— Только не говори мне, что веришь в россказни Бойла о беглых салемских ведьмах!

— Моя дорогая Констанс, я ничего не принимаю на веру. И я надеюсь, что и ты будешь сопротивляться этому импульсу. Давай отправимся туда, куда приводят нас факты. А факты указывают нам на солончаки Эксмута и на эту давно покинутую колонию. Я отправлюсь на ее поиски сегодня ночью.

— Ночью?

— Разумеется, ночью. Это должна быть разведка в стиле «стелс»[52].

— Я пойду с тобой.

— Ты ничем не сможешь помочь. В одиночку я буду продвигаться в темноте намного лучше. К тому же мне, возможно, придется пересекать водные каналы, а ты, к сожалению, так и не научилась плавать. И вспомни те неприятности, которые произошли во время нашей последней, хм, вылазки.

— Имеешь в виду «вылазку» в Ботанические сады? Насколько я помню, та экскурсия спасла тебе жизнь. Как бы выразился наш друг сержант Гэвин, «это я так, к слову».

Губы Пендергаста дрогнули, что можно было принять за тень уступчивой улыбки.

— Вот, что я хотел бы тебе поручить: я хочу, Констанс, чтобы завтра утром ты отправилась в Салем. Я так понимаю, там довольно много достопримечательностей, включая «Дом Ведьмы», музей «Подземелье Ведьмы», и знаменитый мемориал «Суд над Ведьмой», не говоря уже о «Туре по Городу Ведьм на сегвеях[53]».

— Тур на сегвеях? Ты, должно быть, шутишь.

— Более того, Салем также является прибежищем «Альянса Виккан», — он передал ей карточку. — Некая Тиффани Брукс, также известная как Призрачная Ворона, является главой и официальным представителем местного ковена[54].

Констанс рассмотрела карточку.

— Викка[55]? Белая магия? И что я должна буду там разузнать?

В ответ Пендергаст протянул ей лист бумаги с рисунком. Глядя на него, Констанс узнала знаки, которые были вырезаны на теле историка вместе с плохо читаемым буквами таинственного слова «Тибейн».

— Поиски в интернете принесли свои плоды, — сказал Пендергаст. — Вспомни, что рассказал нам Бойл. Про надпись, которая, согласно легенде, была найдена в центре пропавшей колонии ведьм. Колонии, которая когда-то существовала в этом районе, — он кивнул на лист бумаги. — Это та же самая надпись и те же самые знаки — во всяком случае, согласно записям давно умершего археолога с весьма сомнительной репутацией.

Констанс пристально посмотрела на лист.

— Ты же не думаешь, что тот, кто убил историка и вырезал на нем эти символы и надпись, состоял в…

— Я ничего не думаю. Я просто хочу, чтобы ты выяснила, являются ли эти знаки подлинным колдовством, и, если да, то каково их значение. Это таинственное слово также, по сути, лежит в основе моего предстоящего ночного путешествия. Моя дорогая Констанс, мы не сможем действовать до тех пор, пока не определим, является ли это все подлинным, или убийца просто использовал эти надписи и символы, чтобы ввести следствие в заблуждение.

Он поднялся.

— А теперь, adieu.[56] Мне нужно кратко переговорить с сержантом Гэвином. Насколько я помню, он вырос в Эксмуте.

— На предмет чего ты хочешь с ним поговорить?

— Просто задать ему пару вопросов о жизни нашего многоуважаемого адвоката Данвуди. А еще я попросил мистера Лейка устроить мне экскурсию по его саду скульптур.

Она осторожно сложила лист бумаги.

— Я думала, ты собираешься провести разведку…

— Я и в самом деле собираюсь. Но для этого мне нужна темнота.

— Ясно. А что делать мне?

— Перед этой моей ночной вылазкой я хотел бы, чтобы ты… поболталась в баре гостиницы, вызвала на разговор пару-другую аборигенов, выпила стаканчик-другой пива и собрала сплетни.

Она уставилась на него, округлив глаза.

— Я не «болтаюсь в барах».

— Во время расследования тебе придется модернизировать нормы своего личного поведения, как и мне. Ты всегда можешь пить абсент, который, по чудесному стечению обстоятельств, у них имеется, — он наклонился, и его тон стал более заговорщицким. — Но что бы ты ни делала, *избегай моллюсков*.

— Это, — сказал Персиваль Лейк, глядя с нежностью, — был первый кусок гранита, который я обработал, когда переехал сюда с женой тридцать лет назад, — он с любовью погладил полированную серо-гранитную скульптуру, прежде чем вернуть руку в прежнее положение — обвить ее вокруг талии Кэрол Хинтервассер. Скульптура изображала наполовину абстрактного гарпунщика, выраставшего из камня и нацеливавшего свое оружие на ему одному видимую мишень. — Я сохранил его из сентиментальности, хотя мог бы уже сто раз продать. Он называется «Квикег»[57].

С моря подул порывистый ветер, взъерошив траву в саду скульптур над утесом. Низкие облака окрасили море в цинковый оттенок, принеся с собой запах зимы. Лейк установил все свои большие гранитные статуи лицом к морю, в качестве своего рода почтения Острову Пасхи, который Лейк в течение многих лет посещал со своей ныне покойной женой.

Одетая во все черное фигура Пендергаста плотнее закуталась в пальто. Вечером на улице стало заметно прохладнее, а агент ФБР был явно не из тех, кто наслаждался холодной погодой.

Лейк продолжал блуждать среди скульптур, держа за руку Кэрол и рассказывая поочередно о каждой статуе. Пендергаст молча следовал за ними. В конце экскурсии Лейк остановился и повернулся к агенту.

— Мне любопытно узнать, как продвигается расследование, — сказал он.

— Недостаточно хорошо, — ответил Пендергаст.

— Понятно. Вопрос в отсутствии улик?

— Как раз наоборот.

— Ну вы, безусловно, устроили в городе настоящий переполох. Вы и убийство этого историка — это основные темы разговоров в Эксмуте, — он сделал паузу, тщательно подбирая слова. — Должен признаться, я чувствую, что вы… мало держите меня в курсе дела.

— Почему же?

— Ну… вы пробыли здесь три дня. Я ожидал регулярных докладов о вашем прогрессе. Например, я слышал, что вы помогаете полиции расследовать дело об убийстве. Было бы приятнее, если бы вы сказали мне об этом лично.

— Мои извинения.

Этот человек был раздражающе немногословен.

— Значит ли это, что вы считаете, будто убийство историка и дело о краже вина связаны? — спросила Кэрол.

— Это действительно так.

Повисла тишина. Лейк жаждал уточнений, но, когда их не последовало, решился спросить:

— Не потрудитесь ли просветить нас?

— Не потружусь.

Лейк почувствовал резко возросшее раздражение.

— Не хочу показаться грубым, но вы ведь работаете на меня! Разве я не должен получать регулярные отчеты?

— Я вообще никогда не обсуждаю текущие расследования с кем-либо, если только в этом не возникает крайней необходимости.

— Итак… если вы приехали сюда не для того, чтобы рассказать мне о ходе следствия — тогда для чего же вы здесь? Наверняка не только ради моих скульптур.

Пендергаст повернулся спиной к ветру.

— У меня возникло несколько вопросов.

Лейк пожал плечами.

— Разумеется, задавайте. Хотя я убежден, что уже рассказал вам все, что знаю.

— Есть ли причина, по которой вы не рассказали мне о прошлом мисс Хинтервассер?

Лейк переглянулся с Кэрол.

— О ее прошлом?

— О ее криминальном прошлом. Она была поймана на воровстве в дорогом антикварном магазине Кембриджа.

Повисло молчание, которое теперь нарушали только порывы ветра.

— Я не совсем понимаю, к чему вы клоните, Пендергаст, — наконец, сказал Лейк. — Но я уверен, что мне это не нравится.

— Почему он должен был рассказывать вам об этом? — вмешалась Кэрол. — Это было пятнадцать лет назад. Я все вернула, возместила весь причиненный ущерб. Это был лишь маленький уродливый идол, я даже не знаю, что в нем нашла. Вся эта история далеко в прошлом. И она не имеет никакого отношения к краже из нашего дома — из дома Перси, я хотела сказать.

— Возможно, и нет, — Пендергаст обратил внимание на Лейка. — Вы служили на флоте, ведь так?

Лейк чуть помедлил с ответом.

— Я провел четыре года на морском флоте, а затем еще три прослужил на танкере.

— И, я полагаю, там вам и сделали татуировку?

— Татуировку? — с удивлением переспросил Лейк. — Вы имеете в виду кита на моем правом плече? Откуда вы об этом узнали?

— Похоже, она восхитила многих в городе во время ваших редких появлений на пляже.

— Конечно. Так вот, я всегда любил море, а «Моби Дик» — моя любимая книга. Я перечитываю ее каждый год с шестнадцати лет. «Зовите меня Измаил» — самая лучшая первая строка романа из всех, что когда-либо были написаны.

— Сам я не люблю рассказы о животных.

Лейк закатил глаза. Пендергаст оказался тем еще фруктом.

— Первый раз слышу, чтобы «Моби Дика» называли «рассказом о животных».

— Возвращаясь к теме разговора, мистер Лейк, спешу отметить, что ваша морская подноготная оказалась трудным заданием для моих поисков. Странно, что в морском городе — таком, как Эксмут — так мало людей было осведомлено о вашем прошлом.

— Я ценю личное пространство.

— Вы не упомянули об этом и в тот раз, когда честно рассказывали мне о своем прошлом. Когда мы с вами беседовали в ресторане гостиницы.

Лейк пожал плечами.

— Я не привык говорить об этом. Этот образ как-то не вяжется с образом художника.

— Понятно. Я обнаружил также, что Дана Данвуди, прежде чем поступить в юридическую академию, также служил на танкере.

— Я этого не знал.

— Вы когда-нибудь служили с ним на борту одного корабля?

— Нет, никогда.

— Как хорошо вы знаете мистера Данвуди?

— Не очень хорошо. Он не в моем вкусе. Ничтожный, этически неприятный адвокат из маленького города.

— Знали ли вы, что у него тоже есть татуировка? Якорь на тыльной стороне запястья.

— Для людей, служивших на морском флоте, татуировки — обычное дело. Вы считаете, что у нас с Данвуди какой-то татуировочный заговор?

— Есть еще одна вещь, которую мне было трудно обнаружить, но она привлекла мое внимание. Об этом вы тоже предпочли мне не рассказывать. У вашей семьи довольно глубокие корни в Эксмуте. Ваш прапрадед переехал из Бостона в Эксмут, где женился на местной жительнице. Он пропал без вести в море в 1845 году, оставив жену с ребенком. Она вернулась в Бостон, и это разорвало связь вашей семьи с городом, пока вы не переехали сюда тридцать лет назад.

Лейк смерил Пендергаста взглядом.

— И это должно быть важно?

— Вы знаете девичью фамилию своей прапрабабушки?

— Нет.

— Данвуди.

— Боже! В самом деле? Господи, я понятия не имел. Но… здесь много Данвуди. На самом деле, очень много.

— Ваша выставка в Бостоне — в Галерее изобразительных искусств Глисона на улице Ньюбери — похоже, не имела особого успеха.

— Во время падения экономики искусство страдает первым.

— И правдивы ли местные слухи, что у вас сейчас не хватает комиссионных?

— К чему вы клоните?

Но, похоже, Лейк уже сам начал понимать, к чему клонит агент. Он почувствовал, что вот-вот выйдет из себя.

— Просто ответьте: у вас действительно есть финансовые трудности, мистер Лейк?

— У меня прекрасное финансовое положение! Я не живу роскошной жизнью, не привык к этому, поэтому могу выдержать небольшой экономический спад.

— Была ли застрахована винная коллекция?

— Это адекватная позиция любого домовладельца.

— Вы уже получили страховую выплату?

— Еще нет, но, ради всего святого, я надеюсь, вы не подозреваете меня в страховом мошенничестве?

— Значит, вы подали иск.

— Совершенно верно.

— На какую сумму?

— Сто девяносто тысяч долларов. Все это задокументировано. Я бы предпочел вернуть вино вашими стараниями. Это, кстати, ваша работа. И лучше бы вы занимались ею, чем расспрашивали меня в оскорбительном тоне о таких неуместных вещах. Ради бога, вы ведь раскопали грязные подробности о прошлом моей компаньонки. Обвинили меня в том, что я состою в сговоре с этим ослом-адвокатом, который случайно оказался моим семнадцатиюродным братом, одиннадцатого колена, который мог украсть мое вино! Думаете, я привлек вас к делу шутки ради? Господи, не заставляйте меня сожалеть, что я нанял вас!

Кэрол сжала его руку.

— Дорогой, пожалуйста.

Он слишком поздно понял, что перешел на крик.

Пендергаст молча смотрел на них, его лицо приобрело оттенок льда, а серебристые глаза отражали угасающий свет.

— В любом расследовании девяносто девять процентов собранной информации не имеет значения. В поисках этого одного процента я буду задавать множество сторонних, неудобных или оскорбительных вопросов, из-за которых многие люди выходят из себя. Ничего личного. Доброго вечера, мистер Лейк. Мисс Хинтервассер.

Пораженный Лейк стоял рядом с Кэрол и наблюдал, как темная фигура Пендергаста неспешно спускается по склону холма, направляясь в сторону своей машины.

19

Над болотами висели миазмы тумана, под которыми специальный агент А. К. Л. Пендергаст пробирался сквозь осоку. Его темная фигура то и дело появлялась и исчезала среди густых, покачивающихся лезвий.

В час ночи стоял мертвый отлив, и илистые отмели оказались обнажены, сияя в редких проблесках лунного света, пробивавшегося сквозь стремительно движущиеся облака. Поймы дышали серным запахом дохлой рыбы, который в сочетании с усиками тумана, образовал зловоние, въедающееся в волосы и кожу. Пендергаст привез с собой свернутую карту, которую чуть ранее этим же днем набросал от руки, основываясь на морских картах, картах геологической службы США, диаграммах ветров и течений метеорологической службы и своих собственных наблюдениях.

Соляные болота Эксмута покрывали около двенадцати тысяч акров за барьером острова Кроу. Они раскинулись там, где реки Эксмут и Метакомет сливались вместе на пути к морю, создавая фантастический лабиринт болот, каналов, островов и солоноватых бассейнов, прежде чем перейти в мелкие бухты, которые тянулись вплоть до моря, начиная с северного конца острова Кроу. Около половины болотистых мест были объявлены заповедной зоной дикой природы. Остальные же были в значительной степени труднодоступны и считались пустошами, не использующимися из-за ограничений экологического порядка. Летом они страдали от нашествия черных слепней и мух, а с точки зрения дикой природы не являлись в достаточной степени ценными и интересными, чтобы их включили в заповедную зону. Они представляли ценность лишь для добычи моллюсков, которые обитали здесь, на

илистых отмелях, обнажающихся во время отлива, но большая часть из этих краев так и оставалась практически недоступной как на лодке, так и пешком.

Пендергаст двигался с кошачьей грацией, используя растущий месяц в качестве единственного источника света. Время от времени он останавливался, чтобы проверить направление ветра или принюхаться к воздуху. Однажды, ненадолго, он уловил слабый запах горящих дров; было трудно сказать, доносился ли он из далеких домов Дилл-Тауна, расположенного в пяти милях к северу, или от костра бездомного, который, по словам Бойла, жил на болоте. Так или иначе, Пендергаст остановился, отметил свое положение на карте, направление ветра и провел линию по ветру.

Он выбрал в качестве входа участок болота, примерно в миле вверх по течению от того места, где было найдено тело историка. Он располагался дальше по каналу, где, как Пендергаст догадался — учитывая движения приливов и направление ветра — мужчина мог быть убит и сброшен в воду. Предположение было грубым, но при имеющихся скудных фактов ничего лучше он предложить не мог. В том месте не оказалось ничего интересного, поэтому следующим своим шагом Пендергаст решил сосредоточить внимание на конечном пункте назначения — то были изолированные болотные острова в отдаленных западных областях соляного болота, за пределами заповедника.

Когда он начал свой путь сквозь траву, все мысли оставили его. Отключив внутренний голос, он был подобен животному, существующему в данный момент только в виде сгустка обостренных органов чувств. Осмысление — он знал — придет позже.

Осока и трава солерос достигали в высоту около пяти футов, и Пендергаст продвигался сквозь нее по прямой линии, раздвигая ее руками в перчатках. Земля под ногами была губчатой, с редкими раковинами, норами ондатр и пустотами, размытыми чрезвычайно высокими приливами. Трава оказалась острой, но он был хорошо экипирован: на нем были высокие болотные сапоги и черную куртку «Филсон» из плотной ткани.

Через полмили он пересек две тропы в траве. Обе были слишком узкими, чтобы предположить, что их мог протоптать человек, и все же Пендергаст изучил их. Минутное исследование земли выявило следы оленьих копыт на одной тропе и отпечатки лап ондатры на другой.

Вскоре осока и солерос уступили место илистой отмели, шириной примерно в четверть мили, через которую вился небольшой канал воды.

Пендергаст ступил на илистую отмель, каждый его шаг утопал в грязи. Через восемь минут он совершил трудный переход на другой берег, где лежал болотный остров. Ветхий указатель, почти стертый временем, указывал, что он покидает границу заповедника.

Он продолжил свои передвижения сквозь осоку и илистые отмели. Прилив сейчас был слабым, но очень скоро он усилится. Здесь случались сильные приливы, более чем на десять футов по вертикали: у него было еще около двух часов, прежде чем он окажется отрезан наступающим океаном — каналы станут слишком глубокими, а течения слишком быстрыми, чтобы переходить их вброд.

Глубоко, глубоко в болотах, в середине отдаленного острова, он пересек в траве туннель, который явно не был звериной тропой. Затем он присел и, направив портативный фонарик вниз, включил его и осмотрел землю. Почти сразу он увидел отпечаток человеческого следа, обутого в нечто, похожее на грубый подбитый ботинок, гвозди на котором истерлись до шляпки, а многие из них совсем вывалились. След был свежим, возможно, не старше двух-трех дней.

Он разложил карту и обозначил местоположение тропы, а затем медленно двинулся по туннелеподобному пути. Туннель змеился примерно на милю вперед и заканчивался на краю илистой отмели, где все следы исчезали в набегающих приливных волнах. На другой стороне отмели Пендергаст смог рассмотреть, что туннель в траве продолжался.

Дальше он развернулся и направился обратно к центру острова. На карте геологической службы США, с которой он сверялся, в отдалении была указана область чуть более высокой земли: всего лишь три фута над уровнем моря, но три фута в потенциальной зоне затопления были значительными. Пройдя по другой прямой тропе в осоке, которая здесь была густой и высокой — почти шесть футов — и смешивалась с лысеющими камышами. Там, где кончались камыши, виднелся почти незаметный подъем земли.

Пендергаст начал обходить участок более высокой земли, затем пересек его туда и обратно, почти имитируя рисунок газонокосилки. Каждые несколько минут он останавливался, наклонялся к густой траве и осматривал мягкую землю. В какой-то момент он снова почувствовал дым от горящих дров, который он отметил на своей карте вместе с еще одной линией, обозначающей направление ветра.

Две линии, которые он нарисовал, пересекались на расстоянии около двух миль.

Он возобновил свою поисковую схему, растянувшуюся в тишине почти на час. А затем, в центре болотного острова, Пендергаст обнаружил, пробившись через слой грязи, плоский камень. Он вытащил его и осмотрел: истертый кусок сланца. Камни не встречались в илистых отмелях естественным образом. Вернув его на место, он отметил свое местоположение на портативном GPS-навигаторе. С этого момента он начал двигаться более широкими кругами, обнаруживая то здесь, то там дополнительные камни. Он отметил местоположение каждого с помощью устройства GPS-навигатора. Агент работал, пока позволяло время, а затем, зная, что последние минуты истекают, так как начинается прилив, он убрал GPS, отложил карту и направился к своей стартовой точке.

Пендергаст прошел не более десяти шагов, когда услышал звук: жуткий, страшный, протяжный вопль, прокатившийся издали над обширными болотами. Пендергаст раньше уже слышал подобный крик. Это был четкий, единственный в своем роде человеческий крик, полный удивления и неверия, затем боли и, наконец, экзистенциального ужаса.

Это был крик человека, которого убивали.

20

Крик постепенно перешел в слабый сдавленный стон, и, казалось, растворился в дуновении ночного ветерка, беспокоившего осоку и солерос. Пендергаст на мгновение застыл. Затем он снова проверил ветер, встал на колени, вытащил карту, быстро развернул ее и нарисовал на ней узкий конус, указав примерное направление, откуда донесся звук. Похоже, что его источник находился на приличном расстоянии, и ветер принес его за собой, но при этом не очень далеко — возможно, полмили, не больше. За этим криком должно было последовать убийство — у Пендергаста не было ни малейшего сомнения, что так оно и случилось — прямо посреди самой недоступной зоны среди эксмутских болот: целого лабиринта ручьев, грязи, илистых отмелей и застойных болот.

Зона, из которой донесся крик, совпала с той, откуда долетал запах дыма.

Пендергаст начал продвигаться быстро, как змея, раздвигая траву руками и умудряясь при этом не издавать ни единого звука, оставаясь в тишине и безопасности. Он наткнулся на другую тропу, напоминающую туннель сквозь траву — довольно узкий, но все же сделанный человеком. Вскоре Пендергаст обнаружил себя на краю илистого наноса. Однако теперь поток укрывавшей его воды стремительно поднимался. Черная вода поглощала землю; то, что раньше было крохотным ручейком,

теперь превратилось в широкую двадцатифутовую реку, продолжавшую прибывать и несущую с собой целый поток опавших листьев. Облака затмили почти полную луну.

Пендергаст замер, оценивая ситуацию. Прилив стремительно нарастал, а между ним и примерным местом преступления пролегало еще множество каналов и потоков. Даже если ему удастся туда добраться, это займет, по меньшей мере, час, и к тому времени он попадет в ловушку без возможности вернуться до того момента, пока не начнется отлив — то есть, как минимум, на шесть часов. Ему не хватало важной информации о жертве, об убийце, о местной географии и об обстоятельствах. Он находился в фатально невыгодном положении, поэтому слепо бросаться на звук было бы опасно и даже безрассудно.

Пендергаст вернулся в заросли травы, послужившие ему убежищем. Там он проверил свой сотовый телефон, понадеявшись, что мог попасть в случайную зону приема сигнала. Не попал. Он вновь исследовал свою карту. Было крайне важно выбраться отсюда и как можно скорее сообщить об убийстве. Сейчас от города его отделяло огромное расстояние, по большей части состоящее из болот и затопленных илистых отмелей. Судя по карте, самый быстрый путь отсюда не будет пролегать вспять по его собственным следам — он поведет Пендергаста в противоположном направлении, в лес, который называется Государственным Лесом Короля Марка. Согласно карте через этот лес вела проселочная дорога, переходившая в гравийную одноколейку, связывавшую Дилл-Таун и Ньюберипорт.

Там находился ближайший выход отсюда и доступ к телефону.

Пендергаст свернул карту, взял свои вещи и сорвался с места, перейдя с медленной ходьбы на быструю, а после даже на бег. Примерно через четверть мили он наткнулся на очередной илистый участок с быстро пребывающей водой, и ему пришлось перейти вброд ледяной поток, который уже достигал в глубину четырех футов, а скоро грозился стать вдвое глубже, если брать в расчет неуклонно усиливающийся прилив. Пендергаст продолжил двигаться в своем темпе, ориентируясь с помощью лунного света, и насколько он смог рассмотреть, в дальнем конце залитых светом заболоченных земель виднелась темная линия деревьев. Наконец, добравшись до последнего приливного канала, он был вынужден уже с усилием пробиваться через глубокий поток. Пендергаст отважился на этот шаг, но довольно быстро понял, что для простой илистой отмели, укрытой приливной волной, здесь слишком глубоко. Ему придется плыть.

Он вернулся и снял свои высокие резиновые сапоги — они окажутся для него смертельной ловушкой в стремительно движущейся приливной

воде. Отбросив их в сторону, он обернул карту и другие вещи в кусок клеенки, поднял сверток над головой и отважился на марш-бросок через быстротекущий поток. Этот канал был примерно тридцать футов в поперечнике и, как только ноги Пендергаста оттолкнулись от грязи, поток подхватил его и понес вслед за собой. Противоположный берег проносился мимо агента на огромной скорости, пока он пытался плыть, работая двумя ногами и одной рукой. Через минуту борьбы он сумел вернуться к своему направлению и вскоре добрался до берега, над которым нависали темные сосны, а из-под земли торчали их могучие корни. Он выбрался из воды и позволил себе отдохнуть пару мгновений, привалившись к стволу дерева и постаравшись счистить грязь со своих ног. Согласно карте, дорога через этот лес огибала болота и направлялась прямиком в Дилл-Таун, который располагался примерно в четырех милях отсюда — это расстояние, которое Пендергаст мог покрыть за одну часовую прогулку. Пройдя еще четверть мили, из Дилл-Тауна можно было попасть непосредственно в Эксмут.

Он поднялся и направился в лес. Дорога должна была проходить в нескольких сотнях ярдов отсюда, поэтому пропустить ее было невозможно. Но сам лес укрывала совершенно непроглядная тьма, и хитросплетенья деревьев представляли собой массивную путаницу зарослей с участками терновых роз, которые опутывали стволы деревьев, душили и убивали их, оставляя после себя лишь голые иссушенные ветки, тянущиеся к небу. По лесу эхом разносилось кваканье лягушек, ночные трели насекомых и одинокое уханье вышедшей на охоту совы. Пендергаст продвигался вперед, осторожно обходя заросли терновника, и вдруг оказался на поляне, залитой лунным светом.

Он застыл. Звуки ночного леса внезапно смолкли. Возможно, ночные обитатели замолчали из-за него, а возможно, что и из-за присутствия кого-то другого. Через мгновение Пендергаст возобновил темп, пересекая поляну, как будто ничто на ней его не побеспокоило. Вскоре он вошел в плотную стену деревьев, скрылся в самых густых зарослях и снова остановился. Он поднял три небольших камушка и швырнул их — первый на десять футов вперед, затем, чуть погодя, второй — примерно на двадцать футов, и следом третий — на тридцать футов. Каждый камушек создал небольшой шум, чтобы имитировать дальнейшее продвижение Пендергаста через лес.

Но вместо того, чтобы продолжить путь, он устроил засаду в зарослях деревьев — присел на корточки и замер. Вскоре он услышал слабые звуки передвижений своего преследователя. Это был некто, перемещавшийся практически бесшумно — редкий навык, учитывая густоту этого леса. И сейчас он уже мог рассмотреть материализовавшуюся на затененной поляне фигуру мужчины — почти гигантскую — скользившую по открытой местности с ружьем в руке.

Когда мужчина приблизился, Пендергаст напрягся, выжидая момент. И затем, как только преследователь с ружьем вошел в темноту зарослей, Пендергаст выпрямился во весь рост, ударив снизу вверх по стволу дробовика, и нанес серию сокрушительных ударов кулаком по плечу, ребрам и животу мужчины. Оба ствола выстрелили с оглушительным взрывом, когда преследователь упал. Пендергаст возвысился над ним и угрожающе прижал «Лес Баер» .45 калибра к уху незнакомца, в то время как вокруг них безмолвно опускались сорванные лепестки цветов и дикая ягода.

— ФБР, — тихо сказал Пендергаст. — Не сопротивляйтесь.

Мужчина расслабился. Пендергаст тоже, затем схватил ствол дробовика и отбросил оружие в сторону, после чего отошел от мужчины.

Незнакомец перевернулся, затем сел, глядя на Пендергаста.

— Сукин сын, — буркнул он. — ФБР, говоришь? Позволь-ка мне увидеть твой значок.

Агент тут же предоставил свой бумажник и жетон.

— Что вы здесь делаете?

— Я здесь работаю, — ответил мужчина. — А ты только что испортил мою ночную работу, — он махнул рукой на цветы и ягоды, разбросанные вокруг упаковочного пластикового пакета. — Я имею полное право находиться здесь. Моя семья жила тут две сотни лет.

Значок снова исчез в кармане Пендергаста.

— Почему вы следовали за мной?

— Я услышал крик, а затем увидел, как какой-то сумасшедший псих, по уши в грязи, крадется через мой лес, и это всего через пару дней после того, как кого-то жестоко убили не далее, чем в пяти милях отсюда. Так что ты чертовски прав, я собирался последовать за тобой и расспросить, чего тебе здесь надо.

Пендергаст кивнул, убирая «Лес Баер».

— Приношу свои извинения за то, что испортил ваши цветы. «A*tropa belladonna*»[58], насколько я вижу. Смертельный паслён. Неужто вы, как жена Клавдия[59], собираетесь отравить этим кого-нибудь?

— Я понятия не имею, о каком Клавдии и о какой его проклятой жене идет речь. Я снабжаю этой травой местного фармаколога — для настоек,

отваров, порошков. Ее все еще используют при гастроэнтеральных расстройствах, если ты не знал. А в этих лесах ее полно.

— Так вы ботаник?

— Я парень, который пытается заработать себе на жизнь. Так можно мне теперь встать?

— Прошу. Примите мои извинения.

Мужчина встал, отряхивая с себя листья и ягоды. Он был, как минимум, шесть с половиной футов ростом, вытянутый, с острыми чертами лица, темно-коричневой кожей, клинообразным носом и небывалыми зелеными глазами. Судя по выправке, этот человек служил в армии и, возможно, даже участвовал в боевых действиях.

Мужчина протянул руку.

— Пол Сайлас.

Они пожали друг другу руки.

— Мне необходимо найти телефон, — сказал Пендергаст.

— У меня есть. Грузовик дальше по дороге, если ты не против прокатиться.

— Если вы позволите.

Пендергаст последовал за ним сквозь лес, пока они не вышли к узкой дороге, на обочине которой был припаркован грузовик. Пендергаст был разочарован тем, что ему отказали в возможности сесть в шикарную внутреннюю кабину с кожаной отделкой. Вместо этого Сайлас попросил его ехать в кузове, как собаку. Через несколько минут грузовик съехал на грунтовую одноколейку, и эта «дорога» привела их к небольшой одинокой бревенчатой хижине в лесу, недалеко от края болота, примерно в полумиле от Дилл-Тауна.

Мужчина шагнул внутрь первым и включил свет.

— Телефон там.

Пендергаст поднял трубку и набрал 911, кратко описал ситуацию диспетчеру и через минуту его связали с сержантом Гэвином. Он передал Гэвину всю необходимую информацию, затем повесил трубку и взглянул на часы: почти три часа ночи.

— Они ведь пока не смогут приступить к поискам на тех болотах, — сказал Сайлас. — На середине прилива потоки воды идут со скоростью десять-двенадцать узлов.

— Они начнут искать на моторных лодках.

— Имеет смысл. А ты, значит, собираешься присоединиться к поисковой группе?

— Собираюсь. И если вы позволите побеспокоить вас еще немного: мне необходимо добраться до Эксмута.

— Нет проблем. Но сначала, поскольку у нас есть еще немного времени, тебе стоит немного обсушиться, — Сайлас открыл дровяную печь и положил в нее два полена. Как только Пендергаст вознамерился присесть, Сайлас повернулся. — Хм, Может, не будешь занимать диван? Я его потом не просушу. Деревянное кресло-качалка тоже очень удобное.

Пендергаст сел в кресло-качалку.

— Не пойми неправильно, приятель, но ты выглядишь так, как будто тебе жизненно необходим стакан бурбона.

Последовало небольшое колебание.

— Какого именно, скажите на милость?

Сайлас рассмеялся.

— А мы ведь оба разборчивы, не так ли? «Паппи-Ван-Винкл» двадцатиоднолетний. Дурного не держим.

Пендергаст склонил голову.

— Такой подойдет.

Сайлас исчез на кухне и вернулся с бутылкой бурбона и двумя стаканами. Он поставил оба на журнальный столик, а затем наполнил сначала один, а затем другой.

— Я очень вам благодарен, мистер Сайлас, — сказал Пендергаст, поднимая стакан.

Сайлас сделал небольшой глоток.

— Так значит… ты расследуешь убийство того историка?

— Так и есть.

— Того крика было достаточно, чтобы сам дьявол рухнул от ужаса на колени с молитвенником в руках.

Пендергаст достал свою карту и развернул ее на столе.

— Пожалуйста, если можете, укажите на карте, где именно вы находились, когда услышали крик, и с какого направления, как полагаете, он доносился.

Сайлас подтянул карту к себе и склонился над ней, его лоб прорезали недовольные морщинки.

— Я был здесь, в этих лесах, а крик прозвучал с этого направления, — он провел пальцем по карте.

Пендергаст сделал несколько пометок. Палец Сайласа лежал на участке конуса, который он ранее начертил на своей карте.

— Спасибо. Это поможет в поисках тела, — он свернул карту. — До вас доходили слухи о том, что кто-то живет на болотах?

— Ничего определенного. Но если бы я пытался скрыться от правосудия, я отправился бы именно туда.

Пендергаст сделал глоток бурбона.

— Мистер Сайлас, вы сказали, что ваша семья жила здесь двести лет. Вы должны хорошо знать местную историю.

— Ну, я никогда не интересовался генеалогией и тому подобным. Хотя знаю, что раньше Дилл-Таун был так называемым негритянским районом на окраине города, по большей части его населяли семьи китобоев. Но там жили не только афроамериканцы. Там еще было много представителей крови южных морей — тайцев, полинезийцев, маори. Я сам почти наполовину маори. Маори были величайшими гарпунщиками, которые когда-либо жили на свете. Когда некоторые из морских капитанов брали в жены женщин с южных морей, поначалу они строили с ними семьи, а потом, ну ты знаешь, брали их на борт на время долгих странствий. Позже они высаживали их в Дилл-Тауне, прежде чем отправиться в Бостон к своим настоящим белым семьям. А когда возвращались в море, они просто забирали их обратно, — он покачал головой.

— Так, стало быть, вы — потомок первых жителей Дилл-Тауна?

— Конечно. Как я уже сказал, во мне столько же крови маори, сколько африканской. У моего прапрадеда были даже какие-то обалденные племенные татуировки, насколько мне рассказывала моя бабушка.

— Я так понимаю, большинство афроамериканцев покинули Дилл-Таун после того, как там линчевали чернокожего мужчину.

Сайлас покачал головой.

— Это была жуткая история. Ужасная. Разумеется, этот человек был невиновен. Но это не имело значения для группы линчевателей, которая пришла за ним. После этого народ Дилл-Тауна решил, что это не самое лучшее место, чтобы воспитать там своих детей. Благодаря китобойному делу у них было достаточно денег, чтобы уехать оттуда, и большинство из них именно так и сделали. Некоторые просто отправились в Нью-Бедфорд. Другие подались на чикагские скотобойни.

— Но ваша семья осталась.

— Так случилось, что мой дедушка потерял свою метательную руку во время несчастного случая на китобое, поэтому он начал другое дело — он занялся лечебными травами. В этой зоне полным-полно полезных трав, особенно семейства паслёновых. Их очень много растет там, где раньше находился Олдхэм. Дед не мог перенести свое новое дело в такой большой город, как Нью-Бедфорд, поэтому мы и остались. Мы просто выехали из самого Дилл-Тауна и съехали с дороги — и вот мы здесь, — он развел руками.

— Вы живете один?

— У меня была жена, но она ушла. Слишком одиноко, как она сказала. Б***о***льшую часть времени одиночество меня вполне устраивает, хотя я и рад иногда встретить кого-нибудь на пути. Я не отшельник. Я наведываюсь в бар гостиницы раз в неделю, пью, ем жареных моллюсков и играю в домино с друзьями.

Пендергаст встал, залпом допил бурбон и шагнул к окну, всматриваясь в темноту. Юго-западный ветер колыхал болотную растительность.

— Если бы вы смогли отвезти меня в город прямо сейчас, я был бы вам крайне признателен. Но у меня есть к вам последний вопрос. Те отряды линчевателей, о которых вы говорили — кем именно они были?

— Никто не знает. Замаскированные местные жители. Я тебе так скажу: мой дедушка говорил, что в старые времена в Эксмуте жили криминальные личности. Не просто хулиганье — а по-настоящему

опасные и злые люди. Он говорил, что они были похожи Серого Жнеца: это были типы, которые хотели устроить свой собственный ад.

21

— Вы уверены, что это была не гагара? — спросил шеф Мердок. — Они могут издавать крик, который очень похож на человеческий голос.

Сержант Гэвин вздрогнул, сидя на корме полицейской лодки, держа руку на румпеле[60] и направляя ее через бухту Эксмута к болотам. Мердок, даже в своем нынешнем растоптанном состоянии, умудрялся вести себя как полнейший осел. Но Пендергаст, мрачным и странным изваянием сидя в носовой части лодки, молча свернул карту, и, похоже, даже не обратил внимания на это глупое замечание.

За ними следовали еще две лодки, оснащенные радиоприемниками. Из-за сильной облачности в восточной части горизонта проглядывалось слабое серое пятно восходящего солнца. Мердоку потребовалось больше времени, чтобы собрать группу, чем хотелось бы Гэвину — скептицизм шефа по поводу всей этой экспедиции был совершенно очевиден. Лишь к семи часам утра полицейские лодки начали свой путь вдоль главного русла реки Эксмут. Температура опустилась за ночь ниже десяти градусов, а здесь, на болотах она была еще ниже, чем на твердой суше. Прилив оказался высоким, и уровень воды находился в затишье уже двадцать минут. У них было не так уж и много времени, до отлива: поток, вытекающий из приливных болот, все увеличивался. Гэвин, еще подростком, чтобы заработать карманные деньги, проводил время, собирая моллюсков на болотах, и он испытывал своеобразное почтение к удаленности этого края, его пугающей изоляции и запутанному потоку приливных течений, которые, если не быть осторожным, могли утянуть за собой. Он живо вспомнил, как оказался захвачен врасплох на всю ночь на одном из болотистых островков, потому что забыл отследить начало прилива.

— Поберегись! — прокричал Пендергаст с носа.

Гэвин повернул частично погруженный в воду румпель, затем осмотрелся. Группа краснокрылых дроздов, побеспокоенных поисковой группой, поднялась всей стаей из густых зарослей камыша. В нескольких сотнях ярдов впереди Гэвин увидел начинающиеся лабиринты соляных болот, где протоки и острова переплетались в хитросплетениях каналов и тупиков. Илистые отмели сейчас были полностью покрыты приливом, но это не продлится долго.

Пендергаст слышал крик, когда наступал прилив, поэтому сузил область поисков, указав примерный район места происшествия на карте. Гэвин взглянул на свою карту — схему метеорологической службы — и снова подумал о течениях. Если предполагаемый убийца сбросил тело в воду, входящий приливной поток отнесет его глубже в болота, где оно, вероятно, зацепится за корягу в какой-нибудь заводи, и поисковой группе, быть может, так и не удастся его отыскать. Опять же, если труп не зацепится до наступления отлива, его может вынести в открытое море, как едва не случилось с телом историка.

Действительно, со всеми этими сумасшедшими течениями тело могло находиться где угодно.

— Ну что ж, — начал шеф, громко говоря в свое радио, перекрикивая шум восемнадцати лошадиных сил Эвинруда[61], — Джек, вы берете правый канал, мы возьмем средний, а вы, Кэн, направляйтесь в левый.

Лодки разделились, и Гэвин направил их судно в центральный канал. Вскоре они потеряли из виду две другие лодки, разделенные берегами солончаков. Было чертовски холодно. Вокруг раскинулся серый, монохромный мир. Он видел в небе косяк канадских гусей, направляющихся на юг.

— Помедленнее и смотрите в оба, — приказал шеф.

Гэвин румпелем сбавил скорость. Канал сузился, но теперь во всех направлениях разветвлялись протоки.

— Куда идти дальше? — спросил он.

Прежде чем заговорил шеф, Пендергаст протянул худую руку, указывая на развернутой карте на протоку. Гэвин задавался вопросом, где Констанс; он осознал, как ни странно, что очень жалеет, что это не она сидит в носовой части вместо Пендергаста. Этот агент вызывал у него мурашки.

Шеф теперь предпочел держать рот на замке, пока они продвигались по узкому каналу. Он становился все ***у***же, тут и там стволы деревьев склонялись с насыпей или тонули в грязи, черные ветви уходили в воду, как бы препятствуя их продвижению. Здесь было миллион мест, где тело могло зацепиться и скрыться под водой. Это если рассматривать гипотезу о том, что тело вообще находится в воде — если оно лежало посреди острова с солончаками, его не возможно будет найти, пока вороны не начнут над ним кружить.

Пендергаст указывал снова, и снова, не говоря ни слова, и Гэвин продолжал передвигаться от одного канала к другому. Если бы существовал метод упорядочить это безумие, то он явно был не очевиден. Шеф просто сидел посреди лодки со скрещенными дряблыми руками, нахмурившись, и его лицо выражало отвращение ко всем прилагаемым усилиям. Он даже не пытался притворяться.

Минуты протекали в тишине. Гэвин чувствовал себя полностью потерянным, но по дороге Пендергаст продолжал сверяться со своей картой и делать на ней отметки карандашом, и он был уверен, что агент ФБР знал, где они находятся.

— Эмм, агент Пендергаст? — обратился он.

Бледное лицо повернулось к нему.

— Начался отлив. Просто хотел, чтобы вы знали. Появилось небольшое течение.

— Спасибо. Продолжайте, будьте так любезны.

«*Будьте так любезны*». Этот акцент — он никогда такого не слышал. Южный, конечно, но какой-то необычный. Гэвин задавался вопросом, действительно ли этот мужчина спал с Констанс.

Один канал следовал за другим. Казалось, что стало еще холоднее. Некоторое время несколько чаек следовали за ними, громко крича, и одна из них выплеснула струю дерьма прямо пред лодкой. Недаром ловцы омаров называли их летучими крысами. Время от времени шеф переговаривался по радио с другими лодками. Стало понятно, что им тоже не повезло, а одна из лодок, по-видимому, еще и заблудилась. Они пытались включить GPS-навигацию, но без покрытия сети они не могли током определить свое местонахождение.

Пендергаст уж точно не выглядел потерянным. И даже если он и заблудился, то хорошо это скрывал.

Сейчас течение действительно усилилось, вода утекала. Лодка боролась с ней, регулируя тягу, но плохо справлялась с течением. Гэвин взглянул на часы.

— Агент Пендергаст? — снова обратился он.

И снова бледное лицо повернулось к нему.

— Уровень воды опустился примерно на два фута. Еще полчаса, и нам лучше оказаться подальше отсюда.

— Понял. Рука в черном рукаве снова указала направление, и они вошли в еще одну протоку. И теперь Гэвин увидел, что шеф начал нервничать.

— Гэвин прав, — сказал Мердок. — Я думаю, нам лучше вернуться, если вы конечно не против моего предложения.

Это заявление было проигнорировано. Они продолжили.

— Стоп! — раздался резкий окрик Пендергаста, и его рука выстрелила, как сигнальный флажок. Они как раз проезжали мимо еще одного наполовину затопленного дерева, застрявшего в развороченной грязи в верхней части насыпи. Гэвин подплыл ближе, но не достаточно близко, так как усиливающееся течение сносило их в противоположном направлении.

— Подведите лодку к этой коряге, — приказал Пендергаст.

— Там слишком мелко, — запротестовал Гэвин. — Мы сядем на мель.

— Тогда садитесь на мель.

— Подождите, — сказал шеф, встревожившись. — Что там настолько чертовски важного, что мы рискуем нашими жизнями?

— Сами посмотрите, — и Пендергаст указал.

Там, под темной поверхностью воды, покачиваясь туда-сюда в потоке в гротескной пародии на прощальное помахивание, плавала бледная рука.

— Вот, дерьмо, — пробормотал Гэвин.

— Набросьте веревку на эту выступающую ветку и привяжите нас, — приказал Пендергаст. Гэвин сделал петлю на веревке и закинул ее на ветку, удерживая педаль газа, чтобы зафиксировать лодку в устойчивом положении. У него это получилось с первой попытки, затем он выключил двигатель, поднял его, подтащил лодку к бревну и крепко привязал ее. Он чувствовал, что ил трется по дну их судна, тягуче царапая корпус.

— Я не думаю, что это хорошая идея, — сказал шеф.

Но Пендергаст наклонился, свисая за борт лодки.

— Дайте мне еще одну веревку.

Гэвин передал ее ему. Агент потянулся, схватил руку и вытащил ее из воды. Теперь появилась голова, как будто вынырнув на поверхность.

Преодолевая отвращение, Гэвин бросился помогать, схватившись за другую погруженную, плавающую руку.

Пендергаст обвязал веревку вокруг запястья. Тело видимо только слегка зацепилось за корягу, а теперь оно резко всплыло, поднялось на поверхность и направилось вниз по течению.

— Тяните! — приказал Пендергаст. Гэвин натянул веревку, используя уключину лодки в качестве тормоза, и они против течения притянули тело к борту судна.

— Ради всего святого, вы же не затащите это в лодку! — воскликнул шеф.

— Подвиньтесь, — резко сказал Пендергаст, но шеф не нуждался в указаниях, чтобы отойти в сторону, когда они обхватили тело, готовясь вытащить его. — На счет три.

С большим трудом вдвоем они перевалили его через борт, тело плюхнулось на дно лодки, как огромная мертвая рыба. Его одежда была разорвана и искромсана из-за путешествий по течениям, и сейчас оно лежало с обнаженной спиной лицом вниз. Пендергаст, еще раз схватив безжизненную руку, перевернул человека.

Гэвин сразу узнал лицо. Хотя следующее, что он увидел стали разрезы на теле, он был так потрясен, что временно не мог говорить.

Но у шефа были силы на восклицания.

— Это Дана Данвуди! — крикнул он и взглянул на Пендергаста. — Знаете, только вчера Брэд сказал мне, что вы подозреваете его. Если это именно то, что происходит с вашими подозреваемыми, я надеюсь, вы не начнете подозревать и меня!

Ни Гэвин, ни Пендергаст не обратили на него никакого внимания. Они были слишком заняты, осматривая тело.

— Порезан точно так же, как тот историк, — наконец произнес Гэвин.

— Так и есть, — пробормотал Пендергаст. – И снова Печати Тибейна. Он склонился над телом, и его лицо оказалось настолько близко к серой, резиновой, блестящей коже, что Гэвин невольно испытал жгучее отвращение. — Любопытно. Надрезы на мистере МакКуле были нанесены с уверенностью и силой. Эти, или, по крайней мере, некоторые из них, кажутся другими.

— Хватит, довольно, позвольте в этом разбираться судмедэксперту, — вмешался Мердок. — Давайте сообщим другим о находке и уберемся отсюда ко всем чертям.

22

— Сестра, входите!

Констанс в нерешительности топталась у порога магазина в захудалом торговом центре на окраине Салема. Женщина в викторианском платье, так не похожем на ее собственное, с готовностью встала и направилась к ней.

— Добро пожаловать в Ковен Салема! Откуда вы родом?

Констанс вошла в просторную комнату, которая когда-то была своего рода магазином, но теперь преобразовалась в зону приема посетителей и место встреч. Здесь не было ничего странного или зловещего; это было, своего рода, солнечное, жизнерадостное пространство с толстым ковровым покрытием и желтыми стенами. Темно-зеленый занавес закрывал заднюю часть помещения. У Констанс сложилось впечатление, что здесь проживала как сама эта женщина, так и ее ковен.

Она сделала еще один шаг вперед.

— Разувайтесь! — резко сказала женщина.

— Прошу прощения.

Констанс сняла свои балетки.

— Проходите и присаживайтесь, пожалуйста.

Констанс отложила свою сумку и расположилась в кресле. Оно было неудобным и немного грязным, и она снова задумалась о том, что вскоре вернется на Риверсайд-Драйв 891, будет играть на вирджинале или читать книгу, вместо того, чтобы вставать на рассвете и по просьбе Пендергаста и брать такси из Эксмута в Салем. Агент вернулся в гостиницу в четыре часа утра, задержался ровно настолько, чтобы переодеться, прежде чем снова отправиться на встречу с полицией. Он увиделся с Констанс аккурат перед своим отъездом, упомянул что-то об инциденте на болотах, пообещал рассказать ей все подробности за

ужином и попросил ее отправиться со всей возможной поспешностью в Салем.

«*Твой анализ и твои рекомендации окажутся наиважнейшими*». Не раз его хвалебные слова, сказанные утром, повторялись в ее сознании. Пендергаст поручил ей это задание, он считал его очень важным, и в результате — какими бы ни были ее личные мысли — она знала, что сделает все возможное, чтобы успешно выполнить это поручение.

Женщина расположилась напротив нее. Она выглядела солидно, обладала хорошей фигурой для ее сорока лет с выдающимся бюстом и выступающим подбородком. Она смотрела на Констанс с небольшим подозрением и говорила с неряшливой формальностью.

— Я — Призрачная Ворона, из Ковена Салема, самого большого в Новой Англии, — она сделала странный, старомодный жест рукой, напоминающий какой-то средневековый символ процветания.

— Мое имя Констанс Грин.

— Очень приятно с вами познакомиться, — женщина осмотрела ее сверху донизу. — Какое красивое платье. С рельефами, облегающее фигуру, и с пышными рукавами-фонариками, сужающимися к запястьям. Где вы купили эту красоту?

— Оно у меня уже давно.

— А из какого вы ковена, сестра? Я думала, что знаю всех практикующих викканок в Новой Англии, но я раньше вас не видела.

— Я не из ковена. И я не викканка.

Призрачная Ворона поначалу посмотрела на нее с напряженным удивлением, но быстро расслабилась.

— Понимаю. Однако у вас есть интерес к Викке? Возможно, вы ищете наставника?

Констанс задумалась на мгновение.

— Да, у меня есть интерес, но не такой, о котором вы думаете. Я расследую убийство.

— И что общего, — спросила Ворона, ее голос внезапно стал резче, а во взгляд вернулась подозрительность, — может быть у Ковена Салема с делом об убийстве?

— Вы меня неправильно поняли. Я пришла не обвинять, а просить о помощи.

Женщина почти сразу успокоилась.

— Понимаю. В таком случае я буду рада вам помочь. Вы должны понимать, что ведьмы подвергались преследованиям и клевете на протяжении многих веков. Викка — по сути, это мир, гармония и единство с божественным. Быть белой ведьмой — это быть целителем, наставником, искателем! Стоит отметить, что наша религия возникла на двадцать тысяч лет раньше христианства, — ее тон сделался снисходительным. — Да, мы творим магию, но наши заклинания несут в себе исцеление, мудрость и любовь. Мы не участвуем в сатанинских богослужениях и не якшаемся с демонами. Сатана — христианское творение, и вы можете оставить его себе, спасибо!

Она сложила руки.

— Я не интересуюсь сатаной или каким-либо другим демоном, — ответила Констанс, пытаясь остановить поток слов и перенаправить разговор в нужное русло. — Я здесь, потому что мне хотелось бы услышать ваше мнение о некоем наборе символов.

— Вы сказали, символов? Давайте посмотрим на них.

Она протянула к ней руку. Констанс извлекла лист бумаги, который ей дал Пендергаст, и передала его. Ворона взяла его и взглянула на надписи.

Внезапно холодная тишина опустилась на комнату.

— В чем именно заключается ваш интерес к этому? — настойчиво спросила женщина.

— Как я уже говорила, я расследую убийство.

Ворона быстро отдала лист обратно.

— Викка не имеет ничего общего с Печатями Тибейна. Я ничем не могу вам помочь.

— Что именно собою представляют эти Печати Тибейна?

— Они не имеют никакого отношения к нашему ковену или к нам лично. «Не причиняй вреда» — это наше убеждение. Любой, кто намеревается нанести вред магией, не виккан и не ведьма. Даже просто принести их сюда, и запятнать это место поклонения, неприемлемо. Сейчас мне пора

идти. Я прошу вас немедленно удалиться самой вместе с и этими метками.

— Вы хотите сказать, — начала Контанс, — что вы что-то знаете об этих метках? И все же вы отказываетесь мне рассказать?

Женщина поднялась в просторном ворохе, возмущенной шуршащей ткани.

— Дверь там, мисс Грин.

Констанс не пошевелилась. Вместо этого она пристально посмотрела на женщину, которая в ответ смотрела на нее, обвисшие складки кожи под ее подбородком дрожали, толстый палец указывал на дверь.

— Девушка, вы что оглохли? Убирайтесь!

Услышав этот голос, кричащий прямо ей в лицо, Констанс почувствовала, как в ней поднимается страшный гнев, который уже захватывал ее в прошлом. Она сглотнула, почувствовав, что бледнеет от ярости, и поднялась на ноги, не отрывая взгляда от женщины. Ворона пристально смотрела на нее, выражение ее лица было преисполнено властного вызова.

Констанс сделала шаг вперед. Теперь она находилась так близко к женщине, что они почти касались друг друга. Она чувствовала запах пачули и ладана. Женщина вздрогнула, ее глаза мгновенно потухли.

— Я… — начала женщина, но затем остановилась, не в силах продолжить.

Как ни странно, но Констанс наблюдала — как будто со стороны — как медленно поднимается ее правая рука. Она зажала отвисшую кожу под подбородком женщины между большим и указательным пальцем.

Женщина смотрела в ответ, не в силах что-либо произнести, ее глаза широко распахнулись.

Теперь Констанс начала сжимать, сначала осторожно, а затем сильнее. Ворона пошатнулась, издав горлом странное бульканье.

В полной тишине Констанс сжала еще немного сильнее, впиваясь ногтями, погружаясь пальцами в противную, мясистую кожу.

Внезапно женщина снова обрела голос. Она отступила назад, жадно вдыхая воздух, когда Констанс ослабила хватку.

— Вы! — сказала она, с ужасом глядя на Констанс. — Пожалуйста... пожалуйста...

Констанс опустила руку.

— Я помогу. Просто не смотрите на меня так, пожалуйста, — она отступила назад, ее глаза неотрывно следили за Констанс, женщина нашла ручки своего кресла и рухнула в него, как подкошенная. Красные отметины уже проступали на коже ее горла.

Констанс осталась стоять.

— Как я уже говорила... никто не должен узнать источник вашей информации.

Прошло мгновение, прежде чем гнев отступил достаточно, чтобы Констанс могла доверять своему собственному голосу. Наконец, она произнесла.

— Я сохраню полную конфиденциальность.

— Раз так... ну тогда... Женщина протянула руку к стакану воды, стоящему на боковом столике, отпила из него дрожащей рукой, и отставила его с грохотом.

— Никто не знает точно, что означают Печати Тибейна, — начала она, хрипловатым голосом. — Они были обнаружены более века назад в болотах Эксмута выгравированными на пластине из сланца. На том самом месте, где, как мы считали, находилась Земля Шабаша давно исчезнувшего ковена.

— Земля Шабаша?

— Место, где ведьмы проводят свои ритуалы. Но это были не Викканы, то есть, не *белые* ведьмы. Это были черные ведьмы.

— Объясните.

— Так же, как есть сила творить добро, как в наших викканских заклинаниях и ритуалах, так есть и те, кто используют магию во зло. Искушение силой или местью всегда присутствует в жизни — из-за потери работы, соперничества из-за любви, да чего угодно.

— А что именно означает «*Тибейн*»?

— «*Bane*» от древнеанглийского «*bana*», что означает «скорбь» или «проклятие». Оно также обозначает яд. Например, «Wolfsbane» —

«волчий яд», так называется, потому что он используется для убийства волков.

— И что означает слово «*Ту*»?

— Это тайна.

— Что, если вдруг, эти Печати Тибейна, используются и сегодня?

— Ходят слухи — только слухи — что кто-то может использовать их, чтобы вызывать темные силы во время черных магических ритуалов. Печати очень грозные и злые, но только самая бесстрашная или отчаявшаяся ведьма будет использовать их, потому что их точное значение и смысл утеряны. Это как игра с огнем.

— Вы когда-нибудь использовали их?

Женщина опустила голову.

— Где сейчас находится этот упомянутый камень? — продолжила Констанс.

— Он был уничтожен давным-давно. Но нашедший его человек оставил о нем свои записи.

— Что это за записи?

— Документы археолога-любителя по имени Саттер. Они хранятся здесь, в Старом историческом обществе Салема, — женщина вздохнула. — Некоторые поддались соблазну и совершили досадное паломничество, чтобы ознакомится с этими записями.

— И?

Женщина так и не подняла взгляда.

— Они — все, как один — пожалели об этом.

23

Констанс Грин миновала прелестный центр города по пути к Старому историческому обществу Салема, которое располагалось примерно в миле от ковена. Она была удивлена, обнаружив, что оказалась у

процветающего и внушительного кирпичного здания постройки конца XIX века. Она вошла внутрь, и оказалась в просторном фойе, оснащенном новейшими компьютерными каталогами и электронным оборудованием, а также охраняемом металлоискателями, за которыми присматривал пузатый офицер службы безопасности.

Констанс тщательно просканировали и проверили, как только она вошла, несмотря на ее раздражение. Улыбчивая дама за столом, как оказалось, была знакома с записями Саттера и направила ее в отдел на третьем этаже, где их можно было найти.

Скоростной лифт поднял ее на нужный этаж, дверь с шипением открылась, и она очутилась в скромном помещении строгой планировки. Пожилая женщина с серебристо-седыми волосами, собранными сзади в тяжелый пучок, сидела за ближайшим столом. Констанс подошла ближе, и женщина повесила трубку.

— Констанс Грин? — спросила она с тревожной двойственностью в голосе. — Вы здесь, чтобы увидеть записи Саттера?

Констанс кивнула в знак подтверждения.

— Я миссис Джоб, библиотекарь архива. Пройдемте со мной. Она поднялась, дотронувшись рукой до карты, висящей на шнурке у нее на шее. Она взглянула на Констанс и поджала губы, на ее лице проступила явная неприязнь.

Констанс последовала за ней по коридору. По мановению карточки женщины очередная дверь с шипением открылась, и они вошли в небольшую комнату со столом, покрытым сукном.

— Пожалуйста, возьмите их, — сказала женщина, протягивая пару белых хлопчатобумажных перчаток.

Констанс надела перчатки.

— Пожалуйста, не прикасайтесь ни к одной бумаге голыми руками. Пользуйтесь только карандашом или компьютером — никаких ручек. Присаживайтесь, пока я достану записи Саттера. Они весьма популярны в эти дни.

Миссис Джоб вышла через другую дверь. Меньше чем через минуту она вернулась, держа в руках пластиковую коробку с пластиковыми папками внутри. Она поставила свою ношу на стол. — Можно извлекать только одну папку за раз. Есть какие-нибудь вопросы, мисс Грин?

Констанс почувствовала, что в очередной раз ее приняли за викканку. Она задалась вопросом, смог бы Пендергаст, окажись он на ее месте, использовать это недоразумение для своей выгоды. Пендергаст, казалось, всегда был способен планировать с самого начала каждый свой шаг так, чтобы получить самые лучшие результаты. Он был беспринципен в поисках выгоды.

И она постарается быть такой же.

— Я так понимаю, что многие люди приходили, чтобы увидеть эти документы? — спросила она.

— Они являются одними из наших самых востребованных.

— В самом деле? И кем именно?

— Салем — это центр Викканской религии, как вы, несомненно, знаете, — она взглянула на платье Констанс. — К нам приходит довольно много практиков, желающих взглянуть на записи и переписать или сфотографировать... гм... Печати.

— Вы имеете в виду Печати Тибейна?

— Да.

Женщина собралась уходить.

— Еще один вопрос, если вы не возражаете.

Женщина повернулась, и теперь Констанс заметила выражение нетерпения на ее лице.

— Вы что-нибудь знаете об этом археологе, Саттере?

— Саттер не был археологом. Он был любителем в те времена, когда археология еще едва существовала как профессия. Если быть краткой, он был чудаком.

— И что заставляет вас так говорить?

— Вы сами оцените, когда взгляните на его записи.

— Вы просматривали их?

— Это часть моей работы, быть ознакомленной с содержанием этих папок. На этот счет у меня нет ни тени сомнения, да вы и сами убедитесь, что Саттер был, по меньшей мере, фантазером, — она махнула рукой. —

Если бы у меня было право голоса, эти бумаги отправились бы в мусор. Они интересны только тем, кто изучает девиантную психологию. Или, — она сделала паузу, снова осмотрев Констанс — тем, кто знаком с викканскими убеждениями.

— Понятно, — сказала Констанс, возвращая взгляд, — но вы ошибаетесь, принимая меня за викканку.

— То, кем вы являетесь или не являетесь, меня не касается.

— Я понимаю, что мое платье старомодно, и мои манеры поведения могут показаться странными, но это потому, что… — она вспомнила регистратуру в полицейском участке Эксмута, — я амиш.

На лице женщины проступило удивление и смущение.

— Ох. Теперь понятно. Я не хотела… каким-то образом дать понять, что вы являлись кем-то еще, кроме человека, ищущего информацию. К нам сюда приходит так много этих виккан, чтобы взглянуть на бумаги Саттера. Это заставляет делать предположения.

— Колдовство, наведение заклятий является причиной анафемы в моей религии. Я здесь, потому что… — на этих словах Констанс сделала все возможное, чтобы задохнуться от эмоций, — потому что моя сестра стала викканкой. Я здесь, чтобы попытаться спасти ее.

Теперь удивление на лице библиотекаря превратилось в сожаление.

— Мне очень жаль… Но как эти записи могут помочь? Я имею в виду, что викканы приходят взглянуть на них, привлеченные любопытством, но, насколько я понимаю, они практикуют белую, а не черную магию. И белая магия не имеет никакого отношения к тому, что задокументировал Саттер.

— Я пытаюсь найти сестру. Я знаю, что она была здесь. Ведете ли вы список тех, кто приходит посмотреть на эти документы?

— Конечно, мы ведем записи, но… они конфиденциальны.

На этом Констанс опустила голову, и с ее губ вырвался слабый эмоциональный всхлип.

— Я понимаю. Правила должны соблюдаться. Но просто… я не хочу потерять свою сестру из-за этой… этой викканской религии.

Последовало долгое молчание.

— Ну, я думаю, мы можем сделать исключение. Позвольте, я возьму записи в моем офисе.

Когда она ушла, Констанс на мгновение склонила голову, позволив маленькой улыбке скользнуть по ее лицу. Досада, которую она испытывала при симулировании эмоций, которых она никогда в реальной жизни не испытывала к другому человеку, была оставлена в тени благодаря успешному введению в заблуждение этой самоуверенной женщины. Сделав спокойное лицо, Констанс снова подняла голову, поместила пластиковую картотеку перед собой и извлекла первую папку с надписью «Новый Салем».

Внутри находилось несколько желтоватых бумажных документов. Она положила первое на сукно и осторожно открыла его. Он состоял приблизительно из дюжины страниц, исписанных разборчивым тонким подчерком.

«Записи, описывающие открытие древнего поселения Новый Салем, давно потерянной колонии ведьм в Эксмутских заболоченных землях.

Джедутан Саттер, эсквайр.

Член научного общества антикваров Бостона, исследователь остракона Синухе.

Автор «Fasciculus Chemicus» и «Ключей милосердия и секретов мудрости».

В третий день июля 1871 года я, Джедутан Саттер, эсквайр, после многих недель исследований Эксмутских Болотных Земель, обнаружил поселение ведьм Новый Салем в пустынном месте вдали от жилых домов. Я выяснил расположение Квинкунса, который указывал на церемониальный алтарь в деревне, где совершались кровавые ритуалы и мерзости колдовства. Поэтому, определив местоположение центрального алтаря, я начал копать и обнаружил камень, который являлся богохульным объектом поклонения, в котором содержатся эти дьявольские откровения и мерзости. Это я совершил с благим намерением, согласно велениям Духа Господня, который знает все, и служит предупреждением для всех. И теперь я, Джедутан Саттер, собираюсь уничтожить Мерзкий камень из Нового Салема, чтобы зло, заключенное в его сущности и способное перейти из этого места в другое, больше не могло навредить Миру. Но сначала сделаю выписку

знаков, обнаруженных на камне, записываю эти символы для потомков, как они есть, оставляю их во имя Знания и Понимания Господа Бога, который дает мне свою защиту от Зла, которое они содержат».

Квинкунс. Констанс было известно об этой странной схеме, как о массиве из пяти точек, расположенных, как на игральной кости. Квинкунс, как она знала из книг, имел мистическое значение для многих религий.

Она обратила внимание на следующий документ: свернутый, крупногабаритный двойной лист бумаги. С осторожностью она развернула его и увидела тонко прорисованные контуры того, что могло быть только Тибейнским Камнем, по-видимому, реального размера с надписями — теми же пятью символами, которые она видела на теле историка, мистера МакКула.

Она достала свой мобильный телефон и начала фотографировать, вблизи и издали, со вспышкой и без вспышки, работая быстро. Когда она закончила, то просмотрела остальные бумаги, но ничего интересного больше не обнаружила — например, никаких указаний, где было найдено поселение, или почему Саттер искал его в первую очередь. Вместо этого записи состояли из многочисленных цитат из Священного писания и других религиозных бредней. Саттер, как заметила библиотекарь, несомненно, был чудаком. Но даже чудаки совершают интересные открытия.

Миссис Джоб вернулась с листом бумаги.

— Это список наших посетителей, которые приходили за последние шесть месяцев. У нас также есть камера видеонаблюдения, скрытая в том значке «EXIT». Это, конечно, конфиденциально, обычно мы не сообщаем об этом посетителям.

— Большое вам спасибо, — сказала Констанс, беря список. — Я взгляну на него позже. Во-первых, я должна расшифровать эти записи.

— Если это послужит какое-нибудь утешением, — сказала архивариус, — я не удивлюсь, если надписи окажутся бредом. Вздором. Как я уже сказала, Саттер был фантазером.

— У вас есть другие файлы о колдовстве, которые могут помочь мне понять эти символы или определить, являются ли они подделкой?

— У нас есть описание всех ритуалов Салемских ведьм — на микрофишах, потому что оригиналы слишком хрупкие, а также прекрасная коллекция редких книг о колдовстве и демонологии в месте, которое мы называем «Клеткой». Но я не уверена, что это поможет вам найти вашу сестру.

Констанс взглянула на нее, нахмурив лицо.

— Я должна понять их, и только тогда я пойму, почему моя сестра была вовлечена в эту... мерзость. Видите ли, миссис Джоб, цель этих Печатей — поддельных или настоящих — это совершение злодейства, которое является истинным злом этого мира. Но если они действительно поддельные, это может помочь делу с моей сестрой... когда я ее найду.

***

Два часа спустя Констанс откинулась на спинку стула, моргая. Машина для просмотра микрофишей представляла собой чудо устаревшей технологии 1980-х годов, созданная, по-видимому, для того, чтобы вызывать слепоту после длительного ее использования. Почему здесь не были установлены компьютеры, учитывая, что Историческое общество, очевидно, хорошо финансировалось, оставалось загадкой. Возможно, они просто не хотели облегчать задачу просмотра этих ужасных ритуалов?

Но даже, несмотря на все это, описания ритуалов Салемского колдовства оказались тупиковыми. Стало очевидно, что ведьмы, которые представали перед судом, были невиновными. Однако было несколько случаев, в которых — читая между строк — Констанс ощутила подавляющее впечатление, что там присутствовали настоящие ведьмы, причем как мужчины, так и женщины, участвовавшие в ритуалах колдовства: только не в качестве обвиняемых, а в качестве обвинителей, судей и охотников на ведьм. Это имело определенный смысл: не это ли самый лучший способ посеять страх и ненависть в обществе, и в то же время скрыть свою собственную связь со злом?

Пришло время посетить «Клетку».

Она позвала миссис Джоб, которая показывала путь. «Клетка» располагалась в подвале здания — это было небольшое хранилище, пол, стены и потолок которого были построены из стальных балок — с одной запирающейся дверью. Внутри располагались две полки старинных книг, по одной вдоль каждой из стен, а в центре стоял маленький стол и лампа. Воздух оказался прохладным и сухим, и Констанс слышала, как работает система кондиционирования. На соседней стене размещались

различные экологические и атмосферные мониторы и циферблаты, в том числе вращающийся барабан, который, без сомнения, регистрировал температуру и влажность. Это было темное и зловещее помещение, которое — хоть в высшей степени и устаревшее — было украшено современными цифровыми инструментами.

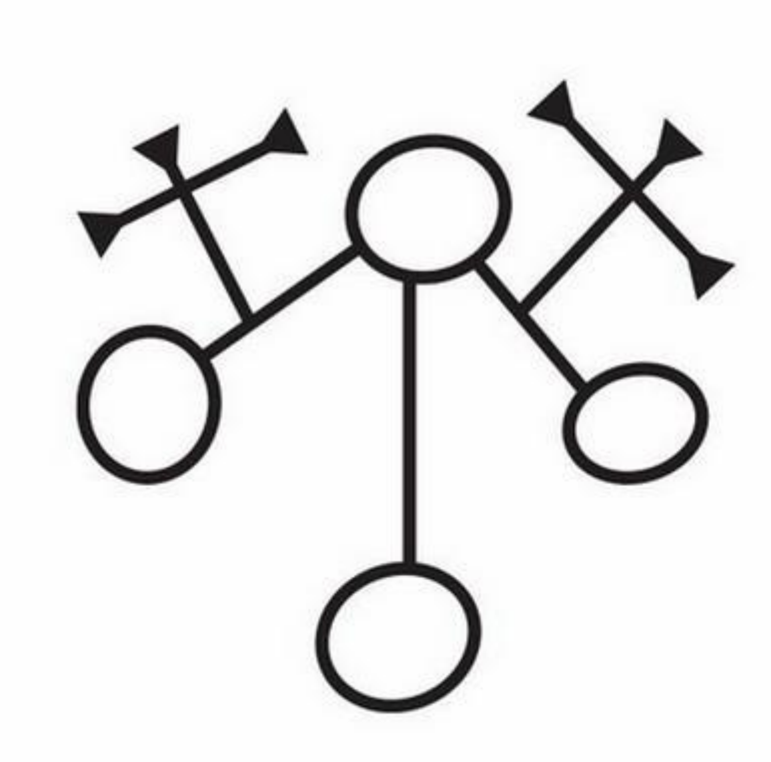
Архивариус заперла Констанс внутри с повторным предостережением носить перчатки на протяжении всего времени. На полке с надписью «Оккультное и Разное» находилось мало книг, не более трех десятков. Большинство из них она узнала по библиотеке Еноха Ленга в доме 891 по Риверсайд-Драйв, которая имела обширную секцию по ядам и колдовству. Она начала изучать заголовки, используя мысленный каталог: здесь был знаменитый «*Malleus Maleficarum*», «*Formicarius*» [66] Нидера, «*Разоблачение колдовства*» Реджинальда Скотта, Французская классика «*De la Démonomanie des Sorciers*»[67], невероятно темная «*Lemegeton Clavicula Salomonis*[68]»; и страшный, мрачный призрак «*Некрономикон*» в переплёте (хотя, без сомнения, миссис Джоб не знала об этом) из человеческой кожи. Констанс уже была знакома с их содержанием и знала, что они не содержат ничего, что могло бы помочь ей расшифровать Печати Тибейна — если действительно существовала дешифровка, которую можно было бы найти.

Но в конце полки стоял ряд чрезвычайно старых, потрепанных и грязных томов. Она просмотрела их, придя к выводу, что большинство из них для нее бесполезны. Но самая последняя книга на полке, отодвинутая от других — как будто ее умышленно пытались скрыть — оказалась безымянным фолиантом, а когда Констанс открыла ее, то поняла, что это и не книга вовсе, а, скорее, манускрипт. Она была написана на латыни и озаглавлена «*Pseudomonarchia Daemonum*» («Ложная монархия демонов») и датировалась 1563 годом.

Констанс положила свою находку на маленький столик и стала осторожно переворачивать страницы, удивляясь обилию подробных иллюстраций. Кажется, это был своего рода гримуар, содержащий список всех демонов, которые, как утверждалось, существовали. Их было всего шестьдесят девять, и в этом манускрипте описывались их имена, силы, атрибуты, символы и то, чему они могли бы научить человека, который бы их вызвал с помощью ужасной церемонии. Бумага потрескивала от прикосновений рук в перчатках, и у Констанс создалось впечатление, что никто не изучал этот манускрипт в течение очень длительного времени.

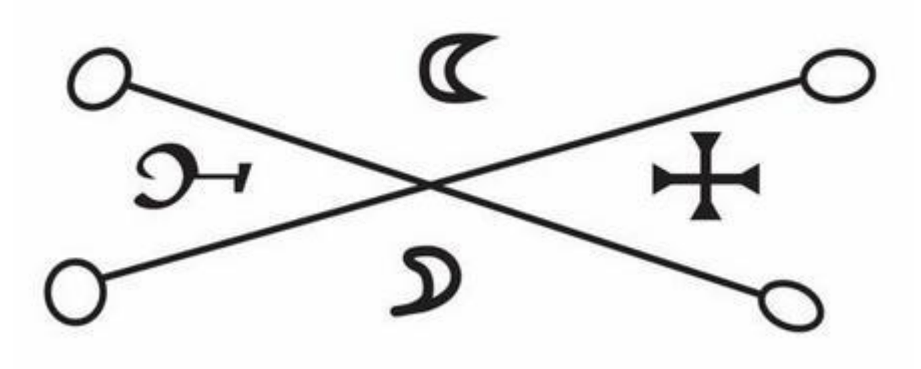
Она листала его, ища совпадения с Печатями Тибейна. Большинство символов олицетворяли самих демонов, но некоторые из них оказались знаками, указывающими передвижение, поездки, направления и место.

Когда она перевернула страницу, ее взгляд привлек один символ, который, по сути, имел сходство с Печатями Тибейна:

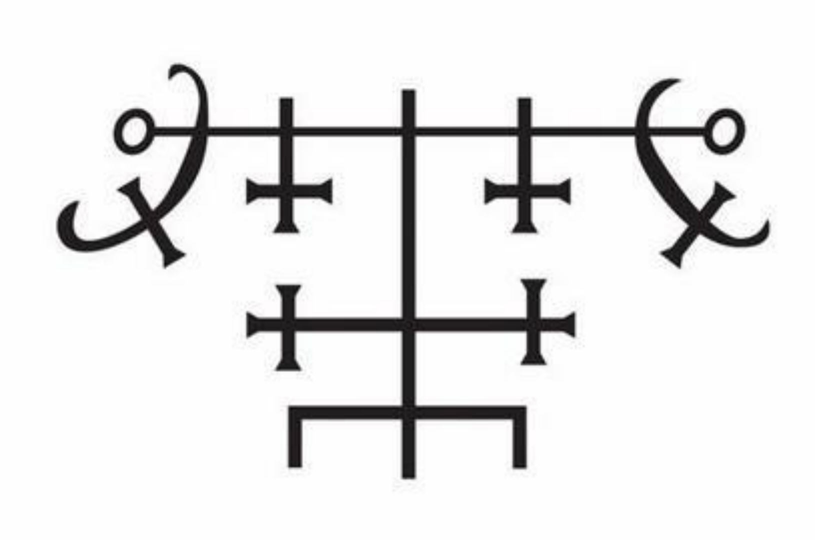
Он расшифровывался как «*Obscura Peregrinatione ad Littus*» («Темное Паломничество на Южный берег»).

Тщательный поиск выявил и вторую Печать Тибейна:

Перевод гласил «*Indevitatus*», что значило «Неизбежно», «Неотвратимо», «Неминуемо».

Сейчас уже с б**о**льшим интересом она продолжала изучать текст, страницу за страницей. Ближе к концу она обнаружила еще два символа.

Первый был знаком демона, известного как Форрас, и она мысленно перевела латинский текст:

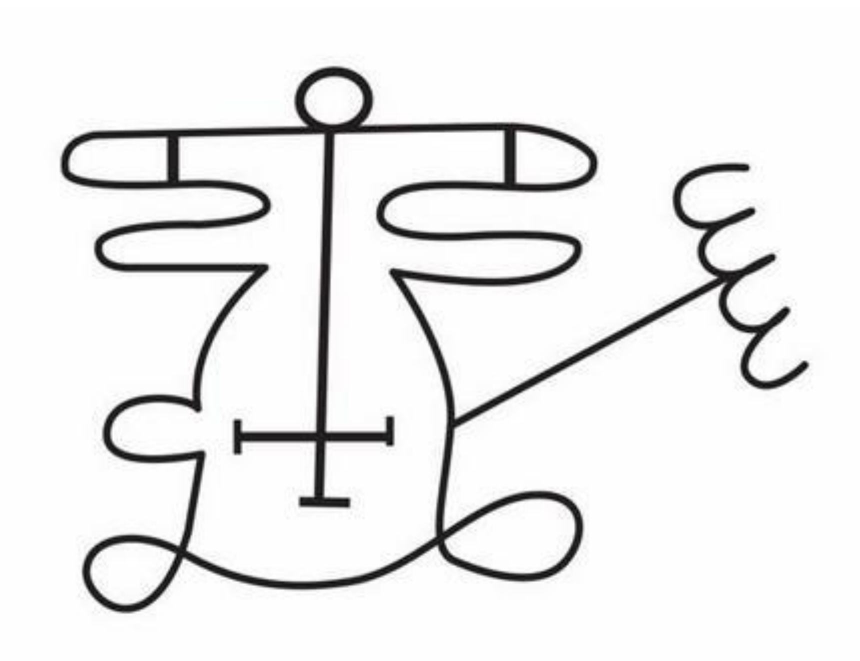
«Тридцать первый Дух — это Форрас. Он появляется в обличии сильного мужчины в привлекательном человеческом облике. Он может дать людям понимание того, как они могут познать пользу и вред всех трав. Он преподает Искусство Права во всех его проявлениях. При желании он помогает людям долго жить и избегать зла. Это его знак».

Знак был идентичен символу с Печатей Тибейна.

Вторым заинтересовавшим ее символом стал другой демон по имени Моракс, а сопроводительный текст гласил, что:

«Моракс — великий и могучий принц тьмы, и когда он принимает обличие человека, то предстает с зубами собаки, большой головой, напоминающей уродливую обезьяну, и волочащимся дьявольским хвостом. Он творит неуловимые хитрости, разжигает разврат и ложится с любой женщиной, которую возжелает. Он испытывает

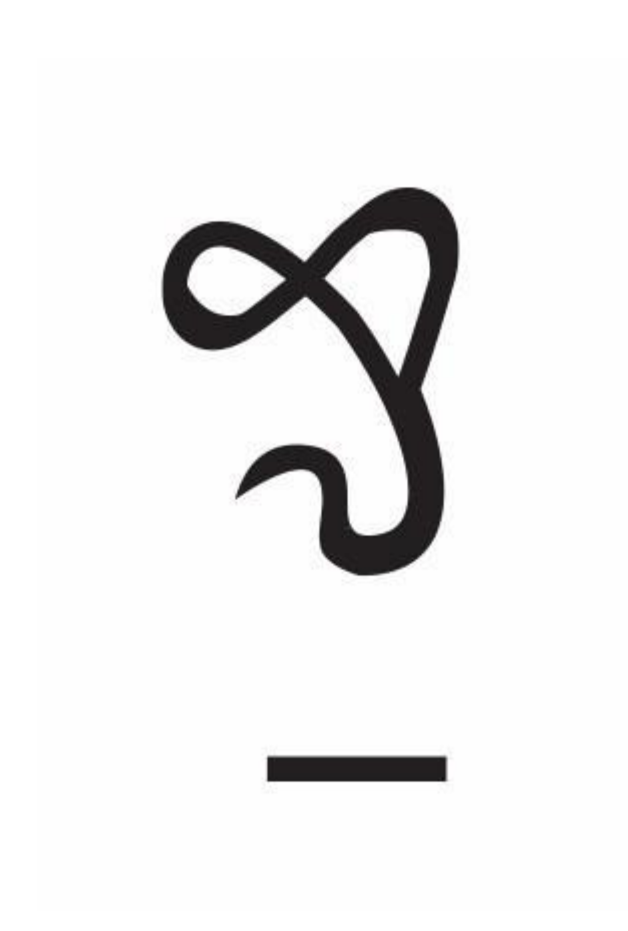
сильную жажду человеческой крови и пирует на внутренностях тех, кого убивает. Его знак таков:

».

Печати Тибейна, как она поняла — и тело МакКула служило тому примером, — составляли серию из пяти символов. В этой книге к четырем из них нашлись соответствия: как стало понятно из описания, олицетворяющие четырех демонов.

В конце манускрипта она наткнулась и на последний символ Печатей Тибейна:

Латинская надпись гласила «*Errantem Locus*», что означало — «Место Странствий».

Констанс остановилась, оторвавшись от манускрипта. Предстояло еще многое расшифровать. Но теперь она была уверена в одном: Печати Тибейна оказались подлинными. Они не были вымыслом сумасшедшего фантазера. Они были созданы кем-то, кто действительно поклонялся сатане и культу темных искусств.

24

Сержант Гэвин снова управлял румпелем, пока наступающий прилив уносил лодку вперед, все глубже в соляные болота. Пендергаст опять сидел на носу, сверяясь с картой и двигаясь только по указанным направлениям, направляя их судно через кажущуюся бесконечность каналов.

Гэвин задавался вопросом, какого черта Пендергаст снова отправился на болота, но держал свой рот на замке. Он понял, что Пендергаст был человеком, который просто делал то, что хотел — без объяснений,

извинений или оправданий. Тем не менее, сержант был убежден, что погоня окажется бессмысленной. Вполне очевидно, что убийства историка и адвоката были случайными. Скорее всего, это работа наркоманов, пытающихся скрыть свои грабежи символами, которые были известны, по крайней мере, нескольким местным жителям, знакомым с историей Печатей Тибейна. Пендергаст выдал ему какую-то бессмыслицу о поисках Серого Жнеца. Но когда Гэвин взглянул на громоздкий металлоискатель, лежавший на сиденьях лодки и частично торчащий из застегнутой на молнию сумки, он заинтересовался: что же именно Пендергаст собирается с ним делать?

Рука указывала, Гэвин поворачивал. Он действительно хотел, чтобы Пендергаст настоял именно на его персоне для управления лодкой. Было много других, кто мог бы это делать, но Пендергаст запросил именно Гэвина, и, поскольку вскрытие Данвуди не состоится до завтра, шеф согласился.

В этот раз они находились на этих болотах, черт знает где. Дикая природа окружила их: они могли рассмотреть вокруг на все 360 градусов лишь траву и воду под серым, послеполуденным небом.

Пендергаст поднял руку, и жестом дал понять, что Гэвин должен остановиться. Гэвин повиновался, установив двигатель в нейтральное положение. Лодка продолжила дрейфовать по течению.

— Мы, похоже, не там повернули, сержант Гэвин.

Гэвин пожал плечами.

— Это у вас GPS. Я уже давно окончательно потерялся.

— Один момент, — Пендергаст провел несколько минут, работая с GPS и сверяясь с картой. — Вернемся назад.

С подавленным вздохом Гэвин развернул лодку и сманеврировал против течения, притормаживая. Они вышли в более широкий канал.

— Сюда, — указал Пендергаст.

Еще одна бесконечная серия каналов — и он снова поднял руку.

— Это здесь.

Гэвин осмотрел грязевую насыпь и море травы за ней, которая, казалось, росла на небольших холмах. У него внезапно появилось дурное предчувствие.

— Если вы не возражаете, сержант, пожалуйста, оставайтесь в лодке и ждите меня.

Гэвин взглянул на часы.

— Через час стемнеет. После этого станет трудно ориентироваться.

— Я вернусь раньше.

Он схватил сумку с оборудованием и вылез из лодки. Через секунду он исчез в траве.

Гэвин поерзал на твердом металлическом сидении. Плохое предчувствие начало усиливаться. Конечно, он мог просто вылезти из лодки и догнать Пендергаста. Но если бы он это сделал, то действительно бы пошел в разнос. *Ты просто не имеешь права обделаться с таким парнем, как Пендергаст.*

***

А. К. Л. Пендергаст пробирался сквозь осоку, одной рукой отводя ее в сторону, а другой придерживая сумку с оборудованием. Казалось, что с каждой последующей минутой становилось все холоднее и серее, пространство вокруг дышало именно тем самым пронизывающим, варварским холодом, столь распространенным на побережьях.

Пендергаст несколько раз останавливался, чтобы проверить свой GPS. Примерно через десять минут он добрался до того места, где накануне нашел объект, и, по-видимому, именно здесь находились руины старого поселения.

Разумеется, его цель заключалась не в том, что он озвучил сержанту Гэвину — не в поисках Серого Жнеца — независимо от того, существовал этот монстр или нет.

Развернув карту, он сориентировался, затем прошел вперед, пока не оказался у отправной точки. На месте он собрал металлоискатель: прикрепил вал к коробке, установил катушку поиска и надел наушники, подкрутив несколько тумблеров, калибруя устройство. И затем, внимательно сверяясь с GPS, Пендергаст начал медленно продвигаться вперед, проводя над сырой землей катушкой из стороны в сторону, не сводя глаз со светодиодного экрана. Он прошел около пятидесяти футов, затем отступил на два фута параллельно первоначальной линии и вернулся к исходной точке, а потом снова повернул.

Примерно через пять минут он услышал сигнал. Отложив устройство в сторону, он встал на колени и с помощью шпателя начал копать с особой осторожностью. Грунт оказался рыхлым и мягким, без камней и гравия, но пронизанный путаницей корней травы, которую нужно было подрез***а***ть краем шпателя.

На глубине около фута, Пендергаст остановился, достал из кармана маленький зонд и начал осторожно вталкивать его в землю. Что-то тут же помешало его погружению. Он прозондировал контур вокруг, отложил зонд, раскопал еще немного с помощью шпателя и обнаружил необычный предмет, похожий на диск, большую монету или медальон, грубо отлитый из медно-свинцового посудного сплава. На нем был вытеснен символ: тот самый, который он сразу идентифицировал как принадлежащий к Печатям Тибейна. По словам Констанс, которая в середине дня отправила ему подробный отчет вместе с фотографиями — как раз перед тем, как она отправилась обратно в Эксмут — это был демон Форрас.

Пендергаст отметил местонахождение диска на карте. С предыдущей находкой у него теперь были две внешние точки Квинкунса.

Тщательно отмерив шаги, он подошел к тому месту, где, по его оценке, должен был находиться третий пункт, и, использовав металлоискатель, обнаружил третью монету из тоже же сплава. За этим последовала четвертая — каждая из найденных монет содержала символы разных демонов. Но никто из них, как ни странно, не представлял Моракса.

Эти четыре внешних пункта своим положением указывали на центральную точку Квинкунса — так называемый алтарь, упомянутый в записях Саттера, которые изучила Констанс. Пендергаст подошел к этой точке и опустился на колени, отодвигая и вырывая траву. Именно здесь, по-видимому, Саттер и раскопал Тибейнский Камень, но никаких следов после тех раскопок, произошедших сто пятьдесят лет назад, не осталось.

Пендергаст снова использовал металлоискатель, и тот снова запищал. Агент расчистил площадку вокруг объекта радиусом примерно около двух футов и начал копать. Прошло двадцать минут с тех пор, как он ушел от лодки с Гэвином, и в запасе у него осталось еще много времени. Он работал медленно, пока не углубил отверстие до восемнадцати дюймов. С помощью детектора он сузил местоположение неподвижного металлического объекта и с изысканной осторожностью использовал зонд.

Предположительно объект залегал на глубине еще в двенадцать дюймов. Теперь Пендергаст отбросил шпатель и начал копать голыми руками, пока его пальцы не сомкнулись на чем-то тяжелом. Он тщательно

отбрасывал корни и грязь, пока не показался объект, затем очистил его настолько, насколько смог, сфотографировал его непосредственно на месте и только потом вынул его из почвы.

Это был очень необычный предмет. Центральная часть была сделана из того же посудного литья — как он предполагал, сплава свинца и олова. У него была странная дикая форма — квази-абстрактное изображение зияющего, пожирающего рта, полного кривых зубов, в процессе глотания того, что было похоже на клубок кишечника. Когда Пендергаст осмотрел его, то понял, что он был создан путем заливки расплавленного посудного сплава в воду, где тот застыл — случайно, но все же в сверхъестественной демонической форме. Эта извращенная, химерообразная масса металла была покрыта налетом серебра, с остатками чего-то, спаянного с ним — казалось, это был конский волос, и фрагмент гнилой кости, сохранившейся только благодаря анаэробным характеристикам почвы. А штамп на серебре был символом Моракса, демона с головой обезьяны с собачьими зубами и дьявольским хвостом.

Он извлек из сумки для оборудования небольшой пластиковый контейнер и поместил объект внутрь, упаковав его пузырчатой пленкой, которую принес именно для подобных целей. Затем он поместил контейнер обратно в сумку вместе с картой и остальной частью оборудования, выпрямился, взглянул на часы, вытер руки и направился обратно к лодке.

Ожидавший его сержант Гэвин пребывал в нетерпеливом раздражении.

— Нашли что-нибудь? — спросил он.

Пендергаст занял свое место в носовой части судна.

— И в самом деле, нашел.

— И что именно?

Пендергаст извлек пластиковый контейнер из сумки, открыл его и показал предмет в гнезде пузырчатой пленки.

Гэвин уставился на объект, а его лицо побледнело.

— Что это за херня?

— Фактически, это и есть херня, — последовал лаконичный ответ.

Констанс попросила остановить такси на главной улице Эксмута довольно далеко от гостиницы, чтобы по дороге обдумать все варианты. Она намеревалась посидеть в баре, как просил ее Пендергаст, и послушать полезные сплетни. Она была не в настроении сделать это накануне. Впрочем, она и сейчас чувствовала себя довольно уставшей после поездки в Салем. Возможно, передышка в «Штурманской рубке» окажется менее раздражающей.

Раздался стук в окно, и Констанс опустила его, чтобы увидеть Кэрол Хинтервассер.

— Констанс! — воскликнула женщина. — Я так и думала, что это вы. Мой магазин находится прямо здесь. Не желаете ли зайти на поздний послеобеденный чай?

Констанс засомневалась.

— Я планировала как можно быстрее вернуться в гостиницу.

— Тогда это будет очень быстрое чаепитие. Послушайте, нам было бы неплохо поболтать. Я попрошу гостиницу отправить за вами их машину.

— Хорошо.

Расплатившись с водителем, Констанс вышла из автомобиля и стиснула зубы от ветра, который хлестал по главной улице Эксмута, принося с собой запах соленого воздуха и водорослей. Несколько обрывков газет носились вместе с ним, а над головой зависла пара чаек. Она последовала за женщиной в ее магазин, задаваясь вопросом, о чем Хинтервассер хочет поговорить с ней, поскольку это целиком была ее инициатива.

— Присаживайтесь, пожалуйста.

В магазине «Вкус Эксмута» продавались в основном туристические безделушки: предметы местных ремесел, открытки, карты и схемы, футболки, свечи, ракушки и саше с чаем и кофе, которые подавались на трех крошечных столиках в задней части помещения. Пока Констанс располагалась, Хинтервассер попросила своего продавца — светлоглазую молодую женщину с коротко остриженными светлыми волосами — приготовить для них по чашке чая. Через несколько минут помощница подала им чай в фарфоровых чашках на антикварном серебряном чайном подносе с хлебом, маслом и мармеладом. Она опустила его на

подставку рядом со столиком и расставила перед ними чашки и столовое серебро.

— Вы именно та, кто помогает расследовать кражу вина тому агенту ФБР, верно? — спросила она с плохо скрытым любопытством.

Констанс кивнула, немного удивленная прямотой вопроса.

— Да, это я.

— Спасибо, Флавия, — Кэрол отослала ее с вежливым кивком.

Женщина улыбнулась им по очереди, а затем отошла.

— Она также работает официанткой в гостинице, — заметила Констанс.

— Флавия Страйхорн, — представила ее Хинтервассер. — Новенькая в нашем городе. Родилась в Новой Англии, но несколько последних месяцев провела в походах по Северо-Восточной Азии. Она зарабатывает деньги в аспирантуре. И она, кажется, подогревает алчность нашего маленького городка к сплетням.

Кэрол засмеялась.

— Мне кажется, что люди интересуются и нами.

— Ну, кроме вашего спутника, агента ФБР, всем также был интересен ваш старомодный стиль одежды. У вас есть какая-то особенная причина так… выглядеть?

— Нет, нет, это просто это мой уже давно устоявшийся стиль, — Констанс поняла, что, по крайней мере, для подобных поездок, ей следует обновить свой гардероб.

— Во всяком случае, у вас новая сумка, — отметила Кэрол, кивнув на сумку из кожи морского крокодила, которая висела на стуле Констанс. — Hermès Birkin[70], не так ли?

Констанс кивнула.

— Красивая. Она, вероятно, стоит больше, чем все это здание.

Констанс промолчала. Возможно, было плохой идеей взять с собой эту сумку — подарок Пендергаста на ее последний день рождения. Фактически, когда дело дошло до взаимодействия с посторонними в этом современном мире, казалось, что Констанс не могла ничего сделать правильно.

— Чай почти готов, — Кэрол указала на заварочный чайник. — Это моя специальная смесь — «Чай Эксмута». Побалуйте себя хлебом и джемом, я рада вас угостить.

— Спасибо, очень любезно с вашей стороны.

— Но это еще не все! Самое приятное — это иметь возможность пообщаться.

Констанс взяла кусочек хлеба, он оказался свежим и домашним, затем намазала на него немного масла и мармелада. Она только сейчас поняла, что весь день ничего не ела.

Хинтервассер налила чай, щедро добавив молоко и сахар.

— Я рада, что столкнулась с вами. Вы слышали о вчерашнем... сложном разговоре между мистером Пендергастом и Перси?

Гостья сделала глоток.

— Да, слышала.

— Я хочу, чтобы вы знали, как сильно Перси переживает о случившемся. Это правда, что в последнее время у него возникли проблемы с продажей его работ — вы же знаете, как переменчивы людские вкусы — и он оказался немного расстроен этим. Он не хотел выходить из себя, но поздно понял, что детектив должен опросить всех, изучить все версии и заглянуть в подноготную каждого. Даже мое прошлое, к сожалению, не является чистым до скрипа и имеет ужасное пятно на моем досье. Представьте себе — магазинная кража! — она рассмеялась.

У Констанс сложилось впечатление, что женщина желает, чтобы ее расспросили об этой краже. Но гостья предпочла упустить эту возможность.

— Если бы я была агентом Пендергастом, я бы тоже заглянула во все углы. Дело в том, что Перси — гордый человек. Вот почему я взяла на себя труд спросить вас, сможете ли вы рассказать агенту Пендергасту, насколько сильно Перси переживает обо всем этом. Он хотел бы содействовать агенту Пендергасту в дальнейшем расследовании дела о краже вина. Он искренне надеется, что эти убийства — насколько бы ужасными они ни были — совсем не отклонили детектива от его первоначальной цели.

— Уверяю вас, он много работает над вашим делом, — сказала Констанс.

Она не стала вдаваться в подробности. В своей негласной манере ее опекун дал понять, что состояние расследования не будет обсуждаться ни с кем до тех пор, пока он не сочтет, что пришло нужное время.

— Я так рада. Это второе убийство действительно погрузило город в беспокойство. Я никогда не видела ничего подобного. Шефу Мердоку это явно не под силу. К счастью, у нас есть сержант Гэвин, чтобы решить эту проблему. Кстати, я так поняла, что Пендергаст почти застал момент самого убийства, когда находился на болотах.

— Как вы это узнали?

— Сплетни здесь быстро распространяются. Чем мрачнее или неприличнее, тем быстрее они путешествуют.

— Понимаю.

— Так ужасно, — Хинтервассер вздрогнула. — В то время мы с Перси были на концерте классической гитары в церкви «Литтл-Рэд». Перси любит классическую гитарную музыку, он пригласил музыканта из самого Бостона в рамках серии концертов «Осенний Эксмут». Вы же знаете, что он состоит в правлении?

Констанс воспользовалась потоком слов, чтобы взять второй кусочек хлеба и намазать его маслом.

— Мне любопытно, как вам удается сохранять такую стройную фигуру, — со смехом спросила Хинтервассер.

Констанс сделала глоток чая и поставила чашку.

— Кажется, у меня гиперактивный метаболизм.

— Ах, снова хочу быть молодой леди! — воскликнула Хинтервассер, опять наполняя чашку Констанс.

У дверей раздался звонок колокольчика, и в магазин вошел посетитель.

— Клиент, — сказала Хинтервассер, вставая. — Это сейчас большая редкость. Пожалуй, мне следует изготовить из него чучело и выставить на обозрение!

Она отошла, пока Констанс допивала свой чай. Обслуживание клиента быстро завершилось. Как будто по расписанию, «Бьюик-Спэшл-8» 1936 года выпуска, который гостиница использовала для перевозки постояльцев в город и обратно, припарковался у входа в магазин.

— Ваша машина, — заметила Хинтервассер, доставая нечто с полки и передавая это в руки Констанс. Это оказалось саше с чайными пакетиками. — Вот вам маленький подарок, который можно взять домой в качестве сувенира — моя личная смесь, «Чай Эксмута».

— Благодарю.

— Не за что. Спасибо, что зашли, — Хинтервассер пожала ей руку. — Надеюсь, вы не забудете о моей просьбе. Я имею в виду, разговор с агентом Пендергастом.

26

К десяти часам «Штурманская рубка» почти опустела. Констанс сидела за столом в углу, напротив Пендергаста, остатки двух порций Филе-де-Сол а-ля-Пендергаст, приготовленные Реджинальдом Шератоном, стояли перед ними вместе с пустой бутылкой вина. Это была ненастная ночь, с порывами ветра, бьющимися в окна и сотрясающими стены. Далекий рокот прибоя внизу, под скалами добавлял мрачное остинато[71] к воплям ветра вокруг гостиницы.

Констанс кивнула на доску, на которой было написано вечернее меню.

— Твой палтус, кажется, стал фаворитом ресторана. Я заметила, что его подали, по крайней мере, на половину столов.

— Я всегда утверждал, что Массачусетс станет бастионом хорошего вкуса, — Пендергаст встал. – Давай поднимемся наверх? У нас есть несколько важных и конфиденциальных вопросов, которые необходимо обсудить.

Констанс встала из-за стола и последовала за Пендергастом мимо бара, где он остановился и, поговорив с барменом, попросил его отправить пыльную бутылку «Кальвадос», которую он каким-то чудом, смог рассмотреть у задней стенки бара, и два бокала в его комнату.

Констанс поднялась за ним по крутой лестнице. В комнате Пендергаста, которую она еще не видела, господствовала большая викторианская кровать с балдахином, на противоположной стороне находился небольшой кирпичный камин, письменный стол, стул и лампа. Очаг был заложен, но не горел.

— Пожалуйста, присаживайся на стул, я сяду на кровать, — сказал Пендергаст, подошел к камину и поджег дрова. Они разгорелись, отбрасывая на стены комнаты танцующие блики мерцающего желтого света.

Констанс достала из своей сумки саше с чайными пакетиками, которое Кэрол подарила ей чуть ранее в этот же день.

— Возможно, вот это было бы более уместно, — сказала она. — Ты же знаешь, что я не пью много алкоголя. Мы могли бы попросить чайник с горячей водой.

Пендергаст взял саше и взглянул на него.

— Чай? — спросил он, а его губы скривились в отвращении. Он выкинул его в мусорную корзину. — Извини, моя дорогая Констанс, но это непригодно для употребления. Нет: это будет «Кальвадос». Кроме того, у меня нет ни малейшего сомнения, что мы вернемся к нашим чашкам Королевского 403 улуна[72] в особняке на Риверсайд-Драйв, прежде чем пройдет слишком много времени.

Через мгновение в дверь постучали, и Флавия, молодая официантка, внесла поднос с двумя бокалами и бутылкой «Кальвадоса». Пендергаст вложил ей в руку чаевые, пробормотал слова благодарности и закрыл за ней дверь. В каждый бокал он налил напиток высотой с палец и, вручив один Констанс, сам расположился на кровати.

— Прошу прощения за размер комнаты, — сказал он. — Она компенсирует его уютом. К сожалению, то, что мы должны сейчас обсудить, не может упоминаться в ресторане.

Она сделала глоток «Кальвадоса», и тот скользнул по языку волной тепла.

— Надеюсь, что тебе нравится.

Констанс кивнула. Она уже чувствовала приятное действие вина, которое она обычно не любила. Ей нужно было быть с ним осторожнее.

— Констанс, сначала я хочу сказать тебе, насколько я доволен твоей работой. Ты оказалась собранной и надежной.

Она почувствовала воодушевление от этого неожиданного комплимента, даже его ударение на слово «*собранная*» показалось пустяком.

— Спасибо.

— Ты также постаралась прислушиваться к моим предупреждениям: не заниматься самодеятельностью и не блуждать вдали от гостиницы после наступления темноты. Я ценю это, — он сделал паузу. — Это расследование становится весьма специфическим. Мы попали в неразбериху улик и доказательств, и достигли точки, когда мы должны

остановиться и разделить перепутанные нити. С этой целью я хотел бы обсудить то, что мы уже узнали: вспомнить, так сказать. И еще хотел бы сообщить тебе о моих последних открытиях.

— Пожалуйста, я тебя слушаю.

— На данный момент у нас имеются два спутанных клубка: скелет в подвале, который, я уверен, связан с исчезновением парохода «Замок Пембрук», и потерянная колония ведьм. Начнем со скелета. Здорового, сорокалетнего афро-европейского мужчину подвергли пыткам и замуровали в подвале дома смотрителя маяка. Почему? Могла быть только одна причина: он владел информацией. Но вот основной вопрос: какой именно?

Он прервался.

А дальше заговорила Констанс:

— Леди Харвелл получила 9500 фунтов страховой выплаты за потерю груза. Может быть, это как-то связано со случившимся?

Пендергаст поднял длинный тонкий палец.

— Точно! В 1884 году такая сумма была огромной, и сегодня была бы эквивалентна миллионам долларов. Записи «Ллойда» хранятся под надежной охраной, как в Форт-Ноксе, но можно догадаться, что груз был деньгами, слитками или ценностями в какой-либо другой форме. Вот, вероятно, почему, моя дорогая Констанс, этот человек подвергся пыткам: чтобы выдать местонахождение ценностей, хранящихся на борту корабля.

— Это кажется поспешным выводом.

— Только до тех пор, пока ты не узнаешь, кем был этот мужчина, а именно джентльменом по имени Уорринер А. Либби.

— Ты узнал имя этого человека?

— Конечно. Пендергаст выглядел необычайно довольным собой.

— Уорринер А. Либби был капитаном «Замка Пембрук». Ему было сорок лет, он родился на Барбадосе, а рос в Лондоне и Нью-Йорке, его отец был африканцем, а… мать — если использовать прискорбную манеру произношения того времени — мулаткой. В свое время он был уважаемым и процветающим морским капитаном.

— Весьма впечатляюще, — заметила Констанс.

— Человек, которому, несомненно, будет известно все о местонахождении чего-либо ценного на борту корабля, это капитан. Его было легко идентифицировать. Я узнал возраст и расовые характеристики нашего скелета. Они совпали. Все довольно просто, — он сделал глоток «Кальвадоса». — Так или иначе, если Либби подвергся пыткам, отказываясь выдать местонахождение ценностей, перевозимых на корабле, это говорит нам кое о чем важном: корабль не затерялся в море. В противном случае ценности затонули бы вместе с ним.

— Значит, корабль нашел убежище в гавани Эксмута?

— Нет. Гавань для него слишком мелкая. Это был трехсотфутовый пароход с восемнадцатифутовой осадкой.

— И что же с ним случилось?

— Я считаю, что он был затоплен у берегов Эксмута, где так много коварных песчаных отмелей и скал.

— Секундочку. Был затоплен… *умышленно*?

Пендергаст кивнул.

— Да. Умышленно.

— Кем?

— Несколькими горожанами.

— Но как могли горожане умудриться затопить корабль, находящийся в море?

— Вступить в сговор со смотрителем маяка. Это хорошо известный трюк. Погасить маяк и развести огонь на пляже, в месте, специально рассчитанном так, чтобы направить судно на скалы. Случись тут такое, горожане разграбили бы корабль и забрали весь груз, который бы выбросило на берег. Если бы корабль сел на мель до того, как разбился, мародеры, скорее всего, успели бы не только заполучить весь груз, но также забрать и деньги — если бы они точно знали, где именно они были спрятаны. В те дни на кораблях, на которых перевозились слитки или монеты, всегда были секретные отсеки именно для хранения подобных вещей.

— Так что же случалось с оставшимися в живых?

— На самом деле, это самый мрачный вопрос.

Наступила пауза, прежде чем Констанс заговорила снова.

— Если ты считаешь, что крушение было преднамеренным, то я могу себе это представить, потому что Эксмут в 1884-ом голодал: тогда случился неурожай, и люди находились в отчаянии. Проходящий корабль, скорее всего, перевозивший ценности, мог оказаться слишком большим соблазном, чтобы ему мог сопротивляться голодающий город. Мародеры пытали капитана и замуровали его, чтобы обнаружить местонахождение сокровищ на борту корабля.

— Браво, Констанс.

— Но зачем возвращаться через сто тридцать лет, чтобы забрать скелет капитана? Может, потомок кого-то из участников того заговора, забрав его, пытался скрыть старое преступление?

— Вряд ли. Не было никакого риска, что этот скелет обнаружат.

— Так зачем же рисковать и забирать его?

— Вот именно, зачем?

Краткая тишина окутала комнату до того, как Пендергаст продолжил.

— МакКул дважды посещал Эксмут. Он приезжает — скелет крадут, он возвращается — и его убивают. МакКул, должно быть, проговорился о чем-то во время своего первого визита — о чем-то, о чем узнали по очереди несколько горожан, знавших о зверствах, случившихся с «Замком Пембрук». Это и спровоцировало кражу скелета. Когда МакКул вернулся, его убили, чтобы запечатать ему рот и не допустить разглашения его открытия. Когда мы вычислим, что именно выяснил МакКул — тогда мы точно узнаем, зачем был украден скелет.

Пендергаст замолчал. Огонь потрескивал. Констанс не могла подавить чувство радости от того, что помогает Пендергасту продолжать его дедуктивную работу. Она сделала еще глоток «Кальвадоса».

Агент продолжил.

— Перейдем ко второму запутанному клубку этого дела: Печатям Тибейна. Ты дала мне список тех, кто обращался к записям Саттера в Историческом обществе, и он оказался весьма интересным.

— В каком смысле?

— Там было двадцать четыре имени. Двадцать три из них я подтвердил, как принадлежащие реальным людям, практически все из них оказались

викканами. Затем появилось имя, которое не фигурировало ни в одном списке членов Викканства. Оно и звучало как-то фальшиво.

— В самом деле?

— Мистер Уильям Джонсон. Слишком обыкновенное, чтобы быть подлинным, тебе так не кажется?

— А ты не находишь, что для этого утверждения недостаточно доказательств?

— За исключением того, что, когда я связался с твоей подругой, миссис Джоб и расширил твою же забавную историю, добавив деталь о матери, ищущей свою дочь, отвернувшуюся от верования амишей, я смог узнать, что наш Уильям Джонсон попал на видеозапись. С помощью незначительного мягкого убеждения миссис Джоб отправила мне по электронной почте изображение этого мужчины.

— И что?

— Это оказался Дана Данвуди, наш покойный адвокат.

— Боже. Тебе пришлось потрудиться, — Констанс приостановилась. — Когда он успел посетить библиотеку?

— Три недели назад.

— Он не мог знать о скрытой камере видеонаблюдения, — произнесла Констанс, больше для себя, чем для Пендергаста. Затем она взглянула на агента ФБР. — Но какая связь между ним, историком и этой потерянной колонией ведьм?

— Этого я не могу сказать. А пока, Констанс, позволь мне показать тебе это, — из своего портмоне Пендергаст достал пачку фотографий и карту. — Подойди сюда, если хочешь.

Констанс поднялась со стула и села рядом с ним на кровать, смотря через его плечо. В комнате стало теплее, и она почувствовала, как в шее усилился кровоток. Она уловила слабый запах его бальзама после бритья «Флорис № 89», и заставила себя сосредоточиться на фотографии.

— Мой Бог! — она в изумлении смотрела на нее. — Что это?

— Предмет, который я извлек из-под двух футов земли в центре Квинкунса в старом поселении ведьм — в том самом, которое Саттер назвал «Новым Салемом».

— Какая нелепость. И на нем нанесен знак Моракса. Это… подлинник?

— Кажется, что да. Конечно, он был закопан много веков назад. Вот здесь он находится непосредственно на месте, а вот еще один его снимок, — он перелистнул изображение, — а здесь карта колонии ведьм с указанием места. Я также обнаружил три медальона, закопанных в точках Квинкунса. Я временно поместил их все в сейф здесь, в городе, в качестве меры предосторожности.

Констанс наблюдала, как он перебирает фотографии. Он вытащил одну из них, на которой был изображен искореженный, грубо отлитый медный медальон с нанесенным на нем знаком.

— Знак Форраса, — сказала она.

Еще одна фотография.

— Знак Андреальфа.

Другие фотографии.

— Знаки Шакса и Скокс. Все символы относятся к Печатям Тибейна. Кстати говоря, упомянутая викканка сказала, что слово «*bane*» помимо прочего, означает «*яд*».

— Очень интересно, учитывая, что эта область известна обильным ростом смертельной белладонны, — он на секунду задумался. — В любом случае, если судить по твоему частичному переводу Печатей, особенно, что касается «Темного Паломничества» и «Места Странствий», то можно сделать вывод, что колония ведьм как таковая и не существовала в той степени, в которой она упоминается в легенде, а сразу же вымерла.

— Я сама пришла к такому же выводу. Так что же с ними произошло?

— Они переехали.

— Куда?

— Еще один хороший вопрос. Кажется, что на юг, — он вздохнул. — В конце концов, мы найдем связующую нить, хотя я уверен, что аспект колдовства, в конечном итоге, имеет косвенное отношение к нашему основному делу. Еще раз спасибо, Констанс, твоя помощь неоценима. Я рад, что ты приехала со мной.

Наступила тишина. Пендергаст начал складывать фотографии. Констанс же осталась сидеть на кровати, ее сердцебиение необъяснимо участилось. Она чувствовала тепло, исходящее от его тела, чувствовала, что его бедро

слегка касается ее бедра. Пендергаст закончил складывать фотографии и повернулся к ней. Секунду они просто смотрели друг на друга, лицом к лицу. Тишина в комнате нарушалась лишь потрескиванием огня, далеким грохотом прибоя и стонами ветра. А затем, легким движением, Пендергаст встал с кровати, схватил со стола бутылку «Кальвадоса», поднял ее стакан и повернулся к ней.

— Последний глоток перед уходом?

Констанс поспешно встала.

— Нет, спасибо, Алоизий. Уже слишком поздно.

— Тогда я увижу тебя за завтраком, моя дорогая Констанс.

Он придержал дверь, и она проскользнула мимо него, направившись по слабоосвещенному коридору без оглядки в свою комнату.

27

Констанс проснулась в четверть третьего ночи. Не в состоянии снова уснуть, ее разум мысленно прогуливался по сюрреалистическим улицам и проспектам, пока ее тело лежало в постели, слушая стоны ветра и шум далекого прибоя. Через некоторое время она встала и тихо оделась. Она решила удовлетворить свое любопытство по одному волнующему ее вопросу, раз уж сон все равно не шел к ней.

Взяв с собой маленький, но довольно мощный фонарик, который дал ей Пендергаст, она направилась к двери своего номера и осторожно приоткрыла ее. Коридор второго этажа оказался пустынным и тихим. Выйдя и закрыв за собой дверь, она бесшумно проскользнула вниз, в холл, осторожно заглядывая за каждый поворот. Ее путь лежал к бывшему номеру историка Морриса МакКула. Пока она кралась, то не забывала оглядываться по сторонам — пусть Констанс и не была подвержена параноидальным вспышкам воображения, последние несколько дней ее не покидало ощущение, что за ней следили.

Конец коридора все еще был опечатан лентами CSI, а номер оставался закрытым как место преступления, и недоступен для новых постояльцев — Констанс услышала об этом мельком в «Штурманской рубке» от владельца гостиницы Уолта Аддерли, жалующегося на подобную несправедливость. Со своего предыдущего визита в номер историка с

сержантом Гэвином, Констанс помнила, что дверь не заперта. Снова оглядевшись, она проскользнула под ленту и вошла внутрь.

Закрыв за собой дверь, она включила фонарик и медленно провела его лучом по обшарпанной мебели, поочередно осматривая каждый предмет: коврики, кровать с большой спинкой, маленький книжный шкаф с книгами в мягких обложках, комод и стол для настольных игр.

До сих пор Констанс так и не привыкла ко многим аспектам современного мира: этому постоянному обмену сплетнями и череде знакомств, этой одержимости технологиями, этой лихорадочной попытке объединить мирское и эфемерное. Однако одну вещь она понимала и понимала хорошо — то было умение хранить секреты, все еще объединявшее прошлое и настоящее, хотя в современном мире люди практически полностью утратили этот навык.

Так или иначе, инстинкты Констанс кричали, что эта комната хранит некий секрет.

Она подошла к комоду, разглядывая его, но не касаясь руками. Затем приблизилась к журнальному столику. И снова — она лишь смотрела, но ничего не трогала, оставив несколько книг и документов лежать на своих местах.

В тот единственный раз, когда она лично видела историка, он сидел за столом в холле гостиницы, и перед ним лежала изношенная кожаная записная книжка, в которой он с весьма серьезным видом делал записи, сверяясь с чем-то, похожим на грубую карту или диаграмму. Пронзительный ужас того, какой страшный конец постиг этого человека, заставил Констанс содрогнуться.

Она вспомнила, что не находила в этой комнате записной книжки. Но в то же время она была уверена, что историк тщательно вел записи. Стало быть, другого места, чтобы спрятать их, он найти не мог.

Констанс отступила назад и использовала фонарик, чтобы осмотреть обстановку комнаты еще раз. Когда она сделала это, слова Пендергаста отразились в ее памяти: «*Когда мы вычислим, что именно выяснил МакКул — тогда мы точно узнаем, зачем был украден скелет*».

Старое здание застонало от сильного порыва ветра.

МакКул был здесь лишь временным постояльцем, поэтому вряд ли сумел бы придумать такие умные, сложные и труднодоступные укрытия, с которыми Констанс не была бы знакома со времен своих странствий по катакомбам особняка на Риверсайд-Драйв. Например, он не мог снять

плитку в ванной комнате, не мог отодрать обои в поисках полости. Не важно, подозревал ли он, что предмет его лелеемых исследований хотят украсть, или нет — если он и спрятал какие-то документы или некие заметки, то поместил бы их в такое место, которое уж точно выстоит против беглой уборки горничной, но в то же время, откроет владельцу легкий доступ к своим сокровищам.

Она подошла к маленькому книжному шкафу и, присев перед ним на корточки, стала поочередно отодвигать в сторону книги, но не нашла ничего, что было бы спрятано за ними. Равно как и не оказалось спрятанной записной книжки — в стиле а-ля «Похищенное письмо[73]» — и среди заголовков.

Выпрямившись, Констанс позволила лучу своего фонарика немного медленнее пройтись по комнате в поисках каких-либо недостатков интерьера — любых признаков деформации или старения, которые МакКул мог бы использовать в своих интересах.

В середине пола она заметила необычайно большой разрыв между двумя досками. Опустившись на колени, Констанс поддела доску с помощью антикварного итальянского стилета Maniago[74], который она не так давно стала носить с собой. Одним нажатием кнопки на перламутровой рукоятке Констанс выпустила из изящной конструкции маленький тонкий клинок.

Беглая проверка зазора дала понять, что доски надежно закреплены.

На кровати лежало покрывало, свисавшее почти до самого пола, но его нижняя отделка оказалась пыльной и, очевидно, что его не трогали, и тайника под ним уж точно не было.

Теперь Констанс снова поднялась и подошла к журнальному столику. В нем было четыре маленьких ящичка — по два с каждой стороны — и четыре больших ящика чуть ниже. Один за другим она извлекла все маленькие верхние ящики — они оказались полными потускневших эксмутских открыток и писчей бумаги с набросками гостиницы — и посмотрела, что находится за ними. Ничего, кроме пыли и паутины. Затем она начала вытаскивать большие ящики, помещая их на пол по одному и осматривая с фонариком содержимое, затем исследовала образовавшиеся полости, уже чувствуя, что находится на пределе своего терпения.

Когда она вытащила нижний ящик, из углубления раздался тихий стук. Констанс тут же посветила внутрь. Там были спрятаны две вещи: тонкая кожаная записная книжка и какой-то периодический журнал, МакКул поместил их в импровизированный тайник за закрытым ящиком.

Констанс вытащила оба сокровища историка, вставила ящик обратно и села на кровать, чтобы изучить свою находку.

То, что, как она думала, было журналом, на самом деле, оказалось аукционным каталогом лондонского «Кристис», вышедшего в августе два года назад и озаглавленного «Великолепные драгоценности знатных сословий». Хотя несколько страниц были заложены закладками, никаких пометок или комментариев в нем не было.

Констанс нахмурилась, в мрачных раздумьях вглядываясь в обложку каталога. Затем она отложила его в сторону, открыла потрепанную кожаную записную книжку и начала перелистывать страницы, исписанные мелким почерком. На одной из страниц она вдруг остановилась и начала читать более внимательно.

28

5 марта

Я провел утро и большую часть дня в Уорикшире, посетив Харвелл Оссори. Какое удивительное это было время! Харвеллы — одни из тех древних английских родов, которые значительно измельчали в наши дни: количество членов семейства сократилось, оставшаяся часть живет, как нищие, в своем величественном доме. Кроме того, этот род ослаблен инбридингом и живет бесполезным карбункулом на теле общества. Но единственное, что они сохранили — это их гордость. Они почти фанатичны в своей преданности памяти Элизабет Харвелл и ее добрым делам. Фактически это и стало изначальным камнем преткновения — то, что семейство Харвелл ревностно и яростно продолжает охранять свою репутацию (Бог знает только, что именно они считают репутацией). Когда я сказал им, что планирую написать биографию леди Харвелл, они немедленно исполнились подозрительности. Любопытство, несомненно, заставило их согласиться на мою просьбу о встрече, но, когда я более подробно изложил им свои намерения, они закрыли рты на замки и ни за что не хотели сотрудничать. Однако это постепенно изменилось, когда я объяснил, в каком хорошем свете я видел леди Харвелл и обрисовал им ее портрет, который я хотел бы написать. Я также поклялся им в полной конфиденциальности, что (боюсь, без самовосхваления не обойдется), стало моим решающим ударом. У них сложилось впечатление, что мой интерес к их семье во много крат, увы, превосходит фактический.

Их осталось только трое: молодая тетушка, сэр Бартлби Харвелл, праправнук леди Харвелл — печальный, разнеженный жизнью экземпляр — и его незамужняя дочь, старая дева.

Они часами рассказывали свои старые семейные истории, показывали мне фотоальбомы и в благоговейных тонах говорили мне о леди Харвелл. Несмотря на их восхищение этой женщиной, увы, у них оказалось мало полезной информации: большинство из того, что они мне рассказали, я уже выяснил в ходе моих более ранних исследований. Они подали мне обед из сандвичей с вялым огурцом и слабо заваренным чаем. Я почувствовал растущее разочарование. Я держался за связь с потомками леди Харвелл, потому что пока не мог далеко продвинуться в своих собственных исследованиях, и чувствовал уверенность в том, что показав, как хорошо я осведомлен об их предке, могу тем самым преодолеть натянутость в общении. Однако теперь же, когда наконец-то завязалась непринужденная беседа, пришлось признать, что все мои усилия принесут весьма скудные результаты.

Тем не менее, во время обеда я поинтересовался документами леди Харвелл. Оказалось, что три оставшихся Харвелла ничего не знали ни о каких документах, но сообщили мне, что, если они и существуют, то их следует искать на чердаке. Естественно, я запросил к ним доступ. После кратких уговоров они согласились. Итак, обед закончился, и сэр Б. провел меня по гулким галереям и по путаным лестницам, после чего завел меня на чердак, который находился под самой крышей особняка. Здесь не было электричества, но, к счастью, я был достаточно дальновиден, чтобы взять с собой фонарик с запасными батарейками.

Чердак был огромен! В нем господствовал беспорядок недалекий от элювия: здесь валялись части старинных пароходных труб, стопки пустых деревянных ящиков для перевозки грузов, манекены портного, печатные принадлежности, бесконечные груды старых экземпляров «the Times» и номеров «Punch», датированные несколькими десятилетиями назад и бережно связанные шпагатом. Все было покрыто толстым слоем пыли, и с каждым шагом она все больше поднималась в воздух и распушала свои ядовитые перья. Сначала сэр Б. присматривал за мной — возможно, он боялся, что я наполню свои карманы какими-то древними побрякушками, — но с тем, чтобы держать меня подальше от всего этого хлама, пыль и крысы справлялись лучше него, и он извинился за это.

Я провел здесь час, моя спина жутко болела от постоянной нужды наклоняться под низким потолком, мои глаза, нос, руки и одежда полностью запылились, и, несмотря на все эти старания и жертвы, я не нашел ничего полезного или ценного. Однако когда я уже собирался

сдаться и спуститься вниз, на грешную землю, луч моего фонарика вдруг осветил нечто любопытное — старинный деревянный шкаф. Что-то в нем вызвало мой интерес: даже сквозь слой пыли я смог рассмотреть, что этот шкаф был более высокого качества, нежели его соседи. После того, как я стер пыль манжетой моего пиджака, я понял, что шкаф сделан из высококачественного палисандра с латунной отделкой. К счастью, он был не заперт. Я открыл дверцу и нашел именно ту сокровищницу, на которую и надеялся.

Внутри двух ящиков находились десятки различных документов леди Харвелл: документы по имению, различные папки, юридические документы, правосторонние споры, которые она вела с соседом, ранняя копия ее завещания. Но наибольший интерес для меня представлял дневник, который она вела с подросткового возраста, то есть, с начала двадцатых годов. А еще связка писем, перевязанных лентой — это была переписка, которую она поддерживала с сэром Хьюбертом Харвеллом во времена их романа. Это была действительно редкая находка — в конце концов, леди Харвелл была кем-то вроде свободного мыслителя, а также про-феминисткой, и ее брак, по слухам, оказался очень бурным, прежде чем он был прерван преждевременной смертью ее супруга — и, несомненно, чтение ее архивов окажется весьма увлекательным. Я сразу начал планировать свою кампанию, чтобы убедить оставшихся Харвеллов позволить мне расшифровать дневник и письма.

В шкафу присутствовал еще целый набор интригующих документов: морской договор, страховое свидетельство и список, в котором тщательным образом перечислялся комплект драгоценных камней.

Сначала я просмотрел список. Камней в общей сложности оказалось двадцать один, все — рубины кабошон звездной и двухзвездной вариации, и каждый из них был высокоценного цвета — «голубиная кровь». Вес в каратах варьировался от 3 до 5.6. Без сомнения, это был каталог знаменитого набора семейных драгоценностей «Гордость Африки», который подарил Элизабет ее муж в качестве свадебного подарка. Поскольку камни были утеряны, я понял, что этот подробный каталог будет представлять большой интерес.

Прилагаемое страховое свидетельство оказалось еще более интересным. Оно было прислано из лондонской конторы «Ллойд», и в нем приводилась контрольная проверка и оценка драгоценных камней, которая была сделана по запросу самого «Ллойда», и в конце документа стояла печать с примечанием: «Этот груз настоящим сертифицирован и застрахован».

Затем я просмотрел морской контракт. Документ был датирован ноябрем 1883 года и заключен между леди Харвелл и неким Уорринером А. Либби, лицензированным морским капитаном. Согласно условиям контракта, Либби принял на себя командование лондонско-бристольским пароходом « ***Замок Пембрук*** *»... и от имени леди Харвелл должен был доставить в Бостон в кратчайшие сроки чрезвычайно ценный и необычный груз. Контракт содержал несколько очень специфических сертификатов, соответствующих двадцати одному драгоценному камню, перечисленных в прилагаемом страховом свидетельстве. Либби должен был носить эти драгоценные камни в кожаном мешочке, который был плотно завязан и прикреплен к поясу. Ремень он не имел права снимать ни в коем случае и должен был носить его на себе постоянно. Он не должен был разрезать или иным способом нарушать упаковку камней, рассматривать содержимое мешочка или говорить обо всем вышеперечисленном кому-либо. Высадившись в Бостоне, Либби обязался немедленно доставить ремень с прикрепленным к нему грузом мистеру Оливеру Уэстлейку, эсквайру из «Уэстлейк & Херви», адвокату с Бейкон-Стрит.*

«Чрезвычайно ценный и необычный груз». Если это то, о чем я думаю, то этот документ может пролить свет на то, что я считал довольно неясным эпизодом в жизни леди Харвелл — эпизод, который закончился тем, что она получила большую страховую выплату от страховой конторы «Ллойда». Это также прольет свет на морскую тайну, связанную с леди Элизабет, и на потерю драгоценностей «Гордость Африки». Я знал, что моя первая задача заключалась в том, чтобы убедить оставшихся членов семьи дать мне дополнительное время для изучения этих документов... хотя я принял меры предосторожности и использовал камеру на моем телефоне, чтобы на всякий случай сфотографировать свои находки под светом фонарика. Моя следующая задача казалась еще более обширной и важной и, в конечном счете, могла бы закончиться путешествием — путешествием, начинающимся от этого самого темного и пыльного в мире чердака к берегам Северной Америки в поисках последнего недостающего кусочка мозаики под названием «Замок Пембрук».

29

Лейк поднялся по последним узким, изогнутым ступеням, затем отступил в сторону, пыхтя от напряжения, чтобы позволить другим посетителям присоединиться к нему. Обычно верхняя часть маяка была его излюбленным местом: прекрасный вид из панорамных окон охватывал все 360 градусов, и в такой обстановке уединение становилось

особенно ценным. Сегодня же вид был испорчен грязным облачным небом. И еще тремя людьми, занявшими все небольшое пространство, где уединение теперь стало недосягаемо.

Лейк оглядел своих спутников, наблюдая, как они собираются на смотровой площадке: Кэрол, Констанс — сдержанная и элегантная, как и всегда — и Пендергаст. Агент ФБР был одет в черное кашемировое пальто, еще сильнее оттенявшее его алебастровую кожу и делавшее ее еще более бледной.

Лейк с беспокойством переминался с ноги на ногу. Не в силах ничего с собой поделать, он чувствовал, что с момента последней его встречи с Пендергастом между ними пробежала тень обиды.

— Я предполагаю, — начал скульптор, — что вы попросили нас подняться сюда не для наслаждения видом.

— Верное предположение, — ответил Пендергаст своим сливочно-бархатным голосом. — Я бы хотел рассказать вам о состоянии нашего расследования.

— Итак, вы передумали, — отметил Лейк. — Я имею в виду, что теперь вы собираетесь держать меня в курсе дела.

— Дело в том, что в нашем расследовании мы достигли той точки, когда будет разумно поделиться выводами.

Что-то в голосе Пендергаста заставило Лейка не спешить с комментариями.

— Сто тридцать лет назад в ночь на третье февраля, отчаянная группа выходцев из Эксмута — я не уверен в том, сколько их было, но могу предположить, что довольно немного — привела Мида Слокума, смотрителя маяка, сюда и заставила его потушить свет. Конечно, возможно, что Слокум сам являлся одним из заговорщиков, но его конечная судьба — сломанная шея и явное чувство вины, которое он постоянно испытывал, с этими его пьяными разговорами о том, что маяк преследует призрак, и что здесь слышится плач младенцев — предполагает первый вариант развития событий.

— Потушить свет? — переспросил Лейк, перебарывая себя. — Но зачем?

— Потому что маяк должен был заменить другой источник света. Расположенный где-то *там*, — и Пендергаст указал на юг, примерно на милю вдоль береговой линии, где восставали опасные костлявые пальцы

скал Скаллкрашер-Рокс, вокруг которых шипел и пенился океан. — Это был костер.

— Я не понимаю, — сказала Кэрол.

— Дело было после «голодной зимы» 1883 года, когда произошло извержение Кракатау. Следующим летом урожай погиб во многих регионах по всему миру, включая Новую Англию. Эксмут голодал. Целью той группы отчаявшихся эксмутцев стало заманить корабль на скалы, а затем разграбить его. В каком-то смысле их идея возымела успех: британский пароход «Замок Пембрук», как я полагаю, был обманут ложным светом, и направился прямиком на эти скалы. Однако в более широком смысле группа потерпела неудачу. «Замок Пембрук» вместо ожидаемого ценного груза перевозил пассажиров — так называемых падших женщин из лондонских трущоб, нескольких беременных, других с маленькими детьми. Они хотели начать жизнь заново в Бостоне в еще недостроенном пансионе для незамужних матерей.

— Историк, — выпалил Лейк. — МакКул. Вот, что он изучал!

Пендергаст продолжил:

— Я не знаю, что случилось с пассажирами, хотя опасаюсь худшего. Но я знаю наверняка, что капитан этого судна был замурован в нише вашего подвала, без сомнения, ради того, чтобы при пытках он сломался и рассказал о местоположении ценностей корабля.

— О, Боже, — пробормотала Кэрол.

— Я не понимаю, — нахмурился Лейк. — Зачем же раскапывать и забирать скелет после стольких лет?

— Потому что капитан так и не раскрыл местоположение этих ценностей, — Пендергаст сделал паузу, глядя мимо Лейка, в сторону безжалостных скал и непрерывно ревущего прибоя. — Мародеры не знали, что его миссия финансировалась английской знатью, если быть точнее, леди Элизабет Харвелл. Она заплатила за это рискованное предприятие. И, чтобы финансировать женский пансион, который она намеревалась открыть в Бостоне, она отправила так называемую «Гордость Африки» — сказочно ценный комплект рубинов, который сегодня мог бы стоить несколько миллионов долларов — в качестве оплаты. Она доверила их лично капитану. После крушения капитан заметил тех людей на пляже и понял, что его корабль навели на скалы неслучайно, поэтому у него не осталось сомнений насчет намерений эксмутцев. Капитан сделал единственное, что мог — у него не было времени прятать драгоценности, и он укрыл их в самом безопасном месте, которое только смог найти.

Последовала пауза.

— И где же это место? — спросил Лейк.

— Он их проглотил.

— Что?! — воскликнул Лейк.

— Даже под пытками капитан так и не раскрыл секрет, — продолжал Пендергаст. — Его мучители подозревали, что на корабле есть сокровища, но они так и не узнали, что эти сокровища — рубины, размером не больше таблеток. Останки капитана вместе со своим содержимым покоились в вашем подвале больше века, мистер Лейк, и никому не было известно о местоположении тела — *все благодаря потомкам первоначального зверства*. И вот, однажды, в Эксмут приехал историк, искавший информацию о пропавшем судне «Замок Пембрук». Исследуя биографию леди Харвелл, он многое узнал о «Гордости Африки» — о драгоценных камнях, которые должны были находиться на борту этого судна. И он, должно быть, упомянул это… не в том месте, не в то время и не при тех людях, которые, в свою очередь, сумели сложить два плюс два.

— Два плюс два, — медленно произнес Лейк. — Господи… кажется… кажется, я начинаю понимать, к чему вы ведете.

— Вот, почему ваш винный погреб разграбили. Потомки грабителей «Замка Пембрук» узнали о драгоценностях от МакКула и поняли, что капитан, должно быть, проглотил их. Если это так, решили они, то камни, должно быть, так и находятся в нише вместе со скелетом и только и ждут, чтобы их оттуда забрали. Тогда они решили забрать не только драгоценности, но и скелет, потому что чем меньше останется доказательств, тем меньше шансов понести ответственность за преступление — как старое, так и новое. К несчастью для них, они пропустили одну кость.

Лейк прерывисто вздохнул. Он был потрясен и шокирован… и все же странным образом взволнован. Подумать только! Драгоценные камни пролежали у него в подвале все эти годы… и все же, вновь обдумав эту историю, он счел ее более чем притянутой за уши.

— Это довольно фантастическое предположение, мистер Пендергаст. Я не детектив, но… есть ли у вас какие-либо доказательства, подтверждающие вашу теорию о том, что корабль заманили фальшивым светом на эти самые скалы у нашего побережья? Или доказательства того, что капитан проглотил перевозимые на борту камни?

— У меня их нет.

— Тогда к чему весь этот театр? Зачем приводить нас сюда, чтобы продемонстрировать береговую линию? С таким же успехом, я и сам мог бы показать на всем протяжении побережья, где с наибольшей вероятностью могло произойти кораблекрушение. Так зачем было устраивать все это шоу, если вы просто предполагаете?

Повисла кратковременная пауза. Затем Пендергаст ответил:

— Чтобы держать вас — как вы сами изволили выразиться — «в курсе дела».

Лейк вздохнул.

— Ну, ладно, это логично. Спасибо.

Последовавшая на этот раз пауза оказалась длиннее. Лейк забеспокоился, что возможно, говорил слишком резко и откровенно. Поэтому он решил сделать первый шаг к примирению.

— И, вы думаете, те самые люди, которые обчистили мой подвал, и убили историка?

— Да.

— А как насчет другого убийства — Даны Данвуди?

— Оно менее понятно. Поэтому еще многое и предстоит выяснить. Во-первых, как вы уже любезно указали, мы должны найти достоверную информацию о судьбе парохода «Замок Пембрук», и только тогда нам предстоит установить, почему убийцы вырезали на трупах своих жертв так называемые Печати Тибейна.

Лейк кивнул:

— В городе много разногласий по этому поводу. Половина думает, что убийства — это работа группы идиотов, играющих в колдовство. Остальные настаивают, что смысл надписей — это отвлекающий маневр, чтобы сбить с толку полицию.

— Это именно та дилемма, которую нам и предстоит решить.

— Но вы не думаете, что это могут быть те же самые люди, которые действительно всерьез занимаются колдовством? — спросила Кэрол.

— Это открытый вопрос.

— Да бросьте же! — рассмеялся Лейк. — Все эти байки о ведьмах — это просто легенды. Сказки!

На этот раз заговорила Констанс:

— Боюсь, что нет, — твердо произнесла она. — Я узнала, что ковен ведьм действительно обосновался на болотах в конце XVII века после того, как сбежал из Салема. Но их колония здесь не вымерла, как думают многие, они просто переехали куда-то на юг.

Лейк переглянулся с Кэрол. Ее лицо казалось бледным и испуганным. Он прекрасно понимал ее состояние — мысль о том, что люди, которые обчистили их подвал, были не только ворами, но и убийцами, уже вызывала ужас. Но ведьмы? Это уже просто смешно.

— Теперь, мистер Лейк, вы полностью проинформированы о состоянии расследования. Если вы нас извините, мы вернемся к расследованию дела, — и на этом Пендергаст молча направился к винтовой лестнице маяка. Лейк смотрел ему в след и не мог отвести взгляда от фигуры агента, медленно спускающейся вниз по лестнице.

30

Было уже полтретьего дня, когда Пендергаст припарковал «Порше Спайдер» в конце Дьюн-Роуд. Он вышел из машины, Констанс выбралась вслед за ним и остановилась, наблюдая за тем, как он открывает багажник и достает металлоискатель и сумку с дополнительным набором оборудования. Из-за непогоды он был одет в зюйдвестку[78] и плотное непромокаемое пальто. День становился все серее, воздух был настолько насыщен влагой, что, казалось, состоял из крошечных капель соленой воды. Но туман так и не опустился на побережье, и видимость оставалась довольно хорошей: Констанс отчетливо видела маяк Эксмута примерно в миле к северу отсюда, где они провели часть утра, разговаривая с Лейком.

Она последовала за Пендергастом по узкой песчаной тропке по направлению к воде. Там, где тропа поднималась на возвышенность, он остановился, глядя на восток, его голова поворачивалась почти незаметно, пока он изучал береговую линию. Полдень принес не только серость, но и холод, из-за чего Констанс неохотно согласилась надеть свитер от «Фейр-Айл» и твидовую юбку.

Констанс была давно знакома с многозначительным молчанием Пендергаста, и ей было даже комфортно проводить время наедине со

своими соображениями, до тех пор, пока агент, в конце концов, не решит изложить свои мысли, но сейчас через четверть часа тишины она почувствовала, что ее все сильнее охватывает нетерпение.

— Я знаю, ты не любишь, когда тебе задают вопросы, особенно глупые, но что мы здесь делаем?

Несколько мгновений Пендергаст не отвечал. Затем он прервал осмотр местности, и повернулся к ней.

— Я боюсь, что наш друг-скульптор сделал справедливое замечание. Моя теория о кораблекрушении остается всего лишь плодом моих размышлений. Мы здесь, чтобы добыть доказательства.

— Но «Замок Пембрук» пропал сто тридцать лет назад. Какого рода доказательства мы можем отыскать больше века спустя?

— Вспомни, что я говорил тебе раньше, — и он указал на юг, на отдаленный участок побережья, который вклинивался в море под острым углом. — Этот крюк береговой линии сработал бы, как сеть. Если бы корабль потерпел крушение рядом с ним, обломки вынесло бы именно сюда.

Констанс взглянула в указанном направлении.

— И как ты можешь делать подобный вывод на основании современного рельефа местности? Ведь тринадцать десятилетий штормов неминуемо изменили береговую линию.

— Были бы мы на мысе Код, я согласился бы с тобой. Но здесь песчаный берег с вкраплениями скалистых участков, которые действуют как серия естественных волнорезов, сохраняющих очертания береговой линии.

Он снова замолчал, окинув взглядом местность, а затем поднял сумку.

— Итак, приступим?

Констанс последовала за ним вниз по склону в сторону береговой линии. Этот участок берега был усеян огромными валунами размером с автомобиль. Даже на таком расстоянии она увидела, что их бока покрыты острыми, как бритва, ракушками. Прибой грохотал между ними, создавая огромные пузыри, которые задерживались на сильном ветру. Морская пена слетала зловещими клоками, которые неустанно катились по земле.

Пендергаст остановился, не дойдя до скал. Он положил металлоискатель на землю, затем извлек приемник GPS, бинокль, цифровую камеру и

таинственное устройство, которое он также положил на землю. Далее он достал карту и развернул ее, прижав углы камнями. Констанс увидела, что это крупномасштабная топографическая карта района в масштабе 1:24 000, которая была вся покрыта линиями и пометками Пендергаста. Он некоторое время подробно ее изучал, периодически отрывая от нее взгляд, чтобы свериться с тем или иным ориентиром на береговой линии. Затем он сложил карту и убрал ее в сумку.

— В одиннадцать тридцать вечера, — сказал он, обращаясь, скорее, к себе, чем к Констанс. — Ветер дул с этого направления, — он посмотрел на северо-восток, где стоял маяк. — Тогда-то и погас свет.

Он взял GPS и свое мистическое устройство и начал двигаться на юго-запад, тангенциально по отношению к береговой линии. Констанс последовала за ним, ожидая, пока он остановится, чтобы свериться с GPS. Он стал в точке, которая находилась между маяком и опасной линией зазубренных скал, раскинувшихся в море.

— Костер был сооружен в отдалении от самого берега и на некоем возвышении — возможно, на гребне дюны, — пробормотал он. — Он был не настолько огромным, чтобы перерасти в неконтролируемый пожар, но все же оставался довольно ярким.

И снова хождение: назад и вперед. Еще больше сверок с GPS. Затем, сняв зюйдвестку с головы и убрав ее в карман пальто, Пендергаст поднял неизвестное устройство и стал направлять его в разные стороны, наблюдая за ним, как выживающий в экстремальной ситуации мог бы наблюдать за теодолитом[79].

— Что это такое? — наконец, спросила Констанс.

— Лазерный дальномер, — Пендергаст сделал ряд измерений и сравнил их с показаниями GPS. После каждого измерения он перемещался в новое место. Каждый последующий шаг он делал заметно меньше.

— Вот, — сказал он, в конце концов.

— «Вот» — что? — переспросила Констанс, не в силах ничего поделать с раздражением, которое накатывало на нее из-за загадочности Пендергаста.

— Вот было бы идеальное место для сооружения костра, — он кивнул на юг, в сторону клыкообразного ряда скал, окруженных бурлящим прибоем. — Этот риф известен как «Скаллкрашер-Рокс». Ты можешь заметить, что наше местоположение находится на линии между маяком и проходящим кораблем. Корабль, движущийся в южном направлении и

держащийся поближе к укрытию из-за бури, использовал бы маяк Эксмута, чтобы тот вывел его вдоль северного берега к мысу Энн. Если сместить свет на юг, и корабль использует фальшивый маяк в качестве ориентира, это приведет его прямиком на скалы, — которые в ненастную ночь можно попросту не заметить.

Констанс осмотрела землю вокруг них. Они стояли на галечном пляже. Он простирался как на север, так и на юг.

Пендергаст продолжил.

— Со штормовой волной и северо-восточным ветром обломки должно было разбросать по всей округе.

— Но где же они? Точнее, где они *были*? В докладах сказано, что никаких обломков не нашли. А трехсотфунтовый корабль ведь не мог просто испариться.

Пендергаст продолжил смотреть на скалы, его глаза прищурились, ветер откинул светлые волосы с его лба. Если он и был разочарован, то никоим образом этого не показывал. Наконец, он повернулся и посмотрел на север, в сторону Эксмута.

Нечто в его позе и выражении лица заставило ее замереть.

— Что случилось? – спросила она.

— Я хочу, чтобы ты медленно повернулась — сделай это естественно, не привлекая внимание и не вызывая подозрение, — и взгляни на верхушки дюн на севере, по направлению на Эксмут.

Констанс пробежала рукой по своим волосам, потянулась с притворной неторопливостью и повернулась. Но там ничего не было — просто голая дюна, покрытая тонкой мантией водорослей, развевающихся на ветру.

— Я ничего не вижу, — сказала она.

— Там кто-то был, — мгновение спустя ответил Пендергаст. — Темный силуэт. Как только ты повернулась, он снова скрылся за дюной.

— Нам стоит выяснить, кто это?

— Я уверен, что к тому времени, когда мы доберемся туда, он уже уйдет довольно далеко.

— Почему ты обеспокоен? Мы видели и других людей, блуждающих по этим пляжам.

Пендергаст продолжил смотреть на север, ничего не говоря, лицо его приобрело смущенное выражение. Затем он тряхнул головой, как бы отбрасывая все мысли, которые мешали ему.

— Констанс, — позвал он тихим голосом. — Я хочу попросить тебя кое-что сделать.

— Все что угодно, если только мне не придется плавать.

— Есть ли у тебя возражения против того, чтобы задержаться здесь на некоторое время?

— Нет. Но зачем?

— Я собираюсь провести сеанс Чонгг Ран.

— Здесь?

— Да, именно здесь. И я был бы тебе очень признателен, если бы ты могла проследить, чтобы меня не беспокоил никто и ничто — за исключением одного условия: если фигура — любая фигура — снова появится на вершине тех дюн.

Констанс замешкалась лишь мгновение.

— Как скажешь.

— Спасибо, — Пендергаст снова осмотрелся, взгляд его стал цепким и проникновенным, словно он фиксировал в памяти все, вплоть до самой последней детали. Вскоре он опустился на колени. Затем, отбросив острые камешки и подготовив небольшое возвышение для головы, он лег в позу покойника, скрестив руки на груди, и закрыл глаза.

Констанс долго наблюдала за ним. Затем она посмотрела по сторонам и заметила, что из песка, примерно в десяти футах от него, торчал кусок дерева. Констанс подошла к нему и села, жестко выпрямив спину. Пляж был совершенно безлюдным, но ощущение, что за ними наблюдают, все еще не покидало Констанс. Что-то в ее манере поведения могло напомнить этому наблюдателю грациозную львицу — гордую и царственную — присматривающую за своим прайдом. Она стала такой же неподвижной, как и Пендергаст. Они оба походили на две изящные статуи, выделяющиеся на фоне темного и низкого неба.

Специальный агент Пендергаст без движения лежал на галечном пляже. Хотя его глаза и оставались закрытыми, он был прекрасно осведомлен о своем окружении: каденция прибоя, запах соленого воздуха, ощущение камешков под спиной. Его первой задачей было отсечь себя от внешнего мира и перенаправить энергию внутрь.

С осознанным усилием, рожденным длительной практикой, он замедлил свое дыхание и сердцебиение, сократив их в половину от обычной частоты. Он лежал неподвижно и примерно через десять минут, пройдя серию сложных умственных упражнений, необходимых для достижения медитативного состояния «*тхан-шин-гха*» — «Преддверье Совершенной Пустоты» — подготовил себя к тому, что ждало его впереди. А затем, очень методично, он начал исключать предметы, которые составляли мир вокруг него. Город Эксмут исчез вместе со всеми своими жителями. Вслед за ним испарилось и тяжелое небо. Холодный бриз больше не шевелил его волосы. А океан со всеми своими звуками и запахами просто пропал. В последнюю очередь не стало Констанс и пляжа.

Все погрузилось в черноту. Он добрался до «*стонг-па-ньюид*» — то есть, «Состояния Чистой Пустоты».

Он позволил себя остаться в этом состоянии, и плыть одному в вакууме, потому что в обостренном состоянии Чонгг Ран время превращалось в вечность, но на самом деле проходило не более четверти часа. И затем, по собственному желанию, он начал заново собирать мир — в порядке, обратном тому, каким он деконструировал его. Сначала во всех направлениях раскинулся галечный пляж. Затем небосвод склонился над головой. А потом задул морской бриз — с той лишь разницей, что это был уже не ветерок, а воющий полночный шторм, полный пронизывающего дождя, который, грозно жаля, сек по коже. Возникшее море было беспокойным, над ним яростно свирепствовала гроза. Наконец, Пендергаст оказался на пляже Эксмута.

Однако это был не сегодняшний пляж. Благодаря напряженной интеллектуальной сосредоточенности Пендергаст воссоздал то, что, по его мнению, было Эксмутом в ночь на 3 февраля 1884 года.

Теперь, когда он позволил всем своим чувствам вернуться, он полностью осознал свое окружение. В дополнение к бушующей буре он заметил, что на милю от него простиралась сплошная темнота. Маяк не горел, он просто исчез во мраке. Но затем его высветила из темноты краткая вспышка, когда небо рассекла молния: его бледный каменный палец поднимался в ненастную ночь.

Однако непосредственно перед Пендергастом располагался совсем другой источник света. На возвышавшейся над пляжем дюне была

возведена пирамида по принципу типи[80], состоявшая из веток, палок и папоротника. Вся она была объята яростным пламенем. Около десятка фигур, кутающихся в свои пальто, сгруппировались вокруг него. Несмотря на то, что Пендергаст присутствовал здесь лишь мысленно, он отступил от света огня в безопасную темноту. Мужские черты, освещенные пламенем, были едва различимы, но во всех них читалось одно и то же: твердость, отчаяние, жестокость и безжалостное предвкушение. Двое мужчин держали толстое одеяло, стоя между океаном и костром. Третий человек — по-видимому, главарь, чьи массивные, грубые черты лица при свете огня показались немного знакомыми — держал в одной руке древний секундомер, а в другой — фонарь. Он громко отсчитывал секунды группой по девять, а затем начинал сначала. В течение двух секунд после каждой такой последовательности, мужчины, державшие одеяло, сдвигали его набок, ненадолго обнажая свет костра, перед тем как снова его скрыть. Это, насколько знал Пендергаст, должно было имитировать девятисекундную периодичность маяка Эксмута.

Южнее, очень отдаленно, мутными пятнами на фоне бушующих вод угадывались очертания скал Скаллкрашер-Рокс.

Уолден-Пойнт, на котором располагался эксмутский маяк, находился слишком близко к городу. Крушение там стало бы слишком заметным. Но крушение на Скаллкрашер-Рокс… к югу от города, вне поля его зрения… обломки были бы вынесены на ограниченный участок пляжа и рассредоточены на небольшой территории.

За исключением человека с секундомером, группа возле костра мало говорила, их сверкающие хищные глаза прощупывали море. Ветер завывал с северо-востока, и дождь лил с неба почти горизонтально.

А затем раздался крик: кто-то разглядел нечто во мраке открытого моря. Группа выдвинулась вперед, вглядываясь в ночной мрак. Один из них вытащил из пальто подзорную трубу и посмотрел на северо-восток. Над пляжем сгустилось тревожное молчание, пока он вглядывался в темноту сквозь вой ветра.

Затем раздался призывный крик:

— Ребята, это пароход!

Зазвучал еще один крик, который главарь быстро пресек, продолжая отсчитывать секунды по своему секундомеру, гарантируя, что пламя костра будет поддерживать точную периодичность маяка Эксмута. Теперь огни корабля стали более заметными — они появлялись и исчезали, в то время как судно поднималось и опускалось на огромных

волнах. Электрическая дрожь пробежала по всей группе: корабль явно был ведом поддельным светом и направлялся прямо на Скаллкрашер-Рокс.

Винтовки, мушкеты, пистолеты, дубинки и косы были извлечены из-под пальто и взяты наизготовку.

В тот же момент опустилось покрывало темноты, и сцена на пляже тут же растворилась. Когда мрак сгустился и снова рассеялся, Пендергаст оказался на мостике парохода «Замок Пембрук». Рядом с ним стоял мужчина, облаченный в капитанский мундир и пристально смотрящий в подзорную трубу на свет, мерцающий на побережье. Справа от него стоял навигатор, рассматривавший широкую диаграмму, развернутуюпод рассеянным красным светом навигационного фонаря. Его инструменты были разложены прямо на диаграмме: параллельные стержни, разделители, карандаш. Рядом с ним нактоуз[81] был открыт лишь на четверть, и оттуда исходил едва заметный блеск — мостик оставался скрытым в темноте, насколько возможно, чтобы все присутствующие могли сохранить остроту ночного зрения. Рулевой стоял по другую сторону от капитана, стараясь держать рулевое колесо и держать курс в бурных водах.

Воздух на мостике звенел от напряжения, но капитан, светясь закалкой и уверенностью, излучал спокойствие и власть. Ни у кого не возникало чувства надвигавшейся катастрофы.

Своим мысленным взором, отступив в дальний угол мостика, Пендергаст увидел, как корму корабля накрыло бушующее море, и черная вода прокатилась до самого носа, судно тяжело качало на каждой волне. Промокший до нитки помощник капитана вышел вперед. В ответ на вопрос капитана он сообщил, что паровые двигатели работают исправно, груз из дубовых бревен зафиксирован крепко. Также доложил о небольших течах, но то были незначительные повреждения, с которыми вполне могли справиться насосы.

Теперь капитан Либби опустил подзорную трубу достаточно надолго, чтобы выслушать доклады первого и второго помощников. Первый помощник отметил, что в судовом журнале зафиксирована скорость судна в 9 узлов. Курс на юго-юго-запад, истинный курс: 190 градусов. Второй помощник сообщил о глубине воды по корабельному лотлиню.

— Двенадцать саженей! — закричал он, стараясь перекричать шторм. — Ракушечное дно!

Капитан Либби не ответил, но выражение лица его сделалось тревожным. Он снова поднял подзорную трубу и посмотрел на то, что должно было быть маяком Эксмута.

— Промеряйте непрерывно, — он повернулся к навигатору. — Держите маяк строго по правому борту.

Пендергаст достаточно знал о тонкостях морского судоходства, чтобы быть в курсе того, насколько важна глубина погружения лотлиня[82] — поскольку корабль находился близко к берегу, и шторм представлял для него огромную опасность.

Несколько минут спустя второй помощник вернулся с другим докладом о глубине.

— Десять саженей, — отчитался он. — Каменистое дно.

Капитан опустил подбородок, нахмурившись.

— Проверьте еще раз, — скомандовал он.

Второй помощник снова исчез в шторме.

— Девять саженей, каменистое дно.

— В этом же нет никакого смысла, сэр! — выкрикнул навигатор, стараясь перекричать ветер. — Согласно графику, мы должны находиться на шестнадцати саженях при песчаном дне.

— Каменистое дно означает отмель, — капитан отступил на шаг. — Либо диаграмма ошибочна, либо мы существенно отклонились от курса.

Навигатор, работавший на своего рода примитивном компасе, перестал ориентироваться на свет и начал работать со своими собственными картами и расчетами.

— Не может быть, — сказал он, скорее, самому себе, чем кому-то другому. — Этого просто не может быть, — он снова попытался сориентироваться на свет.

— Шесть саженей, — дрогнул голос второго помощника. — Каменистое дно.

Капитан перегнулся через перила, словно собирался взять свой собственный курс.

— Черт возьми, — пробормотал он, снова поднимая подзорную трубу и отчаянно всматриваясь в свирепствующую бурю, но теперь через нее ничего невозможно было разглядеть — даже свет маяка. — Лево на борт! — внезапно приказал капитан рулевому, в голосе звучала близкая к панике тревога. — Взять новый курс на 90 градусов!

— Но, капитан… — запротестовал первый помощник. — Это поведет нас в открытое море.

— Да будет так, — сказал Либби. — Выполняйте! — но рулевой уже поворачивал рулевое колесо, меняя курс и разворачивая корабль.

Тем не менее, даже когда «Замок Пембрук» повернулся, со смотровой мачты прозвучал крик:

— Впереди рифы!

Капитан взглянул вперед в подзорную трубу. Пендергаст тихо подкрался сзади. Там, прямо по курсу, в темноте волн плавало едва заметное белое пятно.

— Быстрее, право руля! — заорал Либби. — Обратный ход! Полный назад!

Приказ был передан в машинное отделение, в то время как рулевой попытался выполнить его на руле, но корабль оказался слишком длинным и тяжелым, и ему еще приходилось бороться с бушующим морем. Белое пятно стало ярче, и внезапный зигзаг молнии высветил, куда на самом деле направлялось судно: к скалам Скаллкрашер-Рокс.

— Это невозможно! Мы так сильно отклонились от курса!

— Полный назад! — снова закричал капитан, когда рабочий гул двигателей прокатился вибрационной волной по всей палубе. Но экипаж мостика и Пендергаст увидели, что было уже слишком поздно: ужасные скалы возникли из-за дождя, окруженные взрывами прибоя…

…и тогда раздался душераздирающий треск и грохот. Нос корабля резко взмыл вверх, словно выбросившись на скалы. Необъятное море прорвалось сквозь фальшборт, пробившись через окна капитанского мостика и унося с собой первого помощника и навигатора.

— Покинуть корабль! — прокричал капитан Либби второму помощнику, — Команде занять посты, шлюпки на воду, женщины и дети в первую очередь!

— Покинуть корабль! Экипажу подготовиться! — приказ эхом прокатился по командной цепочке, пока матросы рванули выполнять приказы.

И снова сцена растворилась под вторым плащом темноты. Мысленный взор Пендергаста вернулся к пляжной компании. Мужчины стояли — испуганные и безмолвные — глядя на то, как большой корабль, окруженный бушующим морем, всего в сотне ярдов от них налетел на скалы. Его корпус разбился и деформировался, погружаясь в глубину. Из недр парохода прозвучали приглушенные взрывы бойлеров, когда морская вода хлынула через пробитый корпус. Бушующая стихия океана, отдаленные крики, плач и ужас — все это казалось непостижимым. Мужчины словно онемели, они были ошеломлены тем, что натворили.

Предпринимались попытки спустить на воду спасательные шлюпки, но корабль был буквально распластан на скалах, его качало из стороны в сторону на волнах, и усилия оказались практически тщетны — спасательные шлюпки разбивались о камни или о накренившийся корпус судна и сбрасывали своих пассажиров в открытое море.

В течение нескольких минут подгоняемые порывистым ветром и штормовым прибоем к берегу начали прибиваться обломки — лонжероны, доски, бочки... а затем и выжившие. Волна удивления пробежала по участникам морского преступления, ожидавшим на пляже: вместо хорошо одетых офицеров из темноты бури выплыли молодые женщины. Некоторые оказались беременными, другие держали малолетних детей и цеплялись вместе с ними за обломки. Они боролись с волнами, пытались выбраться на пляж и жалобно звали на помощь. Все они до нитки промокли, их кожу покрывали раны и ссадины от обломков и камней. Другие тела — уже мертвые — в гротескных и ужасающих позах тоже приставали к берегу. Среди них были тела и членов экипажа.

Пендергаст обратил внимание на двух человек на суше. Должно быть, они были братьями — один стоял с секундомером, а другой с подзорной трубой. На их лицах застыла печать удивления и замешательства. Они явно не ожидали, что на корабле будет так много пассажиров — особенно женщин и детей. Другие мужчины пребывали в не меньшем шоке. На мгновение всех парализовало, они не могли пошевелиться. А затем один из них рванул вперед, и повинуясь импульсу, бросился в воду, чтобы помочь женщине и ребенку выбраться на берег. Стоило ему пробежать мимо человека с секундомером, как тот сердито схватил его за ворот и швырнул на землю. Затем он повернулся к остальным.

— Это свидетели! — воскликнул он, обращаясь к своей группе. — *Свидетели*, вы понимаете? Из-за них вас всех повесят! Хотите этого?

Единственным ответом стал вопль бури и жалобные крики утопающих и отчаявшихся женщин и детей, которые изо всех сил боролись с прибоем.

А затем сквозь волны Пендергаст увидел потрясающее зрелище: большую плоскодонную лодку, везущую женщин и детей. Эта спасательная шлюпка сумела выстоять против бури. Капитан Либби стоял на носу, держа фонарь и отдавая приказы двум членам экипажа, налегавшим на весла. В то время, как группа на пляже просто смотрела, он мастерски спрыгнул в воду и провел лодку сквозь прибой, уставшие женщины и дети вывалились на пляж, а капитан героически запрыгнул назад в лодку и приказал своим людям вернуться в море, чтобы спасти еще больше утопающих. Оставшиеся в живых копошились на берегу и ползли к костру, считая себя спасенными.

Главарь группы на пляже был в ярости от такого развития событий.

— Это был капитан! — сказал он, указывая на него трясущимся пальцем. — Именно этот человек нам нужен! Он знает, где наша добыча. Взять его! Сейчас же!

Его люди, сбитые с толку, с ревом рванули вперед, размахивая пистолетами, ножами и косами. Когда лодка вернулась с еще б***о***льшим количеством выживших, цель была настигнута. Два члена экипажа были мгновенно схвачены и брошены на пляж. Либби схватился за меч, но был обезоружен подавляющим большинством, его потащили, и швырнули перед главарем.

Капитан с кровоточащими ранами на лбу и левой щеке смотрел на главаря с гневом и отвращением.

— Ты сделал это! — прорычал Либби. — Ты заманил нас на скалы! Убийца!

В ответ главарь приставил оружие к голове капитана.

— Говори нам, где деньги.

Капитан остался неподвижным и безмолвным. Главарь ударил Либби по лицу рукоятью пистолета, и тот упал на колени, оглушенный ударом. По приказу главаря капитана грубо поставили на ноги, из сломанного носа струилась кровь. Его обыскали, но не нашли никаких ценностей. Главарь, разозлившись пуще прежнего, нанес ему еще один сокрушительный удар.

— Отведите его на маяк, — приказал он своим людям.

Двое мужчин подхватили капитана под руки и поволокли его вдоль пляжа. Капитан в отчаянии закричал:

— Что ты собираешься делать с женщинами и детьми?

В ответ главарь сплюнул на песок — сразу после того, как обернулся через плечо и взглянул на дюны, раскинувшиеся за галечным пляжем. Затем он повернулся к своим людям.

— Отправляйтесь на этой лодке обратно к кораблю, — приказал он. — Обыщите его, начиная с капитанской каюты! Найдите ценности, пока корабль окончательно не развалился и не затонул!

Люди, все еще находившиеся в состоянии шока, теперь объединились перед лицом этого преступления. Варварство и зверство, на которое они согласились, связало их вместе, заставило их идти до конца, несмотря ни на что. Несколько человек отправились вдоль пляжа, спустили лодку на воду, уложили в нее оба комплекта весел, и направились сквозь прибой, пока не достигли сломанной кормы парохода, разрушенной рифами и разбитой волнами. Достигнув зияющего разлома в центре корпуса, они исчезли внутри корабля, факелы мигнули и пропали один за другим, когда их, наконец, поглотило разрушенное чрево парохода.

Пендергаст наблюдал за этим со своей позиции в дальней части пляжа. Затем он обратил внимание на жалких, измученных стихией женщин с маленькими детьми и младенцами, сгрудившихся в группы по три-четыре человека. Они плакали и умоляли о помощи.

Другой мужчина тоже взглянул на них. Это был главарь группы. В одной руке он держал пистолет, в другой — тяжелую дубинку. Выражение его лица было настолько пронизано мукой, что в одно мгновение путешествие по лабиринтам памяти резко прервалось, и Пендергаст обнаружил себя в настоящем времени, лежащим на каменистом пляже рядом с Констанс Грин, которая, словно статуя, молчаливым стражем сидела над этим пустынным местом.

32

Кэрол Хинтервассер подошла ко входной двери своего магазина «Вкус Эксмута» и посмотрела в окно через щель в серых полупрозрачных шторах. Было четыре тридцать, до обычного времени закрытия

оставалось полчаса, но вывеска «ЗАКРЫТО» уже висела на двери в течение последних девяноста минут. Она взглянула налево, затем направо. Главная улица была тихой и почти безлюдной: только несколько пешеходов целеустремленно двигались по ней.

Мягкие шаги позади нее возвестили о присутствии Брэдли Гэвина. Кэрол почувствовала, как его тело коснулось ее, ощутила его теплое дыхание на своей шее, когда он тоже выглянул в окно.

— Видишь что-нибудь подозрительное?

— Нет, — она сделала шаг назад. — Осторожнее. Кто-нибудь может тебя увидеть.

— И подумает, что я просто осматриваюсь.

— В закрытом магазине? — несмотря на то, что они были одни, Кэрол разговаривала шепотом.

— Я собирался спросить — где та девчонка, Флавия, была все это время?

— В подвале. Проводила инвентаризацию. Она ничего не слышала, я в этом уверена.

— Думаешь, они подозревают?

— Я не знаю, — ответила она. — Мы всегда были осторожны, но Эксмут — маленький городок.

Она подошла к настенному щитку с выключателями света и щелкнула их все. Комната немедленно погрузилась в полумрак, освещенная только рассеянным светом пасмурного неба.

После короткой паузы Гэвин сказал:

— Ты права. И все недавние события — кража вина, агент Пендергаст, разнюхивающий здесь все, убийства и эти Печати Тибейна — дела еще никогда не шли так плохо. Это похоже на жизнь под микроскопом. Мой дед любил говорить: «Если ты забрасываешь достаточно большую сеть, никто не знает, что туда может попасть». Как ты и сказала, это маленький городок. Эти убийства не имеют к нам никакого отношения, но все это расследование… кто-то, так или иначе, может все выяснить… случайно.

Кэрол кивнула.

— Так… согласие в силе? Верно?

— Верно. Так дальше не может продолжаться. Все должно быть сделано, и чем скорее, тем лучше. Это ради всеобщего блага.

В полутьме он сжал ее руку в своей.

Гэвин смотрел в пол, когда говорил это. Теперь же он поднял голову и пристально взглянул на Кэрол.

— Ты должна понимать, нам придется нелегко.

— Я это знаю.

Они так и простояли неподвижно еще несколько долгих минут. Затем Кэрол сжала его руку.

— Сначала ты, — сказала она. — Я выжду несколько минут, и только затем пойду. Я сказала Флавии запереть здесь все, когда она закончит внизу.

Он кивнул, дождавшись, пока она откроет дверь, а затем — еще раз оглядев улицу — выскользнул.

Из-за полупрозрачных занавесок, скрытая от взглядов прохожих, Кэрол наблюдала, как Гэвин неспешно бредет по Мейн-Стрит. Она простояла без движения пять минут, затем десять. Лишь после этого она тоже вышла из магазина, закрыла за собой дверь и неспешно двинулась в сторону маяка.

33

Для Констанс первым признаком того, что Пендергаст вернулся из своего ментального путешествия, стало легкое движение его конечностей — до этого он лежал на галечном пляже совершенно неподвижно. Затем открылись его глаза. Несмотря на то, что он сумел пролежать, не шелохнувшись, дольше, чем любой спящий, его глаза сохранили яркий блеск и напряженную сосредоточенность.

— Который сейчас час, Констанс? — спросил он.

— Половина пятого.

Он встал, отряхнул свое пальто от песка, поднял сумку и металлодетектор. Он потратил всего секунду на то, чтобы оглядеться и

сориентироваться в пространстве, после чего жестом позвал ее следовать за ним и направился вглубь пляжа, на северо-запад, тангенциально к линии Скаллкрашер-Рокс, что раскинулись справа от них. Он двигался быстрыми, целенаправленными шагами. Констанс заметила, что он более не утруждал себя сверкой с картой или GPS.

Вместе, они продолжили двигаться до того места, где пляж заканчивался и переходил в небольшое возвышение, покрытое травой, а кое-где и низкорослыми соснами. Они взобрались на вершину, и там Пендергаст остановился, чтобы снова осмотреться. Позади находилась область дюн, местами пересекаемая травой и кустарниками, которые сформировали цепи широких песчаных лощин — примерно футов пятьдесят в поперечнике. Через мгновение он начал спускаться в ближайшую лощину, на дне которой он поставил свою сумку на землю.

— Что мы здесь делаем? — спросила Констанс.

— Если бы кто-то на берегу захотел что-то закопать, он бы определенно сделал это где-то здесь, — засунув руку в сумку, он извлек оттуда тонкий, телескопический стержень из гибкой стали, который сразу же раскрыл на всю длину в шесть футов. Агент начал зондировать песок на дне лощины, проталкивая стальной стержень вглубь в разных случайных точках, при этом он целенаправленно продвигался с одной стороны лощины к другой. Через несколько минут что-то остановило зонд. Пендергаст опустился на колени и постарался прощупать этот участок более тщательно, погружая стальной наконечник в песок в полудюжине мест. Затем, снова распрямившись, он достал из сумки небольшую сборную лопату.

— Я полагаю, судя по всей этой деятельности, что твое путешествие в лабиринты памяти прошло успешно, — сухо заметила Констанс.

— Через минуту мы это узнаем.

Воткнув лопату в место, которое он только что несколько раз прозондировал, он начал копать, осторожно отбрасывая песок в сторону. Он продолжал рыть, формируя яму диаметром около пяти футов и равномерной глубины в два фута. Как только это круглое отверстие было завершено, он начал рыть глубже. Песок был рыхлым и сырым, что облегчало работу. Несколько мгновений спустя кончик лопаты ударился обо что-то с тупым звоном.

Быстро, Пендергаст отложил лопату в сторону и опустился на колени, прямо на дно ямы. Используя свои пальцы вместо лопаты, он разрывал песок, пока, наконец, не обнаружил несколько проржавевших кусков металла.

— Железные крепежи с корпуса, — пояснил он.

— С «Замка Пембрук»?

— Боюсь, что да, — он осмотрелся. — Теперь, в ретроспективе, картина кажется очевидной, не так ли?

— Как эти крепежи оказались здесь, в дюнах? Их забросило сюда море?

— Нет. Обломки корабля были намеренно перенесены сюда и зарыты. По крайней мере, все те, которые волны выбросили на берег. То, что не вымыло сюда, в конечном итоге отлив унес в открытое море.

Он откопал еще немного, вытащил железные куски из песка, встряхнул их и отложил в сторону. Некоторые все еще крепились к сгнившим кускам дерева, которые когда-то служили обшивкой корпуса. А затем, когда лопата снова углубилась во влажный песок, она наткнулась на что-то еще — что-то, что произвело совсем другой звук… полый.

Пендергаст снова опустился на колени. Констанс присоединилась к нему. Вместе они тщательно раскопали то место, откуда донесся этот звук. Медленно под их руками возник череп: маленький и бледно-коричневый. Один висок оказался пробит.

— Боже мой, — пробормотала Констанс.

— Не старше года, — тихо заметил Пендергаст. Его тон стал холодным, и отстраненным.

Вместе они продолжили разрывать руками песок. Появились более мелкие кости: ребра, бедра, трубчатые кости. Теснясь рядом, из песка возникли и другие черепа: некоторые оказались совсем маленькими, другие — побольше. У всех были травмы, нанесенные тупым предметом.

— Мы должны оставить все, как есть, — сказал Пендергаст. — Это место преступления.

Констанс кивнула. Теперь костей было настолько много, что они образовали почти сплошной слой, сливаясь по цвету с влажным песком. Очевидно, что сначала здесь убили и закопали людей, а уже сверху могилы набросали обломки корабля. Пендергаст вынул из сумки маленький венчик и, стал им отметать песок, обнажая все новые кости. Трупы детей, похоже, для экономии места беспорядочно свалили сверху прямо друг на друга, в то время как взрослых уложили параллельными рядами.

В конце концов, Констанс поняла, что для нее это уже слишком. Не сказав Пендергасту ни слова, она выбралась из ямы и поднялась на край лощины, где, глубоко вздохнув, посмотрела на восток в сторону холодного, бесчувственного, чуждого океана.

34

Сержант Гэвин попытался убедить себя, что это все просто очередное место преступления — как это уже было с историком МакКулом или Даной Данвуди. И все же, на этот раз все было по-другому. Обычные безжалостные прожекторы превратили ночь в день. Муфтовые генераторы, периметр полицейской ленты, люди из SOC и CSI, эксперты судебной медицины, фотографы. Здесь же присутствовал следователь-SOCO Малага из Лоуренса — огромный мужчина, двигавшийся с удивительной грацией. Атмосфера была совсем не похожа на ту, что Гэвин наблюдал на предыдущих местах преступления. На этот раз сюда приехала целая команда мужчин и женщин из Отдела Антропологии Гарварда, и они с серьезным видом стали изучать весь участок, разметив его своими лентами и значками так, что пляж стал больше напоминать гигантское игровое поле. Эту группу возглавлял доктор Фоссрайт — маленький, опрятный, строгий джентльмен с короткими седыми волосами и тщательно постриженной бородкой. Криминалисты сновали туда-сюда, чтобы проконсультироваться с ним, словно он был ответственным за все место преступления. Возможно, в некотором роде так оно и было: именно его люди взяли на себя ответственность за раскопки этого участка — с небольшими кисточками, стоматологическими инструментами и веничками наготове — они вносили какие-то записи в ноутбуки и планшеты и делали огромное количество фотографий.

С одной стороны в отдалении стоял шеф Мердок, уперев руки в боки и демонстративно ничего не делая. Сержант Гэвин бросил на него резкий взгляд. Несмотря на свою напыщенную позу, шеф выглядел ошеломленным и походил на загнанного оленя в свете фар. С ним произошла довольно заметная перемена. Неделю назад он крутился бы вокруг, ведя себя как большой-коп-в-маленьком-городке. Теперь же он был бледен, явно неуверен в себе и даже расстроен. Его удобная небольшая вотчина перед самым его выходом на пенсию подбросила ему шаткое состояние неопределенности.

И теперь Гэвин увидел архитектора этой перемены — специального агента Пендергаста. Он держался в стороне, разговаривая с одиноким репортером, который появился на сцене преступления — это была молодая женщина из «Бостон Глоуб». Гэвина удивило, что бульварная

газетенка «Геральд» не стала освещать эту историю. Но, опять же, это была больше археологическая находка, чем сенсационное современное убийство. История, вероятно, появится на одном из внутренних разворотов «Глоуб» и, возможно, будет также освещена в «Нью-Йорк Таймс» и «Вашингтон Пост», а затем вскоре будет всеми забыла, кроме историков... и местных жителей.

Гэвину было любопытно, о чем Пендергаст так свободно рассказывает журналистке. Обычно он был скрытным, как устрица. Если б на его месте был кто-то другой, Гэвин счел бы, что он просто хвастается, но это было совсем не в стиле Пендергаста. Гэвин задавался вопросом, что задумал этот тип.

Нужно было признать, что сам он — лично — был шокирован этим открытием. Было почти невозможно поверить, что члены его собственной общины, общины его отца, его деда и его предков, много поколений назад хладнокровно заманили корабль на скалы и, найдя на нем вместо сокровищ женщин и детей, убили их и закопали в братской могиле. В то же время было странно думать, что некоторые из их потомков, которые и поныне проживают в Эксмуте, передавали эту информацию из поколения в поколение и использовали ее, чтобы вломиться в дом скульптора Персиваля Лейка. Прости дикость какая-то, если вдуматься! Тем не менее, логические схемы Пендергаста, которые он изложил на совещании с Гэвином и шефом полиции ранее этим вечером, утверждали именно это. И доказательства его правоты лежали прямо перед Гэвином в углублениях между сетками криминалистов, в сундуках и мешках с обломками корабля и жалкими остатками того, что когда-то было «Замком Пембрук». Все это по-настоящему стало для Гэвина явью, когда криминалисты откопали красивую детскую фарфоровую куклу среди захороненных скелетов.

В одном Гэвин был абсолютно уверен: ни один из его собственных предков не участвовал в этом зверстве.

Он чувствовал странную смесь эмоций: шок, отвращение, беспокойство, гнев... и смущение. Теперь посторонние будут думать об Эксмуте совсем не так, как ему бы хотелось. Самое последнее, чего бы он хотел — так это, чтобы городку уделяли особое внимание. К настоящему моменту все местные жители, вероятно, уже знали историю массового убийства. Его сограждане, наверняка, почувствовали — как и он сам — весь ужас того, какая тень теперь пала на их родную землю и на ее историю. Скоро пойдут сплетни о том, чьи предки были ответственными за это. Весь город был сокрушен нахлынувшей подозрительностью, злословием и стыдом. Ужасные и даже опасные времена ждали их всех впереди.

Пендергаст подошел к Гэвину.

— Мне очень жаль, сержант. Могу представить, как это унизительно.

Гэвин кивнул.

— Как вам удалось… — начал он, но прервался. Это был вопрос, который он задавал себе с тех самых пор, как Пендергаст проинформировал его и шефа Мердока о зверстве, но даже сейчас он не мог заставить себя запросить у агента ФБР больше информации.

— Как мне удалось сделать это открытие? Достаточно сказать, что МакКул проделал поистине кропотливую историческую работу, — он махнул рукой на «муравьиную ферму», раскинувшуюся в лощине перед ним. — Ключевым фактором являлось то, что один или несколько потомков участников того зверства помнили и знали о резне. Они знали и о замученном замурованном капитане. Среди этих людей мы найдем и нашего современного убийцу. Единственный шаг, оставшийся сейчас — это идентифицировать его… или ее.

Как только Пендергаст сказал это, Малага, глава команды SOC, возник перед ним. Он смерил агента ФБР своим фирменным хмурым взглядом.

— Ну что ж, агент Пендергаст, благодаря вам, у нас надолго хватит работы.

— Похоже на то.

Малага провел рукой по своей бритой голове.

— Мне очень любопытно: когда я прибыл сюда, две дюжины скелетов уже были извлечены из захоронения. Как только вы поняли, что это место преступления, почему вы дальше продолжали вести раскопки?

— Мне нужно было подтвердить мою теорию — что здесь произошло не простое, а массовое убийство. Но если вас интересует само место преступления, то вам предстоит вырыть из земли и идентифицировать еще много тел. Бедный доктор Фоссрайт выглядит немного ошеломленным, но, полагаю, он будет с радостью ассистировать вам и вашим людям.

С этими словами он кивнул Малаге и Гэвину, развернулся, поплотнее запахнул пальто и направился сквозь поля дюны назад к огням города.

Офис коронера графства Эссекс, Северного округа, располагался в отдельном двухэтажном крыле Медицинского центра Ньюберипорта. Когда агент Пендергаст вошел во внутренний кабинет судмедэксперта, Генри Корнхилл встал из-за стола. На вид ему было около шестидесяти лет, высокий, с немного выступающим животом и с песчаными пучками волос над каждым ухом. На нем был белый халат, который, судя по его выглаженному виду и раннему часу, только он что надел.

— Доктор Корнхилл, — заговорил Пендергаст. — Спасибо, что приняли меня.

— Само собой, — коронер указал на стул с противоположной стороны стола, и Пендергаст сел. — Я так понимаю, вы здесь из-за Даны Данвуди.

— Да.

— Вы желаете осмотреть тело?

— Такой необходимости нет. Фотографий следственного дела будет достаточно. Однако я хотел бы услышать ваше мнение о причине смерти.

Судмедэксперт нахмурился.

— Я все описал в своем официальном отчете.

— Так и есть. Но меня не интересует ваше официальное заключение. Меня — разумеется, неофициально — интересует все, что вы, с учетом вашего многолетнего опыта, могли бы назвать интересным и необычным относительно состояния тела или причины смерти.

— Неофициально, — повторил Корнхилл. — Мы, ученые, обычно не строим домыслов, но, на самом деле, было несколько аспектов, которые меня заинтриговали в этом конкретном случае.

Пендергаст подождал, пока Корнхилл откроет папку, лежащую на его столе, и перечитает ее. Ему понадобилось еще мгновение, чтобы собраться с мыслями.

— Это убийство показалось мне — не могу подобрать другого слова —грязным. Судя по кровоподтекам на костяшках пальцев и предплечьях, Данвуди пытался защищаться, — он помедлил. — И если я должен сделать предположение, то я бы сказал, что жертва знала напавшего на нее.

— Почему вы так считаете?

— Потому что все раны располагаются на передней части тела. Данвуди явно находился лицом к лицу со своим убийцей. Похоже, что первый удар пришелся по его правой щеке над скуловой дугой. Завязалась драка. Смерть была вызвана травмой от удара тупым предметом, частично разрушившим лобную кость и теменную кость вдоль коронарного шва.

— А колотые раны?

— То же самое. Всего их было семь, опять же, все спереди. А-а, гм, знаки были вырезаны сзади.

— Они не были причиной смерти?

— Хотя некоторые из колотых ран, скорее всего, были нанесены еще при жизни, судя по состоянию кровоподтеков, можно утверждать, что подавляющее большинство их было нанесено уже посмертно. А порезы абсолютно точно были сделаны после смерти жертвы. И все они оказались неглубокими, чтобы вызвать значительную кровопотерю. Порезы слабые, почти неуверенные. Они явно не были нанесены в запале.

— На мгновение вернемся, если не возражаете, к другому недавнему убийству — историка, Морриса МакКула.

Корнхилл потянулся к столу и взял вторую папку.

— Ну, хорошо, так и быть.

— Причина его смерти была совсем иной: длинный тяжелый клинок пронзил его тело в горизонтальном направлении — с одного бока до другого.

— Верно.

— Могли бы вы сказать, что, по вашему мнению, МакКул также знал своего убийцу?

Коронер задумался на мгновение, словно размышляя, не было ли это вопросом с подвохом.

— Нет.

— Почему вы в этом уверены?

— Потому что природа смертельной раны заставила меня предположить — опять же, говоря неофициально — что он попал в засаду.

— Понимаю, — Пендергаст откинулся на спинку стула, сложив пальцы рук домиком. — Я нахожу интересным, доктор, что у этих двух убийств так много точек как сходства, так и различия.

Корнхилл потер лоб.

— Поясните?

— Одно убийство было преднамеренным: засада. Другое было спонтанным, и не запланированным: данный вывод вытекает из обнаруженных улик. Одно убийство было совершено решительно, с использованием тяжелого клинка. А в другом — ножевые раны оказались очень неуверенными. И все же в обоих случаях на коже был вырезан ряд символов.

Корнхилл кивнул в знак согласия.

— Все так и есть.

— У МакКула вырезанные знаки были нанесены при жизни. В случае с Данвуди, их нанесли посмертно. Любопытно, не так ли?

— Грань между прижизненным и посмертным нанесением ран невозможно так четко идентифицировать, и здесь я не соглашусь с вашим заключением. На самом деле, мистер Пендергаст, это не мое дело — размышлять о том, почему эти убийства были совершены.

— Ах, доктор, вот именно, что это *мое* дело, — Пендергаст приостановился. — Вы делали при вскрытии фотографии символов, нанесенных как МакКулу, так и Данвуди?

Корнхилл кивнул.

— Могу ли я попросить вас положить их на стол для сравнения?

Судмедэксперт встал, открыл шкаф для хранения, стоящий у задней стенки офиса, достал несколько дополнительных файлов, а затем выложил на стол ряд фотографий, лицом к Пендергасту.

Специальный агент изучил их с интересом.

— Хм, с художественной точки зрения, создается впечатление, что эти символы были вырезаны одним и тем же человеком. Вы не согласны?

Корнхилл вздрогнул.

— Полагаю, что так.

— И вы согласитесь, что в обоих случаях использовалось одно и то же оружие?

— Вероятность очень велика. Это было необычное оружие в обоих случаях: широкий клинок, зазубренный, нелегальный и очень острый.

— И мы снова видим сходство. У меня будет к вам еще одна просьба, доктор. Внимательно изучите точный характер разрезов.

Судмедэксперт некоторое время смотрел на Пендергаста. Затем он развернул фотографии одну за другой лицом к себе и досконально изучил каждую. Наконец он поднял глаза в немом вопросе.

— Выглядят ли она похожими? — спросил Пендергаст.

— Нет.

— Не могли бы вы описать разницу, пожалуйста?

— Дело в контурах. В случае с МакКулом разрезы неровные, даже местами с загнутыми углами. Но знаки, хм, вырезанные на Данвуди, имеют гораздо более правильный контур. Вдобавок, они не такие глубокие.

— Последний вопрос, доктор, и я не буду больше отвлекать вас от работы. Если бы вы должны были сделать вывод — напоминаю, что я спрашиваю неофициально — что бы объясняло разницу между тем, как было порезано тело Маккула, и тем, как порезано тело Данвуди?

Судмедэксперт снова взял паузу, чтобы подумать.

— Порезы на теле МакКула были более глубокими, более жестокими. С другой стороны, те, что на Данвуди, кажутся почти… нерешительными.

— Я полагаю, что вы бы могли использовать термины «слабые», «неуверенные».

— Я так бы и сказал.

— Прекрасно. Спасибо. Вы подтвердили мои собственные подозрения.

Пендергаст встал, протягивая руку. Корнхилл тоже поднялся, пожав ее.

— Я в замешательстве. Все эти сходства, все эти различия… Что вы имеете в виду? Что эти двое были убиты разными убийцами?

— Совершенно противоположное: тот же самый убийца, только ведомый разными мотивами. И, что самое важное, разными отношениями между жертвой и убийцей. Хорошего дня.

И на этом Пендергаст развернулся и вышел из кабинета.

36

Ресторан «Штурманская рубка» как всегда был тускло освещен, но Гэвин быстро нашел агента Пендергаста в дальнем конце бара. Похоронный стиль одежды мужчины и бледность его лица сильно привлекали внимание.

Пендергаст заметил его, слегка кивнул, и Гэвин направился к нему.

Он чувствовал себя более уставшим, чем когда-либо за всю свою жизнь. Но это было не физическое истощение, а, скорее, эмоциональное. Он провел половину предыдущей ночи и б*о*льшую часть сегодняшнего дня на месте братской могилы. И вовсе не из-за того, что там у него было много дел — для подобной работы требовались эксперты другого рода — но он должен был там присутствовать. Ему приходилось наблюдать, как одну за другой кости — несколько больших и много маленьких — извлекали из песка, чистили, маркировали, фотографировали и помещали в большие пластиковые ящики.

Однако, несмотря на усталость, ему было любопытно. Пендергаст оставил сообщение в полицейском управлении, попросив Гэвина встретиться с ним в семь часов в баре «Штурманской рубки». Гэвин понятия не имел, чего хотел Пендергаст, но подозревал, что его ждет нечто необычное, поскольку все, что делал агент, казалось необычным.

— Сержант, — поздоровался Пендергаст. — Присаживайтесь, — он указал на стул, стоящий рядом с ним.

Гэвин опустился на него.

Бармен, Джо Данвуди, который невдалеке полировал стаканы, поднял взгляд.

— Что будешь, Брэд?

— Дьюарс[83] со льдом.

Он наблюдал, как Данвуди наливает напиток. Работающий здесь бармен, когда его брат Дана был убит, взял — насколько знал Гэвин — только

один день отгула из-за трагедии. Впрочем, братья никогда не были особо близки. Джо выглядел мрачным, но это вовсе не противоречило состоянию, в котором он пребывал почти повседневно.

«*Мрачная*», по сути, было хорошим словом для описания и «Штурманской рубки» в целом. Только половина столов была занята, и люди, сидевшие за ними, казались потрясенными и разговаривали приглушенными тонами, если они вообще о чем-то говорили. Известие о массовом захоронении и преднамеренном потоплении парохода вкупе с тем, что эти злодеяния, по-видимому, совершили более века назад местные жители, сильно ударило по Эксмуту — особенно, если брать в расчет недавние убийства.

Единственным исключением, казалось, стал сам Пендергаст. Хоть и не совсем счастливый, но он излучал какую-то беспокойную энергию, даже некое волнение. Гэвин наблюдал, как мужчина приготовил какой-то смехотворно сложный напиток: он поместил на стакан ложку, расположил на ней кубик сахара, и затем начал лить струю воды точно на него. Когда вода с сахаром попадала в бледную жидкость в стакане, она превращалась в молочное облако.

— Спасибо что пришли, — агент отложил ложку и сделал глоток напитка. — Полагаю, что б***о***льшую часть дня вы находились на пляже?

Гэвин кивнул, делая глоток виски.

— Этот напиток не может быть приятным.

— Ничуть.

Пендергаст изучал опалесцирующую жидкость в своем стакане.

— Сержант, я пригласил вас сюда, потому что вы оказались весьма полезны во время моего пребывания в Эксмуте. Вы терпели мое присутствие, много работали, отвечали на мои вопросы и добывали информацию. Вы отправились со мной в поездку по приливным болотам, в то время как, несомненно, у вас были другие дела, которыми вы бы предпочли заняться. По моему богатому опыту могу сказать, что местные правоохранительные органы никогда не ценят присутствие федеральных агентов, особенно тех, которые занимаются, скажем, некой подработкой. Я нахожу ваше общество гостеприимным, а не враждебным. И ценю это. И именно поэтому я выбрал вас в качестве первого человека, с которым я собираюсь поделиться интересными новостями.

Гэвин кивнул, чтобы Пендергаст продолжал, стараясь не краснеть от похвалы. Его любопытство значительно возросло.

— Вы помните, как прошлой ночью я сказал вам, что остался только один шаг: определить убийцу или убийц?

— Конечно, — Гэвин допил свой виски. Бар «Штурманской рубки» был печально известен тем, что все напитки подавались смехотворно малыми порциями.

— И я проделала этот шаг. Существует один убийца, и я знаю, кто он.

— Вы… — начал Гэвин, но затем прервался. Две мысли мгновенно промелькнули в его голове. Первая была одним сплошным облегчением. «*Все почти закончилось*» — сказал он сам себе, — «*Этот кошмар близится к концу*». И сразу же после этого он отметил, что Пендергаст предпочел первым делом рассказать все именно ему. Он не рассказал шефу Мердоку, что само по себе было весьма интересно. Пендергаст знал, что Мердок уходит в отставку. Похоже, это был способ Пендергаста помочь Гэвину с его собственными амбициями. При правильном обращении, это может стать предметом особой гордости и почти гарантировать ему назначение на должность шефа полиции.

Джо Данвуди, стоя посередине бара, указал на пустой бокал Гэвина, и тот кивнул, прося пополнить его.

— Я не только раскрыл личность убийцы, — продолжал Пендергаст, немного понизив голос, — но и только сегодня глубоко в болотах нашел место его укрытия.

— Чего же мы ждем? — спросил Гэвин, наполовину соскользнув со стула. «*Забудь проклятый напиток*», — подумал он. Моральное истощение уступило место рвению. — Поехали!

Пендергаст покачал головой.

— Отправляться туда сейчас, в темноте, было бы неразумно. Наш субъект явно знает этот район лучше меня, и, очевидно, лучше вас. Если мы не будем осторожны, то спугнем его и заставим сбежать. Нет, мы выступим с первыми лучами солнца, подберемся украдкой и застанем его врасплох. Вы, конечно же, совершите фактический арест.

Это утверждение оказалось самым приятным для Гэвина.

— А как насчет шефа? — спросил он, когда появилась свежая порция его напитка. — В конце концов, мы говорим об убийце. Нам может понадобиться подкрепление.

«*Не говоря уже о том, что это разозлит его немерено*», — подумал он. Выходит он в отставку или не выходит, игра не стоит свеч, придется иметь дело с худшей стороной Мердока.

— Я боюсь, что шеф Мердок станет помехой. Тем не менее, это разумное предложение, и он определенно должен там быть — хотя бы для протокола. Почему бы вам не сообщить ему об этом по телефону, как только вы вернетесь домой?

— Так и сделаю.

— Отлично. А теперь, если вы не возражаете, я отправлюсь в свой номер. Я должен подготовиться к завтрашнему дню. Встретимся в участке в пять часов утра?

— Мы будем там.

— Прекрасно. Тогда до утра.

И на этом Пендергаст допил свой напиток, пожал руку Гэвину и выскользнул из «Штурманской рубки», направившись к лестнице, ведущей в комнаты наверху.

37

Некто еле слышно пробирался сквозь высокую осоку, напоминая мимолетную тень в почти безлунную ночь. Хотя заповедник дикой природы, лежащий к западу от Эксмута, неизменно оставался безлюдным, и человек очень торопился, он, тем не менее, старался вести себя как можно тише: единственными звуками, сопровождавшими его, были шуршание сухой травы, когда он проходил по ней, и слабое хлюпанье, когда он пересекал один из многих илистых наносов.

Дорога заняла без малого полтора часа, но он и раньше проходил ее много раз и привык к подобным путешествиям. Он не возражал против темноты. На самом деле, он даже приветствовал ее.

На границе заповедника он сделал паузу, чтобы переместить свой рюкзак с одного плеча на другое и осмотреться. Отлив быстро отступал, и его обостренное ночное видение отметило, что уходящая вода обнажила лабиринт луж, илистых отмелей, болотистых островков и топей. Земля казалась погруженной в тихое молчание, хотя поднимался сильный ветер. Он поспешил вперед, быстрее, чем раньше. Ему предстояло пуститься в обратный путь перед началом прилива, если он не хотел затеряться на этих пустошах.

По мере углубления в трясину высокая трава становилась плотнее, пока не начала больше напоминать джунгли, чем болота. Но даже в этих непроглядных зарослях человек уверенно продолжал свой путь. Теперь он двигался еле заметно, по тропе, которую мог распознать только самый опытный глаз. Он давал прозвища всевозможным ориентирам, мимо которых проходил: приливной бассейн необычной формы стал «нефтяным пятном», сильно закрученный пучок солероса, высохший и мертвый, был «смерчем». Эти вехи помогали ему ориентироваться. У «смерча» он резко повернул налево, все еще следуя по секретной, почти невидимой тропке. Он был почти на месте. Ветер теперь усилился, наполняя воздух сухим шелестом стеблей.

В темноте трава казалась стеной, через которую ему приходилось почти пробиваться. А затем, внезапно, он вышел на маленькую поляну диаметром менее пятидесяти футов. Он огляделся в слабом свете луны, затененной облаками. На поляне буйствовал беспорядок: с одной стороны высилась огромная куча отбросов, от которой отходил след из мусора — куриных и рыбных костей, пустых консервных банок, ботвы от овощей. В середине поляны все еще тлели угли костра, а напротив мусорной кучи стояла старая брезентовая палатка, порванная и измазанная грязью и смазкой. Около нее была разбросана посуда и немного утвари: сковорода и бутылки с пресной водой. Позади палатки распространялся неприятный запах фекалий. Лагерь казался опустевшим — по всем признакам, совсем недавно.

Мужчина снова огляделся. Затем он тихо позвал:

— Дункан? Дункан?

Мгновение ему отвечала лишь тишина. А затем из стены осоки на дальнем конце лагеря вышел мужчина. Джо привык к его внешнему виду, но все равно каждый раз он посылал ему электрический разряд тревоги. Мужчина был одет в лохмотья: по-видимому, на нем была дюжина или около того гниющих предметов одежды, первоначальное предназначение которых теперь нельзя было даже предположить. Собранные вместе, они были тщательно обмотаны вокруг его конечностей, почти как саронг[84]. У него были тонкие рыжие волосы и сросшиеся на переносице брови, а длинная, сальная борода была скручена со странной педантичностью в три пучка. Он весь состоял из волос и сухожилий, и смотрел на Джо дикими глазами, которые, тем не менее, сверкали хитростью и разумом. В одной руке он держал кремневый нож, а в другой длинный, ржавый штык. Стало ясно, что он услышал приближение Джо и укрылся в зарослях травы.

— Что произошло? — спросил человек по имени Дункан, охрипшим от редкого использования голосом. — Ты не должен был приходить сегодня вечером.

Джо позволил рюкзаку упасть с плеча на землю.

— Ты должен уходить, — сказал он. — Прямо сейчас.

На этих словах на лице Дункана отразилось сильное подозрение.

— Да? Почему?

— Этот человек из ФБР, о котором я тебе рассказывал. Он знает о тебе, он обнаружил твой лагерь. Я не знаю, как, но он это сделал. Я слышал, как он говорил об этом сегодня в баре. Утром он приедет сюда с полицией.

— Я не верю, — сказал Дункан.

— Черт побери, Дункан, ты должен в это поверить! Это все твоя ошибка. Если бы ты не убил Дану, ничего бы этого не случилось!

Дункан сделал шаг вперед, и Джо отступил. Одной рукой он скользнул в карман брюк, и схватил рукоятку пистолета .22 калибра. Дункан остановился.

— Наш брат должен был умереть, — сказал он, сверкая глазами. — Он пытался обмануть меня.

— Нет, он не пытался. Сколько раз я должен тебе это объяснять? Он оставил драгоценности в сейфе и собирался держать их там до тех пор, пока мы бы не сможем их продать. Никто не собирался тебя обманывать. Не было причин так злиться и убивать его.

— Он обманывал меня всю жизнь. И ты тоже. Мне нужна была моя доля, а он не отдал ее мне. Я сделал всю работу. Я рискнул. Я же убил этого англичанина, не так ли?

— Ты сделал всю работу? — воскликнул Джо. Он тоже рассердился, и лишь настороженность по отношению к брату не давала его злости полного выхода.

— Как насчет Даны или меня? Мы ведь по очереди приезжали сюда каждую неделю с едой и водой для тебя! И какого черта ты собираешься делать с пакетом драгоценных камней? Мы должны превратить их в деньги. Тогда ты и получишь свою долю.

— Я сделал всю работу, — настаивал Дункан. — Поэтому мне нужны мои драгоценности, и я хочу получить их сейчас. Они же у тебя. Я знаю, что они у тебя, — не обращая внимания на пистолет, он сделал следующий шаг вперед. — Отдай мне мою долю.

Еще одна волна беспокойства пронзила Джо. Ранее он уже видел своего брата в подобном состоянии, он знал его жестокий характер и знал, на что он был способен.

— Хорошо, послушай. Ты получишь свою долю. Я обещаю тебе. Теперь, когда Дана мертв, мы можем разделить все пятьдесят на пятьдесят. Но эти драгоценности тебе не помогут. Они хранятся в специальной ячейке в банке Эксмута. Мы не можем их продать, пока нет. Но главное сейчас то, что агент ФБР будет здесь на рассвете, — не отводя взгляд от Дункана, Джо опустился на колени, полез в рюкзак и вытащил толстую пачку денег.

— Здесь две тысячи долларов — вся моя заначка. Подумай, это приличные деньги, пока мы не сможем сдать рубины. И в рюкзаке есть еда и вода — тебе хватит еще на неделю. Но сейчас тебе нужно уходить. В противном случае они поймают тебя и посадят в тюрьму. И меня, как твоего сообщника.

— Это была идея Даны убить того англичанина. Убить его и изуродовать подобным образом. Я сделал именно то, что он просил. Я невиновен.

— Дана сейчас мертв, и закон не работает таким путем. Ты совершил убийства. Они на тебе — и на мне. Ясно? Мы в этом замешаны вместе, не так ли? — он пытался модулировать свой голос, чтобы он звучал убедительно, а не еще больше разозлил его безумного брата.

И это сработало. Враждебное выражение покинуло лицо Дункана. Он взял пачку денег, которую предложил ему Джо, пересчитав их жирным большим пальцем.

— Перейди на другое место, — настаивал Джо. — Ты знаешь его — старое паровозное депо в заброшенном маневровом парке. Я найду тебя там через неделю. Как только они поймут, что это место заброшено, они подумают, что ты исчез навсегда. Они понаблюдают за ним еще пару дней, но как только прекратят слежку, я узнаю. Я сообщу тебе, когда ты сможешь сюда вернуться. Через некоторое время я смогу продать драгоценности. А до тех пор, будь добр, просто продержись на этих деньгах и заляг на дно.

Наступило долгое молчание. Наконец, Дункан кивнул. Пока Джо выжидал, мужчина вернулся к палатке и начал собирать свои

немногочисленные жалкие пожитки. Побросав их на рваную простыню, он связал ее в тюк, а затем повернулся к брату. Когда он это сделал, то взглянул за плечо Джо, и его лицо внезапно исказилось яростью.

— Предатель! — воскликнул он, поднимая каменный нож. — Иуда!

Выпущенная пуля просвистел мимо уха Джо. Дункан вскрикнул, когда срикошетившая пуля выбила нож из его руки. С яростным ревом он развернулся и бросился к стене сухой осоки, мгновенно исчезнув в ней. Когда Джо вытащил пистолет и развернулся, чтобы противостоять нападавшему, то ощутил удар по голове, пистолет вырвали из его руки, и он почувствовал, как чье-то колено упирается ему в спину. Через секунду он был прижат к земле, а его запястья оказались в железной хватке. Они были стянуты сзади, и холодная сталь соединилась со щелчком. Затем он почувствовал, что его ноги тоже надежно связывают. Извернувшись на земле, он, наконец, смог увидеть, кто на него напал.

— Пендергаст!

Агент ФБР был одет в серо-черный камуфляж.

— Я думал, что вы собираетесь прийти утром! — воскликнул Джо.

— Именно так вы и должны были думать.

Пендергаст подошел к нему, изъял пистолет .22 калибра, сунул его в свой карман, а затем исчез в траве в направлении, в котором убежал Дункан.

38

Пендергаст пробивался сквозь заросли осоки. У Дункана — одичавшего брата Данвуди — была хорошая фора, и Пендергаст мог сказать, судя по отдаленным звукам перемещения, что он двигался с уверенностью и явно хорошо знал эти болота. Но Пендергаст был опытным следопытом, ему прежде доводилось выслеживать на охоте львов и буйволов в Восточной Африке, поэтому за эту погоню он взялся с той же увлеченностью и стратегией, которую он бы использовал в охоте на крупную дичь. Было очень темно, но он как можно меньше использовал свой фонарик, прикрывая его рукой, чтобы его невозможно было вычислить по свечению.

Он двигался по следу потревоженной осоки, смятой бегством Дункана. Было чрезвычайно трудно идти по следу, но он несколько раз бывал на болотах и сейчас знал, на что обращать внимание и что именно искать. На бегу, он прикидывал варианты действий своей добычи. Внешний вид

мужчины был слишком странным для того, чтобы передвигаться незамеченным при свете дня. И теперь он уж точно не отправится в то старое вагонное депо. Скорее всего, на какое-то время он затаится в таком месте, которое он знает лучше всего: а именно, на этих самых болотах. Он мог прятаться здесь какое-то время, разрабатывая план, пока не появятся поисковые группы и служебные собаки.

Конечно, если ему удастся убить Пендергаста, ему вообще не придется уходить. Скорее всего, это и станет его самым вероятным выбором действия.

Впереди звуки движения прекратились, видимо замаскированные порывами ветра. След тоже стал более трудно читаемым, и это, по-видимому, значило, что Дункан замедлился и теперь продвигается с большей осторожностью, следуя по еле заметной тропе, оставленной животными. Ветер дул с юго-запада, и Пендергаст почувствовал вонь человека: смесь пота, грязи и мочи. Это стало сигналом, что добыча находится с подветренной стороны, слева от Пендергаста. Агент ФБР скорректировал свой курс, также продвигаясь как можно тише.

Охота на льва стала, по сути, отличной метафорой. Пендергаст и не надеялся перехитрить или превзойти Дункана: мужчина явно находился в своей стихии. Пендергасту же пришлось положиться на свои инстинкты и обостренные чувства.

Несколько стеблей недавно сломанной осоки показали Пендергасту, что Дункан сошел с тропы протоптанной животными тропы. Он отправился по следу Дункана, позволив себе несколько проблесков фонаря, чтобы определить направление. След все глубже и глубже уходил в густые высокие заросли болота. Они находились на болотистом острове средних размеров, со всех сторон окруженном илистыми отмелями и приливным каналом.

После пяти минут тишины, нарушаемой лишь резкими порывами ветра, справа раздался звук — резкий щелчок. Пендергаст сразу же остановился, принюхиваясь к воздуху. Резкий человеческий запах больше не улавливался. И это означало только одно: Дункан уже не опережал его с подветренной стороны.

Но где же он тогда был? За одно мгновение Пендергаст понял, что дикий брат, оказавшись неспособным сбить агента со следа, решил вернуться назад и подобраться к нему сзади.

Позволив себе еще одну короткую мигнувшую вспышку, Пендергаст повернул на юго-запад и проложил свой путь через осоку. Сделав широкую дугу протяженностью около сотни ярдов[85], он остановился.

Учитывая переменчивую удачу, он мог находиться либо за Дунканом, либо — что еще лучше — двигаться наперерез его траектории. Он неподвижно застыл, с пистолетом и фонариком наготове, и стал прислушиваться к любому звуку, — вдоху, слабому треску сухой ветки — который станет сигналом приближения Дункана.

Ничего.

Прошло пять минут, в течение которых Пендергаст, не двигаясь, оставался на месте. А затем он кое-что уловил: вонь Дункана снова донеслась к нему с юго-запада.

Что же произошло? После короткого размышления он понял, что Дункан, вероятно, услышал его и отказался от запутывания следов. Зловоние, которое недолго доходило до его ноздрей, становилось все слабее: Дункан использовал все это время, чтобы увеличить расстояние между ними. В конце концов, он все-таки попытался оторваться от агента.

Оставив место своего укрытия, Пендергаст стал быстро продвигаться по ветру, в сторону доносившегося запаха, сейчас все чаще пользуясь фонариком в поисках знаков, больше ориентированных на скорость, чем на соблюдение тишины. Несколько минут бега и проталкивания сквозь густую осоку вывели его к краю илистой отмели. С противоположной ее стороны раскинулся широкий приливной канал. Надвигался сильный прилив: волны черной воды проникали вглубь болот, с опасной быстротой заполняя лабиринт приливных островов.

Его фонарик осветил ряд следов. Они выходили из осоки и уходили прямо в воду. Пендергаст позволил лучу пробежать по каналу, и его свет выхватил голову Дункана, которая то появлялась, то исчезала над поверхностью воды, пока Данвуди с трудом пересекал поток, направляясь в сторону иловых отмелей противоположной стороны канала.

Пендергаст не колебался. Засунув фонарик в карман своего камуфляжного костюма, он подбежал к берегу и погрузился в воду. Она оказалась холодной, как лед и двигалась со скоростью в десять узлов, а сильное подводное течение грозило измотать его и отнести очень далеко. Он плыл резко, прокладывая свой путь от берега до берега, борясь с холодом и волнами соленой воды. Когда его голова поднялась над поверхностью, он снова смог увидеть Дункана, уже выходившего из воды выше по течению и пробиравшегося сквозь топь другого берега.

Он работал три отчаянных минуты, в течение которых необходимо было преодолеть, по крайней мере, сотню ярдов. Наконец Пендергаст ощутил

ногами дно другого берега канала, выбрался из воды, практически замерзнув, и начал наполовину пробираться, наполовину ползти, погружаясь по колено в глубокую грязь острова. Луна вышла из-за туманных облаков, достаточно надолго, чтобы он смог увидеть Дункана. Тот стоял со штыком в руке у стены из высокой травы, примерно в сотне ярдов от него. Данвуди с ног до головы был обмазан грязью, виднелись только белки его глаз — и они смотрели на Пендергаста с дикой яростью.

А затем он развернулся и скрылся в осоке.

Пендергаст изо всех сил пробирался по грязевой отмели, пока не дошел до того места, где исчез Дункан. Он отметил, что сухая трава была смята и поломана в такие дикие и хаотичные клубки, что было почти невозможно сказать, какие сломанные стебли могли быть работой прошедшего человека, а какие пострадали от ветра и бури. Но Дункан отметил следы своего прохода еще и слабыми мазками грязи.

Когда Пендергаст зашел в заросли, трава стала еще гуще. Первоначально мазки грязи на сухой траве направляли его, но вскоре они исчезли — он потерял след. Луна снова скрылась, видимость была почти нулевой. Даже фонарик оказался мало эффективен в такой густой траве. Дункан больше не заходил с подветренной стороны. Он мог оказаться где угодно.

Спустя еще несколько минут, пробираясь сквозь траву и сухие камыши, Пендергаст снова остановился с «Лес Баером» .45 калибра в руке, чтобы прислушаться. Тишина. Дункан, казалось, обладал сверхъестественной способностью продвигаться, издавая минимум звуком и не задевая траву — мастерство, которое, как понимал Пендергаст, он, к сожалению, не сможет воспроизвести.

Пока он неподвижно стоял в густых зарослях, агент понял, что в своей решительной погоне он совершил серьезную тактическую ошибку. Он позволил загнать себя в слепую зону, оказавшись со всех сторон окруженным высокой травой.

Несмотря на то, что у него был пистолет, он находился во власти Данвуди. Насколько он понимал, Дункан знал о его положении и в этот самый момент готовился напасть. Ветер подхватывал и маскировал звук передвижений Дункана.

Пендергаст был совершенно уверен, что вот-вот Дункан собирается нанести удар.

Агент быстро поворачивался по кругу, его мозг лихорадочно соображал, а чувства обострились до состояния боевой готовности. Всё могло оказаться вопросом буквально нескольких мгновений. Пендергаст напрягся до предела, каждый мускул был наготове.

А затем в едва заметно колыхавшейся траве, в темноте блеснул штык, направляемый грязной рукой, и холодная сталь полетела прямо в сердце Пендергаста.

39

В последний момент Пендергаст, благодаря отточенному годами инстинкту, увернулся от лезвия с такой скоростью, что ненадолго завис в воздухе. Когда он рухнул, Дункан выскочил из травы со штыком в руке, рубя наотмашь из стороны в сторону. Один из рубящих ударов оставил длинный разрез по всей длине ткани рукава агента и отправил его фонарик во вращающийся полет в темноту. Перекатившись и вскочив на ноги, Пендергаст выстрелил из своего «Лес Баера», но дикарь снова исчез в джунглях осоки. Пендергаст выстрелил в том направлении — раз, и два — а затем остановился, чтобы прислушаться. Он понимал, что просто тратит боеприпасы. Данвуди, разумеется, не сбежал — от отступал, чтобы подготовиться к новой атаке.

Пендергаст встал на колени, пытаясь отыскать фонарик. Поиски в густой темноте принесли успех, но сразу за ним последовало разочарование, потому что фонарик оказался сломан. Теперь Пендергаст был совершенно слеп на этой незнакомой территории. Следующая атака могла последовать в любой момент, с любого направления. Прилив теперь поднялся до такого уровня, что агент оказался в ловушке на этом травянистом острове вместе с Дунканом. Один не мог ускользнуть от другого. Но, несмотря на свое огнестрельное оружие, он находился в тяжелом положении. В этой густой траве, прикрываемый шумом сильного ветра, Дункан мог буквально проползти в нескольких футах от агента и остаться незамеченным. Пендергаст понимал, что, если он останется тут и будет дожидаться атаки дикаря, это будет означать заведомый проигрыш.

Вопрос состоял в том, как изменить шансы на успех в свою пользу. Существовал только один возможный выход. Он был экстремальным, но мог сработать.

Даже когда Пендергаст нашел решение, он понимал, что Дункан готовится к следующей атаке, и на этот раз агенту может не посчастливиться увернуться. Лишь в одном он был уверен: Дункан будет

приближаться против ветра, чтобы не выдать свое присутствие зловонием.

Против ветра. Это было важно.

Он схватил и скомкал охапку сухой травы, затем вытащил карманную зажигалку и поджег ее. Она вспыхнула на ветру, громко потрескивая. Агент сунул горящий пучок в густую растительность, помахав им, и сухие стебли мгновенно занялись громким потрескивающим огнем. Порывы разгоняли огонь по ветру, пока Пендергаст, оставаясь с подветренной стороны, шел по диагонали от распространяющегося огня. Продвигаясь дальше, он снова и снова тыкал импровизированным факелом в сухую траву, каждая новая зароненная искра вспыхивала и соединялась с остальными.

Менее чем за минуту по острову с сумасшедшим треском и ревом пронеслась настоящая стена огня, искры и пламя подскакивали вверх. Пендергаст продолжал двигаться против ветра через несгоревшую траву, пока не дошел до того места, где начинались илистые отмели, которые окружали остров. Сейчас облака стали немного тоньше, а прилив все еще нарастал. Вся сцена была освещена ужасным светом пожара, который отражался на блестящих илистых наносах, окрашивая их в цвет крови.

Пендергаст внимательно наблюдал за пожаром. Как он и предполагал, огонь, подгоняемый восходящим ветром, двигался по дуге, как петля, затягивающая сама себя. Пламя теперь стало преисподней, а окружающий воздух все больше нагревался. Минута за минутой площадь незатронутых зарослей сокращалась. С «Лес Баером» наготове, Пендергаст начал обходить остров, держась у самого края травы, двигаясь быстро и бесшумно.

Наконец сквозь рев пламени Пендергаст услышал крик: вопль ярости и отчаяния. Он двинулся на звук по краю травы. Вскоре после этого послышались тяжелые шаги: пламя выкурило Дункана из зарослей и заставило его запаниковать.

Быстро, как атакующая змея, Пендергаст бросился в траву. Испуганная фигура бежала по касательной к пламени, его плечи подсвечивались сзади огнем. Пендергаст помчался за ним, запрыгнул на спину, оглушив его ударом приклада своего пистолета. Когда они упали на землю, он вырвал штык из руки Дункана и отбросил его в наступающее пламя. Сковав запястья Дункана за спиной наручниками, он встал и наполовину потащил, наполовину вывел полубессознательного мужчину из приближающего огня и оказался на отмели. Там он позволил ему рухнуть в грязь.

Ожидая, пока мужчина придет в чувства, Пендергаст счистил как можно больше сажи и высушенной грязи со своих рук и ног. Вскоре он увидел, что глаза Дункана раскрылись — гротескно белые по отношению к покрывающей его грязи. Они уставились на него с немой яростью.

— Побереги свои силы, — сказал Пендергаст. — Нам придется немного подождать, пока наступит отлив. И тогда я отведу тебя к твоему брату.

40

Бурю, которая задерживалась над Эксмутом последние несколько дней, прошлой ночью снесло ветром, и наступившее утро было ясным и теплым. Сейчас полуденное солнце великодушно сияло над главной улицей, вызолачивая витрины и товары за их стеклами, и резко очерчивая большую толпу, собравшуюся перед полицейским участком. Персиваль Лейк и Кэрол Хинтервассер стояли вместе у порога ее магазина позади толпы. Он сжимал сумку в одной руке, а другой обнимал за талию Кэрол.

Лейку показалось, что он присутствует на исключительном — пусть, мрачном и болезненном — событии маленького городка Новой Англии. На ступеньках полицейского участка был установлен микрофон и подиум, и за последний час перед ним довелось постоять всем, кто занимал хоть мало-мальски значимый пост.

Собрание началось с первого члена городского управления, пожилого и замкнутого человека старой закалки из Новой Англии, который, несмотря на свою должность, редко появлялся на публике. За ним следовал другой представитель городского правления. Дана Данвуди, конечно же, присутствовать не смог. Затем появились такие известные люди, как директор библиотеки и этот нудный бывший актер, Уорли. И последним свою позицию перед микрофоном занял шеф Мердок, его тучная фигура повернулась так, чтобы редкие фотографы прессы смогли снять его в профиль. Он уже подробно описал свою важнейшую роль в раскрытии этого дела. Теперь же он выражал облегчение тем, что это «позорное пятно» — в виде клана Данвуди и их новых, а также старых преступлений — наконец-то, было смыто с города. Его заместитель Гэвин, стоящий в стороне, выглядел сконфуженно от всего этого внимания. По другую сторону от Мердока находился опечатанный стеклянный футляр, с лежащими в нем двадцатью одним кроваво-красным рубином, которые составляли «Гордость Африки» и ослепительно сияли в лучах солнца. Они находились под наблюдением старомодного представителя лондонского «Ллойда», который — как знал Лейк — не просто охранял их, но и вскоре должен был вступить в

права владения ими. В конце концов, «Ллойд» выплатил компенсацию на эти драгоценные камни более века назад и в результате стал их законным владельцем.

Лейк все еще не мог поверить, что эти драгоценности — и тело, в котором они когда-то находились — все эти годы пролежали в его подвале.

Последние несколько дней принесли с собой такой ряд потрясений — одно разоблачение за другим, каждое последующее более шокирующее, чем предыдущее — что Лейк чувствовал себя совершенно измученным. Как, несомненно, и многие другие жители города. И все же почти все они явились сюда. Ярко освещенное солнцем море голов — сотни и сотни — простиралось от ступеней полицейского участка, по крайней мере, на один квартал. Взгляд скульптора бродил по ним, выхватывая знакомые лица. Марк и Сара Лилли — в сочетающихся между собой нарядах, Старый Бен Бойл, Уолт Аддерли, владелец гостиницы. Каким-то образом — несмотря на присутствующих политиков их маленького городка, а также возвышенные слова Мердока и его напыщенную речь — церемония, несомненно, стала благословением. Мердок, в своей собственной противной манере, оказался прав. Ужас, который более века нависал над Эксмутом, был идентифицирован и искоренен. Теперь, после всего случившегося, город мог исцелиться.

Шеф, под конец, произнес торжественную речь «Мы — соль земли», «Америка величественна», «Бог благословил нас всех». Последовали аплодисменты и приветствия. А потом все закончилось. Толпа, сопровождаемая щелчками фотографов прессы, начала расходиться.

Лейк увидел агента Пендергаста, расположившегося в дальнем углу, в своем обычном черном костюме. Констанс Грин стояла рядом с ним — стройный, прекрасный призрак в старинном кружевном платье. Ее единственной уступкой современному миру стала пара классических «Рэй-Бэн»[86], в качестве защиты от солнца.

— Какой прекрасный спектакль для маленького городка, — заметил Лейк.

Кэрол засмеялась.

— Это именно то, что мне нравится в этом месте больше всего.

Пожав ее руку, Лейк отошел от витрины магазина и пересек улицу, пробираясь сквозь горожан, пока не добрался до Пендергаста. Агент, стоявший и внимательно изучавший толпу, пристально взглянул на скульптора, когда тот приблизился.

— Думаю, Мердок мог бы упомянуть ваше имя хотя бы раз, — заметил Лейк. — В конце концов, именно вы, а не он, были там, в темноте, вчера вечером.

— Мне не нравится публичность, — ответил Пендергаст. — Пусть ваш шеф погреется в лучах солнца и славы, буквально говоря.

— Мне все еще кажется чудом, что у Даны и Джо был брат, который все эти годы скрывался на болотах.

— Оглядываясь назад, можно сказать, что братья Данвуди произошли из неблагополучной семьи. Самый младший брат, Дункан, родился умственно и эмоционально неполноценным. Он был не только нелюбимым, но и стал позором для своих родителей. Они держали его рождение в секрете и никогда не отправляли в его школу. Из этого я могу заключить, что он не любил родителей. Как только он достаточно вырос, то сам убежал из дома. Со временем, образно говоря, он вернулся «домой». Прожив много лет на этих болотах, он неохотно стал помогать своим братьям... которые в конечном итоге использовали его для убийства.

— Как же вы поняли, что он существует?

Пендергаст пожал плечами.

— Методом исключения. Я вычеркнул всех подозреваемых в городе — включая вас.

— Меня?

— Это не такая уж большая редкость, совершить преступление в своем собственном доме, а затем притворяться заинтересованным в расследовании, чтобы снять с себя подозрения. Но ваша реакция во время нашей прогулки в вашем саду скульптур — и, в особенности, наш более поздний разговор в доме смотрителя маяка — убедили меня, что вы действительно не имели никакого отношения к краже. Кроме того, несмотря на ваше происхождение, вы не выходец из Эксмута. Только местные могли знать о старых преступлениях и были вынуждены совершить новое. Но при осмотре города все мои подозреваемые были вычеркнуты. Это навело меня на мысль о существовании неизвестной третьей стороны — вроде Дункана. Братья Данвуди к тому моменту уже привлекли мое внимание. В дни, предшествовавшие смерти Даны, на болоте я заметил зацепившийся за кустарник маленький кусочек яркого цветного материала от свитера, похожий на яркие наряды, которые он предпочитал. И когда я упомянул о «Собаке Баскервиллей» и продуктах, пропадающих без вести с кухни гостиницы, его реакция рассказала мне

обо всем. Его убийство, несомненно, стало лишь временным препятствием. Но потом я заметил напряженное поведение его брата Джо — хотя у него было железное алиби, и, к тому же, он не казался способным на братоубийство. У семьи Данвуди в городе глубокие корни, и кроме того, в девятнадцатом веке их было гораздо больше. И снова мой интерес возбудила ставшая уже обычной кража еды с кухни «Штурманской рубки». Поэтому вчера вечером в баре я установил для Джо ловушку… и он заглотил наживку.

— Безумный брат. Должно быть, именно он стоял за всеми этими местными легендами о Сером Жнеце, — Лейк покачал головой. — Ну, все, что я могу сказать, это то, что, когда я отправился поговорить с вами о краже моего вина, я даже не ожидал, что случится все это.

Он протянул сумку.

— Кстати, вот та самая бутылка «О-Бракиланж». Я помню свое обещание, что вы сами сможете сделать выбор — и вы все еще можете его сделать, если хотите — но эта бутылка показалась мне лучше всего сохранившейся.

Пендергаст взял сумку.

— Я уверен, что она окажется более чем восхитительной, спасибо вам большое.

Лейк замялся всего лишь на мгновение.

— Кто на самом деле совершил кражу? Из моего подвала, я имею в виду.

— Джо и Дана.

— Я так понимаю, что вы допросили Джо?

— Да. Сейчас он довольно свободно дает показания.

Лейк почти боялся задать следующий вопрос.

— Знаете, что… что он сделал с моим вином?

— Боюсь, он вывез его на лодке в море и выбросил за борт.

Лейк прикрыл рукой рот.

— Ему пришлось поздней ночью совершить три поездки, чтобы избавиться от него.

— О, Боже мой, — выдохнул Лейк придушенным голосом.

— Я понимаю, — мрачно ответил Пендергаст.

А затем в разговор впервые вступила Констанс.

— Я заметила, — произнесла она тихим и ровным голосом, — что есть некоторые преступления, за которые смертная казнь уже не кажется достаточно суровым наказанием.

41

Как частенько бывает в Новой Англии, день, который с утра был теплым и солнечным, помрачнел буквально за часы, последовавшие за собранием, и разразился новый шторм. Выглянув из окна комнаты Пендергаста в гостинице, Констанс смогла рассмотреть ветви ближайших деревьев, гнущиеся под порывами ветра. Хотя сегодня была ночь полнолуния, луна скрылась за слоями массивных грозовых туч, из которых теперь щедро лились крупные капли дождя, громко врезаясь в стекла.

— Классический северо-восточный шторм, — сказал Пендергаст.

Констанс повернулась на звук его голоса. Маленькая толпа репортеров, которые пришли, чтобы осветить омерзительную историю, исчезла, и город погрузился в гул возбужденного облегчения. После обеда Пендергаст пригласил Констанс в свою комнату, чтобы распить с ней бутылку «О-Бракиланж», что вызвало у нее двоякое отношение: с одной стороны, она была польщена тем, что он разделит с ней столь редкое и ценное вино. С другой же стороны, она помнила эффект, который оказал на нее стакан «Кальвадоса», когда она в последний раз находилась в его комнате, и ей бы не хотелось снова потерять контроль.

— Ты уверен, что хочешь выпить ее сейчас? — спросила Констанс.

— Нужно ловить момент. Кто знает, что принесет нам завтрашний день? К тому же, только взгляни, какая прекрасная сейчас обстановка: буря снаружи, огонь внутри и наша с тобой хорошая компания.

Обращаясь с бутылкой очень бережно, Пендергаст вначале снял капсулу, затем извлек пробку, отложил ее и, используя свечу, чтобы посмотреть сквозь вино, декантировал[87] его. Он сразу же налил крошечный пробный глоток, повращал и выпил его. Его лицо приобрело выражение, которого Констанс никогда прежде не видела: эти закрытые глаза, откинувшаяся назад голова — чистое чувственное наслаждение.

— А что же я? — спросила она через секунду.

Его глаза открылись.

— Ах, Констанс, я просто убедился, что оно не превратилось в уксус, чтобы избавить тебя от потрясения. Рад сообщить, что этого не произошло.

Он поставил свой бокал и, налив следующий, протянул ей.

— Мы должны быстро его выпить.

— Разве оно не должно подышать?

— Вино этого возраста и сложности быстро раскрывается. *Apres toi*[88], — он поднял свой бокал. Она взяла второй.

— Я не совсем понимаю, что надо делать, — нервно рассмеялась Констанс. — Я, конечно, пила вино ранее, но не такое.

— Во-первых, мы коснемся бокалами.

Они чокнулись. На миг их глаза встретились, но никто не произнес ни слова.— А теперь мы выпьем. Просто следуй моему примеру. Ритуал распития вина ныне излишне помпезен. Все, что тебе действительно нужно сделать, это покрутить стакан, вдохнуть аромат, а затем выпить — вот так.

Пендергаст повращал бокал, вдохнул один раз, второй, снова повращал, и только потом сделал глоток, после чего повторил ритуал, миновав лишь вращение.

Констанс сделала то же самое. Для нее на вкус оно оказалось, как... обычное вино — ни больше, ни меньше. Она покраснела, подумав, что он зря тратит на ее невзыскательный вкус столь ценный напиток.

— Не волнуйся, моя дорогая Констанс, если ты не сразу ощутишь вкус, как его ощущаю я; или не получишь такое же глубокое наслаждение, как я. Вино подобно многим прекраснейшим прелестям жизни, которые требуют времени и опыта, чтобы научиться извлечь из них всю полноту удовольствия и смысла.

Он снова описал ей, как вращать и обонять, а затем сделать глоток, медленно вдыхая воздух.

— Лексикон для распития вин довольно recherché[89], — сказал он. — Заключается он при этом лишь в произнесении несовершенных слов для описания вкуса и запаха.

— Так на что же похож его вкус для тебя?

— Я бы сказал, что это вино прикасается к нёбу, как шелк, завернутый в бархатную текстуру. Это из-за его возраста — почти все фрукты и танины были преобразованы, — он снова сделал глоток. — Я отмечаю вкусовую нотку специй, коробки для сигар, трюфелей, увядающих цветов, осенних листьев, земли и кожи.

Констанс сделала еще глоток, но так и не смогла найти в вине все эти вкусы.

— Это вино строгое, структурированное, с тонко подчеркнутым и длинным, затяжным послевкусием.

— Что именно делает его таким хорошим?

— Всё. Каждый глоток выдает еще один вкус, еще одну особенность, — он снова поднес бокал к губам. — Оно просто настолько удивительно сложное, настолько сбалансированное, что каждый вкус приходит только в свою строго определенную очередь. Самое главное, у него есть то, что называют «*goût de terroir*»[90], особый вкус земли, на которой произрастал виноград. Вино содержит саму душу того знаменитого и давно исчезнувшего двухакрового склона, испорченного горчичным газом во время Первой мировой войны.

Пендергаст налил каждому из них по новой порции вина, и на этот раз Констанс попыталась тщательно его распробовать. Оно было мягче, чем большинство вин, которые она помнила, что пила, и в нем присутствовала ароматная изысканность, которая восхищала. Возможно, она сможет научиться наслаждаться вином так же, как это делал Пендергаст. Пригубив напиток, она ощутила незначительное онемение губ и приятное, покалывающее тепло, которое, казалось, стало исходить из самой ее сущности. В конце концов, она посчитала, что, возможно, обнаружила нотки трюфелей и кожи.

Пендергаст поднялся с кровати, со своего места рядом с Констанс, и начал задумчиво мерить шагами комнату с бокалом в руке. Долгожданное получение и возможность распробовать это изысканное вино погрузило его в редкое расположение духа, и он стал необычайно разговорчивым.

— По сравнению с большинством уголовных расследований, Констанс, это дело оказалось намного тяжелее с точки зрения иронии. У нас есть историк, МакКул, прибывший в Эксмут со знанием о драгоценностях, но не о месте крушения «Замка Пембрук» — в то же время у нас есть братья Данвуди, знающие, где именно корабль сел на мель, но не подозревающие о существовании драгоценностей. И когда эти двое встретились, voilà! Произошло преступление. Братьям нужно было время, чтобы организовать свою фиктивную кражу вин, что объясняет разрыв в несколько недель после отъезда историка. Братья также знали, что существовала вероятность возвращения МакКула в Эксмут, и они захотели подготовиться к этому — поэтому Дана Данвуди придумал взглянуть на Печати Тибейна. После убийства историка, бармен Джо, находился на отличном месте, чтобы распространять слухи о символах, вырезанных на теле МакКула, и намекать, что там явно были замешаны ведьмы. Именно в подобные россказни, жители Эксмута — которые взрослели, заслушиваясь подобными легендами — с энтузиазмом поверили бы. По-настоящему идеальный отвлекающий маневр.

— Но как ты узнал о третьем брате? Твое объяснение Лейку этим утром показалось умышленно расплывчатым.

— Да так и было. Из моих исследований стало ясно, что кто-то живет на болотах. Украденная еда, тропы, которые я нашел на солончаках, запах костра, ощущение, что за мной следят во время моих экскурсий по осоке, все это указывало только на одно. И еще все это также указывало на Джо Данвуди как на подозреваемого. Кусочек ткани, который я нашел на болотах, явно принадлежал к гардеробу Даны Данвуди, и его визит в библиотеку Салема, для того чтобы посмотреть на записи Саттера, сделало братский треугольник еще более вероятным.

Мой визит к судмедэксперту это лишь подтвердил. Убийство Даны стало внезапным, неожиданным проявлением ярости — не похожее на преднамеренное убийство МакКула.

Пендергаст снова присел на кровать рядом с Констанс.

— Но когда Дункан попытался скрыть свои следы, порезав брата так же, как он порезал историка, у него, как говорится, кишка оказалась тонка для подобной задачи, отсюда и нерешительный характер разрезов.

Констанс сделала еще один глоток вина. Здесь, в этой уютной комнате, с ее интимным освещением и потрескивающим огнем, вой ветра и барабанная дробь дождя казались приятными. А еще она чувствовала рядом с собой тепло тела Пендергаста.

Она заметила, что Пендергаст смотрит на нее. Был ли этот взгляд вопросительным — или, скорее всего, он был выжидающим?

— Да, Констанс? — спросил он мягко. — Я чувствую, что у тебя еще остались вопросы по этому делу.

— Только вот… — начала она после долгого молчания, пытаясь обуздать свои рассеянные фривольные мысли. — Только вот кажется, что чего-то не хватает, — она сказала это только для того, чтобы заполнить тишину, становившуюся все более напряженной.

— И чего же именно?

— Те трактаты, которые я читала в библиотеке Салема. О «Месте Странствий», и «Темном Паломничестве на Южный Берег». Мы доказали, что ведьмы не вымерли, как все думали, а что они всего лишь переехали — на юг.

— Без сомнения, это очень любопытная побочная история.

Пендергаст сделал еще один глоток вина, затем еще раз наполнил оба бокала. Он снова опустился на кровать. Графин был почти пуст.

Констанс поставила свой бокал на стол.

— Тогда куда они направились? И что с ними произошло дальше? Единственное поселение к югу от места, которое ты обнаружил на болотах — это Олдхэм.

— Но Олдхэм не был поселением ведьм. Это была рабочая рыбацкая деревня, которая обезлюдела, могу заметить, около восьмидесяти лет назад, после урагана '38 года. И ведьмы ведь не вырез***а***ли эти символы на телах МакКула и Даны Данвуди — у нас уже есть признание от настоящего «гравера», который является кем угодно, только не ведьмой. И разве не ты недавно высмеивала всякую возможную связь с колдовством? — он приостановился. — Ты не должна воспринимать такие вещи слишком буквально, моя дорогая Констанс. Я знаю о твоей склонности к странному и необычному — все эти годы чтения outré[91] книг в подвале дома 891 по Риверсайд-Драйв, в конце концов, должно быть возымели эффект, — но даже если история верна, то «Юг» мог означать, что угодно, любую дислокацию. Это слово могло означать Глостер или даже Бостон. И в данный момент эти ведьмы — если предположить, что они действительно были ведьмами — всего лишь далекие воспоминания.

Констанс хранила молчание. Пендергаст положил свою руку поверх ее.

— Поверь мне, ты должна отпустить это. Мне еще предстоит заняться этим делом, чтобы все нити окончательно переплелись в совершенно идеальное полотно.

Констанс так ничего и не сказала; она почти не слушала. Она почувствовала, как ее сердце ускорило ритм, а в груди стало тесно. Во всем ее теле появилось ощущение покалывания. Рука Пендергаста, все еще лежавшая поверх ее ладони, казалась обжигающей. Внутри Констанс Грин словно взорвалась буря эмоций. Почти не зная, что она делает — как будто кто-то другой управлял ее движениями — она вырвала свою руку из-под ладони Пендергаста, а затем положила ее поверх его. Медленно, сознательно, она подняла его руку с покрывала и положила ее на свое колено.

Пендергаст оцепенел. Он неотрывно следил за ее взглядом, в то время как свет камина, отражался в сверкающих серебристых осколках его глаз.

Медленно и совершенно сознательно она начала направлять его руку вверх под юбку своего платья.

Время застыло в неподвижности. А затем он набросился на нее с такой внезапностью, что его бокал разбился об пол, разлетевшись на тысячу осколков. Одна рука сжала внутреннюю сторону ее бедра, в то время как другая с такой силой рванула лиф ее платья, что отлетели пуговицы. Его губы обрушились на ее... а затем, с такой же внезапностью, он отступил. Еще до того, как она смогла осознать, что происходит, он плавно поднялся с кровати. Теперь, почему-то, он начал слегка подрагивающими руками осколки своего разбитого бокала и бросать их в корзину для мусора. Констанс просто продолжала смотреть на него, не двигаясь, ошеломленная и неспособная ни о чем думать.

— Мне ужасно жаль, Констанс, — наконец, в тишине раздался его голос. — Кажется, я порвал твое платье.

Она все еще не могла найти слов.

— Ты должна понять. Я мужчина, а ты женщина... Я испытываю к тебе глубокую привязанность и влечение, гораздо сильнее, чем к какой-либо другой живой душе... — объяснял он, продолжая поднимать осколки.

Наконец-то и она обрела голос.

— Прекрати суетиться.

Он замер, стоя между столом и затухающим камином. Его лицо раскраснелось.

— Я чувствую, что особый характер наших отношений препятствует любым проявлениям чувств, которые мы можем...

— Заткнись.

Он замолчал и остался стоять, глядя на нее.

Констанс поднялась. Сначала она почувствовала замешательство, затем смущение и, наконец, унижение и гнев. Она смотрела на него, а ее тело сотрясала дрожь.

— Констанс?

Внезапным, резким движением руки она смахнула со стола другой стакан, разбив его о камин.

— Собери и *этот* тоже, почему бы и нет?

Затем она развернулась, направилась к двери и распахнула ее настежь.

— Подожди! — крикнул Пендергаст ей вслед. — Не уходи...

Но остальная часть фразы оборвалась в тот момент, когда она резко захлопнула дверь и сбежала вниз по лестнице, направляясь в свою комнату.

42

Персиваль Лейк посмотрел в окно, которое выходило на обрыв над раскинувшейся внизу бушующей Атлантикой. Казалось, что начинается настоящий ураган. Каждый оборот луча маяка озарял мимолетным сиянием далекие дюны и океан, освещал белые набегающие буруны, которые с грохотом обрушивались на пляж. Дом оказался обесточен, но маяк был оборудован собственным аварийным генератором, установленным службой береговой охраны, что позволяло ему работать независимо от погоды.

Он отвернулся от окна и посмотрел на Кэрол, на которую падал свет последних свечей, расставленных вдоль каминной полки и на столах в гостиной, что в сочетании с теплым мерцанием огня в массивном

каменном очаге придавало комнате изысканную атмосферу. Веерные отключения энергии были частым явлением в этом регионе, и Лейк даже наслаждался ими... если они не длились слишком долго.

Кэрол выпрямилась. Она казалась нервной и взвинченной последние несколько дней, но теперь снова вернулась к своему обычному настроению.

— Я так люблю свечи, — сказала она.

Лейк подошел и обнял ее.

— У меня есть одна мысль. *Особенная* мысль.

— Я знаю, о чем все твои «особенные мысли», — сказала она, игриво толкнув его локтем.

— Возможно, что эта — совсем другая. Пойдем со мной, — он поднял подсвечник со свечой и, ведя Кэрол за руку, направился к двери подвала. — Пошли.

Он повел ее вниз по узкой лестнице. Ниже уровня пола звук шторма стал приглушенным, а скрип балок старого дома сделался громче.

— Что ты задумал? — спросила она.

— Сама увидишь.

Он проследовал по коридору мимо своей скульптурной мастерской, направившись в самую старую часть подвала. Здесь все еще царил беспорядок после кражи, полки, на которых должны были располагаться бутылки, лежали на полу, в окружении осколков стекла и запаха вина. Ниша, которую обнаружил Пендергаст, все еще оставалась открытой, зияя проржавевшими цепями, висящими внутри. Подумать только, что все его драгоценные бутылки сейчас лежат на дне океана! Он миновал пустые полки и подошел к деревянному футляру «Шато О-Бракиланж».

— Подержи.

Он отдал ей свечу, а затем наклонился и снял крышку. Бутылки располагались в деревянных держателях. Один держатель был пуст: именно эту бутылку он отдал Пендергасту. Потянувшись, он схватил другую и поднял ее.

— Поскольку я и так вскрыл футляр, давай выпьем эту бутылку.

— Ты серьезно? Разве оно не стоит приблизительно десять тысяч долларов?

— Намного, намного больше. Но мы не молодеем — а что такое вино, если его не пить?

— Может, ты и не становишься моложе, — сказала она, засмеявшись, — но, так или иначе, даже по прошествии всего этого времени я ничего не смыслю в вине. Ты выбросишь его на ветер ради меня.

Лейк обнял ее.

— Вот здесь ты и ошибаешься. Моя дорогая, ты и я собираемся восстановить эту коллекцию. Мы будем путешествовать по Италии, Франции и Калифорнии, дегустируя, покупая вина и привозя их сюда. Тебе необходимо развивать свой вкус. А что может стать более идеальным способом сделать это, чем знакомство с лучшими когда-либо произведенными винами?

Он обнял ее немного сильнее.

— Это звучит прекрасно. Ладно, ты меня убедил.

— Это было легко.

Они развернулись, направляясь к выходу. Когда они проходили мимо открытой ниши, Лейк приостановился.

— Подумать только целое состояние в виде кучки драгоценных камней лежало прямо тут, под моим носом. Жаль, что мы не нашли его сами.

Он почувствовал, как Кэрол содрогнулась.

— Я рада, что мы не нашли его. Подумай обо всех тех матерях и младенцах, которых безжалостно убили. Ты говоришь о кровавых драгоценных камнях. Проклятие — вот что они несут.

— Ты права.

Неся бутылку осторожно, чтобы не потревожить в ней осадок, он поднял ее вверх по лестнице и отнес в гостиную, поставив с восхитительной осторожностью на стол перед камином. Он удалил свинцовую капсулу и протер горлышко бутылки влажной тряпкой. Пробка выглядела хорошо, никаких признаков утечки или плесени. Затем, снова с осторожностью, он вставил кончик штопора в центр пробки и медленно вкрутил его, приставив край рычага к боковой поверхности бутылки и, затаив дыхание, извлек ее.

Настал момент истины. Он не признался в этом Кэрол, но велики были шансы, что настолько старое вино, могло уже превратиться в уксус, или, по крайней мере, начать отдавать пробкой. Но когда он вдохнул запах, то распознал смесь ароматов, которые не только указывали на то, что вино было прекрасным, но ошеломляло нюансами и сложностью. Он еще раз вдохнул запах, удивляясь его особенностям.

— Ну и ну, — пробормотал он.

— Оно хорошее?

Он кивнул, поднося декантер. Как будто поддерживая ребенка, он бережно декантировал вино, оставив дюйм над поверхностью дна. Затем он налил два бокала. Они оба сделали по хорошему глотку. Дом содрогнулся от ветра, окна задребезжали. Луч маяка снова и снова метался по морю.

Они наслаждались вином в тишине, без обычной болтовни о его вкусе или запахе. Лейку именно это и нравилось. Об употреблении вина всегда шло слишком много лишних разговоров. Сразу вспоминались люди, которые постоянно обсуждают музеи, но, не дай Бог, для разнообразия им пришлось бы просто любоваться экспонатами.

Он с восторгом наблюдал, как Кэрол наслаждается вином. Да, подобное обучение явно будет даваться ей легко. Они будут путешествовать, вкушать и покупать. Это даст им нечто, что свяжет их вместе. Именно в этом, если говорить начистоту, он находил недостаток их отношений — у них не было совместных свершений. Это был бы замечательный опыт… и это помогло бы ему, наконец-то, смириться с кончиной жены. Это действительно могло стать возможностью, в конце концов, залатать ту дыру в его сердце, которую создавало постоянное ощущение потери.

Они продолжали потягивать вино.

— Что это было? — спросила Кэрол.

Он прислушался. Последовал удар. Порывы дождя хлестали по окнам, в то время как они оба насторожились. Затем последовал второй, более громкий удар. Казалось, что он донесся с крыльца.

— Я думаю, это просто ветер перевернул одно из кресел-качалок, — он вернулся к вину. На крыльце прозвучал еще один сокрушительный звук, весьма похожий на удар ногой.

— Это явно была не кресло-качалка, — сказала Кэрол.

— Позволь, я пойду и проверю.

Он встал, взял фонарь со стола и вышел из гостиной в прихожую. Когда он подошел к двери, то услышал, как что-то бьет по ней — грубо и настойчиво. Внезапно Лейк почувствовал беспокойство и подошел к вертикальному ряду боковых фонарей рядом с дверью, решив зажечь свет на крыльце, чтобы посмотреть, был ли там кто-то.

На полу виднелись грязные, нечеткие следы, пересекающие мокрое от дождя крыльцо, но он не мог рассмотреть, кто стоял у двери. «Боже мой», — подумал он, — «кто мог решиться выйти на улицу в такой ураган?» Но кто бы это ни был, он стоял слишком близко к входной двери, чтобы его можно было рассмотреть. У старой двери не было глазка.

— Кто там? — прокричал Лейк сквозь шум бури.

Ответом на его слова стал еще один громкий стук, а затем грохот дверной ручки. Дверь, слава богу, была заперта.

— Послушайте, если у вас проблемы, я вам помогу, но сначала поговорите со мной!

В коридоре появилась Кэрол.

— Что происходит?

— У двери какой-то сумасшедший, — он оглянулся на нее, и снова направил свое внимание на дверь. — *Кто там*?

Теперь раздался грохот, как будто кто-то ударил по двери всей массой своего тела, в то время как дерево застонало от давления.

— Кто там, черт возьми? — закричал Лейк.

В этот момент кто-то снова врезался в дверь и начал дергать за дверную ручку. Кэрол коротко вскрикнула и отскочила.

— Кэрол, принеси мне бейсбольную биту!

Она исчезла в темноте кухни и через секунду вернулась с березовой битой «Louisville Slugger», которую они хранили в кладовке.

Последовал следующий удар по двери — на этот раз еще сильнее. Древесина треснула вокруг рамы.

— Ты, сукин сын, если ты вломишься сюда, я тебя убью! — прокричал Лейк. Было темно, и он едва мог что-то рассмотреть. — Кэрол, свети фонариком сюда!

Он отступил назад, вскинув биту для удара, пока Кэрол стояла позади него, держа фонарик трясущимися руками. Еще один мощный удар, и еще больше трещин по дереву. Замочный фиксатор с грохотом заходил ходуном.

— Прекрати! — прокричал Лейк. — У меня пистолет! Я застрелю тебя, Бог свидетель, что я так и сделаю!

Он мечтал, чтобы у него действительно оказался пистолет.

Еще удар, и тут дверь распахнулась, усеивая все вокруг деревянными щепками. Ворвался размытый силуэт, и в этот самый момент Лейк со всей силы замахнулся битой, но некто уже перепрыгнул через разбитые обломки двери, двигаясь настолько быстро, что Лейк смог только нанести скользящий удар по его плечу, в то время как нападавший уже пронесся мимо него, внезапно наполнив ноздри непереносимым зловонием. Лейк обернулся и снова занес биту, но тут Кэрол издала леденящий кровь крик, фонарик упал на пол и погрузил комнату в полумрак. В то же время послышался влажный звук, похожий на взрыв водяного баллона.

В тусклом свете Лейк рассмотрел, как темная фигура опустилась на колени и нависла над Кэрол, лежащей на персидском ковре. Он услышал влажные звуки жевания. С ревом он бросился вперед и замахнулся битой по фигуре, но она вскинула вверх две огромные руки и поймала биту. В следующий миг единственное доступное оружие было вырвано из рук Лейка с ужасающей силой. А затем он почувствовал, как сильнейший рывок вспорол его живот, услышал звук влажного и тяжелого удара об пол, прежде чем он сам упал на спину, погружаясь в бездонную яму боли и ужаса.

43

— Я же сказал тебе, что у нас кончились свечи, — проворчал Марк Лилли, открывая и захлопывая ящики один за другим, и его раздраженный голос перекрикивал стук старых болтавшихся на ветру ставней. — Две недели назад, когда последний раз отключали электричество, я говорил тебе, что нам нужны свечи.

— Ты только в своих фантазиях мне это говорил. Лично я ничего подобного не слышала, — ответила Сара. — А как насчет ставней, про которые я тебе говорила еще в прошлом году?

Словно подчеркивая ее комментарий, ставни снова громко стукнули. Марк, тихо выругавшись, вытащил из ящика фонарь. Сара кивнула в его сторону.

— Думаешь, этого хватит? — спросила она.

Марк включил фонарь и направил луч прямо ей в лицо.

— Ну, всю комнату он не осветит.

— Убери от меня свет. Решил меня ослепить за то, что я не прочитала твои мысли и не забила свечами все ящики до отказа?

— Ничего я не решил. Я просто высказал свою точку зрения. Слушай, в этом году нам уже пятый раз отключают электричество. И ты думаешь, что у тебя — в отличие от всех остальных — окажется неиссякаемый запас свечей, как по волшебству?

— Прекрати причитать. Никто не мешал тебе купить свечи, когда ты был в городе, а ты бываешь там каждый день.

— Я надеялся, что хоть о чем-то позаботишься ты. Это называется распределением обязанностей.

— Ты никогда не упоминал, что у нас кончились свечи.

— Упоминал, ты просто забыла, — он с раздражением сел на диван. Вот из этого состояла вся их жизнь: ссориться каждый день из-за любой глупости. Он невольно спрашивал себя, что же он умудрился найти в этой женщине. У них не было детей. Ничто не могло удержать их от того, чтобы покончить со всем этим прямо сейчас. Но существовали сложности, финансовые обязательства…

Ставни снова врезались в стену дома, и от этого сильного порыва окна задребезжали в рамах. Со следующим — на этот раз более сильным ударом — рама разбилась, принеся с собой звон стекла. Ворвался сильный ветер, сопровождаемый порывами дождя, и сбил с подоконника фоторамку.

— Вот! — торжественно воскликнула Сара. — Теперь посмотри, что случилось!

Снова налетел порыв ветра, брызги дождя попадали на стол. Снаружи донесся какой-то странный вой животного.

— Что это было? — спросил Марк.

Сара стояла на месте, не говоря ничего, и просто вглядывалась в темноту.

— Не знаю… но звук раздался очень близко к дому.

— Чья-то глупая собака, наверное, воет под дождем, оставленная хозяином.

— Это не было похоже на собаку.

— Ну, конечно же, это собака. Что еще это могло быть?

В тот же самый момент еще один жуткий вой прорезал темноту прямо перед окном.

— Иди, посмотри, — сказала Сара.

Он взял фонарик и направился в прихожую, светя перед собой и стараясь разглядеть что-нибудь в темноте за дверным стеклом.

— Аааахх! — закричал он, падая на спину, когда дверь вдруг с грохотом распахнулась. Темная фигура какого-то существа, словно вышедшего из чьего-то ночного кошмара, ворвалась внутрь, не скрытая ничем, только мерзкой вонью. Лилли ошеломленно взмахнул руками в недоверчивом ужасе, пытаясь отогнать страшного зверя, но с жутким грудным ревом тот махнул двумя когтистыми лапами и схватил его за живот.

— Нет, нет! — закричал Марк, пытаясь отбиться и чувствуя, как длинные острые когти вонзаются в его кишечник.

— Прекрати! Нет! — смутно услышал он крики своей жены где-то поблизости.

Внезапно раздался звук, похожий на шипение жира, который снимали с мяса, и когтистые лапы разодрали его плоть с такой же легкостью, с какой могли бы раскрыть пару штор. Пространство погрузилось в темноту, фонарик куда-то закатился, и все, что Лилли мог теперь чувствовать — это холодный воздух, гулявший в зияющей полости его тела. Это длилось всего мгновение, а потом весь мир переполнила агония. Он упал на спину с криком ужаса и нестерпимой боли, не поддающейся описанию. Но даже когда он это сделал, то почувствовал, как кто-то копошится внутри него, сопровождая каждое свое движение громким, влажным и увлеченным чавканьем.

Констанс Грин продрогла до костей, ее промокшее платье неприятно липло к телу, подол облепили песок и грязь. Но она не чувствовала холода: ее бездомное детство в доках Нью-Йорка, казалось, заставило ее навсегда забыть о холоде. Ветер безумно раскачивал осоку и камыши, пока Констанс пробиралась сквозь него, и ее невысокие сапоги хлюпали по болотистой земле. Луч фонаря плясал во мраке, выхватывая секущие и пронизывающие капли дождя. Констанс старалась продвигаться быстрее, ее разум был опустошен смесью злости, смущения и обиды.

Ее первым инстинктом стало просто уйти — уйти, прежде чем она сделает нечто настолько жестокое и непоправимое, что ей придется жалеть об этом до конца своих дней. Но когда она выбежала из гостиницы и помчалась сквозь ливень на юг, к дюнам и зарослям осоки и солероса, в ее голове начал вырисовываться смутный план.

Где-то в глубине души она знала: то, что она собирается сделать, не только бросало вызов Пендергасту, но и иррационально подвергало ее опасности. Тем не менее, на тот момент ей было все равно. Она также знала, что ее опекун на этот раз ошибался: в Эксмуте таилось что-то еще, что-то темное, странное, недоступное рациональному уму, и с этим еще только предстояло разобраться. Она знала больше, чем он, о таких документах, как манускрипт Саттера. Она знала, что в мире существует гораздо больше непознанного и необычного, чем было принято считать. «*Ocscura Peregrinatione ad Littus*» («Темное Паломничество на Южный Берег»): здесь до сих пор все еще существовала загадка, которую только предстояло разгадать, и ответ на нее лежал на юге, в руинах Олдхэма — Констанс была в этом уверена. Каков именно окажется этот ответ, она могла пока только догадываться. Но она собиралась доказать Пендергасту, что была права. И она это непременно докажет. А после — она снова собиралась скрыться в катакомбах особняка на Риверсайд-Драйв, известных только ей, и пробыть там до тех пор, пока не почувствует в себе настроение снова увидеть солнце.

Когда дорога пошла вверх, солерос и осока сменились дубами и искривленными шотландскими соснами. Констанс миновала скалы Скаллкрашер-Рокс и обогнула земли расположенные дальше них, пересекла илистую отмель и канал — было время отлива — и достигла, наконец, острова Кроу в дальнем конце заповедника. Океан лежал на востоке, слева от нее, позади длинного, узкого барьерного острова. Она остановилась, чтобы прислушаться, но ветер выл слишком громко, поэтому она даже не услышала шума прибоя. Единственное, что Констанс могла разглядеть в непроглядной темноте — это слабое моргание эксмутского маяка позади нее, луч которого вспыхивал каждые девять секунд. Именно по этому свету она ориентировалась, и именно он помог ей отыскать путь в Олдхэм.

Низкорослые деревья здесь истончились, и появились дюны, покрытые травой. Теперь она смогла, наконец, услышать шум прибоя невидимого океана или, скорее, почувствовать под ногами дрожь земли, вызванную огромными атлантическими волнами, яростно накатывавшими на пляж. Она снова осмотрела остров, фиксируя свое местоположение относительно маяка. Пустынный городок, должно быть, находится в миле или двух отсюда. Она окажется там очень скоро.

***

Сильный северо-восточный шторм не пугал Бада Олсена. Напротив, он ему нравился, наполнял его своей энергией. И он совершенно не пугал Обри, его верного золотистого ретривера. Оставив рыбацкую деятельность десять лет назад, Олсен перебрался в город, и теперь жил в маленьком домике в конце Мейн-Стрит, откуда он мог добраться куда угодно — особенно в свой Ланч-клуб по вторникам и в библиотеку, где он слыл заядлым читателем, предпочитавшим романы о морских приключениях Патрика О'Брайена, Джона Масфилда и К. С. Форестера.

В девять часов, когда ветер яростно сотрясал оконные рамы, Обри заскулил перед дверью и отчаянно завилял хвостом. Олсен отложил книгу и поднялся со стула. Он выключил керосиновую лампу и подошел к двери.

— Ты хочешь выйти, малыш?

Обри завилял хвостом с удвоенной энергичностью.

— Ну, тогда давай немного погуляем, — скорее, чувствуя, чем видя погоду, он решил надеть свой непромокаемый плащ и зюйдвестку. Затем он натянул пару резиновых сапог, вытащил из ящика в прихожей фонарик, защелкнул поводок на ошейнике Обри и толкнул дверь, которая с трудом поддалась из-за ветра, после чего они с псом спустились по ступеням крыльца и оказались на улице. Из-за отключения электричества город, по большей части, был погружен в темноту, хотя полицейский участок в дальнем конце города освещался с помощью аварийных генераторов. Ветер вздымал в заливе суровые волны, дождь лил почти параллельно земле. Бад опустил голову, ветер попытался сорвать зюйдвестку, которая надежно крепилась ремешком под его подбородком.

Они повернули налево и направились вдоль Мейн-Стрит к центру города. Пока они проходили мимо множества домов, Бад различал неясные тени с оранжевой подсветкой, — людей, движущихся со свечами

или фонарями в руках, — что придавало городу уютное, старомодное настроение Карриера и Айвза[92]. Так было в Эксмуте лет сто назад, до того, как город полностью электрифицировали, подумал Бад. И ведь было не так уж плохо. Электричество не принесло ничего, кроме неприятностей, если задуматься — свет стал слишком ярким, началось активное загрязнение окружающей среды, появились все эти компьютеры, iPad’ы и прочая глупость, которую он наблюдал здесь теперь каждый день. Тошно было видеть, как все — даже маленькие дети — как зомби, ходят, уткнувшись в маленькие яркие прямоугольники, вместо того, чтобы поприветствовать друг друга, вдохнуть соленый воздух, понаблюдать за алыми кленами в их осенней красоте…

Его раздумья были прерваны грозным рычанием. Обри остановился, глядя прямо перед собой куда-то в темноту, шерсть его встала дыбом.

— В чем дело, малыш?

И снова — низкое рычание.

Это было весьма необычно. Обри был, наверное, самой дружелюбной собакой в этом городе, представлявшей опасность только для грабителей, которые могли споткнуться об него в темноте. Он бы и с Серым Жнецом поздоровался бы, виляя хвостом.

Обри сделал шаг назад, застыл от страха, и рычание превратилось в скулеж.

— Тише, мальчик, тише. Там ничего нет, — Бад посветил в темноту, но луч не смог пробиться слишком далеко сквозь клубящийся мрак.

Теперь собака тряслась мелкой дрожью и клацала зубами, ее жалобный вой усилился. Внезапно Бад почувствовал жуткую вонь — запах дерьма и крови — и тут же, резко взвизгнув, собака отскочила, и под нею на земле растеклась лужа мочи.

— Какого черта?! — Бад также попятился. — Кто здесь? — крикнул он, всматриваясь в темноту.

Скуля от ужаса, Обри рванул поводок, вырвал его из рук хозяина и понесся по улице прочь. Поводок волочился следом за ним.

— Эй, малыш! — Бад наблюдал, как его собака скрылась в темноте. Это было просто уму непостижимо! Он услышал шум позади себя и обернулся, чтобы увидеть то, что он едва ли мог идентифицировать с первого взгляда: из темноты вырисовывалась чья-то голая, странно вытянутая фигура.

— Какого…

Фигура бросилась вперед, и Бад почувствовал жаркое, клокочущее дыхание, от которого несло зловонием недавней бойни. С приглушенным криком ужаса он повернулся, чтобы убежать, когда боль, которую он не мог даже и вообразить, внезапно пронзила его. Он посмотрел вниз с удивлением и ужасом, чтобы увидеть собственный кишечник, похожий на кровавый паштет, в котором работали мускулистые челюсти, пожиравшие его заживо…

***

Констанс миновала последнюю гряду дюн, обогнула небольшой забор и вышла на песчаный пляж. Прибой свирепствовал с потрясающей силой, далеко в море массивные волны закручивались и обрушивались вниз, обращаясь в метры кипящей пены, чтобы собраться снова и с грохотом обрушиться на берег к подножию дюн. До этой поездки в Эксмут Констанс никогда не видела такого сердитого океана и — со своим неумением плавать — она обнаружила, что это зрелище тревожит ее. Легко можно было представить, что такая страшная стихия в два счета может переломить пополам даже самый мощный корабль.

Луч ее фонарика едва освещал путь в непроглядной темноте.

Она оглянулась. Маяк Эксмута был все еще виден отсюда, постоянно мерцающий, несмотря на отключение электричества. Она вспомнила старые карты, которые она просматривала в Историческом Сообществе. Руины Олдхэма не могли находиться слишком далеко к югу отсюда. Разумеется, продолжая свой путь, она отметила, что выбралась из зоны низкорослых деревьев, полусгнивших коряг, илистых отмелей и дюн и оказалась в конце острова Кроу рядом с бывшей гаванью Олдхэма. Еще несколько минут упорного пути привели ее к гранитной дамбе, возведенной из огромных блоков, защищавших когда-то вход в гавань.

Она обошла дамбу и направилась к внутренней территории. Область дюн уступила место твердой земле, кустарникам и чахлым дубам. Здесь еще остались основания домов и провалы подвалов, выложенных из гранита, где осело множество дубовых листьев и песка, которые занесло ветром. Нетрудно было догадаться, где проходила единственная улица, на нее указывали подвальные провалы с обеих ее сторон наряду с нечеткими нагромождениями гнилых деревянных досок и редко встречавшихся балок.

Карта Олдхэма, которую она изучила в Историческом Сообществе, обозначала единственную церковь в этом городке, которая стояла в его дальнем конце, где улица разветвлялась, чтобы быть видимой через весь город — в соответствии с традиционной планировкой поселений в Новой Англии. Пройдя по давно заброшенной тропе, Констанс без труда обнаружила в дальнем конце улицы глубокий и неплохо сохранившийся фундамент церкви, выложенный из крупных гранитных блоков. Каменные ступени вели вниз к остаткам подвала.

Констанс остановилась на вершине лестницы и взглянула вниз. Там не было ничего, кроме щебня и песка. Что она ожидала здесь найти? Тщетность собственного плана поразила ее. Несмотря на удаленность и запустение, эти развалины, несомненно, пользовались популярностью у многих исследователей за многие десятилетия до ее прихода сюда после того, как Олдхэм был заброшен. Что она могла найти, особенно учитывая то, что она не знала, что именно пытается отыскать?

Она почувствовала еще один всплеск унижения, огорчения и гнева. Вопреки своим рациональным выводам, она упрямо начала спускаться по гранитным ступеням в открытый подвал. Здесь, в убежище, ветер стих. Она осветила фонарем внутреннее пространство. Подвал был примерно тридцать на сорок футов с центральной каменной структурой, поддерживавшей остатки двух очагов на нижнем этаже. Эти очаги все еще можно было различить, хотя камни их кладки развалились, но дымоход частично сохранился. Деревянная часть церкви, в основном, истлела, но несколько почти полностью сгнивших балок еще остались — они казались мягкими, как стекловата. Дубовые листья лежали в углах и в задней части центрального дымохода. Кусты барбариса проросли вдоль каменной стены, обращенной к северу, и большой окрашенный брезент — он выглядел, как старый парус — лежал полусгнившим напротив них.

Констанс закончила осмотр периметра подвала. Если в этом городе и скрывалась какая-то темная тайна, вероятнее всего, она находилась здесь, в церкви. Но что именно это было? Констанс откинула листья в нескольких местах — под ними обнаруживалось лишь битое стекло, ржавые гвозди и осколки посуды. Неожиданно налетел ветер, и она двинулась под укрытие одной из стен. Брезент, который она приметила, раскинулся, пронзенный несколькими мертвыми сорняками. Она схватила один конец и потянула за него. Ее застиг неприятный запах, как от трупа животного, и инстинктивно Констанс отпустила брезент. Она помедлила, а затем снова схватила полусгнившую ткань и еще раз попыталась оттянуть ее от стены. Зловоние усилилось. Светя фонариком, Констанс увидела, что за брезентом скрывалась маленькая железная пластина размером в четыре квадратных фута. Пластина, казалось, закрывала собою некую нишу. Запах был ужасен, но мертвого животного

нигде не было видно — на деле, запах, похоже, доносился из-за самой пластины.

Констанс присела и, дыша через рот, внимательно осмотрела пластину. Она была ржавой, но, похоже, не настолько ржавой, насколько должна была быть. Она напоминала вход в основной погреб. Пластина была навесной, петли явно кто-то смазывал, и они казались подозрительно хорошо функционировавшими.

Ее сердце забилось быстрее. Здесь явно что-то было, она была в этом уверена.

Констанс посветила вокруг фонариком, проверила, что ее стилет все еще заправлен в складки платья, а затем тихо и осторожно приподняла железную пластину, которая легко скользнула на петлях, открыв вход не в основной погреб, а в низкий туннель, в который вела каменная лестница. Запах усилился: то была жуткая смесь вони фекалий, мочи и гнилой плоти. Констанс нырнула в отверстие и начала спускаться по лестнице во тьму.

Внизу она остановилась и прислушалась. Шторм здесь звучал значительно глуше, и теперь она явно расслышала где-то впереди слабый, прерывающийся звук: это был детский плач.

45

Гэвин сидел в задней части кабинета полицейского участка, мрачно глядя на шахматную доску. Шеф снова побеждал, и Гэвину невыносимо было проигрывать в шашки человеку, который во всех отношениях уступал ему по интеллекту. Как шефу Мердоку это удавалось? Вероятно, он прочитал книгу и выучил несколько дешевых трюков, как те парни, которые играли десятисекундные разгромные шахматные партии в «Бостон-Коммон».

В конце концов, он сделал свой ход.

— И снова в дамках, — воскликнул шеф, и его пухлые пальцы продвинули фишку на крайнюю черную клетку.

Скрывая раздражение, Гэвин передвинул следующую фишку, хотя знал, что и ее вскоре потеряет.

Хуже всего было то, что шеф — невыносимый даже в лучшие свои времена — совсем раздулся от гордости, как отвратительная жаба, со времени своего триумфа в тот день, когда получил все лавры в деле, в

котором основную работу за него проделали Пендергаст и Констанс Грин. Гэвин не мог понять, почему Пендергаст держался в стороне на пресс-конференции, а шеф прибрал к своим рукам все внимание общественности. По крайней мере, подумал Гэвин, это дело закончилось. Он не мог выкорчевать из своей памяти те два трупа, изуродованные Печатями Тибейна, и ему становилось удивительно легко, когда он осознавал, что это братья Данвуди таким образом пытались отвести подозрения от своих преступлений. Все обстояло так, как он и говорил всем с самого начала: эти письмена были всего лишь способом отвлечения внимания. Никаких ведьм или колдовства в этом деле не было замешано — тревога оказалась ложной и смешной.

— Твой ход, — напомнил Мердок, прерывая ход его мыслей.

Начальник перевел свою дамку в опасную позицию, и Гэвин увидел, что вскоре потеряет еще две фишки и проиграет партию. Он ничего не мог с этим поделать, поэтому просто передвинул одну из фишек, после чего начальник сделал ожидаемый ход и «съел» своих несчастных жертв. Гребаный осел.

— Все, я сдаюсь, — немедленно сказал Гэвин.

— Да брось, не бросай все так рано, — протянул шеф. — Ты еще можешь отыграться.

Пока Гэвин качал головой, он услышал внезапный грохот из соседнего помещения — входные двери с шумом распахнулись. Тут же прозвучал сдавленный крик о помощи.

Гэвин и шеф вскочили, доска и фишки полетели на пол. Женщина — Роуз Баффум, которую Гэвин немедленно узнал — стояла в дверном проеме, мокрая до нитки, одежда прилипла к ее грузному телу, а длинные седые волосы свисали с ее головы, и с них лилась дождевая вода. В глазах женщины стоял непередаваемый ужас.

— Боже, помогите мне! — закричала она, задыхаясь. — Помогите!

Она бросилась к Гэвину.

— В чем дело? — Гэвин подхватил ее под одну руку, а шеф — под другую. Женщину била крупная дрожь. — Вы ранены?

— Боже мой, Господи! — стонала она.

Они подвели ее к стулу и усадили. Гэвин бросился за чашкой кофе, чтобы дать ей немного согреться и прийти в себя.

— Позвони 911, вызови скорую, — скомандовал шеф. — Здесь кровь.

Баффум откинулась на стуле и едва не потеряла сознание, глаза ее почти закатились. Гэвин оставил идею с кофе и срочно набрал 911. Между тем шеф вытер лицо Баффум бумажным полотенцем.

— Куда вас ранили? — обеспокоенно спросил он.

— Это не моя кровь! — прохрипела женщина.

— Так… ясно, — кивнул шеф. — Тогда выпейте кофе, согрейтесь и расскажите, что произошло.

Баффум проигнорировала предложение выпить кофе, снова ахнула и отчаянно прокричала:

— Монстр!

— Монстр? — скептически переспросил Мердок.

— Он не прекратит убивать! — а затем ее будто осенила внезапная мысль. — О, милостивый Боже, заприте двери!

— Мы не запираем двери участка, — покачал головой шеф.

— Тогда заприте нас в камере! Оно приближается!

— Кто именно — приближается?

— Это демон из ада, разрывающий людей на части!

Слушая ее, Гэвин вдруг почувствовал, как по его спине пробежал холодок. Монстр. Нет. Невозможно.

— Разрывающий людей на части и… — на этом моменте женщина захлебнулась, ощутила рвотный позыв и тут же продемонстрировала свой обед всем присутствующим.

Шеф с отвращением отступил.

— Скорая помощь уже едет, Роуз. Только держитесь, — он посмотрел на Гэвина. — И что нам делать?

Гэвин уставился на него. Правдивость женщины не вызывала никаких сомнений. У Роуз Баффум было не более бурное воображение, чем у деревянного забора. Она была не из тех, кому мерещатся разные

несуществующие вещи. Шеф знал это не хуже него, поэтому скептицизм быстро исчезал с его лица.

— Мы должны вооружиться и выйти на улицу, — ответил Гэвин.

— Не оставляйте меня! — воскликнула Роуз.

— Выйти? — неуверенно переспросил Мердок. — Оба?

— Мы должны выяснить, что происходит, — пришлось объяснить Гэвину. Но ведь это не могло быть правдой…

— Тогда заприте меня в камере, — взмолилась Роуз, — заприте меня там, прошу!

— Если от этого вы почувствуете себя лучше… — шеф сопроводил ее в ближайшую камеру и запер там Роуз, отдав ей ключи. Затем он повернулся к Гэвину. — Хорошо, давай посмотрим, что там происходит.

Гэвин тронул свой «Глок» в кобуре и проверил крепление.

— Проверь свой фонарик, — посоветовал шеф.

Гэвин проверил большой фонарь, висевший на его ремне. Затем он последовал за шефом в темноту и взглянул вдоль Мейн-Стрит. В тусклом свете окон домов он различил два силуэта, лежавшие на главной улице.

Тела. Итак, это было правдой. Он ощутил приступ тошноты. Вдруг за грохотом бури он услышал слабый крик с середины улицы и увидел внезапную вспышку в окне дома. Занавески занялись пламенем, послышался звук разбитого стекла, усиливающиеся вопли, а затем — громкий рык.

— Господи Иисусе! — воскликнул шеф, глядя туда же.

Из горящего дома выскочила фигура, попавшая в свет пламени: высокая, бледная, жуткая тварь с массивной челюстью… и *хвостом*.

46

Уолт Аддерли, владелец гостиницы «Капитан Халл» сидел в баре «Штурманской Рубки» и слушал Бенджамина Франклина Бойла, рассказывавшего завсегдатаям — уже в который раз — историю о том,

как он обнаружил труп Морриса МакКула. Обычно молчаливый, Бойл сегодня находился в приподнятом настроении: театрально закатывал глаза, размахивал пивной кружкой и, в целом говоря, показывал неплохое шоу. В этот особенный день он выпил больше своей обычной дозы, изменив своим привычкам жуткого скряги. Как и многие моряки, Бойл был искусным рассказчиком, и, казалось, что толпа не могла насытиться его историями. Электроэнергию отключили около часа назад, что лишь добавило всем праздничного настроения. Вытащили свечи, установили их вдоль барной стойки, и празднование разгадки причудливой тайны убийств продолжилось. Пока текли разговоры и напитки, общее настроение облегчения говорило о том, что Эксмут постепенно приходит в норму. На самом деле, большинство горожан были потрясены причастностью братьев Данвуди, хотя среди речей частенько проскальзывали замечания вида «никогда мне не нравилась эта семейка». У самого Аддерли никогда не было проблем с его давним барменом Джо Данвуди, кроме, разве что, периодической пропажи еды. Он даже сочувствовал ему в некоторой степени.

Бойл только что добрался до той части истории, где он собирался перевернуть труп своей лопаткой для лова моллюсков, когда входная дверь гостиницы сильно хлопнула.

Аддерли обернулся на звук, а Бойл замолчал. Аддерли откинулся на спинку стула, затем крикнул в темный вестибюль, обращаясь к вновь прибывшему:

— Входи, друг, пережди эту скверную погодку!

Бойл вернулся к своему рассказу. Он был в восторге от всеобщего внимания и пива.

Но никто не появился со стороны холла гостиницы. Аддерли поднял руку, призывая к молчанию. Он снова оглянулся в сторону вестибюля.

— Входи, друг, не стесняйся! — и затем, повинуясь внезапно нахлынувшему великодушию, добавил, — всем выпивка за счет заведения!

Это объявление было встречено громкими одобрительными возгласами. Бойл повернулся к бармену и показал пальцем на стакан.

— Наливай! — он приостановил рассказ, а Пит — новый бармен — начал спешно наполнять кружки по второму кругу.

Вдруг из темного холла раздался громкий треск. Уолту Аддерли показалось, что что-то упало. Возможно, их новый посетитель, кем бы он

ни был, уже начал где-то праздновать, а сюда явился за продолжением вечеринки.

— Эй, Энди, этому парню в холле, похоже, нужна помощь, — сказал Аддерли мужчине, сидевшему ближе всех к входу.

Энди Горман поднялся со своего места, взяв с собой одну из свечей.

— Не продолжайте рассказ, пока я не вернусь.

— Без проблем, — отозвался Бойл, пригубив свежее холодное пиво.

Прикрывая свечу, Горман вышел из бара и направился по коридору в холл, став колеблющейся точкой света в чернильной темноте.

Несколько секунд тишины — а затем из холла раздался пронзительный крик. Аддерли от неожиданности чуть не уронил свою кружку и качнулся, вглядываясь в черноту коридора. Все сразу вскочили со своих мест. Свеча Гормана, видимо, погасла, холл погрузился в непроглядную черноту. Снаружи грохотала буря, и по старому зданию угрожающе проходила вибрация.

Люди обменялись взглядами.

— Какого черта? — спросил кто-то мгновение спустя.

— Энди? Энди!

В следующий миг со стороны прихожей донесся смрад — запах смерти, гниения и фекалий — который переполнил ноздри Аддерли. Все замолчали, никто не мог пошевелиться. И из этой тишины, нарушаемой лишь грохотом шторма, Аддерли услышал звук частого дыхания какого-то зверя.

***

В своем номере на верхнем этаже гостиницы Пендергаст сел в своей постели. Он внимательно прислушался, но крик внизу резко оборвался, и он не услышал больше ничего, кроме шума бури. Праздничный гул в баре тоже прекратился.

Он выскользнул из постели, быстро оделся, схватил фонарик и свой «Лес Баер» и побежал по коридору. Спустившись на один этаж, Пендергаст остановился и еще раз прислушался, а затем после небольшой паузы

схватился за дверную ручку номера Констанс Грин. Обнаружив, что дверь заперта, он настойчиво постучал.

— Констанс, — позвал он. — Пожалуйста, открой дверь.

Ответа не последовало.

— Констанс, — повторил он. — Я очень сожалею о том, что произошло, но сейчас не время для театральных поступков. Что-то произошло…

Пока он говорил, внизу раздался безумный хор криков, пространство наполнилось какофонией звуков и визга, смешанной со свирепыми ударами, грохотом разбивающихся стульев и опрокидываемой посуды и топотом ног людей, хаотично перемещающихся по деревянному полу.

Не дождавшись ответа, он с первой же попытки выбил плечом дверь в номер Констанс.

В комнате было пусто, постель осталась нетронутой. Также здесь не оказалось фонарика, который он дал Констанс.

Внизу словно раскрылись врата Пандемониума[93]. Пендергаст спустился вниз по лестнице, вытащив свое оружие, как только достиг вестибюля. Перед самым входом в вестибюль он приготовился стрелять. Луч его фонаря выхватил из темноты широко распахнутую дверь, раскачивающуюся на ветру. На пороге лежало распластанное тело.

Пендергаст повернулся и, миновав холл, вбежал в бар, где перед ним развернулась неописуемо ужасная сцена: вторая выпотрошенная фигура лежала на полу, а полдюжины других скорчились за барной стойкой, дрожащие и скованные ужасом, однако оставшиеся невредимыми.

— Что здесь произошло? — спросил Пендергаст.

— Боже, помоги нам! Господи, спаси нас! — вскричал мужчина, вызвав бурю невнятных выкриков сбитой с толку и перепуганной толпы. Основными словами, которые можно было уловить в этом всеобщем гомоне голосов, стали: «*монстр*», «*демон*», «*обезьяна*» и «*собака*». Остальные выкрики смешались в неясную какофонию.

— Куда оно ушло? — спросил Пендергаст.

Человек указал на распахнутую дверь.

Пендергаст развернулся и помчался обратно по коридору, вскоре оказавшись на улице под бушующим штормом, оставив посетителей, тщетно просящих Бога о помощи. Он увидел странные отпечатки ног,

пересекавшие крыльцо и песчаную дорожку, которые постепенно размывались дождем. Пендергаст поколебался, вглядываясь в бурю, стараясь увидеть хоть что-то в том направлении, в котором исчезло существо — оно ушло на юго-восток, на солончаки. Что бы это ни было, но оно устроило всеобщий хаос, а сейчас пыталось скрыться.

Разум Пендергаста был затуманен беспокойством. Констанс исчезла. Она явно не отправилась в отставку на Риверсайд-Драйв — она, должно быть, покинула гостиницу некоторое время назад — возможно, сразу же после резкого завершения их беседы. Он провел рукой по лбу.

«Тогда куда они пошли?» — спрашивала она. — *«И что с ними произошло дальше? Единственное поселение к югу от места, которое ты обнаружил на болотах, — это Олдхэм.*»

Именно туда — Пендергаст был в этом уверен — она и ушла: в Олдхэм, давно заброшенный город, на котором она сфокусировала свое внимание по причинам, которые он так и не смог понять. Менее двух часов назад она настаивала, что это место продолжает оставаться сердцем неразрешенной тайны. Теперь, когда он подумал об этом, то предположил, что, возможно, слишком рано отмел ее доводы — возможно, ее интуиция подсказывала ей нечто, что его собственный холодный аналитический разум упустил.

Убийца был босиком во время довольно холодного шторма. Этот факт — больше, чем любой другой, — глубоко беспокоил Пендергаста, поскольку он указывал на то, что в этом деле он совершил серьезный промах — нечто фундаментальное, как и настаивала Констанс. И все же, даже когда он размышлял о таинственных босых следах, то не смог найти и проблеска выхода из этой ситуации.

Со жгучим чувством огорчения он отправился сквозь шторм, следуя за быстро исчезающей цепочкой следов на песке.

47

Дом яростно полыхал, пока Гэвин ошеломленно смотрел вдоль Мейн-Стрит. Этого просто не могло быть! В свете огня он видел тела людей, распластанные на дороге — людей, которых он знал, его друзей и соседей. Дверь в другой дом была открыта… и у него было ужасное предчувствие, что внутри он найдет еще одно тело.

Этот… *демон* пронесся через весь город за несколько минут, а потом, казалось, исчез, оставив после себя сцену хаоса и море трупов. Как такое могло произойти?

Он услышал, как шеф связывается по рации с полицейским управлением Лоуренса, запрашивая поддержку команды спецназа. В его голосе звучали почти истерические нотки:

— У нас здесь на свободе агрессивный маньяк! Зафиксировано несколько случаев со смертельным исходом, я вижу, как минимум, два тела с того места, где сейчас нахожусь… Да, мэм, черт возьми, я сказал, два тела! У нас тут дом горит… пришлите мне всё, что у вас есть, слышите, всё! Весь арсенал по коду 10-33[94]!

Гэвин постарался взять себя в руки. Ему нужно было подумать, хорошенько подумать. Это было невероятно — ужас за гранью ужаса…

— Гэвин!

Он обернулся. Шеф смотрел на него, лицо его, несмотря на холод, было потным и раскрасневшимся.

— Пройдет не меньше часа, прежде чем Лоуренс сможет поднять своих пташек в воздух. Группы быстрого реагирования прибудут на машинах… ты меня *слушаешь*?

— Да. Да, шеф.

— Нам нужно разделиться. Я возьму патрульную машину и отправлюсь ждать их у моста, чтобы оттуда повести их в город. Я хочу, чтобы ты отправился по Мейн-Стрит и обыскал дома. Начни с того, у которого дверь нараспашку.

— Без прикрытия?

— Убийца ведь ушел, во имя всех святых! Местные пожарные и спасательные службы прибудут через десять минут, спецназ — через двадцать, а вертолеты — через час. У тебя будет огромное прикрытие уже совсем скоро. Просто разведай обстановку, попытайся оказать первую помощь раненым, обследуй место преступления.

У Гэвина не осталось сил спорить. Шеф — трусливый сукин сын — собирался просто подождать у моста, запершись в своей машине, где он будет в безопасности, а своего сержанта послать на передовую линию рисковать своей задницей без прикрытия в темных домах, лишенных электричества, где все еще может скрываться демон.

Когда он открыл рот, чтобы запротестовать, у него вдруг возникла еще одна мысль: разделение, на самом деле, может стать и не таким уж плохим вариантом. Гэвин понял, что у него есть дело гораздо более важное, чем осмотр тел и места преступления, и чтобы его провернуть, ему необходимо избавиться от шефа.

— Хорошо, шеф, я понял.

— Молодец, парень, — шеф развернулся и направился обратно к зданию полицейского участка, пока Гэвин делал вид, что выполняет приказ и направляется по Мейн-Стрит, чтобы взять ситуацию под контроль. Пока он шел, до его слуха донесся вой приближающихся поисково-спасательных сирен, откликнувшихся на вызов. Что ж, они прибудут на место в течение минуты… и если он все еще будет здесь, то не дадут ему ни малейшего шанса точно разузнать, что именно здесь произошло, и вернуть все в прежнее русло.

Оглянувшись назад, он увидел, как шеф скрылся в здании полицейского участка. Гэвин тут же отвернулся и нырнул в переулок между двумя домами, где его поглотила густая темнота. Вытащив фонарик, он тут же перешел на бег. Олдхэм находится в пяти милях отсюда. Гэвин сказал себе, что это расстояние ничуть не больше того, которое он преодолевает во время своих утренних пробежек. Представив себе, каково будет бежать по такой жуткой погоде через болота и илистые отмели к острову Кроу — слава Богу, сейчас хотя бы отлив — он осознал, что может оказаться на месте в мгновение ока.

48

Шеф Мердок скользнул всей своей массой в патрульную машину и выехал из гаража полицейского участка, тут же вспыхивая огнями мигалок и включая сирену. У него возникла смутная мысль, что люди немного успокоятся, увидев машину с проблесковыми огнями и включенной сиреной, и паника, заставляющая их ютиться и сжиматься в своих домах, чуть ослабнет.

Он чувствовал себя едва ли не выпотрошенным после того, что увидел. Роуз Баффум говорила о демоне, о монстре, но, разумеется, это все было сумасшествием. Это должен был быть кто-то вроде Джека Потрошителя — сумасшедшего маньяка, который пришел в Эксмут и развязал резню. Такие вещи случались иногда в самых непривычных местах. Это был просто какой-то случайный кошмар.

И все же… эти растерзанные, разорванные тела.

При мысли об этом он ощутил холодный, парализующий страх, настолько сильный, что даже ахнул вслух. Шесть месяцев до выхода на пенсию… и теперь это! Не говоря уже об убийствах Данвуди.

Черт возьми. Он доберется до моста, припаркуется, заблокирует двери патрульной машины и дождется спецназа и подкрепления, которое должно прибыть из Лоуренса. В это время, ночью, в такой шторм — дороги будут свободны. Подкрепление прибудет с минуты на минуту.

…Но что, если из-за стихии упали деревья? Что если подкрепление задержится из-за отключения электроэнергии?

Страх острой сосулькой проскользнул через его нутро. Он попытался заверить себя, что ему лишь нужно дождаться спецназа и сдать им свои полномочия, а эти ребята уже возьмут все под свой контроль и будут сами принимать решения. А затем, что бы ни случилось, это будет уже не его ответственность.

Мост Метакомет-бридж показался впереди рядами натриевых огней, которые как всегда освещали его в темноте. Мердок въехал на мост, дождь сплошным потоком стекал по стеклу, несмотря на то, что «дворники» непрерывно перемещались из стороны в сторону. Он наполовину проехал мост и остановился, оставив двигатель работающим и убедившись, что все двери заблокированы. Когда он удостоверился, что находится в безопасности, то взялся за рацию и вызвал диспетчера Лоуренса. Он был уверен, что его требование мобилизовать все ресурсы, которые только имелись у полицейского управления Лоуренса со времен 11 сентября[95], по коду 10-33 уже было выполнено. MRAP'ы[96] , Биркэты[97], тяжелое вооружение, оглушающие гранаты, слезоточивый газ и два пулемета M2 «Браунинг» .50 калибра — вот, какой конвой должен был прибыть в Эксмут менее, чем через десять минут.

Но до этого времени — сказал себе Мердок — я ничего не могу сделать.

Однако теперь он задумался, что, возможно, было ошибкой в одиночку послать Гэвина в город. Будет весьма прискорбно, если его заместитель погибнет при исполнении, а он — шеф — будет сидеть здесь, ничего не делая. Но Гэвин же был в безопасности: убийца ушел. Наверняка. Да, разумеется, он ушел.

Матерь Божья, Мердок с нетерпением ждал своего выхода на пенсию, после чего его будет ждать диван, ящик холодного пива и телевизор с бейсбольными матчами.

Но чем больше он думал об этом, тем больше понимал, что, будет Гэвин убит или нет, шеф полиции Эксмута покажет себя не в лучшем свете,

сидя здесь в запертой патрульной машине вдали от города, который он был призван защищать. Это не останется незамеченным ответственными и высокопоставленными лицами…

Внезапно у него появилась идея. Он мог развернуться, отправиться на Дьюн-Роуд, к океану, избежав центра и царящего в нем хаоса. Там, в южной части города, недалеко от маяка было безопасное место, где он мог бы выждать. Если он выключит фары, никто и вовсе его не увидит, никто ни о чем не узнает. А затем, как только он услышит вой сирен и увидит огни приближающейся кавалерии, то сразу же бросится обратно в город, как если бы он присутствовал там все это время.

Клешни страха, сжимавшие его сердце, слегка ослабли. Трусость? Нет — простая предусмотрительность. В конце концов, он положил двадцать лет на эту службу… практически двадцать. И теперь он хотел защитить и свои интересы — защитить этот диван, этот ящик пива и эту игру по телевизору.

Переключив автомобиль снова на первую передачу, он сделал разворот в три приема, съехал с моста и, взяв правее Мейн-Стрит, направился прямо на Дьюн-Роуд. Слева от него мерцал слабый свет дома, охваченного пожаром. А затем темноту прорезал луч маяка, пробивавшийся сквозь бурю.

Проехав маяк, он добрался до небольшой эстакады, развернул машину так, чтобы при первой же возможности рвануть обратно в город, выключил фары, но оставил двигатель тихо урчать, после чего взглянул на часы. Пять минут до прибытия конвоя. Еще пять минут, и его мучения закончатся…

Вдруг внезапный удар сотряс его машину. Он вскрикнул, беспомощно уставившись в темноту.

Что-то ударило в заднюю дверь со стороны водителя — может быть, ветка, сильно раскачавшаяся на ветру. Пока Мердок шарил в поисках выключателя внешнего прожектора, еще один сильный удар поразил дверь, превратив стекло в сплошную сетку трещин. Отказавшись от мысли включить прожектор, Мердок прислушался. Его дыхание стало частым, горячим и прерывистым. Шеф полиции извлек фонарик и несколько раз лихорадочно постучал по нему, прежде чем включить. Что-то снова ударило по разбитому окну, пробив его насквозь и разнеся его вдребезги. А затем внутрь прорвалась рука — кровавая лапа с ужасными коричневыми когтями длиной около дюйма.

Мердок закричал, бросил фонарик и попытался схватиться за оружие.

Вторая рука — скорее, мускулистая бледная лапа — прорвалась сквозь окно и вырвала остатки стекла. Затем в проеме окна показалась ужасная лысая голова, забрызганная кровью и чем-то, напоминавшим куски чьей-то плоти. Одновременно с тем, как лапа протянулась внутрь, жуткая морда тоже протолкнула себя в салон, жестокие глаза горели почти детским любопытством.

— Не-е-е-е-е-е-ет!

Шеф, наконец-то, достал свой «Глок», прицелился в неизвестного маньяка и стал бешено стрелять, но тот уже успел распахнуть дверь и броситься на заднее сидение. О, Боже, это и впрямь был монстр: отвратительный, голый, тощий монстр с мордой питбуля и кабаньим рылом, с массивной челюстью, полной огромных неровных зубов, с розовым языком и коричневыми глазами, сверкающими нечеловеческой злобой.

Все еще неистово выпуская пулю за пулей, Мердок схватился за рычаг переключения передач, стараясь заставить автомобиль сорваться с места… но тут с заднего сидения вперед рванулась лапа, обхватив его лицо, огромные ногти процарапали ему скулы, а пальцы начали угрожающе сжиматься.

— Аааааммммммххххх! — Мердок чувствовал, как грязная ладонь прижимается к его носу и рту, а когти глубоко проникают в его плоть. Он попытался закричать и оттолкнуть чудовищную лапу, но вдруг послышался страшный влажный звук, сопровождаемый резким рывком, и крик шефа Мердока захлебнулся в брызгах кровавого спрея, когда его плоть отделилась от черепа. Затем он услышал, что рядом кто-то хрипит и задыхается — так близко, что он невольно задумался над тем, кто бы мог издавать этот звук. Секунду спустя он понял, что издавал его сам.

***

Агент Пендергаст потерял след убийцы на юге города, но почувствовал, — прикинув траекторию его движения, — что он направляется к острову Кроу. На бегу по дороге, пересекающей болота и ведущей к пляжу, агент увидел полицейскую машину — патрульную машину шефа полиции. Фары были выключены, но двигатель работал. Сквозь стену дождя Пендергаст различил движение.

Внезапно на капот выскочила фигура, после чего — подобно крабу — спрыгнула вниз и оказалась перед решеткой радиатора, когда вспышка молнии осветила автомобиль. Через мгновение снова стало темно. Но в

тот единственный проблеск света Пендергаст увидел нечто странное, причудливое и настолько далекое от его жизненного опыта, что он вполне мог назвать сие зрелище необъяснимым. Это был высокий, костлявый, тощий мужчина, полностью голый и покрытый бесчисленным количеством порезов и шрамов, с лысой головой, собачьим лицом и длинным змеиным хвостом с волосатым кончиком.

Едва появившись, он тут же исчез.

Вытащив свой «Лес Баер», Пендергаст помчался к патрульной машине. Он увидел, что существо мчится со скоростью убегающей собаки, а затем сворачивает с дороги и направляется к заповеднику дикой природы и острову Кроу.

Агент обратил свое внимание на машину: лобовое стекло изнутри было забрызгано кровью. Заднюю дверь жестоко раскурочили, а ее окно выбили и вычистили все осколки. Схватившись за раму, Пендергаст проник внутрь салона. Луч его фонаря тут же нашел шефа Мердока, распластанного на переднем сидении. Вне всякого сомнения, он был мертв.

Пендергаст осторожно выбрался из машины и поспешил к месту, где это существо свернуло с дороги. Держа пистолет наготове, он дошел по песчаным дорожкам до забора, окружавшего заповедник — очевидно, что тварь перепрыгнула эту преграду одним махом. С другой стороны ограждения следы продолжались, ведя агента за собой путеводной нитью. Пендергаст вдруг остановился — достаточно надолго — чтобы визуализировать у себя в памяти карту местности, быстро рассчитав, что траектория движения существа должна закончиться в Олдхэме.

Констанс сейчас была в Олдхэме.

Он сорвался с места, остро осознавая, что монстр был раза в два быстрее него.

49

Констанс осторожно продвигалась по лабиринту туннелей. Несмотря на грязь и вонь, она ясно понимала, что эти коридоры не были заброшены. Совсем наоборот: их постоянно поддерживали в рабочем состоянии, швы между каменной кладкой регулярно замазывались свежим цементным раствором, а некоторые ослабленные места усиливались поддерживающими деревянными балками. Некоторые из креплений оказались настолько свежими, что из их древесины все еще сочилась

смола. В то время как вход сюда намеренно старались выставить заброшенным и пустынным, сами эти туннели явно использовались на постоянной основе.

Для чего они нужны? И кто их использовал? На этот счет у Констанс уже были кое-какие соображения.

Пытаясь двигаться туда, откуда доносился плач ребенка, она умудрилась все же потерять его в извилистых туннелях. Все эти ходы и движение воздуха в них создавали обманчивые звуки, сбивая с толку и заставляя думать, что источник звука находится не в одном месте, а в другом, а то и в нескольких местах сразу. Когда свет фонарика Констанс скользнул по стенам, она увидела — иной раз нацарапанные на селитре, иной раз написанные куском мела или угля — символы, похожие на Печати Тибейна: колдовские знаки, которые она видела в «Ложной Монархии Демонов», однако эти письмена выглядели еще более сложными и изощренными. То, что раньше лишь навевало подозрения, теперь стало однозначно тревожным: эти туннели, поняла Констанс, должно быть использовались культом. Не викканами, а настоящими *черными* ведьмами.

Она остановилась, чувствуя всю жестокость иронии. Слухи и легенды, отрицавшиеся почти всеми, основывались на истине: во время гонений ведьмы действительно бежали из Салема, основали колонию на болотах, а после перебрались сюда, в Олдхэм, когда колония на болотах перестала быть безопасной. Вход в эти туннели находился под псевдо-церковью — разве есть лучший способ скрыть свои темные ритуалы от посторонних глаз?

Жители Олдхэма, насколько знала Констанс, переехали в Дилл-Таун, и семьдесят пять лет спустя многие из них мигрировали оттуда на земли Эксмута — они или их потомки, несомненно, остаются там и сейчас, живя очевидно нормальной жизнью, но иногда... они приходят сюда и проводят свои темные ритуалы. Констанс задавалась вопросом, кто из множества встреченных ею горожан Эксмута тайно состоял в этом темном ковене.

Теперь она остановилась, чтобы разобраться в собственных чувствах. Она ощущала нечто, куда более сильное, чем страх, а именно своего рода любопытство. Эти темные туннели, которые могли бы до седых волос напугать среднестатистического человека, не отличались от некоторых проходов под особняком на Риверсайд-Драйв, за исключением мерзкого зловония и тревожных символов, которыми были покрыты стены.

Она внимательно прислушалась: теперь она снова смогла различить плач, слабое эхо причудливо проносило этот звук по закоулкам и

поворотам. Вычислив приблизительно верное направление, она медленно двинулась к источнику звука. Постепенно плач становился все отчетливее, и теперь Констанс уже различала второй голос: он был хриплым и казался отрывистым, но было в нем нечто материнское, заботливое — она сама не понимала, каким образом смогла расслышать это в нем.

Туннель сделал резкий поворот и прошел под низкой аркой, после чего Констанс оказалась в длинном коридоре — широком и с высоким потолком. В нем угадывалось нечто церемониальное. Стены были отштукатурены и усеяны вырезанными демоническими символами, каждый квадратный дюйм был с маниакальной педантичностью покрыт колдовскими письменами. Некоторые из них не встречались Констанс даже в «Ложной Монархии» или других многочисленных оккультных книгах, которые она изучала. Здесь в воздухе сильнее ощущался смрад фекалий, грязи и гниющей плоти. Вдоль стен стояли небольшие каменные резервуары, наполненные маслом, в каждом из которых плавал фитиль. Было ясно, что все это использовалось в ритуальных целях. Но… откуда выходила процессия и куда она шла? Коридор ведь заканчивался каменной стеной.

Констанс услышала плач девочки — на этот раз гораздо громче и ближе. Вздрогнув, она повернулась на звук. Он явно пришел откуда-то позади нее и пролетал мимо низкой арки, ведущей из длинного коридора. Констанс медленно подошла к арке и посветила фонарем в проход за ней. Он оказался коротким и заканчивался каменной тюремной камерой, огороженной ржавой железной решеткой с блестящим — явно новым — латунным замком. Внутри клетки дрожало то, что на первый взгляд казалось двумя кучами лохмотьев, увенчанными густыми спутанными волосами. Когда Констанс подошла ближе, не в силах оторвать взгляд от этого одновременно ужасающего и завораживающего зрелища, она поняла, что смотрит на людей — женщину и девочку. Мать и дочь? Их сплоченность в этой холодной камере, указывала на то, что так оно и есть. Они уставились на Констанс, внезапно замолчав и замерев, а затем вскинули руки, защищаясь от света, их широко распахнутые глаза были наполнены ужасом. Их лица были такими грязными, что Констанс не могла толком разобрать их черты или даже различить цвет их кожи.

Она опустила фонарь и приблизилась.

— Кто вы?

Нет ответа. Только молчаливые взгляды.

Констанс схватила замок и встряхнула его.

— Где ключ?

Этот вопрос вместо ответа вызвал неразборчивый вопль и рыдания девочки, протянувшей руку сквозь решетку. Констанс шагнула вперед, чтобы взяться за эту самую руку, однако грязь, покрывавшая кожу пленницы, заставила ее поколебаться. С криком девочка сама ухватила руку Констанс с огромной силой, как если бы хваталась за единственный спасательный круг, и начала что-то лепетать. Констанс не могла разобрать этот язык, а затем поняла, что это и не язык вовсе, а просто поток квази-человеческих восклицаний.

Старшая женщина оставалась устрашающе молчаливой и пассивной, ее лицо не выражало ничего.

— Я не смогу освободить вас, пока вы не отпустите мою руку, — сказала Констанс.

Когда она отстранилась, девочка продолжила безумно вопить. Используя фонарик, Констанс изучила всё окружение на предмет местонахождения ключа: стены, пол, потолок — ничего. Видимо, тюремщики предпочитали держать ключ при себе.

Констанс снова подошла к клетке, где все еще рыдала и выла девочка.

— Прекратите шуметь, — попросила она. — Я собираюсь вам помочь.

Стенаний стало только больше. Но мать, казалось, все поняла, поэтому она положила руку на плечо девочки в успокаивающем жесте, и та, наконец, замолчала.

— Кто вы? — спросила Констанс у матери. Она говорила медленно, четко произнося каждое слово. — Почему вас здесь держат?

Чей-то до боли знакомый голос раздался из темноты позади нее.

— *Я* могу ответить на этот вопрос.

50

Брэдли Гэвин стоял в арке, и его сердце бешено колотилось в груди. Он был глубоко шокирован и удивлен, обнаружив Констанс Грин в столь неожиданном месте. Она была одета в тяжелое длинное старомодное платье, пропитанное — впрочем, как и ее волосы — дождевой водой. Он сделал огромное усилие над собой, пытаясь подавить изумление, собрать воедино мысли и создать видимость спокойствия и самоконтроля. И по

мере того, как его шок утихал, он ощущал растущее чувство... чего? Чувство, что это не просто совпадение, а знак свыше, знак судьбы. Чувство, что сама вселенная создала эту возможность, и теперь ему осталось только взять все в свои руки и использовать наилучшим образом по своему усмотрению.

Он сделал шаг вперед.

— Мисс Грин. Констанс. Что вы здесь делаете?

— Я могу задать вам тот же вопрос, — тихо ответила она. — Что это за место? И кто эти женщины? — она держала фонарик в одной руке и зловещий стилет в другой. Гэвин был впечатлен... даже вдохновлен ее хладнокровием.

— Хорошие вопросы, — сказал он, выставив руки вперед в успокаивающем жесте. — Но это не лучшее место для объяснения. Могу я показать вам кое-что?

Он предложил ей свою руку, но она ее не приняла. Не потеряв присутствия духа, он развернулся и направился по длинному центральному коридору, приблизившись к тупику в конце него. Он знал — и это знание отзывалось приятным покалыванием в его груди — что Констанс обязательно последует за ним. Он остановился у дальней стены, нажал на три определенных кирпича, открыв тем самым секретную дверь, а затем широко распахнул ее. Взяв зажигалку, он быстро прошелся по комнате, поджигая фитили во всех масляных резервуарах.

Затем он с улыбкой повернулся к Констанс.

Она не пыталась сбежать. Не разразилась гневом или истерикой. Она просто смотрела на него.

Даже при том, что он сотни раз бывал здесь, он знал, что эта комната представляла собой весьма впечатляющее зрелище. В центре стоял алтарь, древний гранитный блок, обработанный еще в XI столетии, скрытый сейчас за грузным навесным саваном. Этот алтарь, созданный во Франции, был доставлен в Англию по морю, его множество раз прятали, перемещали с места на место, пока он, наконец, не нашел свое пристанище здесь. По обеим его сторонам виднелась романская резьба, изображавшая дьявола, отполированная тысячей лет использования. С одной стороны от него находился фантастически красивый резной стол — длиной в половину алтаря — на котором стояла большая серебряная чаша поверх льняной ткани. Также здесь были разложены ланцеты, скарификаторы и другие инструменты для кровопускания.

В мерцающем свете свечей на сводах пентагональной комнаты виднелись фрески, изображавшие дьяволов, горгулий, уроборосов, бесов, мужчин и женщин — все они резвились в своего рода раю грехов: сцена в духе Босха[98]. На стенах висели плотные гобелены, украшенные изображениями леса, цветов и единорогов, также относящиеся к романским временам. На поверхности толстых бочкообразных колонн виднелись вырезанные алхимические символы, оформленные с особой тщательностью. Сам потолок увешивали дюжины прекрасных конструкций, выполненных из соединенных между собой костей. Эти причудливые произведения искусства походили на неведомых зверей, птиц и даже чудовищ. В недвижимом воздухе они все равно создавали впечатление движения, легонько покачиваясь и поворачиваясь, словно живые, а их тени играли на стенах в свете свечей. Древние скамьи, отполированные веками использования, стояли рядами вдоль стен пятиугольной комнаты, на полу лежал толстый персидский ковер, которому было уже три сотни лет.

Гэвин внимательно наблюдал за Констанс. Как он и надеялся, она спокойно восприняла все увиденное, без истерики и возмущений, и просто осматривала помещение своими странными фиалковыми глазами. Он ощутил волну уверенности в том, что происходящее здесь было каким-то образом предопределено. Гэвин почувствовал уверенность в том, что эта женщина была особенной.

Он улыбнулся.

— Добро пожаловать.

— Добро пожаловать — куда? — спросила она ровным голосом.

— Прежде чем я расскажу вам, могу я спросить, как вы сюда попали?

Никакого ответа.

— Позвольте мне тогда угадать: вы здесь, потому что поняли, что колония ведьм не исчезла и не вымерла, она лишь переместилась в это самое место. И вы пришли сюда, чтобы провести расследование. Я прав?

Она не отреагировала. Боже, как же трудно было хоть что-то прочесть по ее лицу! А эти странные фиалковые глаза сводили с ума.

— А сейчас вы добрались до всего этого, — он развел руками. — Должно быть, это кажется вам очень странным и сбивающим с толку.

Она так ничего и не сказала.

— С чего бы начать? — он нервно рассмеялся. Эта девушка заставила его снова почувствовать себя неуверенным подростком. — Я не знаю, как вы это сделали — в самом деле, не знаю — но ваш приход сюда... это знак. Это, без сомнения, знак.

— Знак чего?

Он посмотрел в ее красивое, странно бесстрастное лицо и почувствовал, что эта женщина была еще глубже, чем ему изначально показалось. Тем лучше.

— Это, Констанс, наш храм поклонения.

— Ваш храм...

— Да. *Наш* храм. А это наш алтарь.

— Могу я спросить, алтарь какой именно религии?

— Можете. Мы практикуем старейшую религию на земле. *Настоящую* религию. Как вы, без сомнения, догадались, мы ведьмы, — он пристально вглядывался в ее лицо, но так и не сумел интерпретировать тень выражения, которое быстро по нему пробежало. — Настоящие ведьмы и колдуны. А то, чему мы поклоняемся, уходит корнями на двадцать тысяч лет назад.

— А над теми женщины вы, по-видимому, совершаете свои зверства?

— Не зверства. Вовсе нет. Пожалуйста, дайте мне возможность объяснить вам прежде, чем вы вынесете свой вердикт. Констанс, я уверен, что вы должны понять, что ваш приход сюда — и мое прибытие в то же самое время — не случайность. Не случайность и то, что у Кэрол не получилось отравить вас своим чаем. Она ревнивая женщина... но мы отклонились от темы.

Констанс не ответила.

— Я с самого начала понял, что вы — одна из тех исключительных людей, о которых мы говорили в гостинице. Вы помните тот разговор?

— Очень хорошо помню.

— Я знал уже тогда, что вы можете стать одной из нас. Мы не принимали новичков в нашу семью уже две сотни лет. Требуется действительно особенный претендент, который сможет понять, кто мы такие. И вы — именно такой претендент. Внутри вас зреет восстание, вы стремитесь к свободе. Я вижу в вас желание жить по своим собственным правилам.

— Так и есть.

Гэвин был удивлен тому, насколько легко это оказалось, и насколько естественно это все ощущалось.

— А еще в вас есть тьма.

— Тьма?

Это было еще более обнадеживающим.

— Да, но это… хорошая разновидность тьмы. Тьма, которая приносит свет.

— Кто вы?

— Я колдун. Мои родители тоже ими были, как и мои бабушка с дедушкой… и еще полдюжины предыдущих поколений в Эксмуте, а до этого в Олдхэме, а до этого в Болотной колонии Нового Салема, в самом Салеме, на Британских островах и так далее до Туманных Веков. Я родился и воспитывался в этой традиции так же естественно, как многие современные дети воспитываются в христианстве или любой другой вере, в которой они были рождены. Наши практики могут показаться немного шокирующими для тех, кто находится от них в стороне, но так же было и с церковными христианскими служениями для тех, кто ничего в них не понимал. Я спешу добавить, что мы не противники христианства. Мы верим в жизнь и позволяем жить. Мы не жестокие люди. К примеру, мы никогда не принимали участия в том ужасном массовом убийстве женщин и детей, которые плыли на борту того корабля. Это сделали так называемые христиане.

Гэвин сделал паузу, с любопытством изучая реакцию Констанс и стараясь прочесть ее мысли.

— Посмотрите на красоту этого храма, на древние реликвии, что выставлены здесь, ощутите вес их истории и подумайте об их предназначении. Я понимаю, коридоры, ведущие сюда, могут отталкивать — кровь, запах и все прочее. Но вы же видите, Констанс, церемонии нашего ковена свободны от эвфемизма. Они включают в себя настоящую кровь и настоящую плоть в *настоящем* жертвоприношении. И я мог бы добавить, что они включают… настоящую чувственность.

Опять же, ее лицо ничего не выражало и не выдавало никаких ее мыслей.

Он потянулся, чтобы взять ее за руку, и она позволила. Рука у нее оказалась холодной и липкой, но он все равно сжал ее.

— Я не хочу навязывать вам свои убеждения, но позвольте мне просто рассказать вам немного о нашей истории и о нашем происхождении. Я уверен, что б**о**льшую часть вы уже знаете: ради своей свободы Люцифер и его последователи были изгнаны с Небес. Но не в ад. Они оказались прямо здесь, на земле, и мы — *малефики* — их духовные последователи. Люцифер, ангел-повстанец, дает нам свободу быть собой и делать то, что мы пожелаем.

— И вы хотите обратить меня в эту веру.

Гэвин рассмеялся, покраснев, вопреки своим привычкам.

— Вы не случайно оказались здесь этой ночью. Вы и я были приведены сюда силами, природа которых выше нашего понимания. Силами, которые нам не дано постичь.

— Какими силами?

— Сегодня вечером два члена нашего общества должны были провести чрезвычайно важный обряд жертвоприношения. Однако все пошло не совсем так, как планировалось.

— Какое именно жертвоприношение?

— Мы поклоняемся Люциферу, но мы растим смертного дьявола в нашем культе. Он наполовину демон, наполовину человек. Его зовут Моракс, и он жил здесь, в этих туннелях. Уже много лет. Он — символ, наш духовный проводник… медиум, помогающий нам связываться с незримым миром. Но теперь для нас настали тяжелые времена. Ваш друг Пендергаст обнаружил и осквернил наше древнее поселение, забрав важные артефакты. Это стало потрясением для наших покровителей, для Демонов. И Кэрол сказала мне, будто вы выяснили, что колония ведьм не исчезла, как все думали, а лишь переместилась на юг. Сюда, если говорить более точно. Как следствие, наше сообщество было ввергнуто в свой наихудший кризис со времен 1692 года. Скрытность — наш единственный способ выжить. Мы всеми силами старались увековечить мысль, что ведьмы — *настоящие* ведьмы, которые сбежали из Салема — вымерли много веков назад. Но со всем тем, что недавно произошло в Эксмуте, со всеми этими убийствами и прочим, нашему ковену грозила опасность разоблачения. Хуже того, кощунственное использование священных Печатей Тибейна убийцами Данвуди в попытке скрыть их кровавую семейную историю, несомненно, разозлило Демонов. Это побудило нас совершить то единственное, что мы могли совершить, — впрочем, как уже несколько раз совершали это и в прошлом, — пожертвовать нашим живым демоном, чтобы успокоить силы тьмы. В последний раз мы жертвовали своим демоном во время урагана в 1938-м

году и в результате были спасены от смерти. И вот, вчера руководство нашего ковена решило, что мы снова должны пожертвовать Мораксом, принести его в дар Люциферу, чтобы получить его заступничество, чтобы он помог сохранить наше существование в тайне. Это должно было случиться чуть раньше этим вечером — в первую ночь полной луны.

— Но все пошло не так, как вы планировали?

— К моему сожалению, нет. Демон сбежал перед тем, как ритуал был завершен. Тем не менее, он все еще должен быть принесен в жертву. Вот, почему я здесь — чтобы закончить работу, которую не смогли выполнить мои собратья. Моракс сейчас в Эксмуте, впервые в своей жизни на свободе. И там он удовлетворяет свою жажду крови, но он вернется, когда насытится, потому что это его единственный дом. И когда он вернется, я буду готов.

— А после того, как вы пожертвуете им? Что тогда?

— Люцифер работает таинственным образом. Мы будем защищены — но я не могу знать, как именно. И, разумеется, мы вырастим нового демона из той же генетической линии, — он кивнул в сторону арки, которая вела к клетке, где содержали женщин. — Эти две женщины и являются нашими инкубаторами, если можно так выразиться. Они — мать и дочь. Они несут ген, который пришел к нам с китобоями из южной части Тихого океана еще в XVIII веке, когда семья с удаленных островов присоединилась к нашему ковену. Среди этих островитян был распространен определенный дефект: некоторые из них рождались с хвостом. Это были настоящие хвосты, Констанс, не рудиментарные хвостовые придатки. У их хвостов были полностью сформированы позвонки, а у носителей был определенным образом расширен копчик. Когда мои предки увидели, что женщины этой семьи дали жизнь подобному существо, можете вообразить, каково было их волнение? Это был Моракс, возрожденный Моракс во плоти — точно такой же, каким он был описан и изображен в древних текстах. Это был подарок нам от Люцифера. И это стало центральным элементом наших церемоний богослужения. Моракс и его потомки существуют и по сей день, — он снова кивнул на арку. — Мать родила нынешнего Моракса. Дочь родит нам следующего.

— Слишком уж высокопарные разъяснения, — сказала Констанс.

Он лучезарно ей улыбнулся.

— Глубокая и мощная философия, Констанс, не может быть легко понята сразу. Вы должны жить и дышать ею. У нас на это было много веков. Мы

никого не беспокоили, живя в своей вере. Раз в месяц мы окропляем алтарь кровью Моракса, которую мы регулярно получаем. Настоящая кровь очень важная для нашего ритуала. В противном случае мы вынуждены будем жить совершенно обычной жизнью, как и все остальные. Мы молимся, просим о помощи и общаемся с невидимыми Демонами — полчищами бесов и дьяволов, что эквивалентно христианским святым. Мы не помешиваем зелья и яды в горшках и не втыкаем булавки в куклы. У нас здесь своя философия свободы. И я должен добавить, что в нашем сообществе мужчины и женщины обладают совершенно равными правами.

— И вы хотите, чтобы я к вам присоединилась.

—Да. И даже больше. Кэрол Хинтервассер и Марк Лилли, наши бывшие лидеры, погибли от руки демона — что автоматически делает меня лидером нашего сообщества. И мне нужен партнер. Я хотел бы, чтобы им стали вы.

Гэвин все еще не мог ничего прочесть по ее лицу. Он сделал шаг к ней.

— Я чувствую, что вы еще недостаточно глубоко понимаете все, но в вас есть горячая чувственность — добела раскаленная, но при этом удивительно сдержанная.

Она продолжала смотреть на него, не двигаясь и ничем не выдавая своих мыслей. Он никогда не встречал человека с таким самообладанием. Это лишь усилило его чувство, что ей суждено присоединиться к нему.

Он подался вперед.

— Чувственное наслаждение лежит в самом сердце нашей религии. Вот как мы празднуем дар жизни — через нашу физическую силу, через нашу плоть и кровь, через наши органы удовольствия. Так Люцифер просит нас поклоняться ему, через возвеличивание чувственных удовольствий нашего тела!

— Другими словами, — проговорила Констанс, — ваши поклонения носят плотский характер.

— Мы называем это Сексуальным Дискурсом.

— На публике?

— Мы возносим молитвы со своей общиной все вместе. При праздновании Сексуального Дискурса на публике увеличивается и волнение, и получаемое удовольствие. Мы проводим наши обряды прямо здесь, в этой комнате, на алтаре.

— То есть, вы совокупляетесь на алтаре на глазах у толпы?

— Грубо говоря, да. Два избранных человека — не состоящие в браке, у которых не было сексуального контакта друг с другом — принимают первое, свежее сексуальное удовольствие друг от друга на алтаре, помазанном кровью Моракса. Я могу заверить вас, что это будет сексуальный опыт, которого вы никогда не испытывали за всю свою жизнь.

— Не сравнится ни с чем, что *я* испытывала? — переспросила Констанс.

— Для меня было бы честью инициировать вас в веру.

— Прямо сейчас?

— Я планировал бы сделать это не так. Обыкновенно это делается перед группой. Но у нас чрезвычайная ситуация, и силы, которые заставили нас с вами встретиться здесь сегодня, сами призывают нас к этому. Поэтому... да. Для всех, кто желает присоединиться к нам, этот акт является обязательным.

— А если я не хочу?

Этот вопрос удивил Гэвина. Она следовала за нитью его повествования до этого самого момента и явно благоволила тому, что он говорил...

— Послушайте, зачем строить гипотезы? Вы собираетесь присоединиться к нам, я это знаю.

— Точно?

Он ощутил нарастающее беспокойство, даже панику. Он задавался вопросом, что сказать, чтобы свершить неизбежное.

— Почему бы вам не присоединиться к нам? Вы идеальны. Вы — та, кого мы ищем. Я не сомневаюсь, что вы станете великим лидером.

— А если нет?

— Пожалуйста, Констанс, рассмотрите мое предложение очень тщательно, потому что это ваш первый, последний и единственный шанс. Я *знаю*, что у вас в крови кипит дикая жажда свободы. Мы развяжем эту свободу вместе, и это будет прекрасно.

— Прекрасно.

Слово, от которого повеяло сарказмом, повисло в воздухе. Гэвин почувствовал, как в нем зарождается тягучее чувство разочарования, смешанное со злостью. Возможно, после всего, чем он с нею поделился, после всех знаков, что были ему даны, она все же собиралась сказать «нет» и разрушить все его надежды. Он положил руку на рукоять своего пистолета. Ей нельзя позволить уйти отсюда. Это будет конец всему.

— Констанс, подумайте *очень* хорошо…

Но теперь он видел, что ее кажущийся интерес не был принятием. Ее спокойствие не было признаком молчаливого согласия, а ее вопросы лишь вытягивали из него информацию, которая могла быть потом использована против него самого.

— О, Констанс, Констанс, пожалуйста, не делайте этого…

И снова тишина. Да будет так. Гэвин знал, что эта женщина может быть ему верным другом, но также может стать и самым опасным врагом. Он почувствовал себя обманутым. Одна из первых вещей, которую он узнал еще в детстве, заключалась в том, что всегда необходимо наносить первый удар самому. Это надо было сделать раньше, чем твой противник поймет, что бой уже идет.

Поэтому он ударил первым. Гэвин бросился вперед, выбив стилет из руки Констанс, взяв ее шею в удушающий захват и приставив пистолет к уху. Толкнув ее спиной о ближайшую стену и прижав к ней, он защелкнул комплект наручников вокруг ее запястий.

Все закончилось еще до того, как началось. Он полностью застал Констанс Грин врасплох, после чего отпустил ее и отступил назад, все еще держа свою несостоявшуюся противницу на прицеле.

— Все должно было быть не так, — с горечью сказал он.

Она посмотрела на него, и он был ошеломлен взглядом этих фиалковых глаз.

— Мне жаль, что пришлось так поступить, но теперь я должен услышать ваше решение.

Молчание. Констанс сверлила его своим пристальным взглядом.

Он махнул пистолетом.

— Это момент истины.

В ответ она опустилась на колени и подняла с пола выбитый из ее рук стилет. При этом запястья ее были все еще скованны наручниками, и вряд ли такое оружие могло хоть чем-то ей помочь.

Удивленный, он сделал несколько осторожных шагов назад, опасаясь, что она может метнуть нож. Но потом он вспомнил, что ее запястья находились все еще в наручниках, и ее обращение с ножом выглядело неуместным.

— Что вы собираетесь с этим делать? — насмешливо спросил Гэвин.

Она потянулась и приставила кончик ножа к собственному горлу, прямо над яремной веной.

— Я собираюсь лишить вас удовольствия от изнасилования и убийства.

Когда она произнесла это, то надавила стилетом на свою кожу. После небольшого сопротивления клинок впился в плоть, и ручеек крови заструился вниз.

Гэвин почувствовал волну электрического шока, пробежавшую по нему. Несмотря ни на что, он был восхищен ею. Это была потрясающая женщина. Боже, она могла бы стать великолепным партнером! Он почувствовал возбуждение, но также осознал, что Констанс Грин никогда не присоединится к ним. Его волнение смешалось со страшным чувством печали.

Черт возьми! Ей предложили шанс на настоящую жизнь, а она отказалась от него!

Он уставился на то, как Констанс давит на нож, в то время как острый кончик лезвия проникал все глубже. Он мог сказать точно, что она не блефовала — она была готова убить себя, лишь бы не подчиниться ему. Она *собиралась* покончить с собой. Его ужас оттого, что она не присоединится к нему, уступил место волнению совсем другого рода.

— Давайте, — сказал он, задыхаясь от ожиданий.

Гэвин смотрел на то, как она медленно закалывала себя. Клинок проник чуть глубже. Гэвин был ошеломлен, прикован к ней всем своим вниманием, он никогда не видел в своей жизни ничего более эротического. Наблюдая за тем, с какой легкостью нож проникает в ее тонкое белое горло, видя, как рубиновая кровь стекает по ее бледной коже, он чувствовал волны сильнейшей дрожи и сильнейшего возбуждения, пробегающие по всему его телу.

И тогда взгляд ее глаз слегка изменился. Она замерла.

— Не останавливайтесь, — хрипло сказал он, и кровь застучала у него в ушах. — Сделайте же это. *Давайте*.

Но лезвие стилета отступило. Кровь бежала свободно, но разрез оказался поверхностным.

В Гэвине вспыхнули разочарование и гнев, и он поднял пистолет.

— Я был уверен, что у вас кишка не тонка, — сказал он. — Я ошибался.

Ранее глаза Констанс были постоянно сфокусированы на нем, но теперь они смотрели чуть в сторону. С внезапным ужасающим пониманием Гэвин развернулся, чтобы увидеть, насколько смертельно она отвлекла его. Безобразное существо с собачьей мордой сделало в его сторону решающий рывок, и Гэвин почувствовал, как рука с огромными когтями сжимает его руку в своей железной хватке.

51

Это был второй визит Хуана Риверы в Эксмут, и сейчас, глядя на то, что когда-то было причудливой деревенской улицей, он увидел нечто, больше напоминающее ад Данте. Команда спецназа, которую он возглавлял, высадилась из своих транспортных средств, чтобы приблизиться к месту происшествия пешком — их первостепенной задачей было обеспечение безопасности периметра, чтобы парамедики могли забрать мертвых и раненых. Позади них размещался временный командный штаб, откуда раздавались крики по рации, звучали сирены и метались лучи прожекторов. Две задействованные бронемашины — каждая оборудованная пулеметом .50 калибра — были готовы к действию, если убийца (или убийцы) снова появятся.

Но, похоже, что убийцы исчезли. Город был молчалив — смертельно молчалив. С того места, где он стоял, Ривера увидел два тела, распластанных посреди улицы. Прищурившись, он понял, что вдалеке маячат очертания еще одного трупа. Тем временем буря, стремительно движущаяся с северо-востока, начала понемногу стихать; дождевые шквалы приходили все реже и ветер уже не столь агрессивно набрасывался на округу. Выключенные уличные фонари темными тонкими силуэтами возвышались над мрачными фигурами обесточенных домов, и единственным источником света на всю округу являлся дом, стоявший дальше по улице, объятый последней стадией пожара и отбрасывающий яркие пламенные блики на развернувшуюся кошмарную сцену.

Ужас, который команда передовой разведки обнаружила на Дьюн-роуд — тело шефа полиции, растерзанное внутри его собственной служебной машины — глубоко шокировал Риверу. По пути в Эксмут по рации передавались обрывочные сообщения: сумасшедшие истории о монстрах, демонах, анархии и массовых убийствах. Сержанта — он представился именем Гэвин — нигде не могли найти и он не отвечал на всевозможные полицейские запросы. Ривера задался вопросом, вдруг он тоже был мертв.

Что, черт возьми, здесь произошло? Ривера с трудом сглотнул, собравшись с духом. Еще будет предостаточно времени, чтобы разобраться в этом. А сейчас его команде необходимо было как можно скорее оцепить район, оказать первую помощь пострадавшим и увезти тела погибших.

Он поднял свою рацию, отдал приказы, и команда спецназа начала строем продвигаться бегом по главной улице. По мере их продвижения, масштабы резни стали казаться все более ужасающими. Один из подчиненных Риверы начал бормотать себе под нос молитвы, и в его голосе послышались столь явные нотки страха, что командиру команды пришлось заставить этого парня заткнуться. Остальные тоже перешептывались: кто-то тихо комментировал происходящее, кто-то не мог удержаться от потока ругательств.

«Какого черта здесь произошло?» — недоумевал Ривера. — «Террористы? Наркоманы? Бандитская разборка?»

Он сам невольно начал немного нервничать. Развернувшаяся сцена казалась совершенно нереальной. Ривера замечал, как неохотно и нерешительно продвигались вперед его люди, и хотя никто из них никогда бы в этом не признался, все они были не на шутку напуганы. Перед ними раскинулась не просто сцена городской драки… это была даже не война. Нет, то, что произошло в Эксмуте, больше напоминало воплотившийся в реальности фильм ужасов.

Он попытался отбросить собственное чувство страха и взять ситуацию под контроль. Лишенным эмоций голосом, который он смог мобилизовать, Ривера отдал приказы, разделив команду на две части и направив одну налево, вторую направо, чтобы обезопасить главную и боковые улицы. Первое тело, к которому он подошел, было ужасно изувечено, как будто на этого человека напал дикий зверь.

Рация начала трещать от поступающих сообщений:

— Жертва на улице у дома номер одиннадцать по Мейн-Стрит!

— Две жертвы в гостинице!

Сначала сообщения были короткими и редкими, но вскоре команда начала присылать отчеты о жертвах бойни почти наперебой с пугающей частотой.

Как бы отстранившись от хаоса, Ривера внимательно следил за работой своей команды, проверяя, чтобы его люди действовали по уставу: это было большое дело, очень большое дело, и все, что они сейчас сделают, будет тщательно проанализировано — возможно, даже не раз и не два. Со всей возможной эффективностью — которую в сложившихся обстоятельствах язык не поворачивался назвать высокой — его люди установили периметр бойни и начали патрулировать его зонально, после чего на место происшествия пропустили машины скорой помощи. Без сирен. Через несколько минут подоспели парамедики и направились к многочисленным жертвам, выполняя сортировку и, при необходимости, оказывая первую помощь.

Впрочем, весьма немногие в этой первой помощи нуждались...

Затем пришло время зачистки домов. На главной улице их было около двадцати. В трех из них входные двери оказались выломаны, и внутри них команда Риверы обнаружила еще несколько тел. Среди трупов было также найдено несколько убитых домашних животных.

В остальных домах скрывались выжившие: целые семьи, забаррикадировавшиеся в подвалах, или прячущиеся на чердаке и во всевозможных шкафах, были так напуганы, что едва могли двигаться или говорить. И когда они, наконец, обрели дар речи, то начали рассказывать о мелькавшем на улице существе: демоне с лицом собаки и хвостом. Люди Риверы могли лишь недоверчиво качать головами в ответ на эту информацию — по большей части, они ее проигнорировали, ведь во время шторма людям могло что угодно померещиться в темноте. Похоже, при столь несвоевременном отключении электроэнергии никто так и не рассмотрел нападавшего, как следует... по крайней мере, никто *из выживших*.

В гуще сражений в Ираке Ривера испытывал хаотичный, коллективный ужас, при котором события мелькали настолько быстро и сумбурно, что потом никто не мог сказать точно, что на самом деле произошло. Казалось, что нечто подобное наблюдалось и здесь. Выжившие не могли предоставить надежных сведений, заслуживающих доверия, хотя их воспоминания оказались удивительно последовательными в определенных вопросах. Если б только можно было найти того, кто бы хорошо и внимательно рассмотрел убийцу...

И вдруг, как по заказу, Ривера услышал крик. Из-за дома появилась пошатывающаяся фигура мужчины — не совсем пьяного, но и не совсем трезвого — с диким взглядом. Он кричал и размахивал руками. Заметив Риверу, мужчина бросился к нему, раскинув руки, и прежде чем Ривера успел отреагировать, незнакомец в панике обнял его так сильно, как может только утопающий сжимать своего спасителя.

— Слава Богу, слава Богу! — кричал он. — Это конец света. Демоны вырвались из ада!

Удивительно, но, несмотря на всю подготовку Риверы и быстроту реакции, в порыве отчаяния этот мужчина сбил его с ног.

Два члена команды спецназа подоспели на помощь к Ривере и не без труда оторвали от него мужчину, а затем прижали его к земле. Он продолжал вырываться и кричать.

Ривера поднялся, а затем склонился над ним, пытаясь говорить спокойным голосом.

— Как вас зовут?

В ответ последовала лишь новая порция крика.

— Разве это имеет значение? — безутешно воскликнул мужчина. — Настал конец света! Теперь ни у кого не будет имен!

Ривера наклонился ближе и обхватил лицо мужчины руками.

— Послушайте, я здесь, чтобы вам помочь. Меня зовут лейтенант Ривера. Как ваше имя?

Мужчина начал понемногу выходить из состояния бессмысленной паники. Он посмотрел на Риверу, глаза в глаза, пот струился по его лицу.

— Это не конец света, — продолжал спокойно Ривера. — Я хочу, чтобы вы выслушали меня. Вы меня слышите? Кивните, если вы понимаете меня.

Мужчина продолжал пристально смотреть на него и, наконец, кивнул.

— Назовите мне ваше имя, пожалуйста?

Послышался хрип.

— Бойл.

— Мистер Бойл, вы ранены?

Мужчина покачал головой.

— Что вы видели?

Он начал дрожать.

— Слишком много...

— Расскажите мне.

— Это был... демон.

Ривера сглотнул.

— Не могли бы вы описать нападавшего?

— Оно... он... шел по улице... Он бежал... Без единого звука. Он только говорил одно и то же снова и снова...

— Что он говорил?

— Что-то вроде «сын, сын»... Он был ужасным, огромным, ростом семь футов. У него была морда собаки. Гнилые зубы. Он был голый. С ужасной желтой кожей. И он вонял. Он вонял, как дерьмо.

— Голый? В такую погоду?

— Да. И... у него был хвост.

— Хвост? — это слово принесло разочарование. Новый свидетель, похоже, будет таким же бесполезным, как и все остальные.

— Ужасный хвост, не похожий на настоящий: он извивался за ним, как змея. И у него были руки, гигантские руки, которые разрывали людей, как будто они были не более чем... — его охватил сильный приступ дрожи. — О, Боже... Боже!

Ривера покачал головой и выпрямился.

— Отведите этого мужчину к машине скорой помощи. Он не в себе.

Пистолет Гэвина отлетел в сторону, когда существо схватило его за руку и с рычанием потянуло к себе, сильно сжимая при этом запястье. Послышался слабый хруст сухожилий. Гэвин скривился от боли, но не закричал, он продолжал смотреть на своего мучителя, как будто находился в шоке.

Констанс оставалась по-прежнему неподвижной.

«Так это», — подумала она со странной отстраненностью, — «и есть Моракс. Демон». И все же он был человеком — хотя бы его б***о***льшая часть. Высокий мужчина с ужасно деформированным лицом: морда с выдвинутой вперед челюстью и торчащими зубами, выступающими из-за бесформенных губ, и покатый лоб с массивным стреловидным гребнем, который поднимался, как костяной ирокез над его вытянутым черепом. Его землистого цвета кожа была пропитана грязью и отдавала желтизной, усеянная множеством гнойников, струпьев и крошечных шрамов, а его глаза имели глубокий оранжево-коричневого оттенок. Тело существа было жилистым и мускулистым. Одежды на нем не было — это лысое подобие человека оставалось совершенно нагим, а его зловоние мигом заполнило всю алтарную комнату.

Но хвост — хвост — был тем, что больше всего привлекло внимание Констанс. Это был не типичный хвост животного, а скорее длинная веревка из розовой плоти — сейчас совершенно обмякшая. Ее дубинообразный конец ощетинился тонкими волосками. Вопреки словам Гэвина, в этом хвосте не было жизни, он просто тащился за Мораксом, как вялая парализованная конечность.

Монстр держал запястье Гэвина, массивной, как и медвежья лапа, с лопатоподобными пальцами, оканчивающимися коричневыми ногтями. Он пристально смотрел на Гэвина, его зрачки сузились от ненависти. Казалось, что на мгновение эти двое застыли в гротескной картине.

И тогда существо издало звук... сердитый шипящий звук, который нарушил заклинание оцепенения.

Гэвин, морщась от боли, заговорил с выдающимся присутствием духа.

— Все в порядке, Моракс. Все будет хорошо. Теперь ты дома. Отпусти меня, пожалуйста.

Моракс снова зашипел. Казалось, он произносит нечто, вроде «*shunnng*», или «*sohnn*», Констанс не смогла распознать более четко.

— Ты причиняешь мне боль, — продолжал Гэвин. — Пожалуйста, отпусти.

В ответ Моракс скрутил запястье Гэвина еще одним резким поворотом. Раздался резкий щелчок. Сержант ахнул, но — к большому удивлению Констанс — сохранил самообладание.

Даже если бы она не слышала рассказ Гэвина, стало бы понятно, что у этих двоих была долгая и беспокойная история знакомства — история, которая казалась, вот-вот должна была достичь своего конца, так или иначе.

Оба были настолько сосредоточены друг на друге, что Констанс поняла, — у нее есть возможность сбежать, только если она будет двигаться осторожно. Однако путь, которым она впервые вошла в святилище, был заблокирован двумя противниками. Для спасения ей придется углубиться в туннели.

Она сделала шаг назад, а затем еще один, внимательно продолжая наблюдать за противостоянием.

— Моракс, — позвал Гэвин, — я теперь лидер ковена, а это значит, что мы — партнеры. То, что с тобой делали на протяжении многих лет, это совершенно неправильно, и...

С внезапным ревом, тварь дернула руку Гэвина и вырвала ее, как будто оторвала ножку у индейки. Кровь хлынула из оторванного запястья. С криком Гэвин отшатнулся назад, отчаянно пытаясь остановить кровотечение, его глаза широко распахнулись от ужаса. Демон снова взревел.

Констанс спокойно и медленно продвигалась вдоль задней стены комнаты. Эти двое были так поглощены своей борьбой, что полностью забыли о ней. Что бы ни происходило с Гэвином, это было нехорошо, и она особо не хотела этого видеть. Существо раздулось, подобно жабе, распаленное ненавистью.

— Пожалуйста, — умолял Гэвин, его голос прервался. — Мы уважаем вас, вы очень важны для нас! Я так... так сильно сожалею о том, что произошло. Теперь под моим контролем все будет по-другому.

Он протянул свою здоровую руку в умоляющем жесте.

Моракс, придя в ярость от этой речи, бессвязно взревел и схватил другое запястье, сильно скрутив и его. На этот раз Гэвин не выдержал и, издав пронзительный крик, рухнул на колени. Это был последний раз, когда Констанс видела сержанта — после этого она скользнула за угол в темноту центрального коридора и более глубоких туннелей за его пределами.

53

Пендергаст остановился у гребня невысокой песчаной дюны и взглянул вниз на руины Олдхэма, которые раскинулись в низине, заросшей кустарником и несколькими искривленными соснами. Шторм утихал — дождь временно прекратился, и ветер умолк. Но море продолжало с яростью колотить по галечному пляжу. Полная луна появлялась урывками, едва освещая мрачные руины, наполовину разрушенные стены, разбросанные тут и там провалы подвалов, кусочки посуды и морские стеклышки, блестящие на мокром песке.

Отпечатки босых ног твари оказались почти стерты, но на песке и на гальке все еще оставались от них углубления, и Пендергаст мог идти по следу. Он отметил, что некоторые следы явно принадлежали существу, но вперемешку с ними виднелись более мелкие углубления, принадлежавшие Констанс...

По расположению провалов подвалов Пендергаст смог определить, где проходила главная улица города. В ее дальнем конце он увидел разрушенную кирпичную стену на более высоком фундаменте из гранитных блоков: несомненно, это были руины церкви Олдхэма. Он подошел к краю спуска в подвал церкви, глубокое подвальное помещение встретило его разбитыми каменными блоками, разбросанными обвалившимися кирпичами, деревянными досками, мусором, а у задней стены еще и гнилой парусиной.

Он спустился в разрушенный подвал и осветил его фонарем, в первую очередь, обратив внимание на неприкрытую железную пластину у одной из стен, рядом с парусиной. Подойдя к ней, он встал на колени и осмотрел петли. Тщательное исследование показало, что они использовались — и часто. Он осторожно отодвинул пластину, не издав ни звука, и осветил внутреннее пространство за ней. Узкая каменная лестница вела к влажному туннелю, который, в свою очередь, уходил в темноту.

Прикрыв рукой фонарь, Пендергаст проскользнул внутрь, легко притворив за собой пластину. Выключив свет, он присел на лестницу, внимательно прислушиваясь к окружающему пространству: рокот прибоя здесь стал приглушенным, а из самого подземелья не доносилось ни единого звука, однако повсюду витало зловоние смерти и тления, слегка прикрытое слабым запахом горящего воска.

Он достал свой «Лес Баер» и снова прислушался. И снова — ничего.

Включив фонарик, Пендергаст осмотрел лестницу и увидел явные признаки того, что по ней недавно ходили, а именно песок, влагу от шторма, и частичный — но четкий — отпечаток голой ноги. В очередной раз он почувствовал глубокое беспокойство: след служил неопровержимым свидетельством того, что он упустил важные улики. Но даже сейчас, когда он анализировал эти самые доказательства в своем уме, то не мог прийти к объяснению внезапного появления в Эксмуте чудовищного босого серийного маньяка. Еще возникал вопрос, почему этот маньяк выбрал именно этот момент, чтобы выпустить свою ярость на город.

Внутри Пендергаста затаилось глубокое беспокойство о безопасности Констанс, в то время как он спускался по лестнице и продвигался вперед, скользя по туннелю подобно кошке. Резьба, как старинная, так и свежая — пиктограммы, рисунки демонов, символы, странные фразы на латыни — все это смешалось в один причудливый орнамент на стенах, мимо которых он проходил.

А затем он услышал нечто: животный рокот, и свистящую, получеловеческую речь. Пендергаст застыл, прислушиваясь, стараясь разобрать слова, хотя звук и искажался лабиринтом туннелей. Следом раздался голос, умоляющий и невнятный, снова слишком нечеткий, чтобы разобрать слова или даже пол оратора.

Звероподобный рев эхом разнесся по туннелям. Следом прокатился еще один рев, а затем, в ответ, разумный голос — умоляющий, сначала тихо, а затем все громче и громче. Вскоре речь оборвалась раскатистым, искаженным от ужаса и боли криком.

Пендергаст сорвался на бег. Туннель разделился, и он выбрал правую развилку, двигаясь в направлении, откуда, как ему показалось, пришел звук. Но в туннеле возникла еще одна развилка, и он снова выбрал то же направление, только чтобы обнаружить, что оказался в тупике. Он вернулся назад по собственным следам, и в этот момент раздался второй ужасный крик. Сейчас Пендергаст мог сказать, что это был мужской голос, но сквозивший в нем ужас оказался настолько глубоким, что его владельца никогда невозможно будет распознать.

Но где же Констанс?

Агент повернул в еще один проход, и тут луч его фонаря отразился от огромной лужи крови. Он направил фонарь чуть выше и наткнулся на два трупа, лежащих на спине с вывихнутыми конечностями и широко раскрытыми глазами. Пендергаст без труда опознал их обоих как жителей Эксмута: один из них был рыбаком, который отвез Констанс в полицейский участок, другого он видел лишь однажды вечером в баре

гостиницы. Оба были разорваны на части самым ужасным и жестоким способом. Кровавые следы голых ног цепочкой тянулись прочь от месива. Пендергаст осмотрел с фонариком всю сцену убийства. Воистину, она рассказывала ужасную историю.

А затем, как бы подчеркивая этот ужас, свежие звуки пытки и боли прокатились по туннелям.

***

Констанс Грин на ощупь продвигалась вдоль гладких стен туннеля, которых касалась обеими руками. Она оставила позади себя тусклый свет, и теперь скрывалась в глубокой темноте. Ее руки все еще были скованы, но ее стилет снова лежал в кармане платья. Звуки жуткой агонии и пытки продолжали эхом проноситься по туннелям. Констанс видела и слышала много неприятных вещей за всю свою долгую жизнь, но мало что из этого было настолько же отвратительно, как то, что, очевидно, сейчас происходило позади нее.

Все крики наконец-то стихли, потому что Гэвин, видимо, потерял сознание. Она снова сосредоточила свое внимание на насущной проблеме — вырваться из этой адской дыры и сбежать от безумного существа, которое ее преследовало. Она надеялась — хотя здравый смысл и подсказывал ей малую вероятность этого — что мог существовать второй выход в дальнем конце туннелей. Если его нет, то, возможно, найдется место, где она могла бы спрятаться и дождаться возможности ускользнуть отсюда.

Когда она углубилась в подземный комплекс, зловоние несколько рассеялось, сменившись земляными запахами грибов, плесени и сырости. Проблема заключалась в том, что она потерялась в темноте этой неизвестной сети туннелей и не знала, как вернуться тем же путем, которым она пришла. Но тьма не пугала ее — Констанс привыкла к ней, и в некотором смысле даже находила в ней успокоение — и она чувствовала уверенность в своей способности сливаться с темнотой, становиться единым целым со стенами. Со временем дезориентация также изменится на знание… если ей будет даровано это самое время.

И вот, с последним воплем отчаяния позади нее опустилась тишина. Демон закончил с Гэвином, и сержант скончался.

Он поднял свои руки. Они оказались красными и влажными. Он лизнул их. По вкусу они были похожи на решетки его клетки. Он посмотрел на пол. Голова «Плохого» лежала вверх ногами, язык вывалился, глаза широко раскрылись.

Он вдохнул воздух, и ощутил странные запахи. Женщина убежала.

Он выставил указательный палец и ткнул им в глаз мертвой головы. Невидящие глаза продолжили смотреть на что-то далекое. Очень далекое.

Где же женщина?

Он понюхал воздух. Он хотел, чтобы она ушла. Это был его дом. Это была его территория. Не ее. Он избавился от ненавистных лиц. Они больше не появятся. Это место сейчас принадлежало только ему.

Он прошел мимо алтаря и погасил свет. Теперь стало темно. Тьма была его другом. Она заставляла других делать глупости и бояться.

Женщина отправилась в «Тупики».

Его цепи исчезли. Внезапно появился Незнакомец, предупредил его об Убийце, который идет за ним, а затем сломал замок. Теперь он был свободен. Он мог отправиться куда угодно — даже в «Верхнее место». Но он уже был в «Верхнем месте»... и оно оказалось не таким, как они ему обещали. Они солгали. То, о чем он мечтал всю свою жизнь, было ложью. Как и все остальное, что они ему говорили. Они называли его Солнцем. Они причиняли ему столько боли — кровавым ножом и всем остальным... и они говорили ему, что просто нужно подготовиться. Однажды они обещали отвести его к Солнцу — теплому огню прямо в небе. Обещали, что тьма уйдет, и везде будет свет.

Пока он думал об этом, думал о боли, думал о лжи, думал о холодной черноте, которую обнаружил в «Верхнем месте» —точно такую же, как и здесь — ярость вернулась. Сильнее чем когда-либо.

Он направился в «Тупики». За женщиной.

Еще со времен детства Констанс была не чужда темнота. Несмотря на дезориентацию, она шла с ощущением того, что приближается к намеченной цели.

Стены были влажными и сочащимися. Иногда ее пальцы встречали пауков или многоножек, которые разбегались в панике, когда она пробиралась мимо них. Она слышала крыс, тихо шуршащих и мечущихся из стороны в сторону, которые также лихорадочно убирались с ее пути. Вокруг все сильнее пахло грибами, тиной и гнилью. В воздухе не ощущалось никакого движения, и явно становилось все меньше и меньше кислорода. Очевидно, что в этом направлении выхода не было.

Продвигаясь вдоль стены, она подошла к углу и остановилась, прислушиваясь. Единственным звуком, который она услышала, был низкий грохот прибоя, вибрация, движущаяся по самой земле, и слабый стук падающих капель воды. Все остальное погрузилось в тишину.

Она повернула за угол — ее ноги продолжали находить точки опоры на влажном полу, в то время как ее руки отслеживали стену. Она прошла мимо насекомого — сороконожки — и та упала ей на рукав, отчаянно извиваясь на ее коже. Констанс остановилась, чтобы осторожно ее стряхнуть. Она снова задумалась о том, чтобы попытаться найти место, спрятаться и переждать, но отвергла этот вариант как последнюю стратегическую меру. Демон Моракс, наверняка, знал эти туннели намного лучше, чем она. С единственным стилетом, и скованными руками, она и не надеялась убить его. После того, что он сделал с Гэвином — что она видела и что она слышала — она знала, что с нею это существо захочет сделать то же самое.

Итак, в этом направлении не было спасения. Констанс нужно было вернуться, пройти мимо Моракса и выйти тем же путем, которым она вошла в этот лабиринт.

***

А. К. Л. Пендергаст отвернулся от двух выпотрошенных тел. Он отступил от них и побежал по боковому туннелю в направлении, откуда доносились крики, даже несмотря на то, что сейчас они затихли со зловещей быстротой. Почти сразу же он оказался у еще одной развилки туннелей. Агент остановился, чтобы внимательно прислушаться, но в наступившей тишине уже не было возможности определить, с какой именно стороны доносились крики.

Масштабы и размеры туннелей застали его врасплох. Похоже, что они строились длительное время, возможно, даже в течение столетий — было очевидно, что стиль их постройки изменялся от одного участка к другому, что указывало на работу многих лет. У них было определенное сходство с катакомбами, которые он когда-то исследовал в Риме: тайное место поклонения культа. Но здесь было гораздо больше подобных туннелей, равно как и причудливых символов на стенах, запахов соответствующего рода и другого зловония — намного хуже — свидетельствующих о культе.

Осмотрев землю, Пендергаст отправился по левому ответвлению, так как казалось, что по нему ходили чаще. Этот туннель также несколько раз разветвлялся, но агент предпочел придерживаться хоженой тропы. Через несколько минут туннель повернул за угол, и Пендергаст обнаружил, что смотрит на тюремные решетки, блокирующие путь вперед. Металлическая дверь решетки оказалась открыта нараспашку. Из тупика доносилась столь мерзкая вонь, что от нее начинали слезиться глаза. По ней можно было сделать только один вывод: здесь довольно долго держали кого-то с полным отсутствием гигиенических или туалетных процедур.

Пендергаст провел лучом своего фонарика по грубой камере и увидел, что она тянется футов на сто и оканчивается у стены настилом из грязной соломы, рядом с которым находилась переполненная выгребная яма, а чуть поодаль стоял сломанный стол. Стальной ошейник, усеянный острыми шипами, был прикреплен к цепи из металлических звеньев. Она висела на одной из голых каменных стен. Склонившись, Пендергаст заметил следы узника на влажном песчаном полу — путаницу человеческих босых ног, соответствующую отпечаткам, по которым он последовал сюда из Эксмута. Именно здесь убийца был заперт — очень долгое время.

Пендергаст выпрямился и, подсвечивая себе фонарем, взглянул на лежащий на земле замок, которым когда-то запирали дверь. То, что поначалу предполагало беглый осмотр, внезапно потребовало более пристального внимания. Он поднял замок и подверг его минутному осмотру, в какой-то момент достав свою портативную лупу и изучив механизм. Это был почти новый навесной замок с надписью «Abloy» с верхним запирающим цилиндром, неуязвимым для сбивания. Несомненно, самый серьезный замок, который мог бросить вызов даже самому Пендергасту. Тем не менее, он смог заметить, что в его работу вмешались тонким, умным и хитрым способом, чтобы он казался запертым, когда на самом деле это было не так.

Что-то в данном методе вмешательства показалось ему пугающе знакомым.

Закончив осмотр, он вошел в тюрьму и направился в дальний конец тупика, переступая через грязь, старые куриные тушки, куски гниющей шкуры и сломанные кости. Жирные тараканы разбегались от луча света. Около дальней стены лежали разбросанные и открытые оковы, манжеты и цепи. Они также оказались усовершенствованными, высокотехнологичными устройствами недавнего производства. У каждой оковы с манжетой был свой маленький замок. И снова Пендергаст по очереди осмотрел каждый из них.

Проведя это исследование, он побледнел еще сильнее — его и без того светлая кожа стала белой, как фарфор.

Тюремщики тщательно ухаживали за этим местом и тратили большие деньги, чтобы обеспечить заключенному абсолютно надежную охрану. Но при последнем визите к этой камере они не знали, что замки на оковах и манжетах были испорчены, и существо сможет освободиться и напасть на них.

Несомненно, тюремщиками были те два мертвеца, на которых Пендергаст наткнулся в предыдущем коридоре.

Когда он осмотрел последний замок, его обычно твердая рука начала дрожать, и он отбросил цепь. Его колени подогнулись, и он, потеряв равновесие, рухнул на землю.

Неопределенный звук достиг его ушей. Спустя долгое время он стряхнул с себя паралич и поднялся на ноги. Констанс все еще находилась где-то в этом комплексе туннелей — и теперь оказалось, что она находится в гораздо большей опасности, чем он предполагал до этого.

Вынуждая свой разум вернуться к первостепенной задаче, он вскочил на ноги и помчался по сырым коридорам, снова следуя по протоптанному пути, теперь невзирая на шум, который сам же и производил. После нескольких поворотов он вышел в широкий коридор, ведущий в большую, тяжеловесно оформленную, пятиугольную комнату, освещенную свечами, доминирующее положение в которой занимал алтарь. Он остановился, осматривая все своими серебристыми глазами. На алтаре лежал мерзкий клубок плоти и костей. Он был настолько деформирован, что Пендергасту понадобилось мгновение, чтобы понять, что это месиво когда-то было человеком. Мышцы все еще подергивались: неврологический эффект. Этот человек был убит совсем недавно. Но где же убийца, который только что завершил это зверство?

Пендергаст развернулся с «Лес Баером» в руке, скользя фонарем по темным нишам, которые он миновал на входе в комнату с алтарем, но еще до того, как его луч достиг последней ниши, фигура, которую он уже

видел во время нападения на Мердока — обнаженная, чудовищная, желтая — выскочила из темного угла. Пендергаст навел пистолет и выстрелил, но тварь сделала ловкий нижний флип, который позволил ей избежать пули, и в то же время нанес Пендергасту удар ногой, выбив оружие из его руки. Агент повернулся боком, уходя от следующей атаки, и со всей силы впечатал кулак монстру в живот, однако, когда он повернулся, отступая, хвост чудища звонко хлестнул его по лицу. Пендергаст откатился, вскочил на ноги, наклонился и достал из ножен, расположенных на голени, модифицированный боевой кинжал Ферберна-Сайкса[99] с коротким усиленным лезвием, но существо воспользовалось отвлеченным движением агента, чтобы подобраться к нему, а затем с рыком напасть.

Они упали на землю, тварь оказалась сверху. Пендергаст попытался ударить своего противника кинжалом, но лезвие было грубо перехвачено массивной рукой, и его попытались вырвать из руки агента. Схватившись за клинок, монстр серьезно поранил руку, и из изувеченной ладони полилась кровь. Стараясь не думать о недавно возникшем беспокойстве, Пендергаст был вынужден бросить фонарик и полностью сосредоточить свое внимание на хватке чудища, пытаясь вогнать клинок в цель, несмотря на сжимавшие его пальцы. Фонарик откатился к стене, все еще изливая слабый свет. Пока противники боролись за кинжал, вонючий демон раскрыл пасть и поломанными черными зубами ухватил уголок уха Пендергаста и прокусил его, хрустнув хрящом.

Сильный толчок мгновенно освободил Пендергаста от веса придавившей его твари, и он пнул ее коленом по грудной клетке. Послышался звук ломающихся ребер. С яростным ревом боли демон резко вырвал кинжал из рук Пендергаста, попутно отрезав себе несколько пальцев, а затем пригнул голову и попытался протаранить Пендергаста к стене. Агент скользнул вбок — более ловко, чем любой тореадор — и демон врезался в каменную стену. В тот же момент Пендергаст повернулся за его спиной и отпрыгнул назад.

Его первой мыслью была мысль о пистолете. Оружие лежало чуть поодаль, недалеко от демона, кинжал же находился ближе, справа. Пендергаст бросился за ним, и демон, вместо того, чтобы попытаться заблокировать ему дорогу, как ожидал агент, с хрустом ударил массивной ногой по фонарю. Вокруг сгустилась тьма.

Снова с клинком в руке, Пендергаст дважды перекатился по полу и поднялся, но атакующий предвидел этот ход и рухнул на бок. С сильным замахом, Пендергаст ударил его кинжалом, и лезвие глубоко погрузилось в плоть. Демон взвыл от боли и, выбив клинок из руки Пендергаста, временно отступил. Агент использовал передышку, чтобы быстро вернуться по коридору, через который он пришел сюда, в

лабиринт темных туннелей, раскинувшихся за ним. Судорожно ощупывая пространство перед собой, его рука соприкоснулась с камнем, и он перешел на бег, плюнув на меры предосторожности. Он чувствовал рядом с собой сырую стену и понятия не имел, куда направляется.

Все, что он знал наверняка, заключалось в том, что он был побежден, и то, что — если его страхи верны — эта тварь сейчас стала наименьшей из его забот.

56

Ситуация развивалась, как по учебнику. Когда Ривера окинул всю сцену целиком, она выглядела так же, как и во всех учениях по катастрофам и террористическим актам — такие учения десятки раз проводились в Лоуренсе и Бостоне. Сейчас весь город Эксмут, по сути, стал местом преступления. Бронемашины стояли на всех точках входа и выхода, медики обступили неподвижные тела, машины скорой помощи тихо приезжали и уезжали, члены команды спецназа, занимавшиеся патрулированием, допрашивали невредимых пострадавших и наблюдали за территорией на случай, если убийца вернется. Это была идеальная картина целенаправленной деятельности. Возрастающая толпа репортеров и микроавтобусов телевизионных служб сдерживалась у моста Метакомет-бридж, и их нужно было успокоить в ближайшее время, иначе они действительно могли сойти с ума. Воздушное пространство над всем городом было временно перекрыто, но вертолеты телевидения зависали над болотами и кружили около зоны ограниченного доступа, готовые рвануть, как только запрет будет снят.

Как только людей вокруг стало заметно больше, Ривера почувствовал странное успокоение — их суетливая деятельность помогла немного привести нервы в порядок. Чувство тревоги, несмотря на всю странность раскинувшейся перед глазами сцены, начало понемногу отступать. Теперь команда заметно приблизилась к пониманию того, что же на самом деле здесь произошло. Близился момент идентификации убийцы и раскрытия его мотивов. Если хотя бы одному свидетелю можно было верить, то картина складывалась следующая: убийца — это чудовищное, человекообразное существо, голое, грязное, с собачьей мордой и хвостом, которое двигалось быстро, как волк, и расчленяло своих жертв массивными, разрывающими руками.

Вот, что говорили факты.

Кроме того они нашли бесчисленное количество отпечатков ног шестнадцатого размера[100] — голых ног — по всему городу, внутри домов,

которые подверглись взлому… многие из них были отпечатаны в крови. Один убийца. Не обезумевшая толпа, не бунт, и не банда террористов. Очевидно, что все это сделал один единственный обезумевший маньяк. Что же касается свидетельских описаний этого убийцы, то Ривера списал б**о**льшую их часть на истерию и ужас. Но не все из них. Ясно, что какой-то сумасшедший — крупный и, несомненно, одетый в маскарадный костюм — убийца бушевал в городе. Но кем именно он был, почему он все это сделал, откуда пришел, и куда исчез — все это оставалось тайной, которую еще предстояло разгадать.

Один убийца. У Риверы снова сдали нервы.

При осмотре обнаружилась одна важная улика: один зоркий офицер заметил камеру безопасности, установленную перед магазином одежды, мимо которого убийца должен был пройти несколько раз. Запись с камеры велась в режиме 24/7 и была способна проводиться даже при низком освещении. А самое важное, что она переключалась на резервную батарею во время сбоя питания. Команда Риверы ворвалась в магазин и изъяла цифровую запись. Теперь специалисты обрабатывали ее в мобильном командном центре. Запись оказалась слишком темной из-за отсутствия внешнего освещения, но в настоящее время ее качество улучшали, и она должна была быть готова — он взглянул на часы — прямо сейчас…

Пока Ривера не посмотрел этот материал, он просто отказывался строить предположения о том, как один человек — тем более, босиком — мог посетить столько смерти и разрухи в целом городе. Вся эта ситуация находилась за гранью его опыта и понимания, но Ривера всячески пытался сохранить самообладание и крупицу здравого смысла… по крайней мере, пока он не увидел эту запись своими глазами.

Он поднял рацию.

— Гил?

— Да сэр?

— Запись готова?

— Хм, ну, вроде того, но я должен вам сказать…

— Ничего мне не говори. Я хочу увидеть ее свежим взглядом, без каких-либо предрассудков.

— Вы правы, сэр.

В голосе Гила не слышалось его обычной самоуверенности. Ривера отключил рацию и направился к командному центру: это был передвижной контейнер, установленный на платформе тягача с прицепом. Он поднялся по ступенькам и вошел, обнаружив внутри странную тишину. Не нужно было быть экстрасенсом, чтобы ощутить, что уровень напряжения в комнате зашкаливал.

— Что у тебя получилось? — спросил он.

Произошел обмен многозначительными взглядами. Гил, видеооператор, кивнул в сторону экрана.

— Это запись с камеры магазина. Было темно, но вся цифровая информация была записана и просто ожидала подходящей обработки. Область съемки охватывает площадку перед магазином, тротуар и часть улицы. На камеру было снято, как преступник оба раза прошел по улице. Временн**а**я метка в правом нижнем углу. Первый фрагмент начинается в 21:23, а следующий — в 22:04.

— Посмотрим на первый фрагмент.

В воздухе повисла какая-то нерешительность.

— Хорошо.

Ривера сложил руки на груди и посмотрел на монитор. Вначале ничего не было видно, словно съемка велась через мутный объектив и просто смотрела на пустой тротуар, захватывая край витрины магазина и часть улицы. Город был обесточен, и уличные фонари не горели, но камера записала зернистое, красноватое изображение, которое было удивительно четким. Внезапно возникло движение, и фигура прошествовала через монитор. Все заняло меньше секунды, но этого оказалось достаточно.

— Что за чертовщина? — спросил Ривера.

Тишина была ему ответом.

— Это парень в маске и костюме, — сказал Ривера.

Никто не ответил, только Гил предложил тихим голосом:

— Я покажу вам кадр за кадром.

Ривера смотрел, как запись перемотали и воспроизвели, на этот раз со скоростью один кадр в секунду. Убийца — если его можно было так

назвать — снова появился в поле зрения, и быстро прошел по тротуару по направлению в город.

— Останови! — рявкнул Ривера.

Гил остановил кадр.

— Я не могу поверить в это. Перейди на один кадр назад.

Оператор выполнил.

— Я не могу, на хрен, поверить в это! Можешь увеличить лицо?

Лицо было увеличено. Ривера прищурился, вглядываясь ближе.

— Это не маска.

— Нет, — ответил Гил.

Никто больше не заговорил. Ривера облизнул сухие губы.

— Продолжаем.

Он просматривал кадр за кадром со смесью глубокого шока и недоверия. Это в значительной степени совпадало с тем, что говорили свидетели — уродливый монстр с хвостом. *Нет*, сказал он себе, *это не монстр*. Это был человек. Чудовищный уродливый мужчина. Обзор шел сверху по диагонали, что подчеркивало его почти что собачью морду с торчащими зубами. Но вместо собачьего носа у него был человеческий нос, приплюснутый как у борца.

Лицо человека было залито свежей кровью и залеплено кусками приставшей плоти, медленно смываемой дождем. Выражение его лица определенно светилось ненавистью, глаза напоминали темные щели, рот раскрылся, показывая распухший розовый язык, с которого свисала нитка слюни. Его целеустремленная походка, пробрала Риверу до костей — столько в ней было злобы. И не только злобы. Похоже, во всей этой кровавой бойне не было место безумию или случайности — вся эта резня была актом, спланированным профессионалом…

Ривера обратил внимание на ноги… эти гигантские, массивные босые ноги с трехдюймовыми ногтями, следы которых они обнаружили повсюду.

Гил прокашлялся.

— Я перемотаю на следующий фрагмент, где он возвращается после бойни.

Ривера выпрямился.

— Мне больше не нужно ничего видеть. Мне нужны собаки. Ищейки. Сукин сын отправился на солончаки, и мы пойдем за ним.

— Лейтенант?

В тот же момент он повернулся, чтобы увидеть высокого смуглого мужчину, который до этого стоял в дальнем углу, давая показания одному из людей Риверы, направляющегося к нему.

— Кто вы? — спросил Ривера.

— Пол Сайлас. Проживаю за пределами Дилл-Тауна. Я невольно подслушал, что вы только что сказали. Если вы собираетесь идти на болота, вам лучше взять с собой того, кто знает дорогу, или вы никогда не выйдете оттуда.

Ривера более пристально взглянул на этого мужчину. От него исходила аура спокойной компетенции.

— Вы утверждаете, что знаете эти болота?

— Немного. Никто не знает их все.

— Вы видели это нечто на экране?

— Да, видел.

— И вы все еще хотите помочь нам?

Сайлас бросил взгляд из командного центра на темный город, а затем повернулся к Ривере.

— Конечно.

57

Двигаясь в кромешной тьме, Констанс услышала в отдалении звуки борьбы, но, даже внимательно прислушавшись, она так и не смогла понять, кто именно сражается с демоном, она лишь поняла, что это, должно быть, кто-то крепкий и сильный. Вскоре шум борьбы усилился, и

в какой-то момент демон взревел — не с отчаянием проигравшего, но с триумфом победителя — и Констанс почувствовала, что соперник монстра потерпел поражение. Когда звуки борьбы стихли, туннели снова погрузились в тишину, нарушаемую лишь отдаленным сопением демона. Констанс подумала, что его противник, очевидно, уже был мертв. Впрочем, ее это не удивило.

Констанс пересмотрела свое положение. Она провела многие свои молодые годы в темном подвале — пусть и не в таком, как этот — и когда-то обладала тончайшими чувствами слуха и обоняния. И столь же острым ночным зрением. Она знала, как передвигаться абсолютно бесшумно. Эти чувства, притупившиеся больше, чем она ожидала, от нормальной жизни, немного оживились здесь, в темноте при надвигающейся угрозе туннелей. Она не могла видеть — света не было совсем — но она могла слышать.

Существо снова засопело, громко, как собака, втягивая носом воздух и пытаясь уловить запах — ее запах. Но воздух оставался застывшим, без движения, и это стало ее преимуществом.

С особой осторожностью Констанс начала удаляться от звука. На ходу она одной рукой слегка скользила по стене и осторожно переставляла ноги, чтобы не шуметь. Стена туннеля сделала поворот, затем еще поворот, и еще один. Вскоре она зашла в тупик и вынуждена была вернуться назад по своим следам. В следующий раз она пришла к куче старых костей, которые тихо крошились под ее шагами, пока она пробиралась мимо них.

Констанс чувствовала, что бродит по подземному лабиринту из перекрещивающихся туннелей, альковов и тупиков. Опять же, воздух был совершенно застывшим, царила атмосфера затхлого запаха и тления. На земле валялось много старого мусора, а по стенам ползали сороконожки, пауки и клопы. Казалось, что эти туннели были давно заброшены, и, возможно, существо знало их очень хорошо. Что ей действительно было необходимо сделать, так это как-то проскользнуть мимо него, а затем выбраться отсюда — со всей возможной поспешностью.

Когда она прислушалась, то снова услышала сопение и тяжелое дыхание, и ей пришло в голову, что демон может быть ранен. Учитывая это обстоятельство, она лишь сильнее уверилась, что он ее ищет.

Она снова начала двигаться, не зная, куда именно идет, ее нынешней целью было просто держаться подальше от этого существа. Но как только она возобновила шаг, звуки прекратились. Констанс продолжала перемещаться по длинному отрезку тоннеля, затем замерла: она

услышала, как Моракс двигается, тяжело дыша, направляясь в ее сторону. Прижавшись к стене, Констанс стала ждать, затаив дыхание. Звуки приближались, и вместе с ними приближалось жуткое, ныне знакомое зловоние, которое окутало ее почти полностью. Огромные ноги шаркали по песчаному полу…

… но демон прошел мимо, двинувшись вперед по перекрестному туннелю.

Констанс выдохнула. Демон, похоже, не так остро чувствовал запах, как она боялась. Или он специально прошел мимо нее? Так или иначе, это был ее шанс. Если бы она пошла в направлении, противоположном демону, возможно, это вывело бы ее отсюда. По крайней мере, это увеличило бы расстояние между ней и им. Она направилась вперед — на этот раз быстрее — только чтобы внезапно почувствовать холодную, очень холодную руку, зажавшую ей лицо и рот.

58

Ривера стоял возле патрульной машины шефа Мердока, наблюдая, как кинолог натаскивает собак. Мужчина прибыл за рекордно короткое время в сопровождении двух мощных Редбон кунхаундов[101], которые, по его словам, были особенно пригодны для работы на болотах и на воде. Ривера очень на это надеялся: даже отсюда, он мог видеть, как быстро поднимался прилив.

Загадочный Пол Сайлас стоял в стороне, высокий и молчаливый. Ривера задумался, правильный ли выбор он сделал, приняв его помощь. Действительно, вокруг него ощущалась легкая аура военного. Когда он снова взглянул на темные соляные болота, колышущиеся на ветру, клочья тумана взметнулись в затихающей буре, и он понял, что у него не было никакого желания соваться в этот ад без проводника.

Пока он ждал кинолога, то разработал основной порядок преследования. Убийца, после того, как вначале посеял хаос в городе, совершил убийство шефа Мердока здесь, на Дьюн-роуд, а затем скрылся в южном направлении. С достаточно громким лаем, собаки взяли след от патрульной машины и тотчас же отправились по нему к болотам.

Сайлас последовал за собаками, и Ривера поспешил вдогонку за ними, взяв фонарь. Сайлас надел головной прожектор. Их сопровождали пять хорошо вооруженных членов команды спецназа и офицер с мощным сигнальным фонарем, который посылал яркий луч света на сотню ярдов вперед.

Кинолог оказался крупным человеком с рыжей бородой, одетый в бейсболку «Рэд-Сокс» и в накинутый дождевик. Его звали Майк Кенни, и, казалось, он знал, что делает. Собаки тоже выглядели так, как будто они были заинтересованы в поимке убийцы. Кенни держал их обеих твердой рукой на длинных поводках. Собаки без колебаний шли по следу, уверенно ступая вперед, и тянули за собой Кенни.

Ривера продолжал следовать за командой спецназа, Сайлас держался рядом с ним. У него был водонепроницаемый GPS, который обещал показывать им, где точно они находятся.

— Есть хоть одна догадка, куда он направился? — спросил Ривера Сайласа.

— Он, кажется, рванул через болота. Это вывело бы его на остров Кроу.

— И что же там находится?

— Ничего, кроме карликовых сосен, песчаных дюн, руин и пляжа. Б***о***льшая часть острова — убежище дикой природы.

— Так о чем, в первую очередь, я должен знать?

Он посмотрел на свой GPS-навигатор, но, похоже, так и не смог сопоставить чистую зелено-желтую карту с дикой местностью, по которой они передвигались. Кенни и собаки исчезли в море осоки, сопровождаемые командой спецназа, и Ривера услышал впереди громкий лай. По мере того как они приближались, лай собак казалось, стал на порядок выше.

— Итак, — сказал Сайлас, — если он придерживается этого направления, то он направится к каналу Стакъярд.

— Который из них?

— Это главный приливной канал болота. Прилив заходит по нему особенно сильно. Мы сейчас находимся на отметке три четверти наступающего прилива, в то время как он сам сейчас достигает рекордных значений. Его скорость будет составлять пять-шесть узлов.

— Сможем ли мы перейти его вброд?

Сайлас фыркнул.

— Во время подобного прилива вы не сможете даже переплыть его.

— Значит, он там остановился? Или изменил направление?

— Если предположим, что убийца прошел здесь час или два часа назад, то прилив был намного ниже. Поэтому, возможно, он переплыл его. Нам же нужна лодка.

Ривера отругал себя за то, что не подумал об этом раньше. Он отцепил свою рацию и вызвал командный центр.

— Барбер, я хочу, чтобы ты спустил двух Зодиаков на воду, *как можно скорее* Отправь их по каналу Стакъярд. Ты найдешь его на обзорной карте.

Он описал, что ему нужно, и, используя свой GPS, отправил по электронной почте в командный центр путевые точки, где точно указал, куда нужно доставить лодки. По крайней мере, команда привезла трейлер с двумя зодиаками. Они будут спущены на воду через несколько минут на городской пристани, и — с их мощными двигателями и с попутным приливом — Ривера подсчитал, что для достижения ими точки рандеву потребуется меньше десяти минут.

— Там впереди канал, — сказал Сайлас.

Через мгновение Ривера и его люди оказались перед протокой. Он взглянул вперед на пятьдесят футов мощного, черного, стремительного потока, его поверхность бурлила опасными завихрениями и апвеллингом[102]. Ветер завывал над водой, сгибая камыши и принося с собой холодные капли дождя. Луч сигнального фонаря пронзил сумрак и осветил дальний берег, в грязи которого Ривера смог рассмотреть следы.

— Похоже, что он все-таки переплыл, — заметил Сайлас.

— Это будет той еще сукой — пришвартовать лодку к этому берегу.

Сайлас кивнул.

— У вас есть какие-нибудь соображения, почему он направился сюда? Кажется, он знает, куда идет.

Сайлас покачал головой.

Ривера указал на канал.

— Может быть, из-за чего-то подобного?

— Там всего лишь заросли болотной травы и несколько илистых отмелей.

Кенни теперь боролся с собаками, пытаясь оттащить их от кромки канала. Собаки лаяли, почти обезумев от разочарования, потому что им не позволяли прыгнуть в воду. Кенни, который до сих пор говорил с ними спокойным голосом, начал терять свое хладнокровие.

Ривера подошел к нему.

— У нас на подходе две лодки. Зодиаки.

— Черт побери, я очень надеюсь, что они скоро прибудут сюда, — ответил кинолог. — Я никогда не видел, чтобы собаки были так взволнованы.

Ищейки, словно в знак подтверждение, залаяли еще громче и еще сильнее натянули поводки. Кенни заговорил с ними резко. Между берегами мчался глубокий и сильный поток — горе любой собаке или человеку, который попадет в него.

Радио Риверы затрещало.

— Около полумили до вашей отправной точки, — доложил диспетчер. Ривера взглянул вверх по течению и через мгновение смог разглядеть сквозь дождь белый свет, а по бокам зеленый и красный.

— Кенни, — обратился он, — вы и собаки сядете в первую лодку. Мы возьмем другую.

— Хорошо.

— Будьте осторожны. Это будет немного трудно.

Ведущий зодиак вошел в луч сигнального фонаря, штурман провел лодку чуть дальше их позиции, а затем, надавил румпель вправо, разворачивая судно против течения и подводя ее к берегу на медленном ходу, двигатель слегка приподнялся и вспенил воду.

— Собаки пойдут первыми! — крикнул Ривера.

Лодка двигалась параллельно берегу, подходя ближе. Собаки, все еще сильно натягивающие свои поводки, не выглядели так, как будто знали, что делать. Кенни натянул поводки на себя и приказал:

— Прыжок! Вперед!

На мгновение показалось, что оба животных будут прыгать через резиновые борта одновременно, но затем — в последний момент — одно из них отступило. С криком Кенни и собака свалились в бурлящую воду.

— Спасательный круг! — закричал Ривера. — Брось ему спасательный круг!

Под резким светом фонаря Ривера увидел бледное лицо Кенни, уносимого течением. Неподалеку кунхаунд яростно и бесцельно греб: с выкатившимися глазами, визжащий от ужаса, колотящий лапами по воде. Собаку, натянувшую свою привязь, развернуло в мощном потоке, ее язык периодически вываливался, в то время как Кенни пытался подплыть к ней. Визг собаки превратился в отвратительное горловое бульканье, когда пилот Зодиака запустил двигатель и направился к Кенни, другая собака, находящаяся все еще в лодке, отчаянно лаяла и выглядела так, как будто собиралась в любой момент прыгнуть за борт. Через несколько секунд Зодиак приблизился к Кенни, и был брошен спасательный круг. Кенни ухватился за него, и его подтянули ближе, а затем пилот с помощником вместе затащили его на борт судна.

— Заберите собаку! — закричал он.

Пилот развернул лодку, пробираясь по бурлящей, вихрящейся, вспененной воде. Но до того, как они добрались до нее, собака ушла под воду. Последнее, что увидел Ривера — это гибкие уши и свисающий язык, сверкнувшие в свете сигнального фонаря, затем, в конце, две барахтающиеся лапы, которые быстро ушли под серую, бурлящую поверхность воды.

Кенни издал вопль отчаяния и вынужден был сдержаться, чтобы не прыгнуть за ней в воду. Лодка кружила и кружила, но собака так и не появилась снова.

Ривера передал по рации.

— Доставьте их на другой берег, — сказал он пилоту. — Мы должны продолжать, даже с одной собакой.

— Да сэр.

— Подгоните вторую лодку.

Второй Зодиак, который был слишком далеко, чтобы помочь, подплыл только сейчас и повернулся против течения, подплывая к берегу. Мужчины запрыгнули, Ривера сел последним, и они отправились через канал. Вскоре они зарылись носом в грязь дальнего берега рядом с первым Зодиаком, и в следующий момент сошли на землю.

— Моя собака! — кричал Кенни. — Нам нужно вернуться и искать мою собаку!

Ривера схватил его за руку и встряхнул.

— Твоей собаки больше нет. А нам надо продолжать работу.

Мужчина, продрогший, в пропитанной насквозь одежде, смотрел на него неуверенно. Он явно был не в той форме, чтобы продолжать. Ривера обратился к одному из своих людей.

— Ладно, отведи мистера Кенни обратно в командный центр. Мы забираем собаку.

— Нет, нет! — запротестовал Кенни. — Только я управляю собаками!

— Отведи Кенни обратно! — Ривера выхватил привязь. — Пошли.

Ривера оставил позади себя громко протестующего Кенни, и отряд отправился сквозь осоку. Сайлас, быстрый и тихий, продолжал идти рядом с ним. Оставшаяся собака снова взяла след и рвалась вперед с новым безумным лаем, ее сильные шаги практически утопали в земле, когда они продвигались.

— Похоже, что он определенно направился к южной оконечности острова Кроу, — сказал Сайлас.

— Да, но какого черта ему там понадобилось? — спросил Ривера.

— Ну что ж, если мы будем придерживаться этого же направления, то мы окажемся на руинах Олдхэма.

— Олдхэм?

— Старая рыбацкая деревня, которую смыло ураганом еще в 30-е годы. Там ничего нет, кроме подвальных ям и...

— И чего?

Сайлас насмешливо фыркнул.

— Это зависит от того, насколько вы верите — или не верите — легендам.

59

Констанс мгновенно напряглась, но тут же почувствовала теплое дыхание у самого своего уха, прошептавшее одно единственное слово:

— Алоизий.

Она расслабилась, и он отпустил ее.

— Мы должны выбираться отсюда, — прошептал он ей на ухо. — Не стоит сталкиваться с убийцей на его территории.

— Я вполне согласна, — сказала она, чувствуя себя неловко, несмотря на опасность сложившейся ситуации. — Но я потерялась.

— Как и я, к сожалению.

Это заявление искренне изумило Констанс.

— Ты потерялся?

— Меня... отвлекли. Ты знаешь, где убийца?

— Он прошел мимо несколько минут назад. Возможно, я смогу услышать его. Подожди минуту, — она замолчала. На самом краю слышимости ей удалось различить едва уловимые звуки, издаваемые существом: хриплое дыхание и тяжелую походку. Скорее всего, убийца был ранен. Звуки смещались туда и обратно, пока тварь искала своих жертв.

— Ты слышишь это? — спросила Констанс.

— Боюсь, что нет. Твой слух острее моего.

Дальше опять потянулась тишина, пока она прислушивалась. Звуки, искаженные туннелями, в конце концов, исчезли. Констанс ждала, но они больше не появились.

— Кажется, он отдалился от нас.

— Как я и боялся.

Она не стала спрашивать, чего он боялся, потому что знала: на этот вопрос он все равно откажется отвечать. Он, наконец, заговорил, продолжая шептать ей на ухо:

— У тебя больше опыта нахождения в темных туннелях, чем у меня. У тебя есть идеи, как можно отсюда выбраться?

Из его слов она поняла, что только она — после многих лет всех своих скитаний в подвалах и катакомбах особняка номер 891 по Риверсайд-Драйв — может найти путь на волю. Эта задача полностью ложилась на ее плечи.

— Одна, возможно, есть. Ты слышал о Джоне Пледже из Эксетера, Англия?[103]

— Нет. Пусть урок будет кратким.

— Пледж был энтузиастом, любившим выбираться из лабиринтов. Он придумал способ выбраться из самого сложного непересекающегося лабиринта. Человек начинает двигаться в произвольном направлении, держа руку на стене справа и считая повороты. После четырех поворотов, если все они находятся под прямым углом, нужно убрать руку со стены и продолжать движение в исходном направлении до другой стены…

Констанс почувствовала, как Пендергаст приложил палец к ее губам:

— Просто дай мне руку. Этого достаточного.

Она протянула ему руку, и он изумленно пробормотал:

— Твои руки скованны.

— Да. А твои мокрые. Это кровь?

— Это пустяк. Подержи руки навесу, пожалуйста.

Она почувствовала, что он работает отмычкой над ее «браслетами». Один раскрылся, затем другой.

— Ты ранен? — спросила она.

— Повторяю: *это пустяк*, — сказал он резко. — Не отвлекайся на это больше.

Через мгновение он вновь нарушил молчание.

— Прости мне мой резкий тон. Констанс… ты была права, а я ошибался. Здесь, в Эксмуте, происходили странные вещи на двух уровнях — один на гораздо более глубоком уровне зла, чем другой. Среди всех своих дел о серийных убийцах, с которыми я работал, ни с чем подобным я раньше не сталкивался. Поэтому я просто не увидел всего этого.

— Ничего страшного, — ответила она, чувствуя, как возвращается неловкость.

Он замешкался, словно собираясь сказать что-то еще, однако передумал и вместо этого просто сделал ей знак, чтобы она указывала путь.

Констанс направилась по коридору, касаясь стены одной рукой, а второй держа руку Пендергаста. Ступала она осторожно, делая пробные шаги. Туннели погрузились в тишину, звуки, издаваемые демоном, смолкли. Она продолжила следовать алгоритму Пледжа, считая повороты. Задача немного облегчалась из-за того, что почти все углы были прямыми.

Пендергаст вдруг замер.

— Воздух здесь свежее, — сказал он. — Меньше вони.

— Я заметила.

— Прислушайся снова, если тебе не трудно, — прошептал он.

Констанс прислушалась, стараясь расслышать любой звук, даже вибрацию от падающих капель воды, напрягая слух до предела.

— Ничего.

— Этого я боялся еще больше. Теперь я уверен: он затаился в ожидании. Логичнее всего было бы замереть у самого входа в эти туннели. Итак, вот, как мы поступим: я пойду первым. Он атакует. И когда он это сделает, я отвлеку его, пока ты пробежишь мимо. Мне придется быть в арьергарде.

— Ты прекрасно знаешь, что я не оставлю тебя.

— Если так, мы оба погибнем. Пожалуйста, сделай так, как я тебе сказал.

— У меня есть стилет.

— Дай его мне.

Она вытащила нож из складок своего платья и протянула ему.

— Дай мне обещание: ты пробежишь мимо и ни за что не остановишься.

— Хорошо, — солгала она.

Затем, как только Констанс собралась идти вперед, он замешкался.

— В чем дело? — спросила она.

— Это чертовски неудобный момент, чтобы сказать тебе это, но это должно быть произнесено.

Она почувствовала, как ее сердце забилось чаще.

— Ты должна подготовиться к противостоянию, Констанс.

— Я готова.

Он сделал небольшую паузу.

— Нет. Не к этому противостоянию. К другому.

— Я не понимаю.

— Если что-то случится со мной… ничего не предпринимай.

— Что ты имеешь в виду?

Пендергаст замер в темноте.

— Здесь кто-то был. Кто-то, кого, боюсь, я — *мы* — знаем очень хорошо.

В темноте Констанс ощутила пробежавший по ее спине холодок.

— Кто? — но по одному его тону она уже догадалась, кого именно он имел в виду. Холод внезапно сменился волной жара.

— Я обнаружил, что, что оковы существа и замок его тюремной двери были взломаны. Очень умно и незаметно. Зачем? Здесь есть извращенная логика… и я слишком уверен, что знаю, что это за логика.

— Это имеет отношение к той фигуре на дюнах?

Пендергаст помедлил с ответом.

— Да, но нет времени объяснять. Пожалуйста, послушай. Я полностью доверяю Проктору. Если со мной что-то случится, доверься ему. Он станет для тебя всем тем, что и я сейчас, будет твоим опекуном и защитником. И, я повторяю: неважно, что случится со мной, неважно, как это будет выглядеть… *ничего не предпринимай.*

— Но, Алоизий… — начала она, однако замолчала, когда вновь почувствовала, как его палец касается ее губ.

Пендергаст сжал ее руку и направил, чтобы она продолжила идти дальше по туннелю.

60

Они продолжали свой запутанный путь — поворот за поворотом. Через некоторое время Констанс заметила, что воздух стал прохладнее, и в нем

словно появилось какое-то движение: они, должно быть, подобрались очень близко к выходу. Однако, становясь свежее, воздух приобретал одновременно и странный неприятный запах — такой же неприятный запах исходил и от чудища.

Пендергаст, поняла Констанс, пришел к такому же заключению, потому что он остановился и — используя только прикосновение — указал ей, чтобы она заняла позицию позади него.

Двигаясь медленнее, в абсолютной тишине, они продолжили путь. Теперь они находились в длинном прямом туннеле, который, похоже, вел во внешний мир. Через минуту Констанс указала Пендергасту, что нужно остановиться, чтобы она могла прислушаться.

Она различила отдаленное тяжелое дыхание. Зверь, очевидно, пытался его контролировать, но не мог полностью подавить хрипы. Он находился где-то впереди. Констанс отметила его присутствие, слабым пожатием руки Пендергаста. Он в ответ тоже сжал ее руку, и это сообщило ей, что Пендергаст тоже услышал хрипы.

Он отпустил ее руку и начал осторожно и четко выводить буквы на ее ладони с кропотливой медлительностью:

НА СЧЕТ ТРИ Я БЕГУ

ТЫ — ЗА МНОЙ

Я ОТВЛЕКАЮ

ПРОДОЛЖАЙ БЕЖАТЬ

Она сжала его руку в знак понимания. Он удержал ее ладонь и начал по ней постукивать: 1, 2 и 3 — после чего в мгновение ока сорвался с места, тихий и быстрый, как летучая мышь в пещере. Она бегом последовала за ним, слепая, с вытянутыми вперед руками.

Внезапный рык расколол воздух прямо перед ней, затем послышался звук ножа, разрывающего плоть, как в мясном магазине, а затем глухой удар отчаянной борьбы и падение. Она пробежала мимо них и уже собралась остановиться, но в этот момент услышала окрик Пендергаста:

— Беги! Я прямо за тобой!

Они неслись сквозь темноту, все еще слепые, а через мгновение Констанс услышала, как существо с грозными рыками возобновило преследование. Казалось, что Пендергаст нанес ему мощнейший удар, но монстр явно быстро пришел в себя.

И тогда Констанс увидела впереди свет, перед ней материализовалась каменная лестница. Она остановилась и обернулась, чтобы убедиться, что Пендергаст бежит за ней.

— Не останавливайся! — крикнул он снова, бросившись мимо нее, взбежав по ступеням и пнув плечом железную пластину. Он открыл проход, и вытащил Констанс из ямы в руины Олдхэма. Когда они побежали к пляжу, Констанс услышала позади, как демон с жутким визгом врезался в металлическую пластину.

Они миновали дюны и достигли пляжа, когда демон догнал их. Пендергаст повернулся к нему со стилетом, предупредив Констанс, чтобы та продолжала бежать. Но вместо этого она остановилась и повернулась, чтобы увидеть, как демон и Пендергаст сошлись в смертоносном объятии жестокой схватки: Пендергаст с поднятым стилетом и Моракс — лишившийся теперь двух пальцев — пытающийся разоружить его при свете этого мрачнейшего предрассветного часа. Буря ослабла, но волны все еще бушевали, закручивались и поднимались на огромную высоту, после чего срывались вниз и накатывали на пляж. Воздух был насыщен морской водой.

Констанс замерла, на мгновение потеряв возможность реагировать. Она с ужасом увидела, что Пендергаст сильно ранен. Его рубашка была разорвана, на одной стороне лица сильно кровоточил глубокий порез. Демон изворачивался и отпрыгивал, стараясь занять главенствующую позицию в этой схватке, и, наконец, ему это удалось — он выбил стилет из рук Пендергаста и отшвырнул его в море. Он качнулся к агенту, замахнувшись рукой, Пендергаст уклонился от удара, но, явно ослабев от собственных травм, потерял равновесие. Демон жестоко ухватил его своей массивной рукой, разрывая его одежду и раздирая ее на окровавленные лоскуты.

Пендергаст отступил, и атаковал вновь. Демон парировал. Драка шла с попеременным перевесом, и оба сражавшихся старались как можно быстрее сокрушить противника. Пендергаст отступил в воду, словно у него была преднамеренная стратегия, дававшая ему преимущество. Но стратегия потерпела неудачу: мощным ударом Моракс сбил Пендергаста и опрокинул его лицом вниз в бушующую воду. Пока агент изо всех сил пытался встать на ноги, демон возвысился над ним и поднял массивную руку, готовясь к смертельному удару.

Констанс будто лишилась рассудка. В тихой ярости она помчалась по мокрому песку и запрыгнула на шею демона, пытаясь достать пальцами его глаза, губы и щеки, одновременно погрузив зубы в его шею. Тухлый, резиновый вкус плоти наполнил ее рот. Существо, удивленное свирепостью ее атаки, издало крик и, отвлекшись от Пендергаста,

закружилось на месте, пытаясь сбросить с себя Констанс, размахивая руками и периодически задевая и разрывая ее одежду. Однако она упорно висела на его спине. Повернув голову в сторону, она сплюнула плоть и укусила тварь снова, стремясь добраться до сонной артерии. Демон, ревущий от боли, направился, пошатываясь в сторону прибоя. Зеленая волна поднялась и обрушилась на них. В какой-то момент их обоих поглотила ледяная морская вода. Шок от удара волны ослабил хватку Констанс и оторвал ее от демона. Не умея плавать, она лихорадочно извивалась в пенящемся прибое, пока не почувствовала под своими ногами засасывающий песок. Тогда она осознала, что ее вынесло на пляж ослабевшей волной. Она ухватилась за песок и изо всех сил попыталась подняться, чтобы ее снова не утянуло в открытое море. В тот же миг она почувствовала, как песок ускользает из-под нее… но тут крепкие руки подхватили ее и поставили на ноги. Она увидела Пендергаста, смотревшего на нее и, видит Бог, он выглядел просто ужасно. Ужас отпечатался и в его глазах, и ей потребовалось мгновение, чтобы понять почему: погрузившись в пучину страха, она не сразу поняла, что все еще зажимает зубами второй кусок откушенной плоти демона.

Тем временем Моракс изо всех сил пытался выбраться из прибрежных волн, направляясь к ним. Покуда он медленно приближался к своим врагам, его лицо все сильнее искажалось болью и яростью. Пендергаст бросился между демоном и Констанс, и тварь снова сошлась с ним в зверской схватке, противники стали единым целым с треском ломающихся костей. С огромным усилием Пендергаст оттолкнул демона обратно в бушующий прибой, и в следующий миг они оба оказались погребены под гигантской волной.

Кипящая белая вода сбила Констанс с ног, она уцепилась за песок, чтобы не попасть обратно в открытое море, и на этот раз ей удалось удержаться на месте, пока волна не отступила. Почувствовав себя в безопасности, в затишье между волнами она поползла по пляжу.

Солнце взорвалось над горизонтом кровавым светом, бросая лучи на лицо Констанс Грин. Она неистово замигала. Все, что она могла видеть — это огромные малиновые волны, поднимающиеся одна за другой и с грохотом падающие вниз, чтобы подняться снова. А еще там, в волнах, она увидела демона. Он внезапно прекратил борьбу и с изумлением уставился на солнце, на его лице появилась искривленная улыбка, одна рука вытянулась, словно в попытке коснуться солнца, а указательный палец другой коснулся воды вокруг него, переменившей цвет из-за бегущей артериальной крови.

Но где же Пендергаст?

Где Пендергаст?

Констанс поднялась, истошно закричав:

— Алоизий! Алоизий!

Она напрягала зрение, вглядываясь в ослепительно оранжевую поверхность моря, а затем она увидела его, его бледное лицо показалось над водой и почти сразу же исчезло. Его руки едва двигались.

— Алоизий!

Она сделала несколько шагов в воду. Пендергаст отчаянно боролся, пытаясь плыть, но был явно слишком слаб и тяжело ранен, и сил его не хватало, чтобы преодолеть течение, быстро уносившее его прочь от берега.

— Алоизий!

Где-то, краем сознания, она смутно различила собачий лай.

Моракс рухнул в кровавый прибой.

Констанс споткнулась о воду, пробираясь к борющемуся Пендергасту, несмотря на свое неумение плавать и разорванное тяжелое платье, сильно мешавшее ее передвижениям.

— Остановите ее! — раздался голос из-за спины.

Внезапно с обеих сторон появились люди. Один крепкий мужчина схватил ее за плечи, другой обвил руку вокруг талии. Она попыталась вырваться, но они упорно тащили ее прочь из воды.

— Пустите меня! — закричала она.

Мужской голос ответил:

— Вы ничего не можете сделать.

Она боролась, как банши, крича и извиваясь.

— Вы, что, не видите его?! Он слишком слаб, чтобы плыть!

— Мы его видим. Вы вызываем спасательную шлюпку.

Она попыталась бороться снова и броситься обратно в воду, но откуда-то возникло еще больше мужчин, и, несмотря на ее дикую борьбу, им удалось вытащить ее из бушующего моря и вынести на берег, к дюнам.

— Он тонет! Во имя Господа, спасите его!

— Никто не сможет справиться с такими волнами, — ответил мужской голос.

— Трусы!

Появилось еще четыре человека в военной форме. Вместе группе удалось удержать Констанс на месте, хотя она извивалась, молотила ногами и плевалась им в лица.

— Я убью вас! Пустите меня!

— Господи, вот ведь дикарка! Не могу поверить, что требуется полдюжины мужчин, чтобы просто удержать ее!

— У нас нет на это времени. Несите аптечку.

Они прижали ее к песку. Она оказалась обездвижена, ее держали лицом вниз, и вскоре она ощутила жало холодной иглы, пронзившей заднюю часть ее бедра… и через секунду все сделалось для нее далеким и странным.

Эпилог

Ноябрь

Проктор тихо открыл двойные двери в библиотеку и позволил миссис Траск пройти с серебряным подносом, на котором стоял чайный сервис.

Комната была погружена в полумрак, ее освещал только тусклый свет от низкого пламени камина. Перед собой в кресле Проктор увидел неподвижную фигуру, слабо различимую при таком скудном освещении. Миссис Траск подошла к ней, поставила поднос на боковой столик рядом с креслом и заговорила.

— Я подумала, вы захотите чашечку чая, мисс Грин, — заботливо произнесла она.

— Нет, благодарю вас, миссис Траск, — тихим голосом отозвалась Констанс.

— Это ваш любимый чай. Жасминовый, первый сорт. Я также принесла вам несколько кексов. Я испекла их только сегодня в полдень — я помню, что вы их любите.

— Я не особенно голодна, — ответила она. — Спасибо за беспокойство.

— Хорошо, я просто оставлю их здесь на случай, если вы передумаете, — миссис Траск по-матерински улыбнулась, развернулась и направилась к выходу из библиотеки. К тому времени, как она поравнялась с Проктором, ее улыбка исчезла, и лицо приобрело беспокойное выражение.

— Я уеду всего на несколько дней, — тихо сказала она ему. — Мою сестру выпишут из больницы уже на следующей неделе. Вы уверены, что у вас все будет хорошо?

Проктор кивнул, а затем повернулся и молча проследилл за тем, как она семенит обратно на кухню, прежде чем снова обратить свой взгляд на фигуру в кресле.

Прошло больше двух недель с тех пор, как Констанс вернулась в особняк на Риверсайд-Драйв, 891. Она вернулась мрачная и безмолвная, без агента Пендергаста и не объяснила, что произошло. Проктору потребовалось время, терпение и огромное усилие, чтобы не начать вытягивать из нее детали истории. А сейчас, когда эта история начинала постепенно обретать смысл, он так до конца и не понимал, что же именно произошло. Что он знал наверняка, так это то, что огромный дом по каким-то причинам лишился присутствия Пендергаста. И этот дом изменился, изменился кардинально. Впрочем так же, как и Констанс.

Едва вернувшись из Эксмута, Констанс заперлась в своей комнате на несколько дней, а когда, наконец, вышла оттуда, она оказалась другим человеком: худощавым, полумертвым, жизнь едва теплилась в ее глазах. Проктор всегда знал, что она хладнокровна, сдержана и самоуверенна. Но в тот день, после того, как она вышла из своей комнаты, наполненная тревожной, бесцельной энергией, шагая по залам и коридорам, словно в поисках чего-то, она напугала его. У нее пропал интерес ко всем развлечениям, которые когда-либо захватывали ее: исследование родословной Пендергастов, изучение антиквариата, чтение, игра на вирджинале. После нескольких тревожных визитов от лейтенанта д’Агосты, капитана Лоры Хейворд и Марго Грин она отказалась кого-либо принимать. Похоже, она была — Проктор не знал, как выразить это лучшим словом — настороже. Единственные случаи, когда

она показывала искру своего старого «я», происходили во время телефонных звонков, или когда Проктор приносил почту. Всегда, всегда, он знал, она надеялась получить весточку от Пендергаста. Но ее не было.

Проктор приложил титанические усилия, чтобы собрать всю возможную информацию о его исчезновении. Поиск его тела длился пять дней. Поскольку пропавший без вести человек был федеральным агентом, были приложены исключительные усилия. Береговая охрана обыскала все воды у побережья Эксмута. Местные офицеры и национальные гвардейцы прочесали береговую линию от границы с Нью-Гэмпширом до мыса Энн, ища любые признаки присутствия Пендергаста — даже клочки одежды. Дайверы тщательно изучили скалы, куда тело могло занести течением, а морское дно было исследовано с помощью сонара. Но ничего не нашли. Дело оставалось официально открытым, однако вскоре работа по нему утратила активность. Хотя выводы звучали неубедительно, невысказанный вердикт гласил, что Пендергаст — тяжело раненый в битве с неопознанным существом — был унесен приливным течением и, ослабевший от ран, утонул в пятидесятиградусной[104] воде, а его тело унесло в открытое море.

Проктор подошел и сел рядом с Констанс. Она бросила на него короткий взгляд и слабо улыбнулась. Затем ее взгляд снова вернулся к огню. Мерцающий свет и тени играли на ее лице, отражались в фиалковых глазах и блестели на ее темных коротких волосах.

С момента ее возвращения Проктор взял на себя обязанность приглядывать за ней, зная, что именно этого хотел бы его наниматель. Ее беспокойное состояние вызвало в нем неожиданные защитнические чувства — иронично, ведь в нормальном своем состоянии Констанс Грин — последний человек, который стал бы искать от кого-то другого защиты. И все же сейчас, пусть Констанс и не говорила этого, она, казалось, была рада его вниманию.

Он решил еще раз попытаться вытянуть из нее подробности случившегося. В том числе и для того, чтобы освободить ее — хотя бы временно — от груза вины и утраты, который, он знал, лежал на ее плечах.

— Констанс? — мягко обратился он.

— Да? — отозвалась она, не отводя взгляда от огня.

— Я хотел бы узнать, не могли бы вы рассказать мне последнюю часть истории. Я знаю, вы уже говорили об этом раньше, но я все еще не до конца понимаю, что произошло — что *на самом деле* произошло — во

время той схватки с этим… существом по имени Моракс. Я хочу понять, кем он был, раз сумел… взять верх над мистером Пендергастом.

Долгое время она оставалась молчаливой. Наконец, она пошевелилась и, все еще глядя на огонь, заговорила:

— Я объясняла вам генетическую аномалию — рудиментарный хвост, который придавал Мораксу демонический вид. О том, как ведьмы и колдуны Эксмута улучшали эту генетическую аномалию в течение долгих лет, я толком ничего не знаю, но им удалось добиться того, чтобы черты лица этого существа тоже изменились, и он приобрел облик пса. Ведьмы были одержимы его сходством с изображением Моракса в старых гримуарах и на демонических гравюрах. Женщин из линии «заводчиков», если можно так выразиться, тщательно отбирали, держали взаперти в ужасных условиях, использовали для сатанинских ритуалов. Однажды Моракс освободился, и его главными жертвами и предметами внимания стали члены его ковена. Невиновные свидетели стали его случайными жертвами, они просто попались ему на пути, и он счел, что они ему помешали.

— Но… — Проктор пытался подобрать слова. — Как этот урод смог одолеть мистера Пендергаста?

Она взглянула на чайный сервис, прежде чем снова сфокусироваться на огне.

— Он не одолел Алоизия. Существо погибло.

— Но мистер Пендергаст…

— … *жив*, — резко закончила она его предложение, однако ее тон показался Проктору неуверенным. При этом напряжение, которое она демонстрировала с момента своего возвращения, вдруг исчезло.

Проктор глубоко вздохнул и снова попытался вернуться к истории:

— Но как этой твари удалось убить так много людей?

— Жестокое обращение, которое он перенес, превратило его в социопатического зверя. Разумеется, только одно могло удержать его под контролем — оковы и кнут. И это было обхождение, которое они применяли к нему снова и снова, давая ему обещание, что однажды они выведут его на свободу, чтобы он увидел солнце, почувствовал его тепло и свет. Похоже, он стал одержим этим. Когда он сбежал и попал в подземный лабиринт туннелей, а после выбрался в безлунную ночь, он

счел, что его обманули, и его гнев разразился снова, — она помолчала. — Хотя потом он все же получил желаемое... незадолго до смерти.

— Много же пользы ему это принесло.

Констанс выпрямилась в своем кресле.

— Проктор, к слову о подземелье... я решила уйти вниз.

Это заявление ошеломило его.

— Вы имеете в виду, туда, где вы жили раньше?

Она промолчала.

— Зачем?

— Чтобы... научиться принимать неизбежное.

— Почему вы не можете сделать это здесь, с нами? Констанс, вы не должны снова туда уходить.

Она повернулась и посмотрела на него с таким напряжением, что он оказался ошеломлен этим. Он понял, что переубеждать ее не стоит. По крайней мере, это говорило о том, что Констанс, наконец, признала, что Пендергаст погиб — это уже можно было считать прогрессом. Может быть.

Теперь она поднялась с кресла.

— Я напишу записку миссис Траск и объясню, какую одежду, и какие предметы первой необходимости нужно будет оставлять в служебном лифте. Я буду принимать одну порцию горячего в день — в полдень. Ставьте открытое блюдо в лифт.

Проктор тоже поднялся и взял ее за руку.

— Констанс, вы должны меня выслушать...

Она посмотрела на его ладонь, затем подняла взгляд к его лицу, и этот взгляд заставил его немедленно отпустить ее.

— Спасибо, Проктор, что уважаете мои желания.

Поднявшись на цыпочки, она снова удивила его, легко поцеловав в щеку. После она повернулась и, почти как лунатик, направилась в дальний конец библиотеки, где за ложным книжным шкафом скрывался

служебный лифт. Она открыла проход туда, проскользнула внутрь, закрыла за собой дверь и исчезла.

Проктор долго смотрел на то место, где она только что находилась. Это было безумием. Он покачал головой и отвернулся. Отсутствие Пендергаста бросило тень на особняк и на самого Проктора. Ему нужно было время, чтобы побыть одному и все обдумать. Он покинул библиотеку, пройдя по коридору, и открыл дверь, ведущую в его небольшую комнату, а затем вошел внутрь и закрыл ее за собой.

Он должен был решительнее возражать против ее плана. Теперь, когда Пендергаста нет, он — Проктор — в ответе за Констанс Грин. Но он знал, что не мог сказать ничего, что изменило бы ее решение. Он уже давно узнал, что против нее у него не было оружия, хотя он когда-то считал себя человеком, способным справиться с любой напастью. Он также должен был побеспокоиться о другом семейном деле: самым трудным было сообщить обо всем Тристраму, сыну Пендергаста, который учился в школе-интернате в Швейцарии. Он еще ничего не знал об исчезновении своего отца. Проктор просто надеялся, что со временем Констанс сможет принять этот факт и смириться с ним — и продолжить жить...

Рука в перчатке вырвалась из-за спины, обхватив грудную клетку Проктора и сжав ее с огромной силой.

Застигнутый врасплох, Проктор все же отреагировал инстинктивным резким движением, пытаясь освободиться от хватки злоумышленника, но человек ожидал подобной реакции и отразил ее. Тут же Проктор почувствовал, как острие иглы глубоко вонзилось в его шею. Он застыл.

— Любое движение неразумно, — прозвучал странный, шелковистый голос, который Проктор, будучи в глубоком шоке, узнал.

Он не двигался. Его ошеломило то, что человек — какой-либо человек — смог так легко одержать над ним верх. Как такое возможно? Он погрузился в своих мысли и стал невнимательным. Он никогда не простит себя за это. Особенно, потому что именно *этот* человек, как он знал, был величайшим врагом Пендергаста и, похоже, что он воскрес из мертвых.

— Вы гораздо лучше разбираетесь в искусстве физического боя, чем я, — продолжил мягкий голос. — Поэтому я взял на себя смелость внести в происходящее некоторые коррективы. То, что вы чувствуете в своей шее — это игла. Я еще не надавил на поршень шприца, в котором содержится доза тиопентала натрия[105]. *Очень* большая доза. Я попрошу вас один раз и только один: сигналом будет расслабление вашего тела. То, как вы

отреагируете сейчас, определит, получите ли вы дозу, которая сработает как простая анестезия… или которая убьет вас.

Проктор рассмотрел все варианты.

Он позволил своему телу расслабиться.

— Превосходно, — сказал голос. — Ваше имя Проктор, насколько я помню?

Проктор хранил молчание. Должна быть возможность изменить ситуацию в свою пользу — возможность всегда есть. Ему просто необходимо было время подумать.

— Я наблюдал за фамильным особняком некоторое время. Хозяин дома исчез — судя по всему, навсегда. Это смертельно удручает. Похоже, вы все должны носить траур.

Разум Проктора прокручивал разные сценарии. Он должен выбрать один и исполнить его. Ему просто нужно немного времени, всего несколько секунд…

— Не в настроении для беседы? Так же, как и я. У меня очень много дел, поэтому я говорю вам: *спокойной ночи*.

И тогда он почувствовал, что мужчина надавил на шприц. Проктор понял, что его время вышло, роковая секунда наступила, и, к собственному огромному удивлению, на этот раз он потерпел неудачу.

От переводчиков

По окончании столь долгой и кропотливой работы переводчикам хотелось бы тоже сказать вам пару слов. Эту традицию решено было перенять из книг, которые переводила Наталия Московских — в них так уж повелось, что она оставляла небольшие (*ремарка Натали:* или большие — это уж, как повезет) переводческие записки. Эдакую сцену за кадром, опись неудачных дублей, техническую подробность процесса работы с книгой. Читатели вольны, разумеется, пропускать этот кусок текста, т.к. к сюжету книги он не имеет никакого отношения, но некоторым, как стало известно по опыту, бывают интересны закадровые детали, поэтому для них переводчики предпочли все же оставить это здесь.

Для обеих переводчиц работа с книгами о Пендергасте не стала пробой пера. Наталия начала «промышлять» этим полтора года назад, решив проверить себя на прочность переводом неоконченной серии «Мэтью Корбетт» Р.Р. МакКаммона. С тех самых пор переводы начали отнимать огромную часть ее времени. “*Для меня «Пендергаст» стал уже седьмой по счету переводимой книгой, и после МакКаммона работа с этим текстом стала для меня глотком свежего воздуха, потому что у Роберта гораздо более заковыристые предложения и сложные образы, чем у Престона и Чайлда. С ними больше было сложностей с точки зрения именно писательского языка, терминологии и фактов, но с этим, как мне казалось, я могу успешно справиться*”, — вспоминает Натали. Но когда пришло время браться за перевод «Пендергаста», появилось определенное препятствие: книги уже начали переводить другие люди, и теперь основной задачей было попасть в эту команду, потому что бросать задачу перевода книг Престона и Чайлда Натали никак не хотела. И уж чего она точно не знала, так это того, как отреагируют на ее предложение о сотрудничестве. Написать она решила именно Елене, потому что сразу выделила ее как основного переводчика в команде, работавшей над «Голубым Лабиринтом».

“*Я думала написать Елене в стиле самого Пендергаста*”, — вспоминает Натали. — “*Подумала, что это будет пока наилучшим из возможных вариантов, потому что я человека лично не знала, и сложно было понять, какой именно подход нужно к ней подбирать, чтобы она точно взяла меня в команду. А ведь — боже мой! — КАК я хотела, чтобы меня взяли!!! Поэтому, почти зажмурившись, я нажимала кнопку “отправить”, и отправила самое вычурное из всех писем, которое только могла написать. По крайней мере, сейчас мне так кажется. Звучало оно так:*

Елена, добрый день!
Увидела Ваши переводы в группе Престона и Чайлда. Вы делаете очень большое дело, позволяя людям читать продолжение истории любимого героя. Искренне восхищаюсь Вашей работой!
На самом деле, пишу Вам не только лишь с целью выразить восхищение и почтение! Дело в том, что мы с Вами, считайте, коллеги по цеху. Я занимаюсь переводами последние года полтора, пока что мое внимание сосредоточено на творчестве Р.Р. МакКаммона — и, как и Вы — занимаюсь этим в качестве хобби, а не основной работы. Читала Ваш комментарий в группе —у нас с Вами весьма похожа мотивация к занятию переводами. Я вот скоро допереведу крайний вышедший роман МакКаммона и тоже хотела заняться творчеством Престона и Чайлда, но

Вы меня опередили. Посему хотела спросить, возможно, Вы хотите посотрудничать? Быть может, я смогу помочь Вам и вместе мы сможем выложить перевод в более краткие сроки —Вы писали, что ввиду занятости не можете заниматься переводами в желаемом Вами темпе. В 4 руки это может быть быстрее. К тому же, полагаю, что, вычитывая переводы друг друга, мы сможем запросто обходиться без корректоров и выдавать продукт, который запросто обскачет издательских переводчиков.
Прекрасно пойму, если Вы откажетесь, но все же решила предложить. А вдруг таки сотрудничество выйдет плодотворным! Думаю, что и в случае отказа все равно переведу /*эти книги — хоть бы и просто для себя. Мне они кажутся очень насыщенными, и как для любителя-переводчика, для меня это будет определенным испытанием на прочность. И все же мне показалось, что предложить для начала поработать вместе будет целесообразнее.
В общем, буду ждать вашего ответа.
С Уважением,
Наталия.

После отправки, я с замиранием сердца начала ждать ответа, даже не представляя себе, что происходит там, по другую сторону экрана...”

“*Всегда будучи ярой фанаткой этого удивительного дуэта авторов*”, — тем временем вспоминает Елена, — “*я никогда не думала, что окажусь по другую сторону переплета. И буду не только читать их захватывающие книги, но и переводить их. Нет, опыт переводов у меня, конечно, был и не маленький (с перерывами были переработаны 6 книг), но, поймите меня правильно, Чайлд и Престон — это гораздо более высокий уровень владения языком и словом, чем тот, с которым я обычно привыкла работать. Это как настоящая проверка на прочность, как спецназ в армии! Только представьте: огромное количество географических названий, исторических имен и фактов, научных термином, и идиом —не каждый профессиональный переводчик хорошо сделает подобную работу. А тут еще такая ответственность: меня же будет судить совсем не маленькая аудитория таких же фанатов, как и я.*

И всегда найдется тот, кто посчитает мою работу недостаточно хорошей. А такие читатели были и не мало, судя по отзывам о 14-ой книге серии. Нет, я не говорю, что мой перевод «Голубого лабиринта» был идеален, но в меру возможных сил и времени — он был вполне

нормален для любительского варианта. Тем более, над ним нас работало трое, и каждый переводчик был только сам за себя.

Так вот, весь этот негатив значительно охладил мой пыл к дальнейшей работе над этой серией. Но в душе все же продолжало гореть желание свершить сей подвиг. Да и на издательства, к сожалению, рассчитывать не приходилось.

И в этот самый переломный момент, когда я находилась на перепутье «Переводить или Не переводить», как снег на голову, мне поступило предложение о сотрудничестве от Натали. Вы бы видели...”— а вы видели, — *“какое большое сообщение она мне прислала, в подробностях описывая и соблазняя всеми плюсами возможной совместной работы в виде: перекрестной редактуры (что значительно уберет ошибки и повысит качество текста), работы в четыре руки (а не в две), соответственно и двойной экономии времени. И главную наживку она кинула в конце, цитирую дословно: «Думаю, что и в случае вашего отказа я все равно переведу эти книги — хотя бы просто для себя».*

Мимо такого вызова я не смогла пройти мимо, и тут же подумала: «Да это же ЗНАК свыше! Переводу быть!». И очень быстро согласилась, написав в ответ письмо не меньшего размера, ибо Натали поставила меня перед фактом, что она профи, переводит уже полтора года, и я тоже решила, так сказать, держать марку...”

Как нынче стало очевидно, сотрудничество началось и пошло очень плодотворно. У Престона и Чайлда очень четко и не туманно прописано каждое предложение, и работать с их текстом было, как играть на инструменте, имея при себе качественную партитуру, несмотря на некоторые сложности, которые встречались по ходу перевода. Замешаны они были в основном на терминологию, названия и некоторые, как это ни странно, сюжетные нестыковки, которые в этой книге встречались. Приходилось местами проводить целые расследования, чтобы добавить какой-либо термин или перевести то или иное слово. К примеру, переводчицы много бились над «илистыми отмелями» — mudflats; «осокой и солеросом» — в книги это была просто *salt grass;* «слепнями» — в книге слово *greenhead* носит более сленговый характер, и в городском словаре приводится множество вариантов его перевода. Пришлось перерыть даже демонологические справочники, чтобы добавить некоторые детали: например, в 26 главе, как заметила Елена, Пендергаст говорит, что нашел не все 4 медальона с демонами, а в 24-й внезапно обнаружил их все. Больше о демонах, которые этим медальонам, скажем так, покровительствуют, ничего не говорилось, эта деталь нигде не фигурировала — видимо, Престон и Чайлд добавили ее для антуража. Так или иначе, некоторых перечисленных демонов в мифологии переводчики не обнаружили, поэтому нашли такого,

который бы удовлетворял критериям книги, и вписали его имя в разговор Констанс и Пендергаста. (*Ремарка:* даже не знаем, стоит ли просить прощения за эту вольность. На наш скромный взгляд, это лучше, чем нестыковки, на которые не посчастливится смотреть американским читателям).

Несмотря на все сложности, совместная работа искренне вдохновляла обеих:

“*За все это прошедшее время ни разу не пожалела о своем согласии! Надеюсь, Натали со мной согласится, что дальнейшая наша совместная история оказалась эпичной”,* — улыбаясь, пишет Елена.

“Для меня работать в команде поначалу было довольно сложно”, — стыдливо потупив голову, сообщает Натали,— *“дело в том, что после МакКаммона я привыкла работать solo, и делить текст с коллегой мне было в новинку: советоваться, сверять имена и названия, признавать какие-либо свои недочеты, да и вообще что-то обсуждать по еще не готовому тексту. Но это эгоцентричное ощущение быстро оставило меня. Вскоре мы начали активно советоваться по любому поводу, да и мысли нас часто посещали одни и те же. Я искренне благодарна Елене за терпимость, потому как поначалу, мне кажется, мои жадные до текста замашки в работе проглядывались, но Лена проявила исключительную снисходительность к ним. А когда она впервые написала мне «Жду дальнейших ваших прорывов с боем сквозь дебри деревенского интернета. Ваш верный друг и коллега —Дуглас Престон!», она купила меня с потрохами, я уже понимала, что эта команда — надолго!”*

Работа кипела. Елена с улыбкой вспоминает переводческий процесс: “*Итак, наша команда с головой ушла в работу со скоростью 100 км/час, ой не так, 12 глав за 5 дней. За эти два месяца у нас было все — потерянные главы, сломанные компьютеры, непереводимые словосочетания (которые переводились нашими совместными дебатами и мозговыми штурмами), ляпы издательства (да-да, американские издательство очень много ошибаются), полное отсутствие времени на перевод (пришлось делать перерыв где-то дней на 10). Были даже нагоняи от шефов за несделанные задания, ибо время на фактической работе тратилось на перевод. Все и сразу не вспомнишь, но тем интереснее становилась наша совместная работа.*

Честно скажу, поначалу Натали взяла недосягаемую для меня скорость, чем заставила меня ускориться. А потом за нее это делало содержание книги, и я стала буквально наслаждаться процессом. Местами я даже забывала, что надо печатать перевод, и просто

бегло читала английский текст, желая узнать, чем же закончится очередная глава. Приходилось себя останавливать, и возвращаться к клавиатуре, ибо дело в первую очередь...”

Но если темпы работы еще можно было подогнать, ускорить или замедлить, то основной проверкой на прочность для этой работы стало сведение всех кусков в единый файл.

“*Был еще один интересный момент, который заставил меня хорошенько напрячься во время работы над «Багровым Берегом» — это стиль переведенных ранее книг. Дело в том, что у серии «Пендергаст» было огромное количество переводчиков. Чуть ли не каждый том переводил новый человек (кстати, почти всегда женщины, что занимательно). И у каждого из них стиль был своим, они не пытались копировать друг друга. Да, это было несущественное различие от книги к книге, но я почему-то улавливала его и, начав работу над «Багровым Берегом», невольно задумалась — а чьему стилю следовать-то, чтобы у читателя не резало глаз? Следовать своему собственному писательскому в таком деле — штука неблагодарная, у меня стиль все-таки существенно отличается от стиля Престона и Чайлда, поэтому получилась бы «какая-то другая книга», а не продолжение серии. Большой сложностью стало скомпоновать текст в примерно похожий стиль, особенно — особенно! — при учете командной работы*”, — пишет Натали.

“*Контрольной проверкой для нашей команды стало соединение двух половинок книги — её и моей — в одну. Процесс протекал сложно: у нас были довольно разные стили изложения, разные варианты перевода одних и тех же имен и названий, и даже разное оформление. Так что пришлось потрудиться, но результат того стоил*”, — делится впечатлениями Елена.

В итоге основной задачей стало подготовить качественный, наиболее приближенный к издательскому переводу текст. Да, опечатки и описки — дело неминуемое при отсутствии редактора без замыленного глаза, но редакторские услуги стоят денег, и такие траты слишком существенно ударили бы по кошельку, особенно при учете того, что вся эта работа ведется для нас на общественных началах.

По окончании всех этих долгих трудов, обе переводчицы поделились финальными впечатлениями, и уважаемые читатели могут заметить в них некоторые общие тенденции.

“*У нас сейчас настолько слаженная команда, что в планах нас ждут еще три книги этого великолепного дуэта”* — пишет Елена. — *“Благо, они уже написаны и имеются в свободном доступе, так что наших*

новых творений вам осталось ждать совсем недолго. Фактически, конечно, творения принадлежат Чайлду и Престону, а мы же просто изложим их на русском языке в переработке Натали и Елены. Ну чем ни два дуэта?”

“*За себя скажу, что мне очень импонирует эта серия, она вызывала у меня восторг с первых книг и не отпускает вот уже 15й том подряд, поэтому я счастлива, что умудрилась подключиться к работе, да и еще в такой крутой команде! Поэтому, надеюсь, вам понравилось то, что мы сделали с этой книгой. Мы действительно вложили в нее много сил и вложим еще больше. Уже совсем скоро*”, — добавляет Натали.

Засим ваши народные переводчики не прощаются с вами, но говорят «до свидания»! Спасибо всем, кто был с нами и поддерживал нашу работу. Мы будем рады стараться для вас и дальше — в новых книгах серии «Пендергаст», а там — как знать! Может, и в других книгах тоже.

Искренне ваши

Натали Московских и Елена Беликова.

1

Вирджинал — клавишный струнный музыкальный инструмент, разновидность клавесина. Получил широкое распространение в Англии XVI—XVII вв.

2

«**Пробуждающийся Раб**» — мраморная скульптура работы Микеланджело, созданная в 1536 году и относящаяся к направлению *Высокого Возрождения*.

3

Вертикальная коллекция — набор вин одного наименования, но разных годов урожая, произведенных одной винодельней.

4

Эндрю Ньюэлл Уайет — американский художник-реалист. Один из известнейших представителей изобразительного искусства США XX века.

5

Mirepoix — мирпуа или «суповая зелень». Овощная смесь в европейской кухне, названная в честь герцога де Мирпуа. Смесь из корнеплодов (морковь, брюква, корень сельдерея, корень петрушки), луковых (порей, репчатый лук) и столовой зелени (петрушка, листья сельдерея, тимьян и др.), которая добавляется в бульон для придания ему аромата. Овощи в различных комбинациях в зависимости от рецептов национальной кухни добавляются в бульон целиком или мелко порезанными, затем удаляются из него, либо в порезанном виде добавляются в жаркое и развариваются для получения ароматного и густого соуса.

6

Имеется в виду **Эдгар Алан По** — американский писатель (1809—1849), создатель формы современного детектива и жанра психологической прозы.

7

«**Бочонок Амонтильядо»** – Рассказчик, Монтрезор, повествует о своей смертельной мести своему другу, Фортунатто, который якобы унижал его. Месть заключается в замуровывании в стену.

8

«Ради всего святого, Монтрезор» — последняя фраза Фортунатто, перед тем, как Монтрезор окончательно замуровывает его, в финале рассказа Эдгара По «Бочонок Амонтильядо».

9

Нью-Йорк Янкиз (англ. **New York Yankees**) — профессиональный бейсбольный клуб, базирующийся в Бронксе, одном из пяти районов города Нью—Йорка.

10

Бостон Ред Сокс (англ. Boston **Red Sox**) — профессиональная бейсбольная команда, базирующаяся в Бостоне, штат Массачусетс.

11

Йомен — в феодальной Англии так называли свободных мелких землевладельцев, которые, в отличие от джентри (представителей

нетитулованного английского мелкопоместного дворянства), самостоятельно занимались обработкой земли.

12

Амиши — религиозное движение, зародившееся как самое консервативное направление в меннонитстве (разновидность анабаптизма) и затем ставшее отдельной протестантской религиозной деноминацией. Амиши отличаются простотой жизни и одежды, нежеланием принимать многие современные технологии и удобства.

13

Опалесценция — оптическое явление, заключающееся в резком усилении рассеяния света чистыми жидкостями и газами при достижении критической точки, а также растворами в критических точках смешения. Причиной является резкое возрастание сжимаемости вещества, сопровождающееся усилением флуктуационной плотности (в том числе и микрочастиц в растворах), на которых и происходит рассеяние света.

14

Outpost — в переводе это значит «аванпост», «сторожевой пост», «отдаленное поселение», «застава».

15

Nurero uno (*итал.*) — номер один.

16

Précise (франц.) — детали.

17

7&7 — алкогольный коктейль. Для его приготовления стакан заполняется льдом, поверх наливается виски, практически доверху наливается содовая, после чего содержимое слегка перемешивается.

18

Schadenfreunde — злорадство (нем.)

19

Великий новоанглийский ураган 1938 года — один из немногих сильных ураганов, наносивших удар по Новой Англии. По оценкам, ураган убил от 682 до 800 человек, разрушил или значительно повредил 57 тыс. домов и нанес ущерб в 306 млн. долларов США. Сейчас этот ураган остается сильнейшим в истории Новой Англии.

20

«Летучий голландец» — легендарный парусный корабль-призрак, который не может пристать к берегу и обречён вечно бороздить моря. Обычно люди наблюдают такой корабль издалека, иногда в окружении светящегося ореола. Согласно легенде, когда «Летучий голландец» встречается с другим судном, его команда пытается передать на берег послания людям, которых давно уже нет в живых. В морских поверьях встреча с «Летучим голландцем» считалась плохим предзнаменованием.

21

«Мария Целеста» — корабль, покинутый экипажем по невыясненной причине и найденный 4 декабря 1872 года в
400 милях от Гибралтара кораблём «Деи Грация» (Dei Gratia). Классический пример корабля-призрака.

22

Драгер — небольшое моторное рыболовное судно.

23

Сейнер — рыбопромысловое судно для лова рыбы снюрреводом или кошельковым неводом, который также может называться сейной.

24

Каботажник (фр. *cabotage*) — коммерческое грузовое или пассажирское судно, плавающее между морскими портами одного и того же государства.

25

Бета-Радиометрия — совокупность методов измерения активности источников ионизирующего излучения.

26

Масс-спектрометрия — физический метод измерения отношения массы заряженных частиц материи (ионов) к их заряду.

27

Контаминация — попадание в определенную среду примеси (напр., токсичного вещества или др. штамма микроорганизмов), изменяющей свойства данной среды, а также загрязнение кожи и слизистых оболочек организма.

28

Марсовый матрос — на парусных судах флота разряд матросов, которые во время управления парусами находятся на мачтах, по марсам, салингам; во время взятия рифов, постановки парусов и т. д. они расходятся по реям.

29

«И старость в угол зашвырнет меня» — цитата из пьесы У. Шекспира «Как Вам Это Нравится», акт 2, сцена 3.

30

«**Он был побежден, но не сломлен и не покорен»** — цитата из романа Дж. Лондона «Зов Предков».

31

«Назло Фортуне, сотрясая меч, дымящийся кровавою расправой, как друг отваги, прорубал дорогу к лицу холопа...» — цитата из пьесы У. Шекспира «Макбет», акт 1, сцена 2. Перевод М. Лозинского.

32

Кракатау — действующий вулкан в Индонезии, расположенный на Малайском архипелаге в Зондском проливе, между островами Ява и Суматра. Площадь островов 10,5 км^2. Высота нынешнего вулкана 813 м.

33

Приятно расположен этот замок! И самый воздух, ласковый и легкий, смягчает ваши чувства — цитата из пьесы У. Шекспира «Макбет», акт 1, сцена 6. Превод М. Лозинского.

34

Правило Миранды — юридическое требование в США, согласно которому во время задержания задерживаемый должен быть уведомлен

о своих правах, а задерживающий его офицер органов правопорядка обязан получить положительный ответ на вопрос, понимает ли он сказанное. Правило Миранды возникло в следствие исторического дела «Миранда против Аризоны» и названо именем обвиняемого Эрнесто Миранды, чьи показания были исключены из материалов дела как полученные в нарушение пятой поправки. Миранда, тем не менее, был осужден на основании других материалов дела.

35

Тропинки скрестились в лесу… — Отсылка к стихотворению Р. Фроста «Другая Дорога» (The Road Not Taken) «Со вздохом припомню, годы спустя, Как чаша весов в равновесье застыла: **Тропинки скрестились в лесу**, и я — Пошел по заброшенной. Может быть, зря… Но это все прочее определило». (перевод В. Черешни).

36

à la minute — (*франц.*) за минуту

37

Бер-манье — специальный густой французский соус, изготовленный на основе муки и сливочного масла.

38

Nappe — *(франц.)* скатерть.

39

Filets de Poisson Bercy aux Champignons — филе рыбы под белым соусом с грибами.

40

Filets de Sole Pendergast — филе палтуса а-ля Пендергаст.

41

Scene-of-Crime-Officer, SOCO — офицер британской полиции, собирающий улики на месте преступления. Часто упоминается как Forensic Scene Investigator — **Следователь на Месте Преступления**.

42

Crime Scene Investigation — название вымышленной криминалистической лаборатории (по аналогии с *Crime Scene Analysis*, реальным подразделением полиции Лас-Вегаса) из американской телефраншизы («CSI: Место преступления» и др.)

43

Chacun à son goût — У каждого свой вкус (фр.)

44

Lack of goût — Отсутствие вкуса (фр.)

45

Миз — (англ. Ms.). «Госпожа». Нейтральное обращение к женщине в англоязычных странах. Ставится перед фамилией женщины как замужней, так и незамужней — в том случае, если ее положение неизвестно или она сознательно подчеркивает свое равноправие с мужчиной. Это обращение появилось в 1950-х годах, а в употребление вошло в 1970-х по инициативе феминистского движения.

46

Лондонский «Ллойд» или просто «**Ллойд**» — известный рынок страхования, называемый иногда (ошибочно) страховой компанией. Представляет собой место, где встречаются андеррайтеры со страховыми брокерами для заключения договоров страхования и перестрахования.

47

Договор фрахтования — договор, согласно которому судовладелец обязуется за обусловленную (арендную) плату предоставить фрахтователю судно и услуги членов экипажа судна в пользование на определенный срок для перевозок грузов, пассажиров или для иных целей торгового мореплавания.

48

Уорикшир — церемониальное графство в Великобритании, расположенное в центральной части Англии в регионе Западный Мидленд. Площадь составляет 1975 км2.

49

«Во все тяжкие» — (англ. «Braking Bad»). Популярный американский телесериал, транслировавшийся с 20 января 2008 года по 29 сентября

2013 года по кабельному каналу АМС с Брайаном Крэнстоном и Аароном Полом в главных ролях.

50

Quod erat demonstrandum — Что и требовалось доказать (*лат.*)

51

Cum hoc, ergo propter hoc — «”Все, что случается после этого” значит “вследствие этого”» (*лат.*). Обозначение логической ошибки.

52

Стелс — от англ «Stealth». Технология или комплекс мероприятий по снижению заметности объекта в радиолокационном, инфракрасном и других областях спектра обнаружения.

53

Сегвей — электрическое самобалансирующееся транспортное средство с двумя колесами, расположенными по обе стороны от водителя, внешне напоминающее колесницу. Изобретено Дином Кейменом, название транспортного средства происходит от названия музыкального термина «сегве», что означает «следуй за». По-другому можно называть его самокатом или скутером.

54

Ковен — традиционное обозначение сообщества ведьм, регулярно собирающихся для совершения обрядов или отправления на ночной шабаш. В современной новоязыческой религии викка это слово используется для обозначения группы верующих.

55

Викка (англ. Wicca) — западная неоязыческая религия, возникшая в середине XX века в Англии, основанная на почитании природы.

56

Adieu — Прощай (фр.)

57

Квикег — персонаж романа Ч. Диккенса «Моби Дик». Дикий гарпунёр. Измаил впервые встречает его в третьей главе романа и пугается его

дикого внешнего вида, странной татуированной кожи и языческих религиозных ритуалов.

58

Atropa Belladonna — Белладонна (Красавка обыкновенная, Красуха, Сонная Одурь). Многолетнее травянистое растение, вид рода Красавка (Atropa) семейство Паслёновые (Solanaceae).

59

Юлия Августа Агриппина — жена императора Тиберия Клавдия Цезаря Августа Германика. Отравила своего супруга, освободив тем самым дорогу к престолу для своего сына Нерона (Тиберия Клавдия Нерона Германика).

60

Румпель — часть рулевого устройства судна, рычаг, посредством которого поворачивают руль.

61

Ол Эвинруд (норв. *Ole Evinrude*; 1877—1934) — норвежско-американский изобретатель, автор подвесного лодочного мотора.

62

Остра́кон (*др. греч.* — глиняный черепок) — черепок глиняного сосуда, а также реже морская раковина, яичная скорлупа, осколок известняка или сланца.

63

Fasciculus Chemicus *(лат.)* — антология алхимических сочинений.

64

Квинкунс — так называется фигура, образованная пятью точками на игральной кости.

65

Malleus Maleficarum — трактат по демонологии и надлежащим методам преследования ведьм, написанный на латыни в 1486 гоу католическим приором, доминиканским инквизитором Генрихом

Крамером и деканом Кёльнского университета, инквизитором Якобом Шпренгером.

66

Formicarius (1435-1437) — трактат, написанный доминиканским монахом Иоганном Нидером; стал первым церковным документом, утверждавшим, что для колдовства достаточно лишь продаться сатане, а занимаются этим в основном женщины.

67

De la demonomanie des sorciers («***Одержимость ведьм***» — *франц.*) — трактат, написанный Жаном Боденом в 1580 году в Париже.

68

«Lemegeton Clavicula Salomonis», «Малый ключ Соломона» или **«Лемегетон»** (от лат. *Lemegeton Clavicula Salomonis*) — один из наиболее известных гримуаров, содержащих сведения о христианской демонологии.

69

«**Некрономикон»** — был написан безумным арабским поэтом Альхазредом в Дамаске около 720 года. Первоначальное название книги звучит как Аль-Азиф (*араб.*) - звуки, издаваемые цикадами и другими ночными насекомыми, которые в фольклоре часто именуются беседой демонов. Среди прочего в книге содержатся имена Древних и их история, а также методика их призыва.

70

Hermès Birkin — сумка «Биркин», знаменитая модель дамской сумки торговой марки Hermès. Стоимость ее начинается от 9000 долларов США, но может достигать и шестизначных чисел, если сумка выполнена из кожи экзотических животных или инкрустирована драгоценными камнями.

71

Остина́то — метод и техника музыкальной композиции, многократное повторение мелодической фразы (мелодическое **остинато**), ритмической фигуры (ритмическое **остинато**) или гармонического оборота (гармоническое **остинато**).

72

Улун (*кит.* — тёмный дракон) — полуферментированный чай, который по китайской классификации занимает промежуточное положение между зелёным и «красным» (то есть чёрным).

73

«**Похищенное письмо**» — рассказ американского писателя Эдгара Аллана По, повествующий о том, что для того, чтобы что-то хорошо спрятать, лучше это и вовсе не прятать, т.е. оставить на видном месте.

74

Семья Камполин из Маниаго является уникальным производителем автоматических ножей. Производство ножей — это семейный бизнес Камполин.

75

Инбридинг — скрещивание близкородственных форм в пределах одной популяции организмов.

76

Элювий — рыхлые геологические отложения, накопившиеся на месте своего образования.

77

«Панч» — британский еженедельный журнал юмора и сатиры, издававшийся с 1841 по 2002 год.

78

Зюйдвестка — мягкая шляпа из непромокаемой материи с широкими полями, откидывающимися спереди.

79

Теодолит — прибор для измерения горизонтальных и вертикальных углов при топографической съемке, геодезических и маркшейдерских работах в строительстве и др. Теодолит также может быть использован для измерения расстояний нитяным дальномером и для определения магнитных азимутов с помощью буссоли.

80

Типи — повсеместно принятое название для традиционного переносного жилища кочевых индейцев Великих Равнин. На языке сиу «thipi» означает любое жилище.

81

Нактоуз — ящик, в котором располагается судовой компас и другие навигационные инструменты.

82

Лотлинь — специальная веревка (линь), на которой подвешивается груз (лот) для измерения глубины.

83

Виски Дьюарс — один из самых известных купажированный шотландский виски, самый популярный виски в США, занимает шестое место в рейтинге самых популярных виски в мире.

84

Саронг — традиционная мужская и женская одежда ряда народов Юго-Восточной Азии и Океании. Представляет собой полосу цветной хлопчатобумажной ткани, которая обёртывается вокруг пояса (или середины груди — у женщин) и прикрывает нижнюю часть тела до щиколоток, наподобие длинной юбки.

85

Сто ярдов — 91,44 метра.

86

Рэй-Бэн» (англ. *Ray-Ban*) — бренд солнцезащитных очков и оправ для корректирующей оптики.

87

Декантирование (декантация) вина — зрелые вина нуждаются в декантации для отделения пигментационного осадка, выпавшего со временем хранения на дно бутылки. При переливании из бутылки в декантер (специальный графин) сомелье традиционно отслеживает приближение осадка к горлышку бутылки в свете восковой свечи.

88

Après toi — за тебя (франц.).

89

Recherché (франц.) — изысканный.

90

Goût de terroir (франц.) — вкус земли.

91

Outré — возмутительных (*франц.*)

92

Карриер & Айвз — фирма Натаниэля Карриера (1813-1888 гг) и Джеймса Айвза (1824-1895 гг). Н. Карриер и Дж. Айвз — литографы, специализировавшиеся на картинах американского быта. Изображали различные события американской жизни, стихийные бедствия, сенсации и т.д. в течение пятидесяти лет совместной работы. С появлением фотографии литография утратила свое значение, и фирма «Карриер-энд-Айвз» прекратила свое существование в 1907году.

93

Пандемониум — столица Ада в поэме Джона Мильтона «Потерянный Рай».

94

Полицейский код 10-33 — «Emergency, all units stand by», «Внимание, всем подразделениям быть наготове».

95

11 сентября — имеется в виду 11 сентября 2001 года, когда произошла серия четырех координированных самоубийственных террористических актов, совершенных в США членами террористической организации «Аль-Каида».

96

MRAP — Mine Resistant Ambush Protected. Колесные бронемашины с усиленной противоминной защитой.

97

BearCat — американские палубные истребители.

98

Иероним Босх — нидерландский художник, один из крупнейших мастеров периода Северного Возрождения. Считается одним из самых таинственных живописцев в истории Западного искусства. Прежде считалось, что «чертовщина» на полотнах Босха носит лишь развлекательный характер. Современные ученые же находят в наиболее глубинный смысл, выдвигая различные гипотезы об истоках данных мотивов в творчестве художника.

99

Боевой кинжал Ферберна-Сайкса — самый известный кинжал периода Второй мировой войны, разработанный Уильямом Ферберном и Эриком Сайксом. Кинжал окружен многочисленными легендами, сегодня он является предметом коллекционирования, многие фирмы по всему миру производят его копии и реплики; на его основе разработано значительное число современных боевых ножей и кинжалов.

100

16 размер обуви (США) – 48 размер (Россия) или 31 сантиметр.

101

Редбон кунхаунд (красный кунхаунд, красная енотовая гончая) — Охотничья порода собак, с которыми ходят на енота, лису, медведя, пуму. Выведена в Джорджии, США в результате скрещивания местных американских гончих с английским фоксхаунд.

102

Апвеллинг (или **подъём)** — это процесс, при котором глубинные более холодные воды океана поднимаются к поверхности и замещают более теплые.

103

Джон Пледж — прославился тем, что в двенадцатилетнем возрасте придумал алгоритм выхода из лабиринта по методу следования стене. Алгоритм Пледжа, предназначенный для обхода препятствий, требует произвольно выбранного направления. Когда встречается препятствие, одна рука (например, правая) удерживается вдоль препятствия, а углы считаются при повороте. Когда человек снова возвращается к исходному направлению, а угловая сумма сделанных поворотов равняется нулю,

человек уходит от препятствия и продолжает двигаться в исходном направлении.

104

50 градусов по Фаренгейту примерно равно 10 градусам по Цельсию.

105

Тиопентал натрия — средство для негналяционного наркоза ультракороткого действия. Замедляет время закрытия ГАМК-зависимых каналов на постсинаптической мембране нейронов головного мозга, удлиняет время входа ионов хлора внутрь нейрона и вызывает гиперполяризацию его мембраны.